

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

1984

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

5

Сентябрь—Октябрь

1984

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

В. П. Алексеев (Москва). Формирование взглядов Чарлза Дарвина на происхождение человека в период подготовки эволюционной теории	3
Л. А. Тульцева (Москва). О некоторых социально-этнических аспектах развития обрядово-праздничной культуры в Узбекистане	15
А. И. Карагодин (Запорожье). Дуальная организация у приволжских калмыков	25
А. Я. Гуревич (Москва). Этнология и история в современной французской медиэвистике	36
А. Б. Островский (Ленинград). Анализ мифов К. Леви-Стросса: первобытное мышление и этнографический контекст	48
И. М. Золотарева, Г. В. Лебединская, Н. К. Морозова (Москва). Опыт сопоставления краниологического материала и современного населения по некоторым признакам соматологической характеристики	59

Дискуссии и обсуждения

М. М. Громыко (Москва). Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций	70
---	----

Из истории науки

И. И. Земцовский (Ленинград). Академик Б. В. Асафьев как этномузыковед (К 100-летию со дня рождения)	81
--	----

Сообщения

В. В. Сажин (Харьков). Определение компактности расселения этносов	94
Р. З. Ризванов (Кусары, Азербайджанская ССР). Из ономастики лезгин	97
Д. Д. Тумаркин (Москва). К истории топонима Берег Маклая	102
М. Ф. Чигринский (Ленинград). О негритосах Тайваня	107

Поиски, факты, гипотезы

В. В. Покшишевский (Москва), М. В. Осорина (Ленинград). Рисуют дети разных народов	114
--	-----

У нас в гостях

зарубежные этнографические журналы

З. Мусят (Бауцен, ГДР). Ежегодник «Летопись» (серия «С») и этнография лужичан (К 30-летию «Летописи»)	125
---	-----

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

Наши юбиляры

Список основных работ доктора исторических наук В. И. Козлова (К 60-летию со дня рождения)	132
--	-----

Научная жизнь

В. Фролев (Брно). Работа Международной Комиссии по изучению народной культуры в области Карпат и Балкан (К 25-летию Комиссии)	139
М. В. Байкова, И. М. Кузнецов (Москва). Всесоюзная научно-практическая конференция «Диалектика национального и интернационального в духовном мире советского человека»	141
Н. В. Юхнева (Ленинград). Конференция «Этнография Петербурга — Ленинграда»	144
Коротко об экспедициях	146

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

А. М. Дубянский (Москва). Исследования советских ученых по дешифровке протоиндийских текстов	148
А. З. Розенфельд (Ленинград). Новые работы по этнографии Средней Азии	152
Т. М. Акимова (Саратов). Русская устная народная драма и русский народный театр в исследованиях советских фольклористов конца 70-х годов	154
А. Д. Дридзо (Ленинград). Новая литература об индийцах Тринидада	160

Народы СССР

Я. В. Чеснов (Москва). Е. М. Малия, Л. Х. Акаба. Одежда и жилище абхазов (Материалы для историко-этнографического атласа Грузии)	166
П. М. Кожин (Москва). С. А. Арутюнов, И. И. Крупник, М. А. Членов. «Китовая аллея»: древности островов пролива Сенявина	168

Народы Африки

В. М. Платонов (Ленинград). С. Б. Чернецов. Эфиопская феодальная монархия в XIII—XVI вв./Отв. ред. Д. А. Ольдерогге	170
---	-----

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, И. Л. Андреев, С. А. Арутюнов,
С. И. Брук, Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробужева,
Т. А. Жданко, А. А. Зубов, Р. Н. Исмаилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель
(зам. главн. редактора), А. А. Леонтьев, Б.-Р. Логашова, Г. Е. Марков,
А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора),
П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, С. А. Токарев,
Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036 Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19.
телефоны: 126-94-91, 123-90-97

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

В. П. Алексеев

ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ ЧАРЛЗА ДАРВИНА НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ

Посвящается 175-летию со дня рождения Дарвина и 125-летию выхода в свет его книги «Происхождение видов», в корне преобразовавшей биологическое мышление.

I

Выяснение взглядов Чарлза Дарвина на многие частные вопросы эволюции и этапы их формирования имеет не только узкоспециальный интерес. Его теория оказала такое влияние на всю биологию и смежные с биологией области естествознания, что в данном случае любые изыскания перерастают узкие рамки биографии ученого и перекликаются с разработкой общих проблем эволюционного учения. В 1950-х годах наши знания о жизни Дарвина значительно пополнились как документальными материалами, так и основанными на этих фактических данных исследованиями.

Прежде всего громадное значение имеет все то, что написано Дарвином о себе самом и что оставалось неопубликованным. Это «Воспоминания о развитии моего ума и характера (Автобиография)» и «Дневник, 1838—1881 годы»¹, отдельные автобиографические заметки, в основном о юности и молодых годах², и особенно важные для понимания взглядов и интересов молодого Дарвина записные книжки 1827—1838 гг.³. Представляют интерес и специальные биографические сочинения, посвященные университетским годам великого биолога⁴. Исключительно велики в этой области заслуги С. Л. Соболя, исчерпывающие по полноте исследования которого прояснили многие спорные и темные места как в биографии Дарвина, так и в истории его творчества⁵. В истории советской биологии деятельность С. Л. Соболя сыграв-

¹ Дарвин Ч. Воспоминания о развитии моего ума и характера (Автобиография). Дневник работы и жизни. М.: Изд-во АН СССР, 1957; The Autobiography of Charles Darwin. 1809—1882 (with original emissions restored)/Ed. with appendix and notes by his grand-daughter Barlow Nora. L., 1958. См. также: Дарвин Ч. Соч., Т. 9. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 128—150; 166—242; 398—408; 413—439.

² Charles Darwin and the Voyage of the «Beagle» (unpublished letters and notebooks)/Ed. by Barlow N., L., 1945; Дарвин Ч. Путешествие на корабле «Бигль». Письма и записные книжки (по неопубликованным рукописям издала и комментировала Нора Барлоу). М.: Изд-во иностр. лит., 1949.

³ Asworth J. H. Charles Darwin as a Student in Edinburg, 1825—1827. Proceedings of the Royal Society of Edinburg, v. IV, p. II, 1935, p. 97—113; Дарвин Ч. Соч., т. 9, т. 3—70, 80—127, 369—370, 384—398.

⁴ Jespersen P. H. Charles Darwin and Robert Grant. Lychnos, 1948—1949, p. 159—167; Kerr J. Edinburg in the History of Zoological Science. The Advancement of Science, 1952, v. 9, № 33, p. 19—24.

⁵ Соболев С. Л. Эволюционная концепция Ч. Дарвина в период до его ознакомления с сочинением Мальтуса (по неопубликованной «Записной книжке» 1837—1838 гг.).— Зоол. журн., 1958, т. XXXVII, в. 5, с. 643—658; его же. Эволюционная концепция Чарлза Дарвина на первых этапах ее формирования.— Анналы биологии. Т. I. М., 1959, с. 13—34.

ла особую роль, так как прежде всего ему мы обязаны замечательными изданиями дарвиновских документов на русском языке, опередившими аналогичные издания в Англии⁶.

II

В Эдинбурге Дарвин интересовался больше всего энтомологией и зоологией морских беспозвоночных. Страсть к охоте наряду с чтением помогли приобрести ему также практические знания в области орнитологии. Ко времени пребывания в Кембридже относятся занятия ботаникой и геологией, интересу к которым Дарвин в основном обязан Дж. Генсло. Все это обусловило разносторонность познаний молодого натуралиста в различных отделах естественной истории и подготовило его к наблюдениям, которые были осуществлены во время кругосветного плавания на «Бигле».

Но среди этих сведений, по-видимому, отсутствовали сколько-нибудь систематические знания о том предмете, которому 40 лет спустя Дарвин посвятил целую книгу — об анатомии и физиологии человека, его месте в природе, его расах и их взаимоотношениях, предмете, по которому к тому времени уже была большая литература. Во всяком случае, ни в «Воспоминаниях», ни в других документах, относящихся к университетским годам, нет упоминания о сколько-нибудь основательных занятиях Дарвина биологией человека. Пожалуй, единственное исключение — посещение им лекций по анатомии человека в Эдинбурге, в результате которых он «проникся отвращением к этой науке». Об этом Дарвин, по его собственным свидетельствам, не переставал сожалеть всю жизнь. Сам он датирует возникновение своего интереса к человеку первыми годами после возвращения на родину из кругосветного путешествия, т. е. к тому периоду, когда составлялась «Первая записная книжка о трансмутации видов»⁸.

Однако вряд ли правильно буквально следовать в этом пункте самому Дарвину. Его воспоминания отличаются полной правдивостью и почти безукоризненной точностью. Исключение составляют, пожалуй, лишь некоторые ошибки в датах, вполне естественные, когда прошлое восстанавливается через десятки лет. Но такие ошибки как раз имеют для нас наибольшее значение. Во всяком случае, истоки наблюдений Дарвина над естественной историей человеческого рода можно отнести к более раннему периоду, чем 1837—1838 гг., и датировать их временем кругосветного путешествия. Нам представляется, что некоторые основания для такого вывода дает анализ ранних произведений Дарвина — «Дневника изысканий»⁹, «Путевого дневника»¹⁰ и «Записных книжек» 1832—1936 гг.¹¹.

В «Записных книжках» 1832—1836 гг. мало упоминаний о человеке. «Дневник изысканий» и «Путевой дневник» дают гораздо более богатый материал для суждения об антропологических и энтографических

⁶ Соболев С. Л. Новые материалы к биографии Ч. Дарвина. — В кн.: Дарвин Ч. Воспоминания о развитии моего ума..., с. 15—36; его же. Автобиографические материалы Чарльза Дарвина. — В кн.: Дарвин Ч. Соч., т. 9, с. IX—LVI.

⁷ Дарвин Ч. Воспоминания о развитии моего ума..., Соч., т. 9, с. 183. Дальше все ссылки на «Воспоминания» даются по этому изданию.

⁸ Вслед за С. Л. Соболевым считаем возможным дать такое название записной книжке Дарвина, относящейся к 1837—1838 гг. (см.: Соболев С. Л. Примечания к первой записной книжке о трансмутации видов. — В кн.: Дарвин Ч. Соч., т. 9, с. 384). Достаточным основанием для этого является собственная запись Дарвина в «Дневнике» (см. там же, с. 131).

⁹ См. русский перевод: Дарвин Ч. Дневник изысканий по естественной истории и геологии стран, посещенных во время кругосветного плавания корабля ее величества «Бигль» под командой капитана королевского флота Фиц Роя. — Соч., т. 1. М.—Л.: Биомедгиз, 1935, с. 1—422, 567—594.

¹⁰ Charles Darwin Diary of the Voyage of H. M. S. 'Beagle'/Ed. by Barlow N. Cambridge, 1933; Дарвин Ч. Путевой дневник. — Соч., т. 1, с. 423—564, 594—600.

¹¹ Дарвин Ч. Записные книжки (1832—1836 гг.). — Соч., т. 9, с. 7—70, 371—380. Дальше все ссылки на «Записные книжки» будут даваться по этому изданию.

наблюдениях Дарвина. Во время своих многочисленных экскурсий на берег он несколько раз встречался с представителями местных племен и описал все эти встречи. Его интересуют приемы охоты и употребление бола, жилище, одежда, внешность. Отмечает он и некоторые черты быта, когда удается заметить их за короткое время, проведенное с местным населением, и наиболее характерные верования и обряды.

Однако богатых живыми подробностями бытовых картин у Дарвина в общем немного, что объясняется не только кратковременностью его пребывания среди местного населения, но, по-видимому, некоторой расплывчатостью его интересов и представлений в области этнографии. Внимание Дарвина к человеку как к биологическому объекту, а также к истории и этнографии первобытных народов возникло очень рано, и оно проходит через все описание путешествия, но его этнографические наблюдения и заметки не обнаруживают тех больших и глубоких знаний, того умения выделить главное, которые отличают страницы, посвященные зоологии и геологии.

Нас больше всего интересуют те антропологические особенности представителей различных племен южноамериканских индейцев, на которые в первую очередь обратил внимание Дарвин. Он пишет о высоком росте и прекрасном сложении патагонцев и индейцев северных районов Аргентины, о низком росте большинства индейцев Чили. Последнее обстоятельство дает ему возможность сделать вывод о том, что низкорослость пришлого (испаноязычного) населения Чили свидетельствует о трех четвертях примеси индейской крови. Но Дарвина интересует не только рост и сложение, которые прежде всего бросаются в глаза. Об индейцах окрестностей Вальдивии, говорящих на разных диалектах арауканского языка, сказано: «Эти индейцы — прекрасно сложенные люди; выдающиеся скулы и общий вид их напоминают о великой американской семье народов, к которой они принадлежат; но лицо их, как мне казалось, несколько отличается от лиц всех других, виденных мною до того времени племен»¹². Эта же мысль повторена и в нескольких других местах. К сожалению, Дарвин не разъяснил, в чем состоит отмеченное им своеобразие. Но основное отличие американоидного, как теперь принято его называть, расового типа — выдающиеся скулы — указано правильно.

Кроме индейских племен Дарвин не упускал случая упомянуть и об антропологических признаках европейского населения Южной Америки. Многие из этих упоминаний содержат чисто эмоциональную оценку красоты встречавшихся Дарвину представителей белого населения и метисов. Но вместе с тем он описывает и собственно физические различия между разными этническими группами. Так, Дарвин не упустил из виду отличий в росте, телосложении и строении лица между португальскоязычным населением Бразилии и испаноязычными уругвайцами. Жители Монтевидео, по его мнению, выше ростом, чем жители Рио-де-Жанейро, и у них в целом сильнее выражены, как мы бы теперь сказали, особенности средиземноморской ветви европеоидной расы.

Параллельно с визуальными наблюдениями внешнего облика индейцев и белых в Южной Америке Дарвин собирал сведения об истории переселения отдельных племен, последовательности появления различных племен в областях со смешанным индейским и европейским населением, языковых взаимоотношениях и взаимопонимании носителей различных языков. Наиболее подробны страницы «Путевого дневника», посвященные индейцам Чили. Разумеется, сведения, сообщаемые Дарвином об отдельных диалектах арауканского языка, совершенно устарели, но примечательно само его внимание к этим вопросам.

Так, Дарвин подробно описывает случайные археологические находки и посещенные им развалины древних индейских поселений. Они

¹² Дарвин Ч. Дневник изысканий..., с. 251.

служат ему доказательством большой древности человека в Южной Америке. Искусно комбинируя очень фрагментарные данные с результатами своих обширных геологических исследований, Дарвин приходит к выводу об изменении климата на протяжении последних тысячелетий и о существовании интенсивных тектонических движений уже в историческое время. То, что остатки древних поселений обнаружены в ныне бесплодных районах, в которых нет воды, является для него веским аргументом в пользу того, что когда эти поселения были обитаемы климат и природные условия в этих местах были другими. Признавая вслед за Ч. Лайеллем медленность изменения природной среды, Дарвин тем самым решительно высказывался в пользу гипотезы о том, что человек появился в Америке в глубокой древности. В настоящее время такое утверждение кажется настолько очевидным, что даже трудно представить себе, какую роль оно сыграло в годы, непосредственно следующие за выходом в свет «Основ геологии» Лайелля в 1830—1833 гг. Большое значение имел и способ доказательства вывода о древности появления человека в Америке, основанный на сопоставлении археологических и геологических материалов и много позже широко использованный в четвертичной геологии и первобытной археологии. Можно сказать, что и сейчас геологические данные играют первостепенную роль в выяснении путей и этапов формирования семейства гоминид, а археологический и палеоантропологический материал служит в ряде случаев важным стратиграфическим определителем.

Наблюдения над огнеземельцами занимают особое место в «Дневнике изысканий» по своей полноте (на Огненной Земле Дарвин провел три месяца) и позволяют составить представление и о сильных, и о слабых сторонах Дарвина как естествоиспытателя и мыслителя в те годы. Дарвин обратил внимание на разницу в одежде и устройстве жилищ между различными племенами острова, описал некоторые обычаи, заметил низкий уровень общественного развития, характерный для огнеземельцев по сравнению с индейскими племенами материка. Сообщая о внешности огнеземельцев, он приходит к выводу о том, что они «представляют собой любопытную смешанную расу»¹³ и что между отдельными племенами существуют заметные различия в росте и строении тела, подтвержденные, кстати сказать, последующими исследователями. Но, будучи внимательным наблюдателем, Дарвин, несмотря на весь свой гуманизм и уважение к индейцам и неграм (общезвестны страницы «Дневника изысканий», содержащие гневное осуждение рабства), тем не менее употребляет формулировки, низводящие огнеземельцев до положения низшей расы. В этом сказались ограниченность и противоречивость мировоззрения молодого Дарвина, отмеченные С. Л. Соболевым¹⁴.

Наблюдения над физическим типом населения посещенных мест Дарвин продолжал и после отъезда из Южной Америки. Он пишет о высоком росте и темном цвете кожи таитян, отмечая их большую стройность по сравнению с маори Новой Зеландии, о волосатости австралийцев, о благородной внешности индусов. Большинство посвященных этому мест в «Дневнике изысканий» и «Путевом дневнике» расшифровывают краткие записи в «Записных книжках», повторяя высказанные там мысли, но излагая их в более пространной форме.

Однако два места в «Путевом дневнике» заслуживают нашего особого внимания. Первое из них — морфологическая характеристика готтентотов. «Готтентоты.. выглядят, по-моему, как частично отбеленные негры; они небольшого роста, их голова и лицо имеют в высшей степени странную форму. Височные и скуловые кости так сильно выдаются вперед, что лицо их в профиль совершенно не видно человеку, между тем как с такого же положения часть лица европейца вполне видна

¹³ Дарвин Ч. Путевой дневник, с. 513.

¹⁴ Соболев С. Л. Экспедиция Ч. Дарвина на корабле «Бигль». — В кн.: Дарвин Ч. Соч., т. 1, с. XLII—XLIV.

Волосы у них очень короткие и курчавые»¹⁵. В этих словах Дарвин практически исчерпал все основные морфологические особенности расового типа готтентотов, известные и в настоящее время, и одновременно указал на решающее отличие их от классических представителей негроидной расы, заключающееся в более светлом цвете кожи. По отношению к португальскому населению Азорских островов интуиция Дарвина оказалась в том, что он, встретившись с представителями темноглазой и темноволосой южной ветви европеоидной расы, заметил тем не менее исключительно высокий процент светловолосых и светлоглазых индивидуумов. Позже, при развертывании антропологических исследований, это явление — посветление волос и особенно глаз в изолированных группах отмечалось неоднократно.

Итак, мы видим, что характеристики физического типа увиденных народов занимают гораздо большее место в «Дневнике изысканий» и «Путевом дневнике», чем в «Записных книжках». Кроме того, в них содержатся немногочисленные, но важные замечания более общего характера. Речь идет о роли человека в уничтожении многих вымерших видов, о конкуренции между первобытными племенами и о месте возникновения человечества. Первый вопрос появляется у Дарвина при рассмотрении причин вымирания в Южной Америке крупных млекопитающих, в частности мегатерия. Он отводит человеку не решающую, но вполне определенную роль в исчезновении ископаемых форм (еще один аргумент, подтверждающий мнение Дарвина о появлении человека в Америке в большой древности).

Замечание о конкуренции между различными племенами на первый взгляд переносит нас в атмосферу гораздо более поздних высказываний Дарвина, связанных уже с оформлением его эволюционной концепции. При желании в нем можно увидеть зародыш мысли о борьбе за существование и распространение действия борьбы за существование на человеческое общество. Однако подобная трактовка противоречила бы известным страницам его книги о происхождении человека, где показана недостаточность борьбы за существование и естественного отбора в качестве факторов выделения человека из животного мира.

Наконец, очень любопытна сделанная в «Путевом дневнике» запись Дарвина о прародине человечества: «Тропики являются как будто естественным местом зарождения человеческой расы; но совершенствование ума, равно как и многих его плодов, достигает, по-видимому, своего высшего предела в другом климате»¹⁶. Эта мысль перекликается с обстоятельно аргументированным им в 1871 г. представлением об Африке как прародине человечества, основанием для чего послужили, как известно, наибольшая близость африканских антропоморфных к человеку и благоприятные географические условия африканского материка.

Подведем некоторые итоги. Опубликованный текст «Дневника изысканий» Дарвин писал после возвращения в Англию в 1837 г. и поэтому, строго говоря, его не следует рассматривать как мысли и впечатления Дарвина во время путешествия. Но и заметки в «Записных книжках» и «Путевом дневнике», как мы убедились, дают достаточный материал для суждения об его антропологических интересах. Наряду с описанием физических особенностей местных племен встречаются отдельные замечания, говорящие о том, что Дарвин уже тогда задумывался над общими проблемами становления человеческого рода. В его размышлениях уже можно видеть зародыши некоторых будущих идей, развитых в книге «Происхождение человека и половой отбор». Кроме того, это время сыграло особую роль в жизни Дарвина, так как он имел возможность увидеть большое число первобытных народов в естественной обстановке, что обогатило его громадным запасом не-

¹⁵ Дарвин Ч. Путевой дневник, с. 556—557.

¹⁶ Дарвин Ч. Путевой дневник, с. 466—467.

книжных знаний и способствовало выработке таких представлений области антропологии и этнографии, которые в значительной мере основаны на собственных наблюдениях.

III

Записная книжка 1837—1838 гг. была, как известно, опубликована Фрэнсисом Дарвином в кратких извлечениях¹⁷. обстоятельный анализ содержания этих кратких отрывков был произведен А. Д. Некрасовым, рассмотревшим их под углом зрения формирования эволюционных представлений Дарвина¹⁸. Этот анализ показал, что «Записная книжка» 1837—1838 г. содержит высказывания, исключительно важные для понимания истоков мыслей Дарвина по самым разным проблемам эволюционного учения.

Ее первая полная публикация была осуществлена С. Л. Соболевым на русском языке по фотокопии, полученной из библиотеки Кембриджского университета¹⁹. Он же произвел и первый анализ содержащихся в этой записной книжке высказываний Дарвина по вопросам эволюции. Этот анализ демонстрирует громадную важность изучения названного сочинения для понимания истории формирования мировоззрения Дарвина. Одновременно с этим «Записная книжка» проливает свет на обстоятельства подготовки труда 1871 г. о происхождении человека. Содержащиеся в ней заметки, как пишет сам Дарвин, делались без какой-либо определенной цели, но они в совокупности составляют довольно подробный и широкий план исследования вопроса о происхождении человека. Это как бы второй этап в его взглядах на человека, когда от довольно еще не отчетливых эволюционных идей времени путешествия он перешел к разработке и аргументации в основных чертах уже намеченной теории и включил человека в общую систему своих представлений о развитии органического мира. Все последующие «Записные книжки» Дарвина имеют несопоставимо меньшее значение для освещения интересующей нас темы, так как они относятся к более позднему времени.

Прежде всего Дарвина интересуют ископаемые формы, близкие к человеку. Это заключение можно сделать на основании упоминания о докладе Жюффруа Сент-Илера, посвященном найденному в 1837 г. Э. Ларте примату. Речь идет о первой в истории палеонтологии находке ископаемого антропоида, который, по мнению большинства современных авторитетов, стоит у основания ветви, ведущей к ныне живущим антропоморфным. Дарвин вслед за Сент-Илером справедливо предполагал, что плиопитек родствен человекообразным обезьянам Юго-Восточной Азии, и во Франции этот примат, по его мнению, являлся пришлой формой. В этом отношении он расходился с Сент-Илером, считавшим, что плиопитек представлял собою форму, развившуюся под влиянием местных климатических условий. Здесь сказалось явно предпочтение, которое молодой Дарвин отдавал зоогеографическим моментам в истории и взаимодействии фаун в противовес прямому влиянию среды, которое он, как известно, признал в широких пределах только в последние годы жизни.

¹⁷ The Life and Letters of Charles Darwin/Ed. by his son Darwin Francis. V. II L., 1888, p. 5—10. Русский перевод см. в кн.: Дарвин Ч. Соч. Т. 3. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1939, с. 75—78, 763—765.

¹⁸ Некрасов А. Д. Работа Чарльза Дарвина над «Происхождением видов» и рождение эволюционных идей.— В кн.: Дарвин Ч. Соч., т. 3, с. 27—30.

¹⁹ Дарвин Ч. Первая записная книжка о трансмутации видов.— Соч., т. 9, с. 90—127, 384—398, см. также примеч. 17. В дальнейшем все ссылки на «Записную книжку» 1837—1838 гг. даются по этому изданию.

²⁰ Соболев С. Л. Эволюционная концепция Ч. Дарвина в период до его ознакомления с сочинением Мальтуса..., с. 643—658; его же. Автобиографические материалы Чарльза Дарвина, с. XXX—XLVI; его же. Эволюционная концепция Чарльза Дарвина на первых этапах ее формирования, с. 22—31.

Интерес к ископаемым формам, которые могли бы пролить свет на происхождение человека, находит подтверждение и в других высказываниях Дарвина. Он уже отчетливо сознавал связь человека с животным миром и его родство с высшими млекопитающими, ясно понимал, что происхождение человека — не результат творческого акта, а длительный и постепенный процесс. Это прямо отражено в неоконченной записи: «Прогрессивное развитие дает окончательное основание для допущения громадных периодов времени, предшествовавших появлению человека. Трудно человеку, учитывая свою мощь, расширение области своего обитания, свой разум и будущность, быть непредубежденным в отношении самого себя, однако в настоящее время это кажется общим местом»²¹. Еще более ясно идея животного происхождения человека выражена в следующей формулировке: «По всеобщему мнению, душа дана нам свыше, животные не получили ее, они не предвидят будущего. Если мы позволим себе увлечься догадками, то животные — наши собратья по боли, болезни, смерти, страданию и чувству голода, наши рабы в выполнении самых тяжелых работ, наши товарищи в забавах, — могут вместе с нами происходить от одного общего предка, все мы можем быть связаны воедино»²².

В то же время Дарвину с самого начала были ясны те трудности, которые встают перед каждым, кто попытался бы защищать животное происхождение человека. Одну из основных он видел в почти полной невозможности обнаружения переходных форм. Истоки этой мысли, по-видимому, можно отнести ко времени не позже 1837—1838 гг., когда Дарвином уже отмечались факты равных разрывов в палеонтологической летописи и отсутствие промежуточных форм между многими ископаемыми видами. Таким образом, Дарвин не только понимал малую вероятность находок прямых предков человека, что в общем нашло себе подтверждение в дальнейшей истории палеонтологии человека, но и указывал на причины этого, заключавшиеся в последствиях малой технической вооруженности первобытного человечества, узости ареала и редкости населения.

Нам представляется чрезвычайно важным то обстоятельство, что Дарвин с самого начала нашел правильное соотношение между случайностью и закономерностью в понимании происхождения человека, понял причинный характер этого процесса, обусловленность его законами эволюции. Мысль о детерминированности изменений предков человека на протяжении геологической истории несколько раз повторяется в его записях. Так, он писал: «Рыба никогда не могла стать человеком. — Нет необходимости в новом акте творения»²³. Здесь мы находим ясное осознание того обстоятельства, что появление человека зависело от определенных предпосылок и оказалось возможным только после достижения его предками высокого уровня морфологической организации.

Некоторые страницы в «Записной книжке» 1837—1838 гг. интересны для нас в том отношении, что они отражают интерес Дарвина к эмбриологическим фактам буквально с самого начала его размышлений о происхождении человека. Известно, какое место они занимают в первой главе его труда «Происхождение человека и половой отбор». Очевидно, Дарвин начал накапливать их сразу же как только стал собирать данные об изменчивости видов. К сожалению, пока трудно представить себе, из каких сочинений он черпал в те годы эмбриологические материалы. Но совершенно несомненно, что эти материалы глубоко им прорабатывались. Иначе трудно понять, каким образом возникла у него не очень, правда, ясно выраженная мысль о повторении филогенетического развития в онтогенезе, в которой, по мнению С. Л. Соболя, можно видеть предварение формулировки биогенетиче-

²¹ Дарвин Ч. Первая записная книжка о трансмутации видов, с. 98—99. Последнее слово не дописано Дарвином. С. Л. Соболев прочитал только три буквы «cli». Полагаем, что речь идет о слове «cliche».

²² Там же, с. 123.

²³ Там же, с. 122.

ского закона²⁴. Действие этого закона Дарвин распространяет и на человека. К этому же времени относится приблизительно и возникновение у Дарвина интереса к рудиментарным органам человека, также занимающим последнее место в позднейшей аргументации генетической связи человека с высшими млекопитающими.

Наконец, на страницах «Записной книжки» мы находим и такой аргумент в защиту животного происхождения человеческого рода, как исключительное могущество человека, позволяющее ему пренебречь тем обстоятельством, что он находится в родстве с животным миром. Это аргумент скорее эмоционального, чем логического свойства. Именно его более чем через 20 лет использовал Т. Гексли во время знаменитого диспута в Оксфорде и затем повторил его в своей книге «О положении человека в природе». Дарвин выразил эту мысль в величественных и прекрасных словах: «Против моей теории не будут возражать те философы, которые поднялись выше гордости дикаря, — они сознают превосходство человека над животными, не прибегая при этом к таким средствам, как гордость»²⁵.

Непосредственное отношение к проблеме происхождения человека имеет вопрос о видовом единстве человека и таксономическом ранге расовых различий, которому Дарвин уделил большое внимание. Сложность этой проблемы отчетливо осознавалась Дарвином, и, может быть, поэтому в его записях нельзя найти определенного заключения. Так, он указывает на четкое различие между отдельными племенами Огненной Земли и рассматривает этот факт как доказательство того, что различия между ними зашли достаточно далеко и препятствуют смешению. В том же отрывке аналогичное заключение делается по отношению к представителям негроидной и европеоидной рас. Таким образом, основным аргументом в пользу видового значения расовых различий человека считается малый масштаб скрещиваний между представителями разных расовых типов и возвращение к исходным типам при скрещивании, свидетельствующее, по мнению Дарвина, о далеко зашедших физиологических различиях типов, принимающих участие в смешении.

Широкий взгляд на проблему расообразования у человека позволил Дарвину использовать для ее рассмотрения данные о домашних животных. Он высказывает предположение о том, что подобно расам домашних животных расы человека могут обнаруживать сильную вариабельность вследствие длительного внутривидового смешения в условиях относительной изоляции. По-видимому, обширные материалы об изменчивости домашних животных и послужили Дарвину тем предостережением, которое не позволило ему утвердиться в мысли о видовом многообразии современного человечества. Вполне определенное заявление на одной из последних страниц «Записной книжки», отрицающее более ранние высказывания о видовом характере различий между неграми и европейцами, только что упоминавшееся, относится не только к человеку, но и к домашним животным: «Так как у человека не было еще времени, чтобы образовать хорошие виды, то вместе с ним их не могли образовать еще его домашние животные!»²⁶. Закономерным выводом из этого является и допущение неограниченного смешения между расами. Таким образом, при размышлении о расообразовании у человека и сравнении этого процесса с видообразованием у животных Дарвин уже в молодые годы проявлял широту подхода к предмету и умение комбинировать самые разнообразные, на первый взгляд даже не относящиеся к нему факты. Это дало ему возможность уже в 1837—

²⁴ Соболев С. Л. Примечания к «Первой записной книжке о трансмутации видов». — В кн.: Дарвин Ч. Соч., т. 9, с. 390.

²⁵ Дарвин Ч. Первая записная книжка о трансмутации видов, с. 125.

²⁶ Дарвин Ч. Первая записная книжка о трансмутации видов, с. 124. Разумеется сам Дарвин не несет ни малейшей ответственности за перенесение на человека биологических законов, относящихся только к животным, что имело место у ряда его последователей, в частности у Э. Геккеля.

1838 гг. найти правильное соотношение между известным тогда фактическим материалом в области антропогенеза и построенными на нем гипотезами.

Факторы расообразования, хотя и были уже в ту пору в поле зрения Дарвина, но не привлекали еще его пристального внимания и упоминаются в «Записной книжке» только один раз. Он не настаивает на непременно адаптивном характере расовых различий, но и не отрицает его, допуская, что расы представляют собою географические вариации, возникшие под влиянием условий среды, в первую очередь климата. То обстоятельство, что Дарвин понимал значение географической среды в расообразовании, явствует, как нам представляется, из другого замечания, в котором констатируется распад первоначальной расовой общности на отдельные расовые варианты при первоначальном заселении человеком какой-либо обширной области. Но в целом Дарвин еще не имел в период заполнения рассматриваемой записной книжки оригинальных взглядов на эту важнейшую проблему расоведения и морфологии человека.

Дарвина уже в те годы очень занимал вопрос о вымирании большей части рождающегося потомства и о влиянии темпов вымирания на динамику расообразования. Вопрос этот разбирается им и на примере человека с помощью предположения о том, что на темпы размножения оказывает влияние целый ряд самых разнообразных причин, вплоть до «несчастных случаев». Та же цепь многообразных причин воздействует и на быстроту размножения у животных, исключая из этого процесса огромное количество форм. Из этих рассуждений видно, что явление, на которое, по собственным словам Дарвина, обратила его внимания книга Т. Мальтуса, было известно ему самому еще до ознакомления с нею. Поэтому мы присоединяемся к мнению С. Л. Соболя, убедительно доказавшего, что роль книги Мальтуса в построении эволюционной теории преувеличена и что она была бы создана, даже если бы Дарвин и не прочитал этой книги²⁷.

Значительное место в «Записной книжке» занимают высказывания об особенностях и формировании человеческой психики. Позже, как мы знаем, эта проблема глубоко захватила Дарвина в связи с изучением выразительных движений, и ей посвящено немало страниц в книге о выражении эмоций у человека и животных. Но в 1837—1838 гг. Дарвина привлекают лишь общие вопросы — роль психического фактора в эволюции человека, передача по наследству психических качеств, отличия психики человека от психики животных и т. д. Некоторые из его высказываний вступают в противоречие с уже разобранными формулировками, свидетельствуя о том, что мысли Дарвина по многим частным проблемам эволюции еще не отличились в устойчивую форму. В качестве примера можно указать на исключительно интересное высказывание на первых страницах «Записной книжки» о качественном своеобразии эволюции человека по сравнению с эволюцией животных, выражающееся в том, что она осуществляется в сфере психики. Дарвин пишет: «Каждый вид изменяется. Он должен прогрессировать. Человек улучшает свои представления»²⁸. Эти слова можно поставить эпиграфом к любой современной работе, посвященной эволюции человека.

По вопросу о наследственности по крайней мере некоторых из основных особенностей человеческой психики Дарвин как будто бы занимает отрицательную позицию. Но в то же время он не исключает этого полностью и даже допускает их значительное влияние на процессы размножения. Правда, позиция эта высказана им в крайне осторожной форме и напоминает скорее вопрос, адресованный самому себе. Одна-

²⁷ Соболев С. Л. Эволюционная концепция Ч. Дарвина в период до его ознакомления с сочинением Мальтуса, с. 643—658; *его же*. Эволюционная концепция Чарлза Дарвина на первых этапах ее формирования, с. 28—31; *его же*. Автобиографические материалы Чарлза Дарвина, с. XXX, XLVI.

²⁸ Дарвин Ч. Первая записная книжка о трансмутации видов, с. 94.

ко из его слов, как бы осторожны они ни были, все же можно сделать вывод о том, что отрицательное отношение к концепции Ламарка, которое выражено в «Происхождении видов» и некоторых позднейших письмах Дарвина, установилось у него не сразу.

Замечательные по своей гневной силе страницы из «Дневника изысканий» и «Путевого дневника», направленные против рабства, могли быть дополнены любопытной записью в «Записной книжке», демонстрирующей критическое отношение Дарвина к почти повсеместно распространенной в его время даже в научной литературе идее о психической неравноценности рас: «Животных, которых мы сделали нашими рабами, мы не любим считать равными себе. — Не стремятся ли рабовладельцы доказать, что у негров умственные способности иные, чем у белых»²⁹. Из этих слов видно, что Дарвин не только является противником расистских измышлений о превосходстве белых над неграми, и совершенно отчетливо представляет себе истоки их возникновения, поднимаясь до понимания их классового характера.

Итак, анализ содержания «Первой записной книжки о трансмутации видов» убеждает в том, что в 1837—1838 гг., т. е. тогда, когда, собственным словам Дарвина, он только «начал собирать» факты, относящиеся к происхождению человека, ему на самом деле были известны многие аспекты разработки этой проблемы. Очевидно, что в период составления «Первой записной книжки» Дарвин уже распространял свои эволюционные представления на человека и включил его в орбиту действия тех закономерностей, к формулировке которых он подходил в эти годы. Фактически в ней мы находим зачатки почти всех основных мыслей, развернутых позже в стройную систему его учения о происхождении человека. Связь человека с животным миром иллюстрируется рассмотрением единственного известного тогда ископаемого примата. Отмечается малая вероятность находки непосредственно прямого предка человека. Высказывается убеждение в существовании единого центра выделения человека из животного мира (моногонизм) и детерминированном характере человеческой эволюции. Из эмбриологических данных используются рудиментарные органы и проводится параллель между онтогенетическим и филогенетическим развитием (биогенетический закон?). Обсуждается вопрос о расах человека, видах животных, а также факторы расообразования и наследственность расовых признаков. На примере человека демонстрируется значение вымирания как фактора эволюции. Развитие человеческой психики увязывается с морфологическими аспектами проблемы антропогенеза, что находит выражение в отчетливой констатации различия в характере эволюционных изменений у человека по сравнению с аналогичным процессом у животных (животные — преимущественно морфологическая эволюция, человек — преимущественно эволюция психики). И при этом недооценивается специфика человеческой психики и качественное своеобразие человека, что не было преодолено Дарвином и в дальнейшем. Таким образом, в «Первой записной книжке» охватывается огромный круг тем, практически почти исчерпывающий содержание будущей книги о происхождении человека. Исключение составляет лишь половой отбор, идея которого, по-видимому, возникла у Дарвина несколько позже³⁰.

IV

Значение очерков 1842 и 1844 гг. для понимания истории формирования взглядов Дарвина на процесс антропогенеза много меньше, чем его «Первой записной книжки о трансмутации видов». По-видимому в 40-х годах Дарвин был полностью захвачен оформлением и аргументацией своих идей по общим вопросам эволюционной теории, сведенной

²⁹ Там же, с. 122.

³⁰ Об этом см.: Некрасов А. Д. Очерк истории проблемы полового отбора у Дарвина до наших дней. — В кн.: Дарвин Ч. Соч., т. 3, с. 77—78.

■ разработкой колоссального фактического материала из всех разделов биологической науки, который он мобилизовал в подтверждение своей теории. Естественно, что происхождение человека при всем своем мировоззренческом значении было для него частной проблемой эволюционного учения, сравнительно мало связанной с другими его разделами. Кроме того, он, как это с полной очевидностью явствует из многих его позднейших высказываний, отчетливо понимал, какой вред при новизне и оригинальности развиваемых им идей может принести их распространение и обсуждение животного происхождения человека. Все эти обстоятельства, по всей вероятности, отвлекали Дарвина от этой проблемы и отодвинули ее на задний план. Во всяком случае, в обоих очерках 1842 и 1844 гг. она не затрагивается в таком объеме, в каком она освещена в «Записной книжке» 1837—1838 гг. Все же ей посвящено несколько, правда, беглых высказываний, на которых следует остановиться.

«Очерк 1842 года», как известно, написан вчерне и содержит большое количество сокращений и едва намеченных мыслей, внесенных в него скорее для памяти и совершенно неразвернутых³¹. Однако обстоятельный анализ его содержания, произведенный А. Д. Некрасовым, показал, что он включает изложение практически всей совокупности взглядов Дарвина и что в нем, пожалуй, оказался непредставленным только принцип «расхождения признаков»³². Дарвин пишет о необходимости перенести закономерность геометрической прогрессии размножения, отмеченную Мальтусом, на размножение животных и растений, о преимущественном рождении мальчиков по сравнению с девочками, что является предпосылкой действия полового отбора, о гомологиях в строении руки человека и передней конечности некоторых млекопитающих, о передаче по наследству некоторых болезней, о значении рудиментарных органов человека и других животных для построения естественной генеалогической системы животного мира и включения в нее человека. Однако все это не отдельные отрывки с законченным изложением мыслей и подробной аргументацией, даже не абзацы, посвященные тому или иному вопросу, а чаще всего просто отдельные фразы, кратко намечающие постановку проблемы.

До публикации «Первой записной книжки о трансмутации видов» они были единственными свидетельствами взглядов Дарвина на человека в самом конце 30-х — начале 40-х годов и широты его интересов в области антропогенеза. В настоящее время, когда мы получили возможность ознакомиться с драгоценными записями Дарвина 1837—1838 гг., эти свидетельства в значительной степени утратили свое значение. Исключение составляет, пожалуй, только содержащееся в добавлении к «Очерку 1842 года» замечание о трудностях, с которыми встречается эволюционная теория. Одна из них — «трудность в вопросе, как белые и негры изменились от общего промежуточного порядка: нет фактов»³³. Эта цитата показывает, как пристально Дарвин продолжал размышлять над изменчивостью у человека, с каким упорством выискивал на первый взгляд не поддающиеся объяснению с точки зрения его теории факты.

Расширенный «Очерк 1844 года» в общем повторяет «Очерк 1842 года», хотя и значительно полнее его по изложению фактического материала³⁴. Основные положения развиваются в целом на базе тех примеров, которые содержались и в «Очерке 1842 года», но со значи-

³¹ Darwin Ch. The Essays of 1842.— In: The Foundations of the Origin of Species. Two Essays written in 1842 and 1844 by Charles Darwin/Ed. by his Son Darwin Francis. Cambridge, 1909, p. 1—53; Дарвин Ч. Очерк 1842 года.— Соч., т. 3, с. 81—112, 765—773.

³² Некрасов А. Д. Работа Чарлза Дарвина над «Происхождением видов» и рост его эволюционных идей, с. 30—40.

³³ Дарвин Ч. Очерк 1842 года, с. 111.

³⁴ Darwin Ch. The Essay of 1844. In: The Foundation of the Origin of Species, p. 55—255 Дарвин Ч. Очерк 1844 года.— Соч., т. 3, с. 115—230.

тельными дополнениями, которые и обусловили несравненно более обширный объем «Очерка 1844 года». Местами приводимые примеры заменены более удачными и убедительными. В отношении человека определенным интерес представляют высказывания, посвященные чужденности некоторых первобытных народов как свидетельству переходу к вымиранию, что ставится в связь с аналогичным явлением в мире животных, географии некоторых видов и родов современных обезьян и использованию данных об их распространении для характеристики местных фаун, наконец, опять необходимости перенесения тезиса Мальтуса о темпах прироста у человека на органический мир. Обращает на себя внимание также мысль Дарвина о передаче по наследству выразительных движений. «Манеры и даже привычные жесты, — пишет он, — которые являются, может быть, только особыми манерами, наследуются и обнаруживаются, согласно У. Гёнтнеру и моему отцу, даже в тех случаях, когда дети теряют своих родителей в раннем возрасте. Каждому известна наследственность выражения лица, которое часто обнаруживает тончайшие оттенки характера»³⁵. Эта мысль нашла подтверждение и через 28 лет в труде о выражении эмоций у человека и животных. Таким образом, можно, по-видимому, утверждать, что Дарвин в конце 30-х — начале 40-х годов не только начал делать первые наблюдения над выразительными движениями, как он сам написал в «Воспоминаниях», но и пришел в этой области к некоторым обобщениям, которые вошли в его позднейшее сочинение.

Таковы итоги рассмотрения страниц очерков 1842 и 1844 гг., посвященных человеку. Из них видно, что до публикации «Первой записной книжки о трансмутации видов» мы не знали важнейших мыслей Дарвина в области происхождения человека и что в очерках 1842 и 1844 гг. обсуждение этой проблемы не производилось Дарвином не потому, что эта проблема была ему неясна или недостаточно им разработана, а по-видимому, сознательно, в силу тех затруднений, которые ее анализ принес бы эволюционному учению. Известную роль сыграло, по всей вероятности, также обилие собранного Дарвином фактического материала и желание в первую очередь как можно полнее разработать наиболее важные стороны своей теории — естественный отбор, общие закономерности наследственности и изменчивости. Таким образом, в самом конце 30-х — начале 40-х годов, в двадцатилетие, предшествующее появлению «Происхождения видов», интенсивность разработки Дарвином вопроса о происхождении человека, очевидно, ослабела. Правда, самый знаменитый труд Дарвина, несмотря на единственную содержащуюся в нем фразу, затрагивающую эту проблему, оказал огромное влияние на общественную мысль и в этой области благодаря внутренней логике развернутой в нем концепции, но сам Дарвин, за исключением единичных высказываний в письмах, хранил молчание о самом жгучем пункте своей теории.

Все сказанное позволяет выделить три периода в формировании взглядов Дарвина на происхождение человека в период подготовки эволюционной теории. Первый период — кругосветное путешествие, когда Дарвин имел возможность наблюдать многие первобытные племена в естественной обстановке их обитания, период, который обогатил его большим запасом знаний о вариациях признаков у представителей разных человеческих рас, о сходстве и различиях их между собой, зародил мысль о связи географической среды с расселением человеческих рас и факторами расообразования. Второй период — от возвращения в Англию до конца 30-х годов, когда создание основ эволюционной теории властно приковывает внимание Дарвина к человеку, заставляет включить его в сферу действия закономерностей развития органического мира, когда оформляется идея животного происхождения человека и разрабатывается обстоятельный план ее аргументации. Третий период — от начала 40-х годов до выхода в свет «Происхождения видов»,

³⁵ Дарвин Ч. Очерк 1844 года, с. 150.

когда необходимость обработки необъятного фактического материала, собранного Дарвином, под углом зрения важнейших аспектов эволюционного учения — естественного отбора, наследственности и изменчивости — отодвинула проблему происхождения человека на второй план.

Л. А. Тульцева

О НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ ОБРЯДОВО-ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В УЗБЕКИСТАНЕ

Обрядово-праздничная культура современных народов, как никогда прежде, подвержена процессам обновления, трансформации и модификации, особенно структурные составные этого комплекса. Как известно, наиболее интенсивными и в корне преобразующими жизнь людей эти процессы стали после Великой Октябрьской социалистической революции. Тем не менее в республиках Средней Азии комплекс патриархальных традиций еще долгое время составлял значительный слой в обрядово-праздничной культуре. В связи с этим в поле зрения советских этнографов всегда находились вопросы, связанные с выявлением роли традиционно-национального в современной культуре и развитием собственности советских социалистических традиций.

Процессы и закономерности развития традиционно-национальных элементов в культуре определяются многими социально-этническими факторами. Среди них узловую роль играют социально-психологические установки, религиозные обычаи, обряды и праздники, этика взаимоотношений между людьми, фольклорные формы культуры. Функционирование всех перечисленных выше структур на новом уровне продолжается и в советское время, поскольку традиционно-нормативный пласт культуры составляет часть обыденных, бытовых отношений людей, общественное сознание которых перестраивается значительно медленнее общественных отношений в целом. Поэтому процессы трансформации и модификации старых обрядово-праздничных форм культуры в направлении развития их демократического прогрессивного содержания порой наталкиваются (особенно в семейно-бытовой сфере) на противодействие архаичных, изживших себя и противоречащих социалистическому образу жизни патриархально-байских пережитков, коренящихся в обывательском мнении некоторой части людей. В Среднеазиатско-Казахстанском регионе такими пережитками являются обычаи *суннат*, *никох*, *джаназа*, *кайтарма*, трансформированные формы затворничества женщин и т. д.

В процессе строительства социалистического общества, в условиях, когда церковь отделена от государства и школа от церкви, когда каждый гражданин получил возможность свободно выражать свои взгляды на религию, произошел коренной перелом в отношении народа к религии и церкви, положивший начало развитию массового атеизма. Отход трудящихся от религии, как и изживание разнообразных патриархальных обычаев, у разных народов шли разными темпами. Например в Российской Федерации принятые декреты Советской власти «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» (декабрь 1917 г.), «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (январь 1918 г.) способствовали реальному воплощению в жизнь новых норм семейно-брачных отношений. Распространение записи актов гражданского состояния практически уже в первые годы Советской власти положило начало таким безрелигиозным обрядам, как «звездины», «октябрины», «красные свадьбы», «красные похороны». В районах тра-

традиционного распространения ислама дело обстояло значительно сложнее; здесь перечисленные выше законодательные акты лишь открывали путь к секуляризации семейно-брачных норм и обрядов. В республиках Средней Азии из-за многих объективных причин этот процесс начался не одновременно с установлением Советской власти и набирал темпы постепенно.

Одна из главных причин более замедленного процесса и трансформации традиционного быта народов Средней Азии заключается в том, что все они вступили на социалистический путь, минуя капиталистическую стадию развития. Как известно, капиталистические общественные отношения, вовлекая в промышленное производство огромные массы людей, стимулируют освобождение быта и сознания от патриархально-родовых и феодальных традиций, значительно расширяют почву для антиклерикальных настроений и выступлений, а главное, формируют самый демократический класс — пролетариат. Отсутствие этого своего рода подготовительного этапа не могло не сказаться на степени, уровне и темпах изменений культурно-бытового уклада народов Средней Азии после установления здесь Советской власти.

Но уже сам факт установления Советской власти и начавшиеся социально-экономические преобразования, такие, как земельно-водная реформа, национально-государственное размежевание народов Средней Азии и Казахстана, культурная революция, вовлечение женщин в общественное производство и т. д., постепенно изменяли психологию местного населения. В его жизнь стали входить школы ликбеза, кинотеатры, библиотеки, клубы, «красные чайханы», «красные юрты», артели для женщин, амбулатории, акушерские курсы и др. Начали проводиться такие коллективные мероприятия, как общественно-политические праздники, демонстрации, митинги, лекции, возникло массовое движение за осуществление мероприятий Советской власти, направленных на раскрепощение женщин. Новые условия труда, распространение форм социалистической культуры, преобразования в общественной и семейной жизни формировали новые общественно-политические взгляды и настроения, национальное самосознание, вытеснявшее религиозное сознание, в прошлом отождествлявшее ислам с национальной самобытностью.

Советская обрядово-праздничная культура в Узбекистане, как и в других местах, начала свое развитие с общественно-политических праздников. Выдающуюся роль в организации первых всенародных торжеств в 20-е годы на территории Узбекистана сыграла самоотверженная деятельность Хамзы Хаким-заде Ниязи, которого по праву можно назвать основоположником новых социалистических обрядово-праздничных традиций узбекского народа. Он первым начал обогащать всенародные праздники и представления прогрессивными национальными и интернациональными традициями. Хамза был прекрасным знатоком фольклора и народных зрелищ Востока. Это позволило ему включать в сценарии праздников такие народные жанры, как искусство *маскарабозов* и *кизикчи* (комедийные импровизации), *сафсата* (философствования), *чанди* (состязания в остроумии) и т. д. Широко использовал Хамза в своих постановках для народа и русскую агитационную драматургию, творчески приспособляя ее к местным условиям.

Хамза был инициатором и организатором первых революционных *тойев* — праздников в честь победы Октября (в Андижане, Ташкенте, Бухаре, Хиве, Ходжейли) и Международного женского дня 8 Марта (в кишлаках Аввале и Шахимардане Ферганской долины). Взяв за основу традиционную форму «восточных вечеров», которая до революции ограничивалась показом нескольких спектаклей, он превратил ее в трехдневный массовый театрализованный праздник, включавший народные гулянья, массовые инсценировки, агитспектакли и концерты. В дальнейшем творческий опыт Хамзы был использован при развитии других прогрессивных народных праздников, таких, как *Навруз байрами* (весенний новогодний праздник), *Гул байрами* (Праздник роз),

Дувун сайли (Праздник дынь), **Узум сайли** (Праздник винограда), **Хирмон байрами** (ныне **Пахта байрами** — Праздник хлопка).

Общественные торжества год за годом входили в каждый дом и постепенно становились неотъемлемой частью семейно-бытовых праздников. Процесс внедрения общественно-политических праздников в семейную сферу затрагивал обыденное сознание людей, содействовал формированию новых типов поведения, перестройке взглядов на патриархальные обычаи и нормы и закреплял новые взаимоотношения между поколениями людей, мужчинами и женщинами. В 1920-е годы борьба за новые праздники и обряды была частью классовой борьбы. В частности, история Международного женского дня 8 Марта у узбеков — это пример героической борьбы узбекских женщин за социальное равноправие, предоставленное им Советской властью. В деле раскрепощения женщин, в ломке установлений шариата, в формировании нового поколения женщин особенно заметный след оставило движение «Худжум!» — «В наступление!». Тогда под влиянием массового подъема самосознания узбекских женщин стали создаваться семейные кружки по кварталам, объединявшие семьи, в которых женщины сбросили затворнические покрывала¹. Так, семейный кружок «Кызыл гунча» («Красный цветок») долгое время функционировал при клубе Ассакинского района. Его наряду с замужними женщинами посещало много молодежи, юношей и девушек. Члены кружка обсуждали различные вопросы, связанные с борьбой Коммунистической партии за раскрепощение женщин и привлечение их к строительству новой жизни. По инициативе членов кружка были организованы трехмесячные курсы для женщин, отказавшихся от паранджи, где обучалось 60 человек. Велась и другая, самая разнообразная общественная работа². Общественный резонанс семейных кружков был очень велик. В наше время их традиции воссозданы в Туркменистане в проведении так называемых семейных вечеров.

По сложившейся в 1920-е годы традиции, когда день 8 Марта знаменовал борьбу женщин-восточниц (так тогда говорили) за свои права, и сейчас в Узбекистане (как и везде в Средней Азии и Казахстане) этот праздник отмечается как день раскрепощенной женщины.

Проведенные в 1974 и 1981 гг. Институтом этнографии АН СССР совместно с Отделом этнографии Института истории АН УзССР и Историческим факультетом Ташкентского государственного университета этносоциологические исследования социально-культурного развития наций в Узбекистане³ свидетельствуют о постоянном влиянии инноваций на культурно-бытовую сферу жизни узбеков⁴. Полученные после обработки обследованных массивов данные позволяют проиллюстрировать некоторые социально-этнические аспекты процесса трансформации узбекских обрядово-праздничных традиций.

¹ З. П. (Прищепчик З.). Добровольное общество «За новый быт». — Коммунистка, 1928, № 6, с. 84.

² Джумаев Ч. Комсомол Узбекистана в борьбе за раскрепощение женщин (1925—1929 гг.). — В кн.: Вопросы социально-экономического и культурного развития южных областей Узбекистана: Сб. науч. тр. Ташкентск. гос. пед. ин-та им. Низами. Ташкент, 1977, т. 169, с. 23.

³ О программе и методах выборки исследования см.: Арутюнян Ю. В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР. — Сов. этнография, 1972, № 2. В основу исследования в Узбекистане была положена многоступенчатая районированная выборка, репрезентативная для городского и сельского населения республики. В 1974 г. в соответствии с принципами выборки было отобрано и опрошено около 2500 чел. в разных городах и около 1600 сельских жителей в Ташкентской, Самаркандской и Андижанской областях. В 1981 г. было опрошено 1200 чел. в Ташкенте. О принципах выборки см.: Социальное и национальное. Опыт этносоциологического исследования. М.: Наука, 1973, с. 316—330.

⁴ Некоторые итоги этих исследований по интересующему нас вопросу опубликованы. См.: Лобачева Н. П., Тульцева Л. А. Традиции в современной обрядности узбеков. — Сов. этнография, 1977, № 6; Дробизжева Л. М., Тульцева Л. А. Свадебная обрядность в общественном мнении (по материалам этносоциологических исследований народов СССР). — Сов. этнография, 1982, № 5, и др.

Проведенное исследование дало дополнительные материалы, показавшие, что в числе объективных условий, которые способствовали изменению традиционных явлений культуры, ведущая роль принадлежит образованию и социально-профессиональному статусу человека. Эти факторы особенно четко прослеживаются в сельской местности, поскольку преимущественно сельское население является носителем традиционной национальной культуры. Быстрый рост профессиональной подготовки людей, их общеобразовательного и культурного уровня содействовал формированию нового поколения людей, чье сознание и поведение в значительной степени свободно от традиционно-нормативного (в том числе и религиозного) мышления, поведения и уклада жизни. Поэтому не случайно итоги исследования показали, что разница в приверженности к традициям между работниками неквалифицированного физического труда и работниками умственного труда составляет около 55% в городе и около 58% на селе.

Качественно иной социально-профессиональный облик узбекских трудящихся способствует ускорению процессов трансформации традиционных внутриэтнических связей (особенно в сфере обыденного религиозного поведения), раздвигает границы микросреды общения, способствует формированию новых социокультурных ориентаций населения. Об этом мы можем судить, в частности, по ответам на следующие вопросы анкеты: «Есть ли у Вас родственники (братья, сестры, дети, состоящие в браке с лицом другой национальности?», «Есть ли среди Ваших друзей люди другой национальности?», «Известно, что на предприятиях, в учреждениях работают вместе люди разных национальностей. Как, по Вашему мнению, это влияет на отношения в коллективе?». Ответы на перечисленные вопросы (по исследованию 1974 г.) показали: около 78% опрошенных узбеков в возрасте от 20 до 50 лет считают, что национальная принадлежность людей не имеет значения при совместной работе и общении в рабочих коллективах, 66% узбеков-горожан дружат с людьми другой национальности, многие имеют родственников, состоящих в национально-смешанных браках.

Исследование проблемы развития инноваций в культурно-бытовой жизни, и в частности в обрядово-праздничной сфере, предполагает сравнительный анализ данных, показывающих отношение разных поколений к старым и новым традициям. Таким путем можно, во-первых, установить степень ориентированности разных поколений на традиционное и новое, во-вторых, сравнить разные этносы по этноконфессиональному признаку в плане устойчивости нормативных форм поведения в быту, в-третьих, получить материалы к сравнительной характеристике обрядово-праздничной культуры у разных этносов (например, в плане ее адекватности современному общественному развитию).

Конечно, старшее поколение хотя бы в силу объективных психологических причин в городе и на селе всегда было хранителем традиций, фольклора, традиционных элементов материальной культуры, обычаев, обрядов и т. п. Молодежь же — представители самых разных национальностей — своим отношением к традициям отражает доминирующие тенденции современности. Однако необходимо отметить, что и среди молодежи постоянно возрастает интерес к фольклорным формам культуры; это, вероятно, связано не только с попыткой утверждения национального самосознания и национальной самобытности, но и с поисками новых путей наиболее полного социально-нравственного воспитания и самоутверждения личности. Важно, чтобы в развитии подобной положительной тенденции преобладали истинно гуманистические идеи, псевдонациональное не выдавалось за народное, национальное не смешивалось с национализмом и богоискательством, чтобы интерес к фольклорным формам культуры не перерос в идеализацию архаичных традиций и обычаев.

Традиционные и новые внутриэтнические связи, традиционные и новые типы поведения людей тесно связаны с бытованием традиционных и формированием новых праздников и обрядов и соответственно

формированием новых этносоциальных параметров личности.

В прошлом среди традиционных установлений в системе внутрисемейных связей важную роль в быту мусульманских народов Средней Азии играли два общественных праздника: праздник окончания поста — *рамазан-хаит* (или *руза-хайит*, *сайил-хаит*) и праздник жертвоприношения — *курбан-хаит*. Характерные черты этих праздников — участие всех взрослых мужчин селения в мазарах или других местах, предназначенных для свершения праздничной молитвы, посещение кладбища, гостевание у родственников, народные гулянья. Полученные в 1974 г. материалы (из-за специфики опроса методом стандартизированного интервью), конечно, не могут дать полной картины их современного празднования. Да такого рода задачи и не стояли в исследовании. Наши материалы позволяют охарактеризовать эти праздники с точки зрения социально-демографического состава их участников. Так, пост ураза, который предшествует празднику рамазан, отмечается преимущественно лицами старшего возраста (50 лет и старше), причем 5% среди них заняты в сфере неквалифицированного труда. В самом празднике участвует и молодежь. В этом случае огромное влияние на устойчивость традиционных норм, отношений, порядков оказывает этническая микросреда: специфика уклада жизни, многообразие консервативных элементов в его структуре, особенно же воздействие традиционно настроенных стариков, авторитет которых достаточно высок. В то же время практика показывает, что в укладе жизни разных народов в наибольшей степени поддерживаются именно те традиционные праздничные обычаи (причем не обязательно религиозные), которые способствуют развитию в людях коллективистских черт, взаимного уважения, взаимной помощи, добрососедских отношений. Это взаимные поздравления по случаю наступления праздника, коллективные застолья, угощения, взаимное одаривание. Подобные обычаи универсальны. Они существовали в течение веков и продолжают жить в наши дни, выполняя все ту же коллективистскую, объединяющую разные поколения людей функцию. Универсальность этих обычаев делает их интернациональными, ибо их древнейшая социально-идеологическая суть — развитие общегуманистических черт в сознании и общественной психологии людей. Не случайно поэтому в ответах на вопрос анкеты «По какому поводу Вы чаще всего навещаете своих родственников?» опрошиваемые единодушно отмечали и общие праздники («красные дни календаря»), и семейные торжества, и традиционные национальные праздники.

Характерно и следующее. Сравнение данных по различным социально-профессиональным группам в городах Узбекистана с аналогичными данными, полученными в сельской местности, свидетельствует о том, что разница в отношении к традиционным праздникам между теми и другими незначительна. В то же время при сравнении этих материалов по половозрастным группам обнаруживается существенное различие по этому показателю. Таким образом, одна и та же профессиональная среда как в городе, так и в сельской местности характеризуется схожим отношением к традициям.

Показателен пример с празднеством *суннат-той*. Своими корнями *суннат-той* уходит в далекое прошлое и исторически связан с инициациями и другими древними посвятельными обрядами, целью которых было приобщение молодого поколения к идеологическим ценностям и официально-культурным навыкам племенной общности. У разных народов за многие века этот обычай приобрел свою специфику, свой этнический колорит. отождествление с национальной самобытностью *суннат-той* — пример хотя и достаточно известный, но по-прежнему заслуживающий внимания, ибо, по итогам исследования, даже в самой младшей возрастной группе опрошенных узбеков (18—19 лет) за его исполнение положительно высказалось в городе около 66%, в сельской местности около 80%.

В оценке социально-психологических причин бытования праздника суннат-той важно и следующее наблюдение: для части населения «средством самоутверждения в представлении окружающих» является не само следование традициям, а показное устройство пышных торжеств по их поводу⁵.

Устойчивость традиций, связанных с суннат-тоем, имеет свои исторические корни. В прошлом он сопровождался обязательным трехдневным торжеством. В нем принимал участие весь квартал, съезжались гости из дальних мест. Это было общинно-родовое торжество в честь мальчика. С этнографической точки зрения представляется очевидным, что празднество суннат-той — позднейший дериват исламизированных народных торжеств. История же религиозных верований, эволюция и генезис позволяют говорить об особой устойчивости именно синкретизированных обрядов и обычаев. В настоящее время суннат-той входит в систему семейно-праздничных традиций; они, как известно, весьма устойчивы, консервативны, поддерживаются мнением старших членов семейного и общественного коллективов. Люди старших возрастов, используя свой авторитет, влияют на молодое поколение. Г. П. Снесарев писал: «Хотя в области семейных отношений, в частности в положении женщины, произошли огромные изменения, семья продолжает оставаться еще довольно замкнутым миром, менее доступным для прогрессивных влияний, чем, например, производственные коллективы. Патриархальные традиции, столь характерные для среднеазиатской семьи прошлого, исчезают медленно. Авторитет старших и влияние их на младшие поколения в рамках семейной жизни продолжают еще сохранять известную силу и играют немалую роль в поддержании традиций»⁶.

Достаточно стойки также некоторые традиции детского цикла, причем, некоторые из них получили дальнейшее развитие. К их числу относятся обычаи посещения и поздравления роженицы, осыпание ребенка сладостями, праздничный обед по случаю первого укладывания ребенка в колыбель — *бешик-той*, а также появившийся только в советское время обычай отмечать дни рождения детей. Социально значимой теперь стала и процедура регистрации новорожденных в отделах ЗАГСа, в большинстве случаев принимающая характер торжественного церемониала. Торжественная регистрация в загсе, как правило, сопровождается праздничным обедом в честь новорожденного. У народов Средней Азии церемониал регистрации может совпадать с традиционным празднеством в честь первого укладывания ребенка в колыбель. В прошлом этот праздник колыбели, включавший ряд магических обрядов, проводился в узком кругу женщин, связанных родством. Со временем он превратился в общесемейное торжество. Новым стало и то, что на празднество первого укладывания ребенка в колыбель родители приглашают своих товарищей и коллег по работе, независимо от национальной принадлежности.

Развитие свадебной обрядности также происходит во взаимодействии старых традиций с новыми обрядовыми формами. Наше исследование зафиксировало, что часть опрошенных считают необходимым выполнение таких консервативных патриархальных обычаев, как *никон* (акт бракосочетания по шарияту) и *калым пуль*. Более же половины опрошенных узбеков, проживающих в городах, считают калым пустым вредным пережитком, с которым надо бороться. Благодаря ответам на вопрос анкеты «Какие свадебные обряды исполнялись?» были зафиксированы также следующие традиционные свадебные обряды, которые бытуют среди узбеков Ташкента: *совчилик* — сватовство, *келин* и

⁵ Саидбаев Т. С. Ислам и общество. М.: Наука, 1978, с. 191.

⁶ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Узбекистана. М.: Наука, 1969, с. 19.

— приветствие невесты, *пул чочки* — разбрасывание денег, раздача *ова, гушанга кириш* — введение невесты за занавес, *ойнага каратиш* *онага карамок* — букв.: смотреть в зеркало), *юз очди* — церемония отрывания лица невесты, *чилла* — проводы молодых под символической рышей, специально к свадьбе сплетенной из тростника, *чарлар* — приращение новобрачных в дом родителей жениха или невесты через некоторое время после свадьбы и соответствующее торжество по случаю приема молодоженов. На узбекской свадьбе и сейчас торжественно оспринимается церемониал преломления хлеба *нон синдириш*, когда собородные старцы разламывают свежее испеченные лепешки, оделяя ми гостей и произнося добрые пожелания жениху и невесте.

В настоящее время в Узбекистане, как и повсюду в союзных республиках, ведется большая работа по пропаганде новых форм семейных торжеств. В Ташкенте и Ташкентской области, например, действуют 13 Дворцов счастья, около сотни так называемых Комнат торжеств. При кишлачных и поселковых Советах, махаллинских (квартильных) комитетах созданы обрядовые комиссии, призванные регулировать ход подготовки и проведения свадебного вечера. И там, где общественность, в частности Советы депутатов трудящихся, не формально, а инициативно и заинтересованно относятся к пропаганде социалистической обрядности, результаты проявляются достаточно быстро и эффективно. Например, вследствие работы специальной комиссии по организации свадеб, состоящей из депутатов и активистов Заркентского кишлачного Совета (расположен в предгорном Янгикурганском районе) свадьбы стали справлять без огромных «купеческих» затрат. Такие свадьбы, лишенные элементов мещанской престижности, даже получили название «заркентских свадеб»⁷.

В городах жителей кварталов, как известно, связывало обязательное участие в семейных обрядах друг у друга, которые по традиции, ухранившейся от родовой общины, носили общественный характер. Эту традицию учел совет руководителей махалли им. С. М. Кирова, расположенной в Акмал-Икраимовском районе Ташкента. Здесь ведется большая работа по формированию прогрессивного общественного мнения; по существу, этот квартал стал центром пропаганды новых семейных обычаев и обрядов, связанных с рождением ребенка, вступлением в брак, с юбилейными и знаменательными событиями в семье (такими, как вручение паспорта, проводы на службу в Советскую Армию). На страницах газеты «Правда Востока» руководитель махаллинского комитета З. Г. Гафуров рассказал о том, что здесь вот уже несколько лет свадьбы проходят «торжественно, ярко, на хорошем эмоциональном уровне, но без излишеств». Стало правилом, что руководство организацией и проведением этого торжества берет на себя комиссия махаллинского комитета, которая совместно с родителями жениха и невесты продумывает весь ход свадьбы, вплоть до составления сметы расходов и числа гостей. Стало традицией, что жених и невеста после торжественной церемонии записи акта бракосочетания отправляются к памятнику В. И. Ленина, могиле Неизвестного солдата, памятникам дающим поэтам и писателям. Знаменательно и то, что в итоге проделанной работы в этой махалле теперь вместо дорогостоящих обычаев выдать невесту деньгами и сладостями ей вручают хлеб-соль и цветы⁸. Следует, однако, отметить, что несмотря на значительное внимание со стороны партийных, советских и общественных организаций к пропаганде современных форм семейной обрядности, еще рано говорить о всеобщем охвате населения современной обрядовой службой, как, например, на Украине. Нередки случаи, когда люди стараются следовать старым традициям, даже тогда, когда они поддерживаются лишь патриархально-авторитарным мнением стариков. Этим суждениям следует противопоставлять опыт жизни старых коммунистов, участников

⁷ Таджибаев Х. Заркентские свадьбы. — Известия, 1983, 8 авг.

⁸ Дружат люди в махалле. — Правда Востока, 1982, 13 апреля.

борьбы с басмачеством, активистов борьбы за раскрепощение женщин, героев Великой Отечественной войны, героев труда.

В преобразовании быта населения, формировании нового социального культурного облика подрастающего поколения, закреплении новых форм семейной и общественной обрядности большую роль играет узбекская женщина. Тем большую социальную значимость приобретают вопросы, связанные с ее подлинным раскрепощением. Например, в этнографических работах отмечалось, что до сих пор у части населения Средней Азии бытует представление о предосудительности пребывания женщин среди посторонних мужчин.⁹ Это не может не мешать женщинам быть общественно активными, трудиться и располагать своим досугом. В настоящее время в Узбекистане осуществляется обширный комплекс мероприятий по дальнейшему повышению трудовой политической активности женщин, вовлечению их в общественно полезный труд. Особое внимание обращается на совершенствование условий труда, быта и отдыха, охраны материнства и детства. Во многих колхозах и совхозах действуют женотделы, ведут работу клубы девушек, женские пединституты, в кишлачных Домах культуры проводят недели чествований матерей-героинь.

И здесь правомерен вопрос: всегда ли так широко рекламируемые новые формы, например, проведения досуга способствуют изживанию существовавших ранее представлений по отношению к женщине? Ответа нет. Порою за красивым названием нового обычая скрывается все тот же неравноправный принцип разделения по полу. Например, как о новой традиции сообщается о практике коллективного проведения досуга в чайханах Наманганской области. В чайхану по давнему обычаю приглашаются поэты, актеры, коллективы художественной самодеятельности, острословы и самые почетные люди квартала. Невольно возникает вопрос: а много ли женщины участвует в таких случаях в чайханах? В самом деле, в некоторых местах республики по-прежнему поддерживаются традиционные формы собраний для мужчин — *гап*, которые осуждаются передовой общественностью.¹¹ О этой форме проведения досуга узбекский этнограф С. М. Мирхасилов писал: «Хотя на содержании бесед и развлечениях во время таких вечеринок сказался общий рост культуры населения и они в какой-то мере удовлетворяют духовные интересы участников *гап*, все же отсутствие женщин придает им отнюдь не современный характер. Для нашего времени этот обычай устарел»¹². Тем не менее итоги опроса в Ташкенте показали, что около 30% узбеков-мужчин входят в товарищество типа *гап* и *тукма*.¹³

Компаний *гап* в кишлаках и городах становится меньше. В некоторых местах создаются компании, в которых принимают участие и мужчины, и женщины, но женщины угощаются отдельно от мужчин, в другом помещении.

В среде сельской интеллигенции, у горожан создаются также компании товарищей-сверстников для совместного проведения досуга мужчин вместе со своими женами. Наряду с мужскими получили распространение женские *гап*, объединяющие подруг-сверстниц. Показательно, что при опросе в Ташкенте около 20% женщин-узбечек назвали себя

⁹ Васильева Г. П. Женщины республик Средней Азии и Казахстана и их роль в преобразовании быта сельского населения.— Сов. этнография, 1975, № 6, с. 25.

¹⁰ Садилов М. С. Из опыта работы парторганизаций Узбекистана по распространению и внедрению новых традиций и обычаев в жизнь трудящихся (на примере Наманганской области).— В кн.: Научные труды Ташкентского ин-та народного хозяйства. В. 155 (Проблемы коммунистического воспитания трудящихся масс). Ташкент 1978, с. 68.

¹¹ См.: Битенева Н. Общесоветские традиции. Алма-Ата: Казахстан, 1974, с. 6.
¹² Мирхасилов С. М. Из истории общественного быта узбеков.— Сов. этнография, 1963, № 5, с. 121.

¹³ *Гап* — определенные компании, собирающиеся на вечеринки с угощением, устраиваемые по очереди раз в неделю одним из участников компании. *Тукма* — собрания определенной компании на вечеринки, устраиваемые в складчину в зимний период.

участницами таких гап. Приведенные факты, безусловно, свидетельствуют о коренных изменениях древнего института гап. Женские гап собираются в домах их участниц, в отличие от мужских, устраивающихся в чайханах. Ярким примером трансформации старинного обычая является и то, что в число участников современных гап входят люди разной этнической принадлежности¹⁴. Материалы этносоциологического опроса в Ташкенте дают возможность охарактеризовать современные товарищества гап по их профессиональному и возрастному составу, выявить связь участников гап с махаллей, главное же — наметить круг встреч респондентов — участников гап в соответствующих товариществах. При ответах на вопрос анкеты: «С кем Вы там обычно встречаетесь?» был предусмотрен следующий выбор: с мужчинами, с женщинами; с земляками, с товарищами по работе, с друзьями; с узбеками, с людьми другой национальности. Этот выбор отражает реальное положение вещей и позволяет наметить общий контур современного состояния древнего социального института. Монографическое исследование вопроса даст возможность его более содержательной характеристики.

Наличие наряду с мужскими гап женских и семейных (или межсемейных — соседских) — это также один из путей, по которым идет освобождение узбекских женщин от традиционных обычаев изоляции. Так как женские и межсемейные гап становятся этнокультурным компонентом социальной среды Ташкента, можно говорить и об эволюции общественного мнения в пользу фактического женского равноправия в семье, об изменении социально-этнических установок, формировании нового типа личности женщины.

В развитии современной обрядово-праздничной культуры, соответственно в становлении новых социально-психологических установок, в формировании новых типов поведения и взаимоотношений между поколениями в семье и обществе большую роль сыграли советские революционные и международные пролетарские праздники. В них всегда сильны мотивы интернационального патриотического и трудового воспитания. Этими важными социально-нравственными принципами проникнуты не только общественно-политические, но и трудовые и календарные праздники. В течение пяти лет, например, на ряде промышленных предприятий Чирчика проводится ставшая традиционной эстафета труда, учебы, культуры и спорта. Ее организаторы уделяют много внимания также интернациональному воспитанию. На заключительных вечерах торжественной обстановке коллектив одного предприятия передает эстафету другому, чествуются победители соревнования, передовики, рабочие династии. Ветераны войны и труда вручают молодым людям комсомольские билеты, награды, объявляются имена людей, которым присуждены почетные звания: «Лучший рабочий по профессии», «Лучший наставник молодежи», «Лучший мастер».

И что примечательно: отмечаемые в республике трудовые праздники — это не только те, которые родились в советское время, но и те, по существовали издревле, ибо как прежде, так и теперь земледельцы и рабочие, сельчане и горожане всей душой волнуются за исход полевой, за итоги уборки урожая. Старинный весенний праздник Навруз байрами, с которого начинаются сельскохозяйственные работы земледельцев и животноводов, встреча первого каравана с хлопком, праздник окончания уборочной или праздник урожая Хосил байрами, как и древний праздник Кавун сайли в честь сбора дынь, — все эти естественные возникшие в глубине веков торжества, связанные с земледелием, теперь повсеместно возрождаются и обогащаются современными идеями и эмоциями, новыми ритуалами. В Узбекистане родились и такие новые праздники, связанные с «белым золотом», как Праздник первых кодов, Праздник первой коробочки, Праздник последней борозды.

¹⁴ Пользуемся случаем выразить признательность А. И. Гинзбург, предоставив автору информацию о современных гап.

Возрождаются красочные *гулгардони* — весенние поздравления жителей селения с цветением маков и тюльпанов. Старинные гулгардони живут сейчас в молодежном празднике «Лола». Некогда кульминацией праздника было торжественное внесение в селение срубленного дерева, украшенного пучками цветов. Это весеннее гулянье, сопровождаемое национальными танцами, пением хоровых песен, сбором распустившихся цветов, по-прежнему привлекает к себе любителей природы. Во время этого праздника люди, собравшись вместе большими группами, направляются в места цветения тюльпанов и маков, готовят там обед, затем с песнями идут собирать цветы.

Преобразился старинный Навруз. Теперь этот весенний праздник часто проводится под девизом всенародного хашара: в сельской местности — это своеобразный смотр готовности к полевым работам, в городах — озеленение кварталов. Это одновременно праздник весны и праздник труда. Наиболее уважаемым людям предоставляется честь проложить первую борозду в поле, открыть весеннюю полевую страду. Участники праздника сообща сажают деревья и цветы, очищают арки, благоустраивают кишлаки. Обязательная часть праздника — народные гулянья, концерты художественной самодеятельности, спортивные игры. В каждом доме проводится праздничное застолье. В современном Наврузе прославление труда и даров земли органично слилось с народным творчеством, фольклором, фестивалями поэзии.

* * *

Таким образом, в общем ходе социально-культурного развития наций определенное место занимают процессы, связанные с развитием современной обрядово-праздничной культуры. Эти процессы тесно взаимодействуют с этническими процессами. Весь же комплекс обрядово-праздничной культуры составляет весомую часть современной этнической культуры народов.

Следует особо подчеркнуть и то, что сформировавшиеся в процессе социально-исторического развития советского общества новые праздники и обряды, как и старые обрядово-праздничные традиции, на обновленной основе вошедшие в жизнь советских людей, представляют собой культурно-идеологические ценности нашего времени.

Изменения в сфере традиционно-нормативного слоя культуры и развитие советских социалистических традиций также являются узловыми проблемами при сравнительном изучении этнических процессов, в том числе и социально-этнических аспектов развития современной обрядово-праздничной культуры. Материалы этносоциологических исследований подчеркивают тесную связь процессов трансформации традиционной культуры с изменениями в социальных характеристиках образа жизни людей, фонде культуры, социально-демографической структуре населения. Изменение культурной специфики, например, под влиянием процесса секуляризации особенно явно выступает при рассмотрении отдельных переменных этнической культуры. Выше было показано, сколь существенные изменения претерпели, к примеру, товарищества гап по своему составу и собственно социальным функциям по сравнению с прошлым. Интенсификации процессов трансформации традиционной культуры и созданию собственно социалистического фонда обрядово-праздничной культуры способствуют объективные социально-экономические факторы, общий ход развития этнических процессов.

Таким образом, становление современной обрядово-праздничной культуры является составной частью этноэволюционных процессов. Исследование этой проблемы приводит нас к постановке вопросов о социальных инновациях, интернационализации социально-культурных условий развития наций, отражении общих и особенных черт этих процессов в духовной культуре. На современном этапе новая обрядность является одним из важных элементов совершенствования духовной и семейно-бытовой сферы развитого социализма.

ДУАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ У ПРИВОЛЖСКИХ КАЛМЫКОВ

Историки и этнографы всегда интересовали вопросы, связанные с исследованием принципов и форм организации древнейших человеческих обществ. Неизбежные трудности, связанные с восстановлением картины ранних стадий развития, успешно преодолевались путем анализа различных общественных структур, имеющих между собой сходство в основных чертах. Точно так же выяснялся и вопрос о развитии дуальной организации¹.

В данной статье на основе общенсторических материалов и архивных документов по истории и этнографии приволжских калмыков² предпринята попытка выяснить роль каждой из сторон дуальной (триадной) организации в жизни кочевых обществ и на примерах истории приволжских калмыков раскрыть ее роль в становлении классовых отношений у кочевников. Автор придерживается точки зрения, согласно которой становление и развитие классовых отношений у кочевников есть результат синтеза внутренних, спонтанных процессов классообразования и воздействия более прогрессивных способов производства оседлой среды. В предлагаемой статье рассматриваются лишь некоторые стороны внутренней феодализации кочевого калмыцкого общества, связанные с местом и ролью дуальной (триадной) организации в жизни кочевых обществ.

К. Маркс писал, что у кочевых пастушеских племен община фактически всегда собрана воедино: это общество совместно путешествующих людей, караван, орда, и формы субординации развиваются здесь из условий их образа жизни³. Исследование форм субординации внесет, на наш взгляд, определенный вклад в выяснение закономерностей и особенностей процесса классообразования у кочевых народов⁴.

К сожалению, дуальные формы общественной организации пока еще не учитывались при определении характера общественного строя кочевников. Исследователи не шли далее утверждения о делении кочевых народов на части: крылья, руки, стороны⁵. Деление племен, в том числе

¹ См. Толстов С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен.— Проблемы докапиталистических обществ. М., 1935, № 9—10.

² Широко привлекая и вводя в научный оборот материалы Центрального государственного исторического архива СССР (ЦГИА СССР), Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР (ЦГА ГССР), Центрального государственного архива Калмыцкой АССР (ЦГА КАССР), Государственного архива Астраханской области (ГААО) о кочевниках-калмыках, автор стремился тем самым преодолеть одну из основных трудностей, стоящих перед исследователями истории кочевых обществ, а именно недостаток источников для исторической реконструкции классообразования у кочевников и особенностей их общественного строя. См.: Перишц А. И. Некоторые особенности классообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-кочеводов.— В кн.: Становление классов и государства. М.: Наука, 1976, с. 287.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 480.

⁴ Изучения этого вопроса требует прежде всего дискуссионный характер проблемы общественного строя кочевых народов. Краткие историографические обзоры проблемы см.: Семенов Г. И. Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1974, с. 9—16; Перишц А. И. Указ. раб., с. 280—287; Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII—начале XX века. Алма-Ата: Казгосиздат, 1971, с. 30—32 и др.; Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976, с. 286—295, и др.

⁵ Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften durch P. S. Pallas. Theil I. Spb., 1776. Успенский В. Страна Куко Нор или Ман Хай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов. Спб., 1880, с. 11; Леонтьев Ф. И. К истории права русских инородцев. Калмыцкое право. Ч. 1. Одесса, 1880, с. 222, 223—224; Владимирцев Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, с. 135, 149. Таков же подход к данному вопросу и у других авторов. См.: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М.: Наука, 1983, т. 2, и др.

и кочевых, на две половины — явление чрезвычайно распространено и известное с древнейших времен⁶. Членение войска на два крыла мы находим в свидетельствах Рашид-ад-дина, Алтан Тобчи и в других сочинениях⁷.

Этнографические и исторические факты позволяют утверждать, что занимая определенное место в дуальной организации, ее части пользовались особыми правами, исполняли отличные друг от друга обязанности, нередко имели особые привилегии. Принадлежность к той или иной части улуса, орды, аймака свидетельствовала о конкретном социально-политическом статусе человека. Причем весь информативный материал дает основание выделить правую часть (*барун*) как более важную по сравнению с левой (*зюн*). Так, даже в юрте кочевников почетное правое место всегда занимал ее хозяин — мужчина⁸. Почетным же местом считалась правая сторона на курултаях, торжествах, приемах в ставках. Свидетельства этому легко обнаружить в калмыцком народном эпосе «Джангар». Так, когда правого круга глава попросил сказать о своих подвигах Хонгора, тот ответил:

Если в правом сидящем кругу
Не задавали вы Джангару вопросов пока,
Как же я с левой своей половины могу
Спрашивать...?⁹

На почетной правой стороне располагались кибитки калмыцких *зайсангов* при временной остановке аймаков на кочевке¹⁰. В состав правого крыла (*барун гар*) монгольского войска (народа) входили *отоки*, состоявшие из старейших подданных владельческой ставки, связанных между собой ближайшим родством. Эти *отоки* при всех перекочевках, в мирное и военное время, всегда держались направо от ставки владельца нойона. К левому крылу (*зюн гар*) относились *отоки*, по родству принадлежавшие к другим племенам, и как союзники, входившие в состав улуса в результате завоевания или же вследствие каких-либо других причин¹¹, то есть те, кто находился в определенной зависимости или от владельцев улусов, или от древних «родственных» *отоков*.

Однако в положение *зюн* становились и родственные племена, если создавались для них неблагоприятные обстоятельства. Известно, что монгольское племя *бахрин* после поражения и убийства его предводителя получило на курултае место на левой стороне (*зюн*). Источники же утверждают, что ранее это племя, подобно своим родственникам — *конгуратам*, *найманам*, *джалаирам*, *уйшунам* и другим, «сидело и бывало на правой стороне»¹².

Вполне возможно, что корни дуальной организации племен уходят в далекое прошлое. В период всеобщей экзогамности родов в ее оформлении сыграли важную роль гентильные связи. В дальнейшей эволюции этого института преимущественное значение получали уже социально-экономические и политические связи и отношения. Известно, как строго придерживались принципов экзогамности дербетовские, торгоутовские и хошоутовские нойоны. Ф. Энгельс даже считал, что Мак-Леннан¹³ доказал наличие у калмыков родовых отношений¹⁴. Но несмотря на су-

⁶ Толстов С. П. Указ. раб., с. 27—28; Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950; Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Сочинение П. И. Рычкова 1762 года. Оренбург, 1887, с. 17, 99, и др.

⁷ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.—Л., 1952, с. 76, 87; Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (Золотое сказание). М.: Наука, 1973, с. 156.

⁸ Путешествие в Восточные страны Плато Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 92, 94.

⁹ Джангар. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971, с. 144, 213 и др.

¹⁰ Информация Ц. К. Корсункиева (Элиста, Калмыцкая АССР, 1979).

¹¹ Леонтович Ф. И. Указ. раб., с. 222.

¹² Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.—Л., 1941, с. 207, 208.

¹³ McLennan J. F. Primitive Marriage. Edinburgh, 1865, p. 74—80.

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т. 21, с. 130.

существование родственных отношений по женской линии и острейшие политические столкновения, в целом дербетовские, торгоутовские и хонгутовские улусы так никогда и не стали в положение зюн-барун, поскольку каждому из этих политических объединений удавалось сохранить независимость, самостоятельность. Если же часть из этих улусов и попадала фактически в положение зюн, то не в результате родственных связей, а вследствие политических междоусобиц.

Бесперывные столкновения заставляли расширять сферу контактов и толкали многие роды и даже племена к объединению, к поиску союзников для обороны или нападения. Более могущественные из них, подчиняя силой оружия или посредством договорных отношений тех, которые были слабее, ставили их в положение определенной политической, а возможно, и экономической зависимости. С другой стороны, остаточные традиции, продолжавшие еще действовать правила экзогамии, необходимость ее сохранения требовали поддержания в чистоте и неприкосновенности устоев и традиций племени (рода) победителя¹⁵. Дальнейшее включение чужеродных элементов грозило самому существованию рода. Временный выход нашелся в выделении зависимым, патронируемым племенам особого места, но в рамках уже относительно единой родо-племенной структуры, что, впрочем, лишь отсрочило развязку. Постепенно дуальная композиция древних обществ, основанием которой служили родственные, экзогамные общественные связи, начала уступать место такому же построению, но базировавшемуся уже на территориальном, социально-политическом делении с вытекающими отсюда последствиями переходного периода.

Значит ли это, что подобный исход был возможен при подчинении только этнически чужеродных родов и племен? Нет, сама система взаимоотношений между родами, обусловленная определенными факторами, обычаями, договором, наконец, традицией, претерпевала существенные изменения. В силу исторических обстоятельств, например борьбы за условия существования, т. е. за кочевья, в результате конфликтных ситуаций на имущественной основе при заключении брачных союзов вследствие определенных естественно-географических и внешнеполитических факторов одни роды начинали выделяться в хозяйственном и политическом отношении и подчинять себе более слабые объединения. И подтверждение этого процесса мы находим в конкретных историко-этнографических фактах. Тем более необходимо учитывать, что дуальная структура включала в себя не только отдельные роды, но и целые племена и даже объединения племен. Очевидно, подобная организация лежала в основе взаимоотношений монголов и ойратов в ранний период их истории. Может быть, именно этим и объясняется утверждение В. Успенского о том, что ойраты (в дальнейшем — зюнгарты) были пастухами и рабами прежних монголов и представляли собой самый низший класс народа¹⁶.

При решении вопроса о внешней или внутренней интеграции дуального типа речь может идти лишь о степени зависимости одних коллективов от других, об уровне эксплуатации. И внешнее, и внутреннее объединение этнически разнородных или же этнически единых сообществ (различие это несущественно) создавали видимость племенного единства. И неудивительно, что даннические отношения и даже само слово «дань» порой назывались «братством»¹⁷.

Появление барун (как части племени, более привилегированной) и зюн (как части, утратившей отдельные, если не все, элементы самостоятельности) идеологически и политически решило проблему локальных конфликтов: зюн подчинились барун. Последние, возможно, обеспечивали безопасность первых. Но по отношению к третьим обществам обе

¹⁵ Вспомним, что привилегированный род брал у своих зависимых «однородцев» девушек в жены. См.: *Рашид-ад-дин*. Указ. раб., т. 1, кн. 1, с. 107; *Владимирцев Б. Я.* Указ. раб., с. 65.

¹⁶ *Успенский В.* Указ. раб., с. 72.

¹⁷ *Периц А. И.* Указ. раб., с. 222—224, 295.

части всегда выступали единым этническим комплексом. Так, например, действовали все торгоуты в борьбе с дербетами и все калмыки в столкновениях с другими народами. Таковыми же, на наш взгляд, были взаимоотношения парных подразделений и у арабов: в обычное время между ними наблюдались соперничество, традиционный антагонизм, но в конфликтах с другими племенами они всегда выступали вместе¹⁸.

Постепенно дуальная организация завоевывала себе все больше и больше места в социальной жизни кочевых обществ, внедряясь не только в отдельные коллективы, но и в целые народы. В последнем случае она скоро угасала ввиду полной невозможности сохранения и поддержания ее в таких широких масштабах. Застойность, слабое развитие производительных сил в обществах кочевников, единообразие способа добывания средств к существованию, а возможно, и необходимость объяснения традиционных общественных связей в полупатриархальном обществе — все это способствовало консервации принципов дуальной организации и даже ее возобновлению и функционированию после крупных политических кризисов, которые испытывали кочевые народы, например таких, как перекочевка ойратских племен в Россию, откочевка большей части калмыков в Джунгарию в 1771 г. и др.

В литературе и источниках упоминается не только дуальная, но и триадная форма организации кочевых обществ, деление их на три части, на три «знамени». Военная организация триадного типа рассмотрена Г. Г. Стратановичем, попытавшимся определить политико-социальное содержание каждой из этих трех частей: правая часть — военнообязанные, левая несла гражданскую службу, а центр превращался в средоточие политической власти¹⁹.

Когда действовала триадная организация кочевого общества: только ли в военное время или также и в мирный период его развития? В 1822 г. у приволжских калмыков была проведена черновая кодификация норм обычного права на основе Монголо-ойратского уложения 1640 г. Согласно мнению двух членов (представителей калмыцкого народа в Комиссии калмыцких дел), калмыки обязаны были кочевать по принципу: каждый в своем роде — зюнах, барунах и зотарах, причем Ф. И. Леонтович, называя эти части отделениями, переводит их на русский язык как сотни, сорока и десятки²⁰, что представляется неверным. К тому же и слово зотар здесь, очевидно, искаженное переписчиком или наборщиком слово *запсар*, *забсар*, обозначающее середину (букв. — промежуток). Кстати, ниже в этой же работе Ф. И. Леонтович упоминает и термин *забсар*.

Итак, каждый калмык, каждый род или его отделение должны были кочевать в выделенном им месте улуса, в месте, которое определялось их социально-экономическим и политическим положением в структуре калмыцкого общества. И действительно, каждый калмыцкий улус разделялся на три части: б а р у н (правая), з а б с а р (середина), з ю н (левая). В 1751 г., например, Дондук Даши сообщал астраханскому губернатору Брылкину о выделении *бодокчея* (торгового посредника) «из наших трех частей улусов от одной, называемой запсор»²¹. Деление улусов на три части было закреплено даже законодательно. Тот же Дондук Даши своими «Дополнениями» к законам 1640 г. потребовал, чтобы каждый жил в своей части — или левой, или правой, или средней. Нарушение этого принципа общежития каралось штрафами и наказанием²². В январе 1772 г. икицохуровские нойоны Асархо и Маши в письмах в губер-

¹⁸ Першиц А. И. Пережитки дуальной организации в родоплеменной структуре арабов. — Сов. этнография, 1958, № 3, с. 91—92.

¹⁹ Стратанович Г. Г. Военная организация триадного типа и ее судьбы. — В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1974, с. 223—224, 227—228.

²⁰ Леонтович Ф. И. Указ. раб., с. 69—70, 72.

²¹ ЦГА КАСР, ф. 36, он. 1, д. 252, л. 187.

²² Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хун-тайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук Даши. Спб., 1880, с. 70.

скую канцелярию дважды утверждали: «главные фамилии нашей тор-
гоуовы улусы на три части разделялись, а именно бароны, запсоры и
зюны»²³.

Конечно, после ухода большей части калмыков в 1771 г. из пределов
России триадная организация приволжских калмыков претерпела су-
щественные изменения. Но калмыки, принадлежавшие к вышеназванным
частям триады, отмечены во всех улусах. Так, в Дондуковских улусах
(будущих Багацехуровском и Эркетеневском) кочевало 278 семей «ба-
рунов, эркетенями называемых», и «барун шабинеров род»²⁴. В Янды-
ковском улусе находились кереты-баруны²⁵. Зюны отмечены в Малодер-
бетовском улусе, в Багацехурах. Почти во всех улусах остались заб-
сары²⁶.

Наибольшую живучесть триадная организация обнаружила в Бага-
цехуровском улусе. Известно, например, что в 1818 г. правители этого
улуса избирались от трех отделений — барунов, зюнов и забсар-шабине-
ров²⁷. В 1856 г. багацехуровские баруны насчитывали 196 кибиток,
зюны — 651, забсары — 201²⁸. И. Житецкий выделял в Багацехурах ба-
рунов, забсаров и зюнов даже в 80-х годах XIX в.²⁹ Таким образом,
можно признать, что триадная организация, эта особая структура обще-
ственного устройства, существовала у калмыков не только в военное,
но и в мирное время и распространялась не только на войско, но и на
весь народ.

При анализе триадной организации кочевого общества интерес пред-
ставляет и ее новый элемент, в данном случае обозначенный термином
забсар (середина). Ф. И. Леонтович вслед за Палласом считал людей,
входивших в забсар, перебежчиками. Состоявшие в *genti adscriptio*,
они переходили из одного родового союза в другой, нередко даже со ста-
дами и рабами³⁰. Леонтович связывает забсар с изгоями (так он называ-
ет калмыков, которые освобождались от «стеснительных уз ойратства»
и направлялись в привольные места под защиту чужеродных союзов)³¹.
Названный исследователь совершенно не связывает забсар с его со-
циально-экономическим и политическим местом в структуре кочевого
общества, игнорируя его принадлежность к одной из частей триадной
организации калмыцких улусов даже в условиях последней трети
XVIII в.

Между тем на основании многочисленных фактов можно утверждать,
что забсар по сравнению с зюн и барун — это привилегированная часть
кочевнического общества. Управляющий Астраханской губернией Н. Ку-
знецов докладывал А. Ермолову об этих подразделениях как об «особом
классе людей, не несущих никаких податей»³². Его сообщение верифици-
руется имеющимися сведениями о забсаровом зайсанге Церене Иши,
которому Аюка-хан выдал «во все потомство увольнительные письма»³³.
Подобный же акт существовал и у багацехуровского калмыка Истан-
киева, который давал ему право на свободное кочевание в середине
улуса и неподчинение зайсангам³⁴. В этом же плане можно рассматри-
вать и представленную улусным приставом Обловым копию письма, со-
общавшую, что находившийся в забсарах калмык Конгол Батырь осво-
бождается от податей и подводной повинности³⁵.

²³ ЦГА КАСР, ф. 35, оп. 1, д. 23, л. 340 об.; д. 36, л. 282—282 об.

²⁴ Там же, ф. 36, оп. 1, д. 256, л. 608—608 об.; ф. 33, оп. 1, д. 4, л. 38.

²⁵ Там же, ф. 35, оп. 1, д. 134, л. 76, 78.

²⁶ Там же, ф. 35, оп. 1, д. 8, л. 90; д. 36, л. 303—303 об.; и др.

²⁷ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 153, л. 45—46.

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 19, оп. 19, д. 25493, л. 23 об.—28.

²⁹ Житецкий И. Астраханские калмыки. Астрахань, 1892, с. 110—111.

³⁰ Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-кал-
мыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин бичик). Одесса, 1879, с. 166.

³¹ Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Калмыцкое право...,
с. 223—224.

³² ЦГИА ГССР, ф. 2, оп. 1, д. 933, л. 30, 32.

³³ ЦГА КАСР, ф. 33, оп. 1, д. 230, л. 81 об.

³⁴ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 48, л. 33—34.

³⁵ Там же, ф. 33, оп. 1, д. 2, л. 57.

В списках Большедербетовского улуса за 1822 г. значились калмыки зюн-забарова отделения, обладавшие привилегиями. Они не имели над собой зайсанга³⁶. Правда, в этом же списке назывались и зюн-забары без указания на освобождение их от податей. Кроме того, рядом с ними перечислялись шесть кибиток зюн-забар и две кибитки барун-забар, употреблявшиеся «для разных улусных рассылок и других надобностей». Указанные выше шесть семей принадлежали к *будульчинерам*, в обязанности которых входила охрана пастбищ, выбор мест для стоянки и т. д.³⁷. Все будульчинеры освобождались от податей и повинностей. В связи с этим можно указать, что еще в 1758 г. дербетовский нойон Галдан Церен освободил от податей две семьи своих подвластных, назвав их «зюны запсором». А такие калмыки, по сообщению одного из зайсангов, не платили податей, хотя и несли государственную службу наравне с теми, к чьему роду или аймаку они были приписаны³⁸.

Многие акты документы, подтверждая освобождение калмыков от податей, предписывали им находиться «между» или «среди» улусов, аймаков и даже хотонов. Так, калмыкам Джуджи Гецулю и Чолому разрешалось проживать между дербетовскими улусами, «ни под чьим ведомством»³⁹, причем слово «между» в данном случае переводится не как забсар, а как *дунду*⁴⁰. *Дунду цоохор* (между цоохорами) жили, например, «вольными» 27 семей зооцоевых потомков⁴¹. По решению торгоутского нойона Цебека Убаши калмык Нохончей за свою верность и усердие получил право быть между обоими гурбутами с условием освобождения его от податей и даже от военных походов⁴².

Отметим, что подобные грамоты калмыки получали и до событий 1771 г. Известно, что калмыцкий суд зарго в 1765 г., разбирая причины захвата нойоном Земьяном Мерген Цорджиновых шабинеров, предписал им находиться между Доржи-тайжиным отделением, у кого они сами пожелают⁴³. В 1769 г. нойоны Асархо и Маши дали письмо Бадхаде, в котором сообщали, что по случаю его многократных заслуг он имел право жить «посреди нас на древних правах»⁴⁴. Этот акт в 1828 г. комментировал хошоутовский владелец Ц. Д. Тюмень, депутат Комиссии калмыцких дел. Он подтвердил законность проживания потомков Бадхады среди владельцев «по древним правам», т. е. без уплаты владельческого албана и в средней части улуса, но выразил сомнение по поводу освобождения таких людей от улусных и государственных повинностей.

Приведенный выше материал позволяет выделить забсар как привилегированную часть общества, которая пополнялась членами коллективов зюн и барун в результате получения ими от владельцев или ханов льгот и привилегий и права проживать в центре улуса, «среди владельцев». Часть членов забсар исполняла различные административные функции; вспомним хотя бы забсар-будульчинеров. Если членами забсар становились выходцы из зюневой части, то они именовались зюн забсар, а из баруновой — барун-забар⁴⁵. Для более точного определения этнической и территориальной принадлежности забсаров к их общему названию добавлялось и название рода (*анги*), хотона или даже имя зайсанга, или хотонного старшины. Так, в Большедербетовском улусе проживали калмыки зюн-забарова старшины Мууки, зюн-забарова

³⁶ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 189, л. 38—43 об.; д. 163, л. 29—29 об.

³⁷ Там же, д. 189, л. 58 об.—59; д. 202, л. 223.

³⁸ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 191, л. 121—121 об. Очевидно, в делении казахов на три орды сказались традиции дуальной (триадной) организации казахских племен в прошлом, причем, как свидетельствуют материалы, Средняя орда имела какие-то привилегии в древности. См. Рычков П. И. Указ. раб., т. 107, 109.

³⁹ ЦГА КАССР, ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 347—347 об.

⁴⁰ У Г. Г. Стратановича: зюн, барун, дондо.

⁴¹ ЦГА КАССР, ф. 1, оп. 1, д. 173, л. 1.

⁴² Там же, ф. 33, оп. 1, д. 103, л. 3.

⁴³ Там же, ф. 36, оп. 1, д. 370, л. 756—756 об.

⁴⁴ ЦГИА СССР, д. 383, оп. 29, д. 50, л. 19—19 об.

⁴⁵ ЦГА КАССР, ф. 33, оп. 1, д. 14, л. 115; д. 234, л. 5; ф. 9, оп. 2, д. 10, л. 61—62; ф. 1, оп. 1, д. 202, л. 223; ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 29, д. 3, л. 31—33, 138—139.

анги эркетени, туктунов анги забсар Саги, зюн-забсаровы кебюты, барун-забсар шаретов анги, барун-забсар цоросов род (анги) и т. д.⁴⁶

Каждая часть триады имела определенный круг обязанностей, прав и преимуществ. Именно об этом свидетельствует грамота нойона А. Дондукова, выданная чаеварителю Джамце по поводу назначения его зайсангом баруновой части. Определив условия исполнения зайсангом государственной службы, Дондуков потребовал не присваивать его левой (зюн) и правой (барун), равно и средней (забсар) частям, а служить между тремя обществами самому собой⁴⁷.

Таким образом, дальнейшее развитие общественных отношений приводило к превращению дуальной организации в триадную. Этому способствовало, с одной стороны, известное сближение во всех отношениях зюн и барун, в том числе и в эндогамном плане, а с другой — выделение из первых двух привилегированной части, освобождавшейся от несения различных податей, но выполнявшей эпизодически или постоянно определенные административные обязанности. Эта роль исторически принадлежала середине (забсар, дунду и т. д.). Дуальная организация, продолжая существовать, наполнялась уже иным социальным содержанием. В этом, безусловно, проявлялась зависимость форм субординации кочевых народов от условий их образа жизни.

Какую же роль играла дуальная организация в социальной структуре кочевых народов? Выше уже говорилось, что монгольское племя бахрин заняло левую сторону на курултаях только после того, как потеряло определенные элементы самостоятельности и независимости. Цзун гар войск Чингисхана состоял из подчиненных ему племен и народов⁴⁸. Об этом же писал и Ф. И. Леонтович: левое крыло монгольского войска формировалось из неродственных племен, входивших в состав войска в результате завоевания или каких-либо других причин. Попытаемся реконструировать модель общественного устройства (дуальную организацию) у кочевников на материалах более позднего времени по истории приволжских калмыков. При этом необходимо иметь в виду, что калмыки-ойраты перенесли свое общественное устройство в Россию из Джунгарии и Монголии.

Политика покорения и захватов чужеродных племен и народов практиковалась кочевниками с давних времен⁴⁹. Этой же политики временами придерживались и ойратские (калмыцкие) нойоны, и тайши в российский период их истории. Так, еще в первой половине XVII в. Хо-Орлюк подчинил своей власти многих ногайцев, джембулукских татар, хатай-кипчаков, малибаш и др.⁵⁰ В 1661 г. новый правитель Бунчук присягал России не только за себя, своего отца, племянников и улусных людей, но и за ногайских, едисанских, джембулукских, малибашских, киличинских мурз, их семьи и подвластных им людей.

Не изменилась эта политика и при Аюке-хане, в последней трети XVII — первой четверти XVIII в., и далее при его преемниках⁵¹. Так, среди подданных калмыцких ханов назывались 8 тыс. семей кундровских татар⁵², а также туркмены, бухарские татары. Далеко не все они были

⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 29, д. 3, л. 138—139; ЦГА КАСР, ф. 9, оп. 2, д. 10, л. 61—69.

⁴⁷ ЦГА КАСР, ф. 1, оп. 1, д. 47, л. 2.

⁴⁸ Успенский В. Указ. раб., с. 75—76.

⁴⁹ Владимирцев Б. Я. Чингис-хан. Берлин — Петербург — Москва, 1922, с. 62; Лубсан Данзан. Указ. раб., с. 201, 246, 290; Успенский В. Указ. раб., с. 63, 68; Рашид-ад-дин. Указ. раб., т. 1, кн. 1, с. 92—93, 114—115, 127, 179, 185; т. 1, кн. 2, с. 10, 15, 16, 269, 280 и др.

⁵⁰ Попов П. Краткие замечания о приволжских калмыках. — Журн. Министерства народного просвещения, 1839, ч. XXII, № 4, отд. 2, с. 19.

⁵¹ Архив Ленинградского отд. Ин-та истории АН СССР, ф. 36, оп. 1, д. 435, л. 56; Кочкаев Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества. Алма-Ата, 1973, с. 32; Небольсин П. Очерки Волжского Низовья. — ЖВМД, 1852, ч. 39, с. 59.

⁵² См.: Материалы к истории натуральной Палласа. — ЦГА КАСР, ф. 35, оп. 1, л. 72, л. 99—102.

интегрированы калмыками: очевидно, преобладали лишь внешние формы эксплуатации в виде даней. Известно, например, что туркмены калмыцким ханам «повсегодно подати привозили»⁵³. В 1753 г. Дондук Даши сообщал, что его подданные, мангишлякские туркмены, не только платили подати и «во всяких делах послушны пребывали», но и в настоящее время желают привезти подати и охотничьих птиц⁵⁴.

Однако среди зависимых племен были и такие, которые входили в состав Калмыцкого ханства. Об этом, к примеру, свидетельствует переписка наместника ханства Убаши с астраханским чиновником Бехтевым по поводу двух семей «калмыцкой природы татара», которые находились в Астрахани с их же калмыцкими татарами, называемыми бесулу. Все они платили подати своему владельцу, Эмегену Убаши, но в последнее время вышли из подчинения⁵⁵. Даннические отношения подобного типа были наиболее гибкой формой эксплуатации, позволявшей кроме всего прочего разнообразить ассортимент получаемых в виде дани товаров, что в условиях строго моноотраслевого хозяйства имело исключительно важное значение. Своеобразное разделение труда, поддерживаемое иногда силой оружия, закреплялось развитием торговых отношений⁵⁶.

С XVIII в. в положение зависимости от приволжских калмыков и их ханов и нойонов начинают попадать и их однородцы из Джунгарии. В первой трети XVIII в. джунгарский нойон Лоузанг Шоно прибыл на Волгу с тысячей кибиток, но был разграблен ханскими багутами, которые совершенно не обратили внимания на его родственные чувства. Не признав его как родственника, они взяли с него 37 верблюдов, 479 коров и лошадей, 183 барана, 21 лошадь со сбруей, одежду для 12 человек. Жалуясь на поборы, причиненные его калмыкам багутами, Шоно заметил, что последние «другим никому таких обид не чинили»⁵⁷. Таким образом складывались отношения хана Дондука Даши с нойоном Никмаром. В письме к В. Н. Татищеву Дондук Даши разъяснял, что Никмар не знает о том, что именно ему, хану, были пожалованы улусы Галдана Данжина, и думает, что якобы он, хан, имеет эти улусы «в добычу принять»⁵⁸.

«Принять в добычу» — значит, подчинить своей политической власти и установить произвольную систему поборов. Именно на таких принципах были построены отношения приволжских калмыков с прибывшими на Волгу из Джунгарии нойонами Салдыком, Норбо Цереном, Шеаренгом, ордой джунгаров в количестве 800 человек. Последние были прекрасно осведомлены о бытовавших в среде кочевников формах эксплуатации. Поэтому они предварительно договорились с калмыками, чтобы никто из прибывших джунгаров не был захвачен и владельцы, зайсанги, демчи и шуленги не были разлучены со своими улусными людьми («и не расковывать, подати не требовать, кроме единственного в походы употребления...»). Но не успели они появиться на Волге, как хан Дондук со своими калмыками разделили их на части среди торгоутов и «содержали в холопстве»⁵⁹.

Следовательно, налицо факт различного социального и политического положения старых, древних подданных и новых, только вошедших в состав улусов. Те же джунгары, прибывая на Волгу, договаривались с калмыцким ханом, чтобы их «яко и торгоуты содержать велено было».

⁵³ ЦГА КАСР, ф. 36, оп. 1, д. 52, л. 184—184 об.

⁵⁴ Там же, д. 271, л. 544.

⁵⁵ Там же, д. 365, л. 363.

⁵⁶ См.: Карагодин А. И. К истории торговли Астраханского края в первой половине XIX в. — Изв. Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки, 1976, № 2; *его же*. Калмыцкий базар (из истории торговых отношений в Калмыкии во второй половине XVIII — первой половине XIX в.). — В кн.: Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981.

⁵⁷ ЦГА КАСР, ф. 36, оп. 1, д. 52, л. 139, 220.

⁵⁸ Там же, д. 137, л. 114 об.

⁵⁹ Там же, д. 365, л. 6—6 об.; д. 344, л. 673—673 об.; д. 368, л. 618—619; ф. 35, оп. 1, д. 72, л. 99—102.

Дондук Даши, принимая в 1743 г. во временное управление 1816 кибиток Багацохуровского улуса, брал на себя обязательство поступать с ними, как с собственными своими калмыками⁶⁰. Кстати, и раздавали и дарили калмыцкие нойоны не старых подданных, а именно новых, вошедших в улусы на положении неравноправных, зависимых. Тот же Дондук Даши в 1748 г. отдал в вечное и потомственное владение донскому чиновнику Н. Сулину семью из четырех человек, принадлежавшую его политическому противнику: она была из части улусов Дондук Омбо⁶¹.

Структура общественных взаимоотношений в кочевом обществе существенно изменилась в результате событий 1771 г., следствием которых был уход большей части калмыков во главе с наместником Калмыцкого ханства Убаши из пределов России в Джунгарию. На Волге остались только политические противники со своими улусами и часть калмыков, принадлежавших как самому Убаши, так и его сторонникам, которые по различным обстоятельствам не сумели последовать за своими предводителями. Царское правительство, проводя довольно гибкую политику по отношению к калмыцкому господствующему классу, решило раздать последние оставшимся нойонам за верность их Русскому государству, стимулировать тем самым спонтанные процессы феодализации. По Указу от 12 декабря 1771 г. калмыцким нойонам было роздано около 5 тыс. семей (кибиток). Нойон Яндык получил 690 кибиток, Маши и Асархо — 340, А. Дондуков — 1950, Замьян — 754, Тюмень — 257, Дербеты — 454 и т. д.⁶² Очень важный факт из истории этого времени сообщает Ф. И. Леонтович: многие зюнгары, оставшиеся от наместника Убаши в России, присоединились к торгоутовским улусам в составе их левого крыла⁶³. На самом же деле, в этом положении оказались не только зюнгары, но и все другие калмыки, не успевшие за Убаши и розданные затем русским правительством приволжским нойонам. Все они вошли в состав улусов приволжских калмыцких нойонов на положении новых подвластных, неприродных, иноплеменных, неродственных, так называемых *орулх албату* (букв. вошедшие подвластные)⁶⁴. Таким образом, левое крыло приволжских калмыков объединяло прежде всего *орулх албату*. В новых исторических условиях, когда были нарушены привычные формы субординации в этнически целостных объединениях, построение зюн-барун фактически осуществлялось через взаимоотношение *орулх албату* — *хуучин албату* (древние, старые, природные подвластные)⁶⁵.

Ф. И. Леонтович признает, что взаимоотношения зюн и барун определялись не только родством, но и интересами взаимной защиты и общими тягловыми отношениями. Если понятие «взаимной защиты» не нуждается в конкретизации, то «общие тягловые отношения» следует определять социально-политическим местом зюн (*орулх албату*), во многом подчинявшихся барун (*хуучин албату*) и их нойону. С этих позиций следует объяснять и факт назначения баруновского зайсанга над зюновскими людьми⁶⁶. Таким же по содержанию было и дело зайсанга Боргока, правителя левого поколения. Его столкновения с владельцем Дербетовского улуса закончились передачей зайсанга с аймаком нойону Чучею как награды в счет положенных тому *орулх албату*⁶⁷.

Чтобы с успехом осуществлять эксплуатацию почти пяти тыс. *орулх албату*, необходимы были соответствующие сила и власть. Отчасти эту роль играло русское правительство, а точнее его чиновники на местах, астраханские губернаторы с их аппаратом власти. Стабилизация и развитие калмыцкого общества с последней трети XVIII в. происходили на

⁶⁰ Там же, ф. 36, оп. 1, д. 346; л. 86 об., 128—128 об., 130—130 об.

⁶¹ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 39, л. 1, 3, 6.

⁶² Там же, ф. 35, оп. 1, д. 36; л. 43, л. 131—137.

⁶³ Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Калмыцкое право..., с. 225.

⁶⁴ Оруд кюн — человек из другого рода.

⁶⁵ Ср. характер взаимоотношений ахагаров и амгидов у туарегов Сахары. См.: Першиц А. И. Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. — В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М.: Наука, 1968, с. 339—340.

⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 29, д. 9, л. 27—28, 34, 46.

⁶⁷ ЦГА КАСР, ф. 35, оп. 1, д. 167; л. 14—14 об.

старой основе, но в новых исторических условиях. Это проявилось прежде всего в выделении калмыкам строго определенной территории для кочевания и в установлении неослабного политического контроля русских властей, усилившегося после событий 1771 г.

Однако хотя русские власти и выступали всегда в защиту нойоновладельцев улусов и орулх албату, но этого было недостаточно. В степи шла своя жизнь, определявшаяся издавна сложившейся структурой подчинения и зависимости. Калмыцкому господствующему классу необходимо было искать опору в собственном стане. Такой опорой стали природные подданные (хуучин албату), угнетение которых если и не прекращалось в такие периоды, то имело фактически символический характер. Эксплуатация почти полностью переносилась на орулх албату. Дальнейшая эволюция внешних форм эксплуатации проявлялась в том, что коллективные формы угнетения соседствовали и развивались одновременно с индивидуальными.

Такой характер классовых отношений особенно ярко выступает в Икицохуровском, Яндыковском, Хошоутовском, Багацохуровском и Дербетовском улусах, где были орулх албату. Уже в 1772 г. владельцы Икицохуровского улуса Асархо и Маши обратились к губернатору Бекетову за поддержкой при назначении рублевого сбора с зажиточных калмыков. События в этом улусе развивались бурно. Хуучин албату угрожа истребить всех *харахусов* (название одного из отделений, принадлежавших к орулх албату), потребовали от них в «презент» (т. е. холопство) 50 мальчиков и девочек⁶⁸. В 1783 г. нойон Маши взял с харахусов большие подати. Новый губернатор М. Жуков посоветовал нойону содержать своих подданных «в равенстве», чтобы одни перед другими «обижены как в поборах, так и во всем не были»⁶⁹. Губернатору трудно было понять разницу в положении различных групп подвластных нойону людей.

А угнетение орулх албату все время усиливалось. В 1786 г. нойон Цаган Кичик захватил у харахусов много скота и денег и принудил их платить за себя огромные долги армянским ростовщикам. Произвольные поборы, лишение харахусов элементарной правовой защиты были следствием именно их принадлежности к орулх албату, т. е. не природных древних подвластных, а «пришедших под власть его, владельца».

Неоднократные попытки харахусов изменить свое положение не давали результатов. Дальнейшие события подтвердили наличие среди наследных улусов Асархо и Маши (по официальным данным, в них насчитывалось 996 кибиток) коллективных форм эксплуатации. Подати платили и отправляли повинности только 600 кибиток улуса, а хуучин албату от податей и повинностей владельцем были «отменены». Новый владелец улуса Цебек Убаши, продолжая линию своих предшественников, забирал скот у харахусов, сгонял с мест кочевания, произвольно налагал подати. Он по-прежнему считал их не природными (хуучин албату), а поступившими подвластными (орулх албату). Через все жалобы харахусов проходит требование сравнять их в податях и в правовом отношении с хуучин албату⁷⁰, а позже — с эркетенями.

Последние (около 200 семей) также находились на положении орулх албату и также подвергались «несравненно противу прочих аймаков» поборам со стороны владельцев. Но им удалось через Калмыцкую канцелярию добиться ограничения податей двумя рублями с кибитки и кочевания по своему желанию и воле⁷¹. Правда, их новые владельцы и зайсанги по-прежнему считали их в составе орулх албату и на этом основании требовали громадных податей и продолжали притеснять⁷².

⁶⁸ Там же, д. 146, л. 1—2.

⁶⁹ Там же, д. 167, л. 15 об.

⁷⁰ Там же, ф. 33, оп. 1, д. 26, л. 1—2, 5—6, 15—15 об., 86—86 об. и др.; д. 89 л. 22—22 об. и др.

⁷¹ Там же, д. 9, л. 14—14 об.; д. 5, л. 99 об.—100.

⁷² Там же, д. 84, л. 48; д. 9, л. 25, 29.

Для окончательного выяснения места орулх албату в социальной структуре калмыцкого кочевого общества обратимся к анализу примирительных условий, составленных в 1792 г. харахусами совместно с ики-похуровским нойоном Цебеком Убаши. Важность этого документа состоит в том, что он был одобрен обеими сторонами. Против каждого пункта условий владельца излагались обязанности харахусов, и, наоборот, права харахусов тут же подтверждались обязательствами нойона. Условия включали восемь пунктов и охватывали наиболее важные стороны общественной жизни кочевников. Главные из них — размеры податей и принципы кочевания. Сразу скажем, что харахусам не удалось использовать эркетеневский прецедент. По условиям они обязывались платить владельцу по 4 руб. с кибитки в год. Это значительный шаг по сравнению с бывшим их положением орулх албату. Утверждалась фиксированная норма подати. Юридически это достигалось выдачей харахусам расписок с владельческой печатью.

Кроме четырехрублевого сбора харахусы должны были платить по 50 коп. с кибитки на сборы владельца в случае его участия в каких-либо военных походах. В этом же случае владелец получал от харахусов два верблюда, которых должен был вернуть после похода. По смыслу условия харахусовские калмыки в этом вопросе уравнивались с другими подданными нойона, о чем свидетельствует указание на соблюдение очередности при предоставлении верблюдов владельцу. По 50 коп. с кибитки харахусы вносили в доход владельца улуса и при его болезни, поскольку по калмыцкому обычаю весь улус должен осуществлять молебствие (*гурюм*).

Условия примирения обязывали харахусов предоставлять нойону в **ру**луги одного человека.

Особым пунктом определялись принципы кочевания харахусов, согласно которым они получали право кочевать по своей воле, где пожелают. Однако им тут же предписывалось ежемесячно извещать владельца о своем местопребывании. Для харахусов-кочевников важно было, по чьей именно воле они будут кочевать — по своей или же по воле владельца. Кочевать рядом с владельцем, чего он всегда добивался, для простолюдинов означало не только ухудшение мест кочевок (лучшие уголья выделялись владельцу и его приближенным). Совместное кочевание владельца и его подданных предполагало для последних прежде всего массу дополнительных поборов и расходов, усиление подводной повинности и отгонов скота. Кочевание рядом с нойоном обеспечивало ему участие простолюдинов и в обслуживании нойонского хозяйства. Все это, как и выделение постоянного работника, свидетельствовало о появлении начальных форм отработочной ренты.

Примирительные условия⁷³ — это пока еще разновидность даннических отношений, основанных на договорных началах⁷⁴. Заметим здесь же, что ни в одном из пунктов договора ни зайсанг, ни нойон не брали на себя обязанность «призирать» своих подданных, как это делалось по отношению к хуучин албату. Впрочем, примирительные условия, заключенные харахусами с владельцем, действовали недолго. Новые владельцы улуса не считали нужным их исполнять. И уже в 1813 г. поверенные Харахусовского улуса сообщали, что нойон Джиргал налагал на них подати по 30 тыс. руб. в год (их к этому времени было 400 кибиток) и «делал разные несносные стеснения»⁷⁵.

Подобные взаимоотношения хуучин албату и орулх албату наблюдались и в других улусах⁷⁶.

⁷³ Там же, ф. 33, оп. 1, д. 89, л. 42, 46—47 об.

⁷⁴ В Багацохуровском улусе на таких же договорных началах строились взаимоотношения зайсанга Кошту с одним из аймаков. См.: ГААО, ф. 476, оп. 3, д. 193, л. 1 об., 12—12 об., 16—16 об., 17, 18.

⁷⁵ ЦГИА ГССР, ф. 2, оп. 1, д. 441, л. 64.

⁷⁶ ЦГА КАСР, ф. 35, оп. 1, д. 23, л. 295; д. 185, л. 336—336 об., 339-а, 339-б. В Хошоутовском улусе из 817 кибиток «собственных» было всего лишь 63. Политика владельца этого улуса Тюменя была настолько успешной, что один из русских чиновников сравнил его управление с лучшими распоряжениями русских помещиков (ЦГА

История приволжских калмыков XIX в. показывает, что постепенно различия в положении хуучин албату (барун) и орулх албату (зюн) стирались. Добившись при помощи хуучин албату полного господства над орулх албату (зюн), владельцы затем включали в орбиту эксплуатации и хуучин албату (барун). Вспомним, что еще Аюка старался перемешать различные иноплеменные поколения с подвластными себе калмыками⁷⁷. Б. Я. Владимирцев не раз упоминал о ссорах ойратов и монголов, ссоре левого крыла с правым. Представляет интерес и такой факт: когда Даян-хану (уже утвердившему свою власть в левом крыле) предложили уничтожить и правое, перемешав его с левым, он ответил: «Если разбить шесть туманов народа, только и оставшихся древних сорока тем монгольского улуса, то что за выгода будет для меня в том, что стал я хаганом — владыкой всех?» Назвав этот ответ очень интересным, Б. Владимирцев почти никак его не прокомментировал. А речь здесь шла не только о признании традиционного главенства древних (хуучин) монголов, принадлежавших к правому крылу (барун). Живы были еще воспоминания о той силе, которая фактически привела к господству Даян-хана над левым крылом (зюн). Сам же Б. Владимирцев пишет, что первоначально хаганы и царевицы утвердили свою власть в левом крыле монгольского народа. В правом же хозяйничали *сайд*, т. е. местная феодализирующаяся родовая (по Б. Владимирцеву, феодальная) знать. После же усиления и закрепления с помощью барун (хуучин албату) в левой части хан и его наследники добились таких прав и в правой части, преодолев для этого сопротивление сайдов.

Аналогично развивались события и в большинстве калмыцких улусов. Только там установление господства над хуучин албату — результат времени и политического вмешательства Русского государства.

Таковы в общих чертах эволюция и роль дуальной организации в становлении классовых отношений у кочевых народов. Многочисленные материалы по истории приволжских калмыков показывают пути дальнейшего развития института зюн—барун; значение этой формы субординации для формирования классового строя кочевых народов. Коллективные формы угнетения в связи с изменением условий жизни постепенно уступали место новым отношениям, при которых усиливалось сочетание и взаимопроникновение коллективных и индивидуальных форм эксплуатации, но при растущем удельном весе последних. В процессе подобного синтеза положение зюн (орулх албату) мирными или немирными средствами переносилось господствующей верхушкой и на барун (хуучин албату), а примитивные формы даннических отношений дополнялись затратами отработочной ренты⁷⁹.

КАССР, ф. 2, оп. 2, д. 1, л. 197). Правда, в этом случае нельзя упускать из вида и особенностей формирования земельной собственности в Хошоутовском улусе. См.: *Капрагодия А. И.* К вопросу о характере частного землевладения в Калмыкии. — *Вестник Калмыцкого НИИ языка, литературы, истории*. Сер. историческая. № 15. Элиста, 1974, с. 39—60.

⁷⁷ *Небольсин П.* Указ. раб., с. 59.

⁷⁸ *Владимирцев Б. Я.* Общественный строй монголов..., с. 148, 153—154.

⁷⁹ Согласно К. Марксу, отработочная рента является самой простой формой ренты, «наиболее простой и первоначальной» формой ренты. Продуктовая рента предполагает уже более высокую культуру у непосредственного производителя, более высокую ступень развития его труда и общества вообще. См.: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. 2, с. 352, 358.

А. Я. Гуревич

ЭТНОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ

Одно из наиболее значительных явлений в области развития исторического знания на протяжении последних десятилетий — сближение между родственными, но все же разными научными дисциплинами — этнографией (этнологией) и собственно историей. Взаимодействие это

представляется, скорее, односторонним: речь может идти преимущественно о влиянии этнографических методов исследования и этнографических данных на историческое знание.

Историческая наука XVIII и XIX вв. строила свой предмет, исходя из европейской модели, в основе которой лежат категории эволюции, динамики, прогресса. Однако открытие для науки народов Востока, Африки, Латинской Америки, островов Океании и др. неизбежно должно было продемонстрировать локальную ограниченность традиционной модели и поставить историков перед новыми вопросами. Если историю «на европейский лад» мыслили в виде непрерывного восходящего развития, то знакомство с социальными отношениями неевропейских народов и цивилизаций обнаружило всю значимость иных категорий, которые «европейцы» не принимали должным образом в расчет: стабильность, неизменяемость или чрезвычайно медленные перемены, повторяемость, циклизм, всеисилие традиции. К пересмотру европейской модели толкал кризис понятий прогресса и эволюции в той форме, какую им придавала историческая мысль XIX в. Постепенно стала выясняться односторонность такого подхода к истории, когда значимыми и достойными изучения считались только изменения, поступательное движение, а пласты общественной жизни, казавшиеся неподвижными, исключались из рассмотрения.

Расширение поля зрения историков, которое стало охватывать наряду с динамичной событийной историей также и историю экономики и социальных отношений, показало, что эти отношения подчиняются иным ритмам, не совпадающим с ходом политического развития. До тех пор, пока история оперировала понятием государства как отправной категорией отбора исторического материала и сосредоточивала внимание на деятельности правителей, полководцев и дипломатов, по сути дела игнорируя жизнь подавляющего большинства населения, историческое время как таковое не являлось для историков проблемой — то было время политической истории. С усложнением предмета истории, включением в него нетрадиционных сюжетов перед научным сознанием во весь рост встала проблема разнохарактерности и множественности социального времени: наряду с «кратким», «нервным» временем событий («исторических конъюнктур») существует «долгое», медленно текущее время «исторических структур» — время незаметных или малозаметных изменений в области материальной жизни, с одной стороны, и «ментальностей» — с другой¹. К понятию ментальности мы сейчас обратимся, а пока нужно отметить, что категория «длительного времени» (*la longue durée*) была подсказана Ф. Броделю как социологией, так и этнологией. В своем исследовании о мире Средиземноморья в XVI в.², считающемся классикой «новой историографии», Бродель стремился выявить разные ритмы, которым подчиняются осваиваемая человеком природа, его хозяйственная деятельность, социальные отношения, духовная жизнь и политические события.

Ментальность (*mentalité*)³ можно было бы определить как манеру чувствовать и думать, присущую людям данной социальной системы в данный период их истории. Она «перекрещивается» с социально-

¹ Braudel F. Histoire et sciences sociales. La longue durée.— Ann. É. S. C., 1958, № 4, p. 725—753.

² Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. P., 1949 (2-e éd., 1966, v. 1—2).

³ См.: Duby G. Histoire des mentalités.— In: L'Histoire et ses méthodes. P., 1961; Dupront A. Problèmes et méthodes d'une histoire de la psychologie collective. Ann. É. S. C., 1961, № 1; idem. D'une histoire des mentalités.— Rev. roumaine d'histoire, 1970, t. IX, № 3; Mandrou R. L'Histoire des mentalités.— Encyclopaedia Universalis, 1968, t. 8; Le Goff J. Les mentalités. Une histoire ambiguë.— Faire de l'histoire, t. 2. P., 1974; Ariès Ph. L'histoire des mentalités.— In: La Nouvelle histoire. P., 1978; Hutton P. H. The History of Mentalities. The New Map of Cultural History.— History and Theory, 1981, v. XX, № 3; Gurevich A. J. Medieval Culture and Mentality According to the New French Historiography.— Arch. européennes de sociologie, 1983, t. XXIV, № 1.

психологическими установками, не будучи им тождественной, ибо в центре внимания исследователей ментальностей находятся не столько скоро преходящие и легко меняющиеся настроения людей (такие, как паника, поведение масс во время войн, восстаний, в моменты религиозного подъема и т. п.), сколько устойчивые коллективные представления, стереотипы сознания, заданные культурой навыки мышления, «духовная оснастка», или «умственный инструментарий», присущие индивидам и коллективам на определенном этапе развития общества и цивилизации. Ментальность воплощает обыденное мировосприятие, повседневный облик коллективного сознания, не систематизированного направленными усилиями мыслителей и идеологов. Идеи производятся теоретиками и затем воспринимаются более широкими кругами, ментальность же присуща любому члену общества в такой же мере, как присущ ему язык на котором он общается с другими людьми.

Как показывает опыт современной медиэвистики (и «модернистики», изучающей историю Европы в XVI—XVIII вв.), в центре внимания историков ментальности находится «картина мира» — то понимание действительности, которое доминирует в сознании людей и охватывает их представления о природном окружении и о социальной среде, равно как и их самосознание. «Картина мира» исторически обусловлена и перестраивается в зависимости от условий жизни общества, но изменения ее происходят чрезвычайно медленно, ибо «картина мира» — образование в высшей степени консервативное, противящееся переменам и покоящееся на традиции. Именно здесь история ментальностей ближе всего подходит к тому разделу социальной психологии, который изучает «способы социальной детерминации деятельности личности, конкретные формы и институты социализации личности, а также проблемы формирования ее социальных установок и ценностных ориентаций»⁴, однако историю ментальностей эти системы интересуют прежде всего в их связи с историко-культурной традицией данного общества.

Неотъемлемым признаком ментальности является неосознанность или неполная осознанность ее «языка». Люди, сформированные данной социально-культурной системой, неизбежно воспринимают детерминированные ею способы мировосприятия и поведения, не вдумываясь в их природу, не рефлектируя над ней. При изучении ментальности раскрывается тот пласт духовной жизни, о котором люди изучаемой эпохи могли и не подозревать и о котором они не собирались сообщать в своих посланиях — в оставленных ими исторических памятниках. Тем самым данные о ментальности людей минувшей эпохи обычно лишены намеренной тенденциозности, и в них эта эпоха как бы невольно «проговаривается» о тайнах их психики, об их видении мира. В указанной особенности ментальности заключается ее огромная познавательная ценность, ибо на этом уровне историк способен расслышать такое, о чем нельзя узнать на уровне теоретически осознанных, «идеологических» высказываний. Поэтому при обращении к анализу ментальности можно рассчитывать на существенное расширение круга знаний о человеке в истории, его представлениях о мире и самом себе, об его чувствах, верованиях, жизненных ценностях, поведении. Эти знания можно было бы получить не в нормативной интерпретации ученых, мыслителей, богословов, а в непосредственном «обиходном» их выражении, в неформальном, «сыром» виде, — короче говоря, примерно в том виде, в каком их собирает этнограф, работающий в «полевых условиях», среди изучаемого им народа.

Получение такого рода знаний отвечает потребности современного человека ближе познакомиться с человеком прошлого и вступить с ним в «диалог». Тем более эти знания необходимы исследователю, ибо, приблизившись к познанию структуры человеческой личности в изучаемую им эпоху, он смог бы полнее уяснить специфику общества и способ его функционирования и изменения. Ведь личность представляет собой своего рода «средний член» между социальной структурой и культурой, и

⁴ Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983, с. 636.

из познания личности в ее конкретном исторически обусловленном об-
ра-же едва ли возможно понять и соотношение социального и культурно-
го. Структура личности, определяемая социально-культурной системой,
своей стороны налагает отпечаток и на культуру, и на общественные
отношения. Поэтому исследование ментальности — первоочередная за-
дача исторической науки.

Внимание к обрисованному выше подходу к духовной жизни людей
прошлого обострилось после того, как историкам, по крайней мере ча-
сти их, стало ясно, что коллективное сознание меняется в ходе истории
и выступает в ином виде при перемещении взгляда исследователя с од-
ного общества на другое. Это понимание было подсказано прежде все-
го этнологией. Едва ли можно сомневаться в том, что М. Блок, один из
созвездных «новой историографии», получил соответствующие
стимулы от французских этнологов и что страницы его труда «Феодалы
и общество», на которых он рисует своеобразие экономического пове-
дения средневековых сеньоров, их нерасчетливую расточительность, при-
ерженность к экстравагантной щедрости⁵, навеяны «Этюдом о даре»
Моссэ (1923)⁶, в такой же мере этнографическим, как и социологи-
ческим исследованием.

Поскольку ментальность — неотъемлемое качество любого человека,
центр внимания историков выдвигаются безымянные массы людей с их
убеждениями, настроениями, верованиями. Представители интеллектуаль-
ной элиты на протяжении большей части истории монополизировали
информацию, которая традиционно была доступна историкам,
тем не менее историк ментальности в состоянии расслышать голос
«безмолвствовавшего» до того большинства: оно заговорило с ним на
языке символов, ритуалов, жестов, обычаев, верований и отражено в
текстах, вышедших из-под пера образованных, но испытывавших на себе
сильное воздействие широкой аудитории с ее запросами, вкусами, ин-
теллектуальным потенциалом.

Выдвижение в центр внимания историков социально-психологических
аспектов, массовидных проявлений духовной жизни не означает отка-
за от изучения социально-экономической истории или умаления ее зна-
чения. Дело в том, что ментальности не изолированы от объективных
условий существования людей и образуют компонент их общественной
жизни. Ментальности — субъективная сторона социального и могут
быть правильно поняты только в широком социально-культурном кон-
тексте эпохи. Однако сфера ментальности связана с материальной
жизнью общества — с производством, демографией, бытом — непрямо,
в высшей степени сложно и причудливо и подчиняется собственным
законам. Отражение определяющих условий исторического процесса в
общественной психологии — обычно преобразованное и даже искаженное;
культурные и религиозные традиции и стереотипы играют в ее формиро-
вании и функционировании огромную роль.

Разглядеть «план содержания» за «планом выражения», проникнуть
в этот не выговоренный ясно и текучий по составу пласт общественного
знания, настолько потаенный, что до недавнего времени историки и не
догадывались о его существовании, — задача первостепенной научной важ-
ности и огромной интеллектуальной привлекательности. Ее разработка
открывает перед исследователями самые широкие перспективы.

Но сразу же встают проблемы. Во-первых, какова должна быть
задача, с которой историк мог бы подойти к источникам, чтобы задать
новые вопросы и тем самым получить новое знание — знание о сти-
льной духовной жизни людей в истории, об их социальном поведении?
Во-вторых, каков круг памятников, которые могли бы послужить ис-
точниками для изучения этого аспекта человеческой жизни?

Здесь-то историк и находит помощь у этнографа (равно как и у эт-
носоциолога и социального психолога). Если перечислить новые для

⁵ Bloch M. La société féodale. P., 1968, p. 432—433 (1-е éd. 1939—1940).

⁶ Mauss M. Essai sur le don. — In: Mauss M. Sociologie et anthropologie. P., 1950.

историографии темы, которые ныне разрабатываются применительно к европейской истории средневековья и начала нового времени, чтобы убедиться в том, что по большей части эти темы не новы для этнографа (как и для фольклористики): время, пространство, брак, семья, сексуальные отношения, женщина, детство, личность, смерть, аккультурация, истина, народная культура, народная религиозность, устная традиция. Темы эти в значительной мере подсказаны историкам-медиевистам и «модернистам» именно этнологической наукой. Вторжение указной проблематики в сферу собственно исторического рассмотрения — результат слома междисциплинарных барьеров, которыми в ходе своего развития и дифференциации отгородились одна от другой науки, изучающие общественного человека. Разумеется, историки пошли на сближение с одними лишь этнологами. Они учатся и у социологов, демографов, хологов, лингвистов; много ценного дает им более близкое знакомство с фольклористикой, литературоведением, семиотикой, искусствоведением, с наукой о мифах, с биологией. И тем не менее решающую роль в обогащении арсенала понятий исторической науки сыграла этнология, случайно историки, работающие в указанном направлении, квалифицируют его как «историческую антропологию» или «антропологически ориентированную историю»⁷. Представители направления, о котором идет речь, выдвигая вопросы, возникшие в других дисциплинах, неизменно переформулируют их в собственных категориях и терминах.

На вопрос об источниках, которые могли бы поведать о ментальности людей прошлого, можно ответить предельно кратко. Любой памятник изучаемой эпохи способен послужить в качестве источника для проникновения в человеческое сознание: ведь он создан людьми, и они не могли не оставить на нем — вольно или невольно — своего отпечатка. Исторический источник неисчерпаем, но объем информации, которую из него можно извлечь, определяется интеллектуальной активностью исследователя, его способностью точно формулировать и обогащать свой вопросник. Сказанное не означает, что не существует категорий памятников, к которым мысль историка ментальности обращается в первую очередь. Скажем, для специалистов по западноевропейской истории XIV–XVIII вв. «привилегированной» разновидностью материалов, изучение которых проливает новый свет на уровень религиозности, на отношение к смерти и самосознание личности, оказались завещания — источники массовые, поддающиеся исследованию с помощью количественных методов, а потому позволяющие проследить и ритмы изменения ментальностей.

* * *

Для того чтобы уяснить характер и возможности «исторической антропологии», остановимся на некоторых проблемах, разрабатываемых современной историографией, а именно на таких контрастных проблемах, освещающих две противоположные точки, «полюсы» человеческой жизни, как детство и смерть. Изучение вопроса об отношении к ребенку в Европе при «старом порядке» привело известного французского демографа и историка Ф. Ариеса к заключению, что в средние века еще не была открыта категория детства как особого качественного состояния человека. Детство считали не более чем кратким переходным этапом. Детей не воспринимали как полноценные человеческие существа и не

⁷ Nipperdey Th. Bemerkungen zum Problem einer historischen Anthropologie.— In: Die Philosophie und die Wissenschaften. Simon Moser zum 65. Geburtstag. Meisenheim am Glan, 1967; *idem*. Die anthropologische Dimension der Geschichtswissenschaft.— In: Geschichte heute. Positionen. Tendenzen. Probleme. Göttingen, 1973; *idem*. Kulturgeschichte Sozialgeschichte, historische Anthropologie.— In: Theorieprobleme der Geschichtswissenschaft (Wege der Forschung, B. 378). Darmstadt, 1977; Köhler O. u. a. Versuch einer «Historischen Anthropologie».— Saeculum, 1974, B. 25, H. 2—3; Sprandel R. Historische Anthropologie. Zugänge zum Forschungsstand.— Saeculum, 1976, B. 27, H. 2; La nouvelle histoire. P., 1978; Lepenies W. Probleme einer Historischen Anthropologie.— In: Historische Sozialwissenschaft. Beiträge zur Einführung in die Forschungspraxis. Göttingen, 1977; Faber K.-G. Theorie der Geschichtswissenschaft. München, 1974; Nitschke J. Historische Verhaltensforschung. Stuttgart, 1981.

не дорожили. В условиях, когда рождаемость была высокой и не менее высокой была детская смертность, потеря ребенка не представляла невозместимой утраты в глазах родителей; при отсутствии противозачаточной техники частым явлением было умерщвление новорожденного. Средневековая цивилизация, по выражению Ариеса, — «цивилизация взрослых»⁸. Ариес указывает, в частности, на то, что в изобразительном искусстве дети интерпретировались как взрослые уменьшенного размера, ни по своему облику, ни по одежде от них не отличавшиеся. Ребенок рано покидал родительский кров, его отдавали в длительное ученичество на сторону. Социализация ребенка, передача ему ценностей и знаний не определялись и не контролировались семьей.

Таким образом, и семья в средние века обладала особенностями, отличающими ее от лучше нам известной семьи нового времени. Известно, что воспевшие любовь куртуазные поэты резко отделяли ее от супружеских отношений, а христианские моралисты допускали брак преимущественно как средство продолжения рода, усматривая в половой любви опасность, в отношении которой требуются контроль и средства обуздания. Семья в ту эпоху была группой с относительно нечеткими границами. Большое значение в социальной жизни помимо семьи имели иные коллективы, которые в свою очередь основывались на солидарности и взаимопомощи (цехи, гильдии, общины, братства, приходы, соседиства, группы вассалов). Индивид по необходимости входил в одну или несколько групп такого рода, «конкурировавших» с семьей в роли социальных интеграторов. Лишь в новое время семья из союза между супругами превращается в ячейку, выполняющую социально важные функции воспитания детей. И поэтому далеко не случайно в средневековом искусстве бытовые сцены не изображались или, во всяком случае, не локализовались вокруг домашнего очага, и собственно только с XV—XVI вв. семья становится предметом художественного изображения; возникший тогда семейный портрет в интерьере явился симптомом возросшего значения частной жизни; бытовые сцены переносятся из пленэра в помещение.

Концепция Ариеса вызвала оживленную дискуссию, в ходе которой отдельные его утверждения были поставлены под вопрос или пересмотрены. Существенна, однако, самая постановка проблемы детства как исторической категории. Как видим, комплекс эмоций и установок, связанных с ребенком, так же является предметом исторической антропологии, как и трактовка семьи, семейной жизни, секса и социально-психологического статуса женщины, которую вплоть до недавнего времени историки по сути дела игнорировали⁹.

* * *

Другой полюс человеческой жизни, смерть (точнее, представления о смерти, отношение к ней), также привлекает ныне самое пристальное внимание историков. Эта проблема не нова для этнографа, с точки зрения которого погребальные обряды и связанные с ними символика, фольклор и мифы представляют важное средство для понимания народных обычаев, как не нова она и для археолога, имеющего дело с погребения-

⁸ Ariès Ph. *L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime*. P., 1960 (2-e éd., 1973).

⁹ Grey U. *Das Bild des Kindes im Spiegel der altdeutschen Dichtung und Literatur*. Frankfurt/M., 1973; Davis N. Z. *Society and Culture in Early Modern France*. Stanford, 1975; Lebrun F. *La vie conjugale sous l'ancien régime*. P., 1975; Flandrin J.-L. *Familles: parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société*. P., 1976; *Famille et parenté dans l'Occident médiéval*. Rome, 1977; Herlihy D. *Medieval Children*. — *Essays on medieval civilization*. Austin—London, 1978; Beuys B. *Familienleben in Deutschland*. Marburg, 1980; *L'Enfant au Moyen Age: Littérature et civilisation*. Aix-en-Provence, 1980; Stone L. *The Family, Sex and Marriage in England, 1500—1800*. L., 1979; *Enfant et sociétés*. P., 1973; *Marriage and Society. Studies in the Social History of Marriage*. L., 1981. Обзор новой зарубежной литературы о семье, детях, женщине в общественном сознании средневековья см.: *Идеология феодального общества в Западной Европе*. — Реф. сб. М., 1980; *Культура и общество в средние века*. — Реф. сб. М., 1982.

ми. Но историки всерьез занялись проблемой представлений о смерти сравнительно недавно¹⁰. Отношение к смерти — один из коренных параметров коллективного и индивидуального сознания, и, как теперь выясняется со все большей полнотой, установки общества в отношении к смерти не остаются неизменными, а меняются вместе с самосознанием человека. Изучение этих установок могло бы пролить дополнительный свет и на отношение к основным ценностям жизни. По выражению П. Шоню, «культура, цивилизация более всего раскрывается в своем отношении к смерти (в слове, жесте, писаньях). Именно в ней и только в ней не плутуют»¹¹.

Здесь опять-таки привлекают внимание прежде всего работы Ариеса, который после изучения темы детства обратился к теме смерти в истории европейской культуры на протяжении почти двух тысячелетий нашей эры¹². Ариес не первым приступил к разработке этой темы, у него были предшественники, но постановка вопроса и огромный временной охват — от начала средневековья и вплоть до наших дней — выделяют его книги из нарастающего потока литературы о восприятии и переживании смерти европейцами. Такой диапазон исследования объясняется тем, что для обнаружения сдвигов в установках в отношении к смерти их нужно рассматривать в плане большой длительности, ибо на протяжении истории они менялись чрезвычайно медленно и неприметно для участников исторического процесса, и только ныне, в последней четверти XX в., эти перемены сделались резкими и ощутимыми. Отсюда и внезапное пробуждение у историков интенсивного интереса к проблеме смерти. Ариес подчеркивает: поскольку существует связь между установками в отношении к смерти, преобладающими в обществе, и самосознанием личности, то в восприятии смерти можно обнаружить отражение структуры человеческой индивидуальности. Восприятие смерти, по Ариесу, коренится в «коллективном бессознательном», и стихийные его мутации суть стадии развития человеческой личности.

Соответственно история отношения к смерти в средневековой Европе представляет собой, по Ариесу, нарастающую его индивидуализацию. В раннее средневековье человек, включенный в природу и ее ритмы, воспринимал смерть как некую данность. Он относился к ней фаталистически смиренно и безлично. В ритуалах, которые окружали и сопровождали кончину, выражалась солидарность индивида с семьей и обществом. К тому же уход человека из этого мира не воспринимали как полный разрыв и прекращение всякого существования. И недаром на протяжении всего средневековья погребения располагались на территории населенных пунктов: близость мертвых к живым не пугала и не создавала трудностей. Отсутствие страха смерти у людей той эпохи, по мнению Ариеса, якобы объясняется еще и тем, что, по их представлениям, умерших на том свете не ожидают суд и возмездие, но они погружаются в сон, который продлится «до конца времен», а после второго пришествия Христа все, кроме тяжких грешников, пробудятся и войдут в царство небесное. Идея же загробного суда, как утверждает этот уче-

¹⁰ Tenenti A. La vie et la mort à travers l'art du XVe siècle. P., 1952; *idem*. Il senso della morte e l'amore della vita nel Rinascimento (Francia e Italia). Torino, 1957; Lebrun F. Les hommes et la mort en Anjou aux 17e et 18e siècles. Essai de démographie et de psychologie historiques. Paris — La Haye, 1971; Vovelle M. Mourir autrefois. Attitudes collectives devant la mort aux XVIIe et XVIIIe siècles. P., 1974; Autour de la Mort. — Ann. E. S. C., 1976, № 1; La Mort au Moyen Age. Strasbourg, 1977; Chaunu P. La mort à Paris. XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles. P., 1978; Neveux H. Les lendemains de la mort dans les croyances occidentales (vers 1250-vers 1300). — Ann. E. S. C., 1979, № 2; Le Goff J. La naissance du Purgatoire. P., 1981; Chiffolleau J. La comptabilité de l'au-delà, les hommes, la mort et la religion en Comtat Venaissin à la fin du Moyen Age. Rome, 1981; Vovelle M. Encore la mort: un peu-plus d'une mode? — Ann. E. S. C., 1982, № 2; Death in the Middle Ages. Leuven, 1983; Mirrors of Mortality. L., 1981.

¹¹ Chaunu P. Mourir à Paris (XVIe—XVIIe—XVIIIe siècles). — Ann. E. S. C., 1976, № 1, p. 34.

¹² Ariès Ph. Essais sur l'histoire de la mort en Occident du Moyen Age à nos jours. P., 1975; *idem*. Western Attitudes toward Death; from the Middle Ages to the Present. Baltimore and London 1976; *idem*. L'Homme devant la Mort. P., 1977.

ний, возникла не ранее XII в. Но и она трансформируется: первоначально это идея суда над родом человеческим, а приблизительно с XV в. складывается представление об индивидуальном суде, происходящем над душою умирающего. Связь этой эволюции с ростом индивидуального сознания очевидна. В своей смерти человек открывает собственную индивидуальность, осознает свою идентичность. Анонимность погребений, характерная для средневековья, изживается, появляется, как и в античности, эпитафии и надгробные изображения умерших. В XVII в. новые кладбища располагаются уже за пределами городской черты, ибо отныне близость живых и мертвых более нетерпима. Примерно в это же время человек находит средство для освоения загробного мира и манипулирования им — завещание, которое дает ему возможность обеспечить собственное благополучие на том свете и примирить любовь к земным богатствам с заботой о спасении души. С этим же связано и возникновение идеи чистилища, занимающего промежуточное положение между адом и раем и оставляющего надежду на избавление от вечного проклятья. В новое время романтизм открыл социально-психологическое явление, названное Ариесом «твоя смерть»: уход близкого, любимого существа воспринимается не менее или даже более трагично, чем собственный конец, и это явление ученый связывает с изменившимся характером семьи и возросшей ее эмоциональной ролью. Постепенное вытеснение смерти из коллективного сознания достигает максимума в наше время, когда упоминания ее становятся едва ли не табу; в индустриальных странах Запада кончина человека — дело преимущественно врачей и предпринимателей, занятых похоронным бизнесом. Таков в самом концептивном изложении путь, который, по Ариесу, был проделан на Западе в бессознательно применяемой обществом стратегии в отношении к смерти и который отражает сдвиги в структуре человеческой личности и ее самосознании.

Здесь нет возможности предпринять критический разбор построения Ариеса. Тем не менее отметим, что во многом и существенном (в особенности в трактовке отношения к смерти в средние века) оно не выдерживает проверки источниками, которые этот ученый отбирает весьма односторонне и произвольно¹³. Не подтверждается его основная мысль о непрерывной и последовательной эволюции в направлении индивидуализации восприятия смерти. К тому же Ариес, сосредоточив внимание на таких памятниках, как рыцарский эпос и роман, надгробия и эпитафии, игнорирует особенности отношения простого народа к смерти, экстраполируя на него аристократические установки.

Проблема смерти стала ныне точкой приложения принципиально различных методологических подходов: если идеалистически ориентированный Ариес склонен изолировать изучение ментальности от анализа материальных структур, мистифицируя всю проблему смерти введением понятия «коллективного бессознательного»¹⁴, то историк-марксист М. Вовель исходит из убеждения, что развитие установок общества в отношении к смерти необходимо рассматривать во всех диалектически сложных связях с экономическим, социальным, демографическим и идеологическим аспектами жизни. Разумеется, отражение общества в образе смерти — искаженное, двусмысленное, и нелепо искать механическую зависимость ментальности от объективных исторических процессов. Между материальными условиями общественной жизни и восприятием ее разными классами и группами, отражением в фантазии, верованиях и представлениях людей происходит полная противоречий «игра»; ритмы эволюции базисных форм и движения ментальностей не совпадают.

¹³ Подробнее см. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981, с. 198 сл., 228 сл., 238 сл.; его же. «Большая» и «малая» эсхатология в культуре западноевропейского средневековья. — *Finitis duodecim lustris*. Сб. статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин: Ээсти раамат, 1982; Gurevič A. Au Moyen Age: conscience individuelle et image de l'au-delà. — *Ann. E. S. C.*, 1982, № 2.

¹⁴ Vovelle M. Y a-t-il un inconscient collectif? — *La pensée*, 1979, № 205.

В противоположность Ариесу, дающему стилизованную картину отношения к смерти на том или ином этапе истории, Вовель стремится вскрыть разные модели поведения и соотношение между ними (например, установки официального христианства и вера в «двойников», или «живых мертвецов», продолжавшая бытовать в среде народа). Изменения отношения к смерти он склонен интерпретировать как медленную эволюцию, прерываемую конвульсивными, резкими скачками; таковы катаклизмы, вызванные «Черной смертью» XIV в., возникновение темы «пляски смерти» в конце средневековья, «барочная» патетика смерти в конце XVI и в XVII в. и т. д.

Давая высокую оценку обширному исследованию Вовеля «Смерть и Запад с 1300 г. до наших дней»¹⁵, одновременно приходится констатировать, что народные представления о смерти в средние века еще не получили достаточно глубокого освещения ни в его книге, ни в научной литературе вообще. Между тем в этих представлениях необычайно ярко проявляются существенные особенности средневековой ментальности, склонность ее к гротескному восприятию и осознанию действительности. Наблюдая в источниках две разные версии загробного суда на душами, Страшного суда «в конце времен» над родом человеческим и суда над отдельной душой непосредственно после кончины индивида, Ариес, а вслед за ним и другие историки склонны трактовать это различие в качестве симптома эволюции в сторону становления личности и роста индивидуализма (сперва идея Страшного суда, затем, на более поздней стадии, переход к мысли о суде индивидуальном). Более пристальный анализ источников, сопоставление литературного ряда с иконографическим, приводит, однако, к совершенно иным выводам. На всем протяжении средневековья в общественном сознании причудливо сосуществовали обе версии суда, две эсхатологии — «большая», всемирно-историческая и «малая», индивидуальная. В то время как церковная доктрина развивала идею второго пришествия и грядущего вслед за ним возмездия для воскрешенного рода людского, народное сознание, которое ориентировалось на восприятие лишь близкого будущего и исходило из принципа немедленного воздаяния за содеянное, рисовало картину тяжбы между ангелами и демонами из-за души каждого умирающего. При этом нельзя упускать из виду, что учение о Страшном суде «в конце времен» так или иначе было всем известно. Следовательно, приходится говорить о странном, казалось бы, невозможном сочетании в одном сознании двух моделей загробного возмездия, о склонности этого сознания к тесному объединению несовместимых противоречий. Этот вывод принципиально важен для уяснения специфической природы средневековой ментальности, особенно отчетливо проявляющейся на уровне народных верований и представлений¹⁶. Эволюционистский подход здесь едва ли пригоден.

* * *

Обзор отдельных аспектов ментальности все вновь подводит нас к проблеме разных уровней культуры. Традиционная историография довольствовалась изучением мировоззрения социальных верхов, запечатленного в официальной идеологии и в индивидуальном творчестве художников, поэтов, философов, оставляя в тени культуру прочих слоев общества. Презумпцией подобного подхода, имплицитной или прямо декларируемой, была уверенность в том, что доктрины и культурные достижения элиты наиболее репрезентативны для характеристики духов-

¹⁵ Vovelle M. La mort et l'Occident de 1300 à nos jours. P., 1983.

¹⁶ Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры, с. 271 сл. Здесь уместно вспомнить о запрещенном в XIII в. культе св. Гинефора, которому крестьянки из местности близ Лиона поклонялись как целителю новорожденных: оказалось, что под именем Гинефора они почитали ... борзую собаку! См. Schmitt J.-C. Le saint lévrier. Guinefort, guérisseur d'enfants depuis le XIIIe siècle. P., 1979.

вой жизни общества в целом; в лучшем случае речь может идти якобы лишь о распространении созданных элитой культурных моделей в более широкой среде, об их вульгаризации.

Ныне положение начинает коренным образом меняться. Все более очевидными оказываются односторонность и ошибочность подобной точки зрения. Вырисовываются — пока еще в самом общем виде и в разрозненных деталях — очертания нового для исторической науки явления, условно именуемого «народной культурой». И здесь мы опять-таки встречаемся с фактом воздействия точки зрения, выработанной этнографией, на историческую мысль. Этнография и фольклористика показали глубокие различия между типами культуры, в которой доминирует письменность, и культуры устной — расхождения, отнюдь не сводимые к способам фиксации культурной информации, но выражающие самую сущность, природу той или иной культурной традиции. Совершенно ясно, что фольклор в условиях «послегуттенберговского» общества нового времени и фольклор в обществе если и не бесписьменном, но таком, в котором очаги письменной культуры оставались редкими островками в море устной стихии (как в средневековой Европе), играл совершенно разную роль: в одном случае он представлял собой как бы остаточный, вырванный из контекста элемент оттесненной на далекую периферию народной культуры, утратившей свою органическую целостность, в другом — присущие фольклорной культуре установки, образы, навыки мышления налагали отпечаток на всю культуру. Ведь и сознание представителей книжной традиции отнюдь не было свободно от этих воззрений и навыков¹⁷.

Медиевист имеет дело с обществом, в котором сочетались обе традиции: письменная — ученая традиция образованных и фольклорная — традиция подавляющей массы населения. Первая, естественно, известна несравненно лучше, нежели вторая, и заслоняет ее. Однако когда был поставлен вопрос о народной культуре средневековья и нового времени, то выяснилось, что существуют возможности узнать, хотя бы фрагментарно, о содержании представлений, образовавших фонд народной культуры. Это особая большая тема, которая интенсивно разрабатывается специалистами по истории средних веков и новой истории¹⁸. В рамках данной статьи уже нет возможности рассматривать ее по существу, хотя отчасти она была затронута при обсуждении проблемы восприятия смерти. Необходимо тем не менее отметить, что изучение народной культурной традиции, связанное в первую очередь и главным образом с изучением ментальностей (ибо в основе этой традиции лежат не отразившиеся доктрины и идеологические конструкции, а текучий, неоформленный пласт представлений, верований, «суеверий», обычаев, практических действий), неизбежно ставит науку перед вопросом о соотношении и взаимодействии разных слоев общественного сознания, и не только о влиянии «высокой» культуры и идеологии на народное мировосприятие, но и о давлении последнего на эту культуру. Иными словами, изучение народной культуры подводит историков к необходимости нового понимания культуры в целом.

¹⁷ В недавно вышедшем исследовании канадского медиевиста (*Stock B. The Implications of Literacy. Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries. Princeton, New Jersey, 1983*) показано, как ученая, книжная традиция налагала свой отпечаток на традицию устную, — их взаимодействие являлось неотъемлемым аспектом всей средневековой культуры.

¹⁸ *Бахтин М. М. Творчество* Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; *Mandrou R. De la culture populaire aux 17e et 18e siècles. La bibliothèque bleue de Troyes. P., 1964*; *Thomas K. Religion and the Decline of Magic. Studies in popular Beliefs in XVIth and XVIIth century England. L.—N. Y., 1971*; *Le Roy Ladurie E. Montaillou, village occitan de 1294 à 1324. P., 1975*; *Ginzburg C. Il formaggio e i vermi. Il cosmo di un mugnaio del '500. Torino, 1976*; *Foi populaire, foi savante. P., 1976*; *Le Goff J. Pour un autre Moyen Age. Temps, travail et culture en Occident. P., 1977*; *Muchembled R. Culture populaire et culture des élites dans la France moderne (XV—XVIIIe siècles). P., 1978*; *Burke P. Popular Culture in Early Modern Europe. L., 1978*; *Schmitt J.-C., Op. cit.*; *Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры.*

Историческая антропология, пытающаяся применить выработанную этнографией проблематику к изучению «горячих» обществ Европы средневековья и нового времени, разумеется, не сливается с ней, как научные дисциплины социальная история и этнография сохраняют различия и в предмете, и в методах исследования. Однако нельзя не отметить, что их сближение сопровождалось не только обогащением исторического знания — создалась известная угроза размывания специфики собственно истории как науки¹⁹.

Интеграция этнографической проблематики в историческую науку не обходится без издержек. История, как бы ни изменялся ее предмет с течением времени и с развитием исторической мысли, все же остается рассказом о прошлом, о событиях, привязанных к определенным датам. Между тем формирование «новой историографии» во Франции, наиболее близко подошедшей к проблематике «этнографической истории», сопровождалось решительным отказом от изучения событийной истории. Признание того, что в политических событиях проявляется лишь поверхностный уровень исторического процесса, подлинные силы которого развертываются в его глубине, сопровождалось своего рода «перекосом»: равновесие между изучением событий и изучением структур было радикально нарушено в пользу последних, и сделанный затем акцент на «времени большой длительности» как бы «выключил» из истории собственно историческое время, время, ощущаемое и переживаемое людьми — участниками событий. Нужно признать, что введенное Ф. Броделем понятие «большой длительности» не дает инструмента для истолкования изменений и отвлекается от динамики, сосредоточивая внимание на статических состояниях, и в этом немалая его опасность для исторического исследования.

Нельзя не заметить и того, что понятия «структура» и «большое, долгое время» подверглись определенной онтологизации: из употребляемых историками понятийных средств, имеющих, вне сомнения, немалое эвристическое значение, они грозят сделаться субъектами исторического процесса, который тем самым отчасти мистифицируется. (Но вопрос о методологии исследования этих категорий во французской «новой историографии» требует особого рассмотрения.)

Серьезное препятствие для адекватного познания истории таится в том, что усвоение этнографического подхода к европейским обществам породило тенденцию поиска в них тех же механизмов функционирования, какие присущи «холодным», по терминологии К. Леви-Строса, доклассовым обществам. Между тем один из важнейших отличительных признаков европейских обществ на любой, даже раннесредневековой, стадии их развития — внутреннее брожение, борьба противоречий. В области ментальности эта напряженность не менее заметна, нежели в социальной области. Когда мы говорим о народной культуре средневековья, то имеем в виду не какую-то «чистую», «беспримесную» стихию архаических дохристианских традиций и верований, а сложный сплав противоборствующих начал, включая как навыки мышления и поведения, унаследованные от языческой эпохи, так и элементы мирозерцания, усвоенные под влиянием церкви. Но и обращаясь к рассмотрению средневекового христианства, мы опять-таки найдем в нем предельно противоречивый сплав церковного учения и народных суеверий; магические церемонии, применяемые духовенством, подчас почти неотличимы от народной магии, которую церковь не уставала преследовать, но так и не сумела искоренить. Разные и, казалось бы, несовместимые структурные принципы гротескно объединяются на всех уровнях средневековой ментальности. Не отсюда ли вечное «беспокойство» культуры средних веков, ее внутренняя неотъемлемая напряженность и парадоксальность?

¹⁹ Ср. *Le Goff J. Pour un autre Moyen Age*, p. 346.

Одностороннее применение этнографического подхода подчас скрывает эту напряженность от взгляда исследователя, и тогда он видит в христианском святом только завуалированный пережиток языческой эпохи, изымая его из средневекового культурно-религиозного контекста. Другой пример. Карнавал для этнографа — сезонный календарный праздник, комплекс ритуалов, повторяющихся с извечной регулярностью; время карнавала — зарубка на колесе годичного цикла. Но историк, ориентированный на диахронию, не может удовлетвориться подобным подходом. Во-первых, его в первую очередь занимает вопрос о тех изменениях, которые на протяжении истории претерпевают праздники как элементы народной культуры, ибо они отнюдь не неизменны, и подчас сомнительно, что они целиком восходят к глубокой архаике, во всяком случае в том виде, в каком они нам известны²⁰. Во-вторых, изучение карнавала историком может быть сосредоточено не на аспекте повторяемости, а на уникальном, т. е. на конкретном карнавале как моменте истории. Таково, например, исследование карнавала в южнофранцузском городе Романе, предпринятое Э. Леруа Ладюри: здесь в 1580 г. ежегодный праздник вылился в кровавую бойню между патрицианско-аристократическими верхами города и ремесленно-плебейскими массами²¹.

Этот пример кажется нам весьма показательным. Перенос темы карнавала из этнографии в историю сразу же вводит совершенно иные «параметры» изучения. На смену циклизму годичных сезонов приходит дата на шкале линейного хода исторического времени. И вместе с тем в спокойную тему христианского народного праздника вторгается напряженная диалектика неповторимого исторического события. «Холодное» общество кажущегося внеисторичным праздника вытесняется «горячим» обществом Лангедока периода гугенотских войн, обострения социальных конфликтов в городе и деревне, выхода на историческую арену реальных общественных сил. Традиционный сценарий празднества нарушен непредвиденным конфликтом человеческих страстей и устремлений. Центр внимания исследователя перемещается с общего и повторяющегося на индивидуальное и конкретное. Эпическое описание обычаев сменяется драмой истории. Из исполнителей фиксированных ролей, участников ритуала люди превращаются в деятельных субъектов творимой ими истории.

Но этот же пример показателен и в другом отношении. Социальная драма была заложена в жизни Романа задолго до наступления карнавала, но именно этот праздник с его шествиями и церемониями создал ситуацию, в которой столь мощно и кроваво разрядилась обстановка. По выражению Леруа Ладюри, роль политических манифестов в Романе выполнили пляски и процессии. Праздник сыграл роль «спускового крючка», спровоцировав оргию убийств и расправ. Карнавал дал участникам борьбы, которой была чревата городская атмосфера, форму для разрешения их жизненных конфликтов. Исследователи отмечают, что в XVI—XVII вв. мятежи и восстания неоднократно вспыхивали в периоды религиозных празднеств. Социально-психологическая обстановка карнавала способствовала социальному взрыву. Едва ли возможно понять природу этой борьбы, игнорируя форму, в которую она облеклась в силу господства в тот период определенного типа ментальности.

* * *

Историческая антропология, проблематика которой постепенно вырисовывается, тем не менее не есть особая, новая наука: она представ-

²⁰ Rosenfeld H. Fastnacht und Karneval. Name, Geschichte, Wirklichkeit. — Arch. Kulturgegeschichte, 1969, B. 51, № 1; Vovelle M. Les métamorphoses de la fête en Provence de 1750 à 1820. P., 1976; Bercé Y.-M. Fête et révolte. Des mentalités populaires du XVI au XVIIIe siècle. P., 1976. Эти же вопросы занимают и этнографов. См., в частности, «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев» (М.: Наука, 1983).

²¹ Le Roy Ladurie E. Le Carnaval de Romans. P., 1979; *idem*. Les paysans de Languedoc, t. 1. P., 1966, p. 394—397.

ляет собой, скорее, один из аспектов исторического исследования. Неотъемлемый признак исторической антропологии состоит в принципиальной ориентации на междисциплинарность, изучение «пограничных» проблем, на творческий контакт с другими науками о человеке. Однако признавая наличие некоторых тенденций в развитии современного гуманитарного знания в целом, вновь нужно настойчиво подчеркнуть, что сближение исторической науки с другими науками о человеке и обществе не должно размыть внутренней структуры исторического знания и его специфики, отличающей его, в частности, и от этнологии, и от социологии. С указанными ограничениями и при условии тщательного и углубленного теоретического анализа всех аспектов соотношения ментальностей и форм человеческого поведения с социальным строем и его развитием — анализа, который остается еще делом будущего, нужно отметить несомненную эвристическую значимость и перспективность обрисованного выше подхода к истории прошлого.

А. Б. Островский

АНАЛИЗ МИФОВ К. ЛЕВИ-СТРОССА: ПЕРВОБЫТНОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Французский этнограф К. Леви-Стросс создал оригинальную методику анализа мифов, апробированную им на материале более 800 мифов американских индейцев¹. Методика нацелена на построение модели логической связности мифа или его структуры. Миф рассматривается и в единстве своих версий, и в сопоставлении с группами других мифов, с которыми он имеет сходные темы. Отсюда исследователь определяет смысловые единицы языка для формулирования этой модели. Предполагается далее, что типологическое сходство мифов можно трактовать логически, как результат трансформации отдельных тем и мифов в целом по определенным правилам. Изучение способов таких возможных преобразований ведет к обнаружению специфических механизмов архаического мышления.

Подход Леви-Стросса к природе мифа, реализованный в достаточно строгой процедуре анализа, имел широкий резонанс не только у французских специалистов, но и у исследователей мифов во многих странах. И за рубежом, и у нас неоднократно оценивались как положительные стороны, так и недостатки методики Леви-Стросса². Отметим, что многие из рецензентов признают, что структурный анализ мифов дает возможность по-новому подойти к проблемам первобытного мышления.

Задача настоящей статьи — показать, как в процессе анализа мифов, предпринимаемого Леви-Строссом, обнаруживаются такие свойства архаического мышления, которые можно выразить в форме своеобразных логических операций. Наша задача осложняется тем, что

¹ Lévi-Strauss C. *Mythologiques*. I—IV. P., 1964—1971. Мы считаем более точным переводить далее это название как «Мифологик» вместо применявшегося перевода «Мифологические»: оно более отвечает контексту исследования, рассматривающего специфическую логику мифологических представлений людей традиционных обществ, обусловленную той ролью, которую миф играет в общественном сознании на данном уровне социально-экономического развития. Методику Леви-Стросса см.: Lévi-Strauss C. *The Structural Study of Myth*. — *Journal of American Folklore*. V. 68, N 270, 1955; *Леви-Стросс К. Структура мифов*. — *Вопр. философии*, 1970, № 7.

² См., например: *The Structural Study of Myth and Totemism*. L., 1967; Claude Lévi-Strauss: *the Anthropologist as Hero*. Cambridge, 1970; *Мелетинский Е. М.* Клод Леви-Стросс и структурная типология мифа. — *Вопросы философии*, 1970, № 7; *его же.* Поэтика мифа. М.: Наука, 1975.

исследователь не стремится четко расчленив в качестве двух различных предметов анализа структуру мифа и механизм архаического мышления, а очерчивая элементы последнего, не всегда верифицирует на этнографическом материале накладываемую сетку концептов (например, такие категории, как «природа» и «культура»).

В работе 1949 г. «Колдун и его магия» вводится представление о бессознательных логических структурах, благодаря которым «миф выполняет свою символическую функцию»³, однако это допущение здесь не получает развития. В «Структуре мифов», вышедшей в 1955 г., впервые описана структурная методика, но еще нет соотнесения моделируемых инвариантов структуры мифа с операциями первобытного мышления.

Только в первом томе «Мифологик» (1964 г.) сформулирована самостоятельная задача — показать, как в процессах трансформации семантики мифов выявляются механизмы первобытного мышления: «Цель этой книги — показать, как эмпирические категории, такие, как категории сырого и вареного, свежего и гнилого, влажного и сухого и др., точно определяемые только посредством этнографического наблюдения и в каждый момент — путем адаптирования точки отсчета той или иной культуры, могут тем не менее использоваться как концептуальный инструмент, с помощью которого — разрабатываются абстрактные идеи и сочетаются в форме предложений (propositions)»⁴. Интересно, что в этой же работе для анализа трансформаций структуры мифов впервые вводится специальный исследовательский инструмент: «код», «арматура», «сообщение»⁵. Что же касается «инструментария» бинарных оппозиций, то они уже трактуются не просто как прием для группировки данных, но как элементы концептуализации, присущие природе самого первобытного мышления. Структура мифа, выявляемая в ходе анализа, — только промежуточный результат в процессе поиска того, что французский этнограф называет «саморедукцией ума». Итог поиска структур первобытного мышления Леви-Строссом и здесь не был продемонстрирован, концепция как таковая не сформулирована, что и помешало, полагаем, верно оценить сделанный им вклад в изучение этой проблематики. К. Леви-Стросса упрекают в искусственности «вчитываемого» в миф логического инструментария, выдаваемого затем за содержание мифа⁶, и в том, что, хотя инструмент бинарных оппозиций адекватен логике мифа, ценность этого факта для истолкования смысла мифа непонятна⁷.

Е. М. Мелетинский, которому принадлежит, по нашему мнению, наиболее глубокое истолкование методики Леви-Стросса, говорит о «фундаментальности принципа бинарных оппозиций для мышления и научной плодотворности его применения»⁸, однако не дает логического истолкования леви-строссовской концепции первобытного мышления. Поэтому его описание черт «мифологического мышления»⁹ не дает возможности понять, как именно оперирование «двоичными оппозициями чувственных качеств» (черта мышления, вскрытая Леви-Строссом) способствует преодолению либо снижению диффузности и синкретизма этого типа мышления.

Обратимся к бинарным оппозициям как основному логическому элементу первобытного мышления. Использование двух полярных ва-

³ Леви-Стросс К. Колдун и его магия. — Природа, 1974, № 7, с. 97.

⁴ Lévi-Strauss C. Le Cru et le Cuit. P., 1964, p. 9.

⁵ «Сообщение» — это совокупность элементов содержания данного мифа, в первую очередь этиологическая тема; «арматура» — совокупность относительно устойчивых элементов содержания, выделяемых в свете принадлежности отдельного мифа к группе мифов; «коды» данного мифа указывают на логическую связь элементов содержания со смысловыми единицами моделируемой структуры.

⁶ Стеблин-Каменский М. И. Миф. М.: Наука, 1976. с. 26.

⁷ См.: Jalman N. The Raw: The Cooked: Nature: Culture. — Observations on le Cru et le Cuit. — In: The Structural Study of Myth and Totemism, p. 86; Jenkins A. The Social Theory of Claude Lévi-Strauss. L., 1979, p. 133.

⁸ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа, с. 85.

⁹ Там же, с. 164—169

антнов одного признака широко представлено во фратриальных темических классификациях¹⁰. Однако там каждый из рядов оппозиций восходит к одной из двух социальных общностей в отличие от оппозиций, на которых построена семантика мифов, где нет однозначного отнесения члена оппозиции к определенной социальной группе. С оппозициями, присущими мифам, скорее сходны противопоставления в космологических моделях, характерные для многих первобытных общностей: в них предикаты существ данного мира противоположены предикатам существ другого мира. Но и здесь оппозиции, хотя наряду с семиотическим они обретают и ценностное качество, служат только классификации, а не преобразованиям представлений.

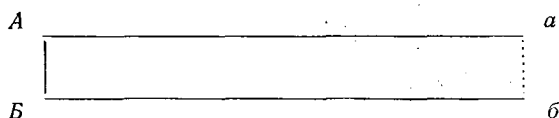
Покажем, какого характера преобразования мы имеем в виду, обратившись к тем примерам «сочетания представлений в сознании первобытного человека», которое приводит Л. Леви-Брюль в своей работе «Первобытное мышление»¹¹. Засуха приписывалась тому обстоятельству, что миссионеры во время богослужения надевали особый головной убор; плеврит на Новой Гвинее — привезенному барану и портрету королевы Виктории.

Миссионеры и европейцы в известном смысле противоположны туземцам, но особый головной убор никак не противоположен дождям, а баран — здоровью населения. Неверно было бы считать, что в сознании аборигенов чужой головной убор маркирует засуху, а баран — заболевания плевритом. По-видимому, здесь имеет место некая умственная операция, не вскрытая Л. Леви-Брюлем, который считал возможным усмотреть в подобных противопоставлениях действие «закона сопоставления», как бы управляющего «ассоциацией и связями представлений в первобытном сознании»¹².

Полагаем, эту своеобразную умственную операцию, или движение первобытной мысли, можно представить следующим образом:

Предметы и явления своего этноса

Предметы и явления, связанные с европейцами

Нормальное течение жизни при обычных (понятных) обстоятельствах

Бедствия, возникающие при обычных (непонятных) обстоятельствах

Совмещение в связи с конкретной ситуацией двух оппозиционных осей A/a и $B/б$, при котором «вертикально» совмещаются B с A , приводит к совмещению $б$ с a . В результате в случае бедствия предмет-причину ищут именно у европейцев, хотя сами европейцы как таковые в данном случае не обвиняются.

Оперирование с представлениями коллективного сознания возможно, как мы видим, в форме совмещения простых оппозиций. Умозаключение здесь — результат совпадения полярности. В этом как раз и состоит инструментальная ценность оппозиций. Такая операция не требует специального осмысления и все же непосредственно ведет к взаимной семантизации оппозиций.

Приведенная нами трактовка основывается на вскрытых К. Леви-Строссом возможностях логического оперирования при помощи наложения оппозиций. Оппозиции в мифологической семантике несводимы ни к ценностным противопоставлениям типа свой/чужой, благоприятный/неблагоприятный, ни к одноуровневым оппозициям типа близкий/

¹⁰ См. Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1965.

¹¹ См. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. — В кн.: Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. М.: Изд-во МГУ, 1981, с. 136—137.

¹² Там же.

опозиции, фиксируя определенный признак, актуализируется в мифологическом сознании только в связи с другими оппозициями. О роли «совпадения» определенных пар оппозиций в установлении специфического строения мифа К. Леви-Стросс говорит в относительно поздней работе¹³.

В контексте конкретного мифа оппозиции несводимы к одномерным противопоставлениям; их значения отыскиваются в этнографических реалиях либо в семантике мифа. На примере анализа К. Леви-Строссом мифа североамериканского индейского племени цимшиан, условно названного им «Деяния Асдиваля», покажем реальный контекст подобных оппозиций и логические возможности, проистекающие из их совещения. Ниже дадим сокращенное изложение суммарной версии, приведенной Леви-Строссом.

Действие повествования начинается зимой, в наиболее голодное время года. У матери и ее замужней дочери, которая живет в деревне собственников матери, в одно время умирают от голода мужья. Женщины решают встретиться и движутся навстречу друг другу (каждая — своей родной деревне) по оси запад — восток. В первую же ночь на месте их встречи молодую вдову навещает незнакомец. Его имя Natmas, что на языке цимшиан означает хорошее предзнаменование; оттого мать и дочь регулярно получают пищу. У младшей рождается сын Асдиваль; отец чудесным образом ускоряет его рост и дарит ему предметы охотничьего снаряжения, имеющие магическую силу.

После смерти старшей женщины и исчезновения незнакомца Асдиваль с матерью поселяются в ее родной деревне. Однажды Асдиваль, следуя белой медведице, взбирается за ней по вертикальной лестнице на небо. Здесь она обращается в красивую девушку, дочь Солнца, после того, как Асдиваль выдерживает серию испытаний, становится ее женой. Позже, тоскуя по матери, Асдиваль спускается с женой на землю. Измена Асдиваля жене с земной женщиной приводит к разрыву.

После смерти матери Асдиваль отправляется вниз по течению реки, достигает деревни, расположенной на речном берегу, где женится на черной вождя и вместе с братьями жены успешно охотится на диких зверей. С наступлением весны семья откочевывает к другой реке, двигаясь вдоль берега моря. Разгорается спор между Асдивалем и его свойствами о преимуществах горной охоты либо охоты в море. После этого как Асдиваль возвращается с гор с большой добычей, приведенные в ярость свойственники, захватив свою сестру, покидают его.

Асдиваль присоединяется к другой группе, которая движется в том же направлении, что и он, вновь женится, у него рождается сын. Как-то зимой, похваставшись, что он лучше охотится на морских львов, чем его свойственники, Асдиваль отправляется с ними к морю. Здесь опять-таки благодаря своему чудесному снаряжению он успешно охотится на гористом острове. Свойственники покидают его. Без пищи и огня он застигнут на скале штормом, спасается, превратившись с помощью отца в птицу.

После того как шторм затихает, Асдиваль посещает подземное обиталище морских львов, раненных прежде его невидимыми стрелами. Он вытаскивает стрелы, лечит животных и в благодарность просит помочь ему возвратиться на сушу. В лодке, которой служит данный ему в это время желудок короля морских львов, он едет на сушу, двигаясь с запада на восток. Попав домой, Асдиваль расправляется с причинившими ему зло свойственниками.

Однажды, почувствовав неодолимую тоску, он отправляется к месту своего детства; там к нему присоединяется его сын. С наступлением зимы Асдиваль уходит на охоту в горы, но забывает свою зимнюю обувь. Не в состоянии вернуться назад, Асдиваль погибает на вершине горы, превратившись в камень. По другой версии, приведен-

¹³ Lévi-Strauss C. L'origine des manières de table. P., 1968, p. 152.

ной Леви-Строссом, на последней стоянке с охотником, сыном Асла, оказывается его жена; когда охотник застревает в горах, он таится дома в долине и, объевшись салом, также погибает¹⁴.

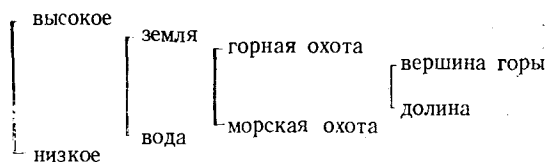
К. Леви-Стросс в анализе этого мифа выделяет следующие 1) географический (восток — запад), соответствующий горизонтальному перемещению персонажей; это направление соответствует в географическом контексте сезонным миграциям с целью рыбной ловли и также движению рыбы, приходящей с запада; 2) космологический (низ — верх), соответствующий в мифе вертикальному перемещению персонажей на небо либо в подземный мир; 3) социологический (патрилокальность — матрилокальность); находящиеся в мифе связи соответствуют фактической, более сложной и противоречивой отцовской и материнской линий в воспитании и определении проживания; 4) технико-экономический (голод — удачная охота, рыбная ловля); в мифе это смена голода достатком или преобладанием значения охоты либо рыбной ловли, что, как и в реальности, варьируется у разных общностей и в разные сезоны. Каждому коду и каждому уровню соответствует своя схема событий; хронологическая цепь мифа представляет собой совмещение этих схем. Логическая интерпретация схем имеет следующий вид¹⁵:

начальное состояние	конечное состояние
женское	мужское
восток — запад	высокое — низкое
голод	изобилие
движение	неподвижность

Если вначале встречаются две женщины, движущиеся навстречу друг другу и как бы образующие матрилокальное поселение в месте встречи, страдающие от голода, то в конце — патрилокальный брак, успешная охота и смерть охотника на горе (он превращается в камень), причиной которой служит невозможность спуститься вниз.

В приведенной схеме, как видим, бинарно сопоставлены коды значения, которые в мифологическом повествовании соответствуют мужскому или иному аспекту жизнедеятельности персонажей. Коды вместе тем выявляют релевантное ходу повествования совмещение оппозиций. В приведенной схеме как бы совмещены четыре оппозиции по всем четырем кодам с оппозициями начального и конечного состояний.

Анализ мифа Леви-Стросс осуществляет порознь по схемам различных признаков, затем в соответствии с последовательностью событий в мифе объединяет географическую схему с космологической, а затем свою очередь связывает с кодами еще двух схем¹⁶:

Первоначальная и конечная оппозиции принадлежат космологической «схеме», две промежуточные — географической. Первая соответствует рождению от брака матери героя с небесной птицей при матрилокальном браке; конечная — смерти на вершине горы, патрилокальности; две промежуточные — отношениям со свойственными им последовательных браках. Отметим, что каждая из оппозиций есть фиксация фиксации ведущего признака в состоянии главного персонажа.

¹⁴ Lévi-Strauss C. The Story of Asdiwal. — In: Lévi-Strauss C. Structural Anthropology. V. 2. N. Y., 1976, p. 149—152, 166. (Все версии мифа собраны Ф. Боасом.)

¹⁵ Lévi-Strauss C. The Story of Asdiwal.

¹⁶ Lévi-Strauss C. The Story of Asdiwal.

Момент завершенности, как считает автор, в этой последовательности признаков возникает оттого, что конечная оппозиция совмещает в себе оба кода; она не только «вертикальна» по форме, но и «географична» по содержанию: Асдиваль застрял в снегу на полпути домой охоты, так как забыл необходимую обувь¹⁷. Движению к логической завершенности сопутствует сужение семантического контраста: небесные жители/земные, жители суши/островитяне; охота Асдиваля на го-стом острове/охота его свойственников на море; смерть охотника в рах/смерть его жены в долине.

Интересно также, что сужение оппозиций происходит не путем ступенчатого деления объема признака, как, скажем, в современных научных классификациях, а путем смены признака (в данном случае сменяется аспект человеческой жизнедеятельности). При этом «объем» проецируемого признаком понятия остается неизменным и охватывает весь мир героя; «содержание» охватывает все более узкую конкретную область его деятельности. Этому сопутствует все меньшее отстояние Асдиваля от других персонажей. Тем самым при «примирении», опосредовании оппозиций происходит и логическое движение от более абстрактного к конкретному. И в данной схеме опосредования, и в других случаях завершение медиативного процесса обычно происходит, когда противопоставляемые предикаты совмещаются непротиворечиво в одном субъекте: в данном случае гора смыкается с долиной и географический аспект отдаления от семьи совмещается с космологическим (вертикальным) отстоянием.

Наложение оппозиций сразу в нескольких кодах, согласно Леви-Строссу, указывает на глубинные структуры мифа. Так, направление пад — восток в мифе — это, во-первых направление движения Асдиваля в желудке морского льва, т. е. прибытие его в качестве рыбы. Мышление этих животных (Асдиваля в более раннем эпизоде медведица привлекает вверх подобно тому, как медведи ловят лососей). Во-вторых, одновременно и движение к восстановлению патрилокальности. В таком совпадении этих двух тем мифа, при том что племена цимшиан патрилокальны и в экологической реальности рыба прибывает как раз запада, Леви-Стросс склонен видеть в их мифологическом мышлении отождествление себя с разновидностью рыб¹⁸. Эта гипотеза в свою очередь подтверждается той ролью, которую рыба и ее приготовление играют в ритуалах¹⁹.

Бинарные оппозиции, которые как бы «прорастают» и к эмпирической реальности, и к «проблемам», существенным для мифа, становятся не просто логической формой фиксации переплетения кодов, но своего рода логически ориентированным пространством мифологем, в котором только и может совершаться движение мифологическое мышление.

Подчеркнем, что при совмещении оппозиций устанавливается не просто соответствие их полюсов; при этом происходит наложение контекстов, стоящих за признаками, каждый из которых выражен осью, объединяющей члены оппозиции. В отличие от такого оперирования при ростом семантическом наложении предмет выступает как символ — заместитель другого предмета. Например, изображение змеи — символ плодородия в русском обрядовом печенье. Здесь символическое значение возникает либо в результате заместительной цепочки: змея — вода — плодородие, либо через семантику ритуала, где используется печенье. Однако пока значение символа трактуется этнографами просто как характерная для данной этнической культуры цепочка представлений, ничего об операциях архаического мышления сказать нельзя.

Леви-Стросс в работе «Миф и значение» специально указывает на связь использования архаическим мышлением оппозиций с подразуме-

¹⁷ Lévi-Strauss C. The Story of Asdiwal.

¹⁸ Lévi-Strauss C. The Story of Asdiwal.

¹⁹ Последующий анализ этого мифа мы не приводим.

ваемой в мифе моделью объяснения мира. В мифе одного из племен Западной Канады скат (сверху он большой — широк, сбоку он малотонкий) возглавляет поимку южного ветра. Объяснение такой дикий роли рыбы нужно искать в том, что южный ветер, препятствующий хозяйственной деятельности, дует нерегулярно — по мифу, в один день из двух; поэтому с логической точки зрения понятно, почему образы почерпнутые из опыта, используются в мифе. В этом оригинальность мифологического мышления, играющего роль «концептуального мышления»: животное, которое может быть использовано в качестве, называемом Леви-Строссом бинарным оператором, в логическом отношении может иметь связь с проблемой, которая также бинарна²⁰.

Гораздо более сложное логическое пространство очерчивается оп позициями при трансформациях мифов, анализируемых в «Мифологии». Не только коды, но и сообщения мифов, и их арматура (чаще всего социологическая арматура, которая как бы и представляет черты социума в мифе) преобразуются по логическим каналам совмещаемых бинарностей.

Оппозитная по своему характеру связь элементов содержания мифов, трансформируемых один в другой, устанавливается исследователем не путем простого сопоставления, но верифицируется по их месту в этнографическом контексте. Так, при анализе трансформации мифа племени бороро M_1 о происхождении воды, бурь в миф племени же M_{7-12} , где говорится о происхождении «огня кухни», Леви-Стросс выдвигает лемму вода=антиогонь. Эта лемма подтверждается им путем обращения к этнографическим реалиям. Жизнедеятельность бороро тесно связана с водой: они проживают на низинах, часто затопляемых водой; в их погребальном обряде участвует вода. Шеренте (общность группы же), проживающим в долине реки, объективно не грозит засуха, но им присуще верование, что солнце, рассердившись, может выжечь землю; поэтому имеется постоянная угроза смерти от всеобщего пожара. У бороро вода коннотирует смерть; при этом в их мифах огонь связан с жизнью, из пепла возникают возделываемые растения и другие блага. У шеренте засуха и огонь коннотируют смерть, происхождение возделываемых растений не связано с огнем²¹.

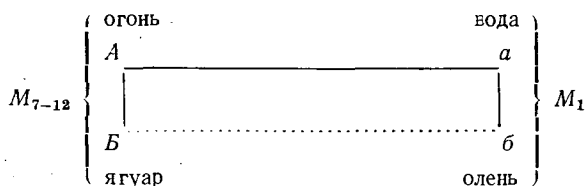
При трансформациях содержащиеся в темах мифа термины и функции обычно не просто замещаются, но инвертируются, т. е. замещаются противоположными. В данном случае мы имеем: 1) инверсию отношений родства (агуар у же — приемный отец героя; герой бороро, занимающий в мифе позицию, подобную ягуару, хозяину огня, — реальный сын человеческого отца); 2) инверсию характера семейных взаимоотношений (в мифе бороро мать, вступающая в инцест, «близка» герою; отец, стремящийся его убить, «отдален»; у же приемный отец «близок», защищает дитя подобно матери, приемная мать — «отдалена» в интенциях к герою); 3) инверсию героя (у бороро он не ягуар, но на время превращается в оленя, чтобы убить отца). Поведение и ягуара, и оленя в этих мифах противоречит их поведению в экологической реальности как хищника и травоядного; в контексте некоторых других американских мифов эти животные и ассоциированы, и контрастируют; поэтому их следует считать оппозитами.

²⁰ Объяснение К. Леви-Стросса, интересное здесь в качестве иллюстрации и обоснованное им самим по аналогии с кибернетическим «да — нет», может получить и этнографическое подтверждение. Если обратиться к материалам по древнеегипетской скульптуре, то здесь мы также встречаемся с бинарным оператором: вид сверху/вид сбоку для передачи мифологического сообщения. С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев открыли это при изучении семантики антропоморфной скульптуры — моржового крюка, который в профиль выглядит как «изображение моржихи с моржом на спине» а сверху — как женщина. Авторы идентифицируют это дуальное изображение с Мыгым Агна, мифологической морской владычицей, которая посылает людям морского зверя и присутствует в фольклоре то как моржиха, то в образе старухи. (Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья. М.: Наука, 1975, с. 180).

²¹ Lévi-Strauss C. Le Cru et le Cuit, p. 200.

Не рассматривая типы инверсии в связи с компонентами трансформируемой структуры мифа²², обратимся к той логической операции, которая лежит в основе инверсии. Благодаря ей сохраняется логическая целостность при изменении семантики. Полагаем, что при инверсии осуществляется операция, противоположная той, что имеет место при совмещении оппозиций, описывающих связь двух персонажей в разных контекстах либо связь уровней (аспектов деятельности).

Каждая пара оппозиций²³, участвующих в операции совмещения, сама по себе семантически определена, от совмещения возникает их логическая определенность как целого, достигаемая путем соответственного совпадения их полюсов. При инверсии, исходя из определенного логического единства, достраивается семантика одной из оппозиций. Представим графически, как при подобной трансформации мифов выглядит инверсия:

Вертикальные связи в схеме определены логической целостностью мифа, при трансформации мифов оппозиция A/a влечет за собой такую семантику $б$, чтобы она составляла оппозицию $Б/б$. Олень «отыскивается» для мифа M_1 из контекстов иных мифологем, где он выступает оппозитом ягуара. Выход за рамки мифа при логическом достраивании его семантики путем инверсий и делает, по-видимому, мифотворчество (а заодно и структурный анализ мифов) «бесконечными» (К. Леви-Стросс).

Как же соотносены эти две логические операции: совмещение оппозиций и инверсия? Они совмещаются в мифологическом поле. Соотнесение оппозиций создает семантические сгущения, и каждый персонаж (предмет), попавший в такое «сгущение», можно представить как точку, через которую проходят оси оппозиций — предикатов его в мифологическом поле. При совмещении оппозиций по обоим полюсам (когда оппозиции «приравниваются», по Леви-Строссу) подготавливается возможность инверсий. Инверсия — это форма движения из одной ситуации в другую, ей контрастную, при сохранении логической целостности и при семантическом достраивании — тоже контрастом по определенному параметру — новой ситуации.

Возможность представить преобразование мифов в логике инверсий хорошо видна, например, когда одна этиологическая тема рассматривается как бы с двух точек зрения. Так, в мифах об утрате людьми бессмертия²⁴ она рассматривается: 1) перспективно — отворотить смерть и 2) ретроспективно — вернуть молодость либо оживить. В первом случае для решения проблемы персонажу надо действовать негативно — не слышать (не касаться, не видеть), во втором — всегда позитивно — слышать (касаться, видеть). «Скрупулезность» воспроизведения инверсии здесь такова, что «принятие определенной точки зрения имплицитно в случае данного мифа и любой данной популяции коррелятивное изменение во всех аспектах мифа, принадлежащих той же области, в которой выражена противоположная точка зрения»²⁵.

Сопоставим совмещение оппозиций и инверсию в качестве операций мышления. Любая оппозиция играет роль предиката, выраженного противопоставленными чувственными качествами. В мифе она отнесена к связи двух субъектов; скажем, оппозиция день/ночь в мифе может

²² Об этом см. *Lévi-Strauss C. Du miel aux cendres. P., 1966, deuxième partie.*

²³ Возможно совмещение и большего числа оппозиций, но оно происходит попарно.

²⁴ *Lévi-Strauss C. Le Cru et le Cuit. p. 170.*

²⁵ *Ibidem.*

быть отнесена к орлу и сове как хищникам, охотящимся в различное время суток²⁶. Здесь на чувственном уровне получает выражение та кой понятийный признак, как хищник, охотящийся в определенное время суток. Совмещение оппозиций ведет к соотносению уже самих выраженных ими признаков. Так, из наложения оппозиций: твердое/гнилое и слушать/не слушать зов гниющего дерева выводится роль гниющего дерева как звена между темой утраты бессмертия (от слушания зова) и темой кухни (использования «мертвых» деревьев для разжигания огня)²⁷.

Если совмещение оппозиций ведет к построению логических связей между уровнями мифа, фиксированными в кодах, то инверсия логически связывает тот или иной уровень и код с парадигматическими значениями мифа, группы мифов. Необходимо учитывать, что нельзя ни редуцировать миф к какому-либо одному коду, ни объяснить его как сумму кодов: «группа мифов конституирует в самой себе код...»²⁸. Этот формирующийся «интеркод» и позволяет описать, как в различных мифологических системах происходит «возникновение всеобщего значения, отличного от их частных значений»²⁹.

В терминах Леви-Стросса операция инверсии — это переход от фиксированного в «интеркоде» значения данной мифологемы к значению контрастной мифологемы, который совершается по одному из кодов. На языке формальной логики — субъект, который отыскивается, наделяется сразу двумя предикатами разной степени общности, так как детерминируется и мифологемой, и одним из ее уровней. Безусловно, инверсия как операция мышления несводима к замещениям внутри одного кода по типу верх/низ, левое/правое.

Приведем пример того, как сознательное выявление Леви-Строссом инверсий позволяет ему дедуцировать мифологические связи, не сводимые ни к простым оппозициям, ни к их совмещению. Во втором томе «Мифологик» мед и табак выступают как оппозиты во многих кодах; по одной из мифологем племен Тропической Америки, грозы (или деструктивная небесная вода) ограничивают в целях сохранения потребление людьми мяса свиней — наилучшего средства для действия созидательного огня кухни. Из того, что табачный дым вызывает в мифе появление свиней, исследователь заключает, что оппози́т табачного дыма должен вызвать исчезновение гроз³⁰. Такое предположение находит подтверждение в этнографическом контексте: у северных кайапов при обращении к божеству, персонифицирующему грозу, жгут целебный воск, полагая, что это ведет к уменьшению бури. Почему все же исследователь дедуцировал исчезновение гроз, а не свиней от действия оппози́та табака? По-видимому, потому, что здесь связь мифологемы с отдельным уровнем не сводится к совмещению оппозиций табак/мед и появление/исчезновение свиней. Мифологемы, с которыми в данном случае соотносен табак и мед (воск), противопоставлены умеренному, /неумеренному потреблению мяса свиней. Предикат, обретаемый медом в мифологеме неумеренного потребления свиней, вовсе не должен быть простой противоположностью предиката табака в его мифологемах.

Связь между мифологемами устанавливается часто в более сложной семантике — через промежуточные темы, медиаторные объекты, персонажей-посредников. Отметим, что наряду с относительно устойчивыми по своей семантике медиаторами, выделяемыми исследователем, — огонь кухни, немощные персонажи, украшения и др. — многие определяются только в этнокультурном контексте. Так, ось сырое — вареное не всегда может служить однозначной медиацией категорий природы/культуры: следует принять во внимание и степень обработки про-

²⁶ Леви-Стросс К. Структура и форма. — В кн.: Семантика. М.: Радуга, 1983, с. 419.

²⁷ Lévi-Strauss C. Le Cru et le Cuit, p. 159.

²⁸ Lévi-Strauss C. L'homme nu. P., 1971, p. 38.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Lévi-Strauss C. Du miel aux cendres, p. 380—381.

При таком опосредовании каждый из оппозитивов мифологемы (*А*/*Б*) проектируется на один из противопоставленных «полюсов» медиатора (*а*, *б*), и только тогда возникает «примирение» этих оппозитивов (*А*₁*Б*₁), объективируемое в единстве двух сторон предмета-посредника либо двух неотъемлемых сторон его поведения, либо двух анатомических половин, либо двух его проекций, как у ската. Синтетическая связь *А*₁*Б*₁ существует только потому, что, во-первых, имелась такая «заготовка» возможной дихотомизации, как бинарный оператор, и, во-вторых, благодаря введению его в мифологическое повествование (связи *Аа* и *Бб*).

При медиации операция мышления состоит в двухстороннем переносе отношений: и медиатор наделяется новой предикацией, и «примиряемые» полюса мифологемы. В этом как бы и состоит решение «проблемы» при медиации (графически это выглядит как приведение мифологемы *А/Б* к фигуре *абБ*₁*А*₁).

Выше мы пытались описать те специфические операции первобытного мышления, инварианты, присущие связности представлений у носителей мифов, которые в неявном виде обнаружены Леви-Строссом. Теперь нужно дать оценку этого операционного состава первобытного мышления в соотношении с операциональными возможностями понятийной мысли.

Полагаем, что инвариантные операции, обеспечивающие логику переходов при преобразованиях мифов — совмещение оппозиций, инверсии, введение медиаторов — в своей совокупности обеспечивают необходимые требования к характеристике понятийного мышления, сформулированные известным психологом Ж. Пиаже: обратимость, возможность получения результата различными путями, транзитивность и др.³⁸

Обратимость — наиболее характерная черта логического мышления — осуществляется при трансформации мифов как относительно отдельных признаков, тем, так и относительно связи мифологем. Наиболее ярко Леви-Стросс показывает роль инверсий в обратимости мифологем, составляющих семантику мифа, в главе «Трехчастная инверсия» первого тома «Мифологик». Наряду с цепочкой инверсий введение посредников также делает возможным двусторонние переходы.

При эквивалентности кодов — что обстоятельно разработано Леви-Строссом — наложение оппозиций и инверсия дают возможность получения результата различными путями.

Мы еще специально не касались свойства транзитивности, хотя оно выявляется Леви-Строссом при анализе мифов. Так, у мифа *М*₁ племени кайапо³⁹ о происхождении болезней нет соответствующего этнографического контекста для интерпретации и нет вариантов. При этом, отмечает исследователь, в структуре мифа имеются две эквивалентности: 1) между водой, кипящей от соединения с огнем, и водой, меняющейся от соединения с рыбным ядом; 2) между ядом, который убивает, не поранив, и болезнью. Однако из того, что огонь = яд и яд = болезнь, можно ли вывести, что огонь = болезни (а это и является операцией транзитивности)? Оказывается, в соседнем племени гуарани имеется представление о соответствии между болезнью, содержащейся в человеческом теле, и огнем — субстанцией, заключенной в дереве. Поэтому в данном случае наличие транзитивности подтверждается.

Все сформулированные выше операциональные возможности первобытного мышления имеют место в трансформациях мифов только той мере, в какой они подтверждаются этнографическим контекстом, контекстом конкретной группы мифов. Это обусловлено не спецификой структурного анализа, но своеобразием самого первобытного мышления.

³⁸ См. Пиаже Ж. Природа интеллекта. — В кн.: Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления, с. 54—55.

³⁹ Lévi-Strauss C. Le Cru et le Cuit, p. 262.

ия, единицы которого, играющие роль концептов (совмещенные оппозиции), неотделимы от семантики конкретных общностей, в которых функционируют мифы. Как раз в этом своеобразии в первую очередь состоит мера синкретичности первобытного мышления, а не в том, что его результаты выражены не в форме понятий.

Анализ мифов, проведенный Леви-Строссом, позволяет очертить инвариантные операции, посредством которых может совершаться движение первобытное мышление, а также оценить меру его синкретичности.

И. М. Золотарева, Г. В. Лебединская, Н. К. Морозова

ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ КРАНИОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА И СОВРЕМЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПО НЕКОТОРЫМ ПРИЗНАКАМ СОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Одной из насущных проблем современной этнической антропологии следует считать проблему более или менее непосредственного сопоставления современного и древнего населения. Необходим поиск своего рода «мостов», объединяющих эти два вида программ и сокращающих разрыв между краниологической характеристикой серий, которая не может учесть многие важные расово-диагностические признаки мягких тканей лица, и характеристикой соматологической, которая в свою очередь не может быть непосредственно сопоставлена с признаками, полученными на черепе.

Эта проблема достигла особой остроты в послевоенные десятилетия, когда в результате планомерных и широких антропологических исследований были получены соматологические характеристики практически всех основных народов и этнических групп Советского Союза. Как писал Г. Ф. Дебец еще в 1956 г., «для достижения наибольшей эффективности использования антропологических материалов в качестве исторического источника результаты соматологических исследований должны быть сопоставлены с палеоантропологическими»¹.

Необходимость такого сопоставления становится особенно очевидной, когда мы располагаем обширными краниологическими сериями, краниологически близкими к современности и связанными происхождением с народами, исследованными и по соматологической программе. Создание стройной картины расогенетического процесса и в этом благоприятном случае тормозится отсутствием методических разработок более или менее прямого сопоставления древнего и современного населения².

Одним из путей разрешения этой проблемы является изучение соотношений между мягкими покровами лица и его костной основой и, следовательно, дальнейшая разработка метода реконструкции, представляющего собой выражение в пластике или графике наших знаний этой области.

Предпосылкой для настоящей работы послужили исследования В. Лебединской, посвященные выявлению закономерностей соотношения мягких покровов и костной основы носовой области³. Экспериментальной базой явилась коллекция рентгенограмм Лаборатории пла-

¹ Дебец Г. Ф. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных. — Тр. киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 13.

² Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.: Наука, 1969, с. 36—37.

³ Лебединская Г. В. Пластическая реконструкция лица по черепу и пути ее развития. Сов. этнография, 1976, № 4.

Коэффициенты корреляции между формой хрящевой части носа и формой краев грушевидного отверстия черепа

Возраст (лет)	Мужчины			Женщины		
	<i>n</i>	<i>r</i> ±	<i>m</i> (<i>r</i>)	<i>n</i>	<i>r</i> ±	<i>m</i> (<i>r</i>)
16—20	54	+0,56	0,115	73	+0,57	0,098
21—25	57	+0,65	0,103	39	+0,14	0,148
26—35	44	+0,49	0,134	29	+0,19	0,153
36—45	25	+0,22	0,151	19	+0,43	0,219

стической антропологической реконструкции Института этнографии АН СССР (русские от 16 до 45 лет).

Построение мягких частей носа, предложенное в свое время М. М. Герасимовым, в ряде случаев субъективно и требует большого опыта работы ⁴.

Соответствие между формой контуров хрящевой части носа и боковыми краями грушевидного отверстия черепа отрицал С. А. Буров⁵. Однако коэффициенты корреляции (по Спирмену), полученные Г. В. Лебединской, указывают на наличие средневысокой зависимости, наблюдавшейся в большинстве возрастных групп (табл. 1).

В связи со сказанным было желательно найти возможность получить близкое сходство с оригиналом при единой методике построения профиля.

На рентгенологическом материале удалось установить, что линия nasion—prosthion, перенесенная в наиболее высокую точку носовых костей, определяемую относительно линии nasion—rhinion, может служить своего рода «осью симметрии» для построения профиля хрящевой части носа. Контур основания носа воспроизводится плавной линией, соединяющей наиболее глубокую точку на латеральном краю грушевидного отверстия и кончик передней носовой ости. После этого полученный контур хрящевой основы носа облекается «кожным покровом», толщина которого в среднем равна 4 мм, по данным, полученным с помощью ультразвуковой эхолокации ⁶.

Проверка этого приема была проведена на серии рентгенограмм русских, где отчетливо были видны и кость, и контур мягких тканей носа. Промежуточным звеном служили графические реконструкции. Определению подлежали формы спинки носа наблюдаемого профиля и полученного при реконструкции по методике соматологической программы. Было получено 63% полного совпадения, 28% расхождения на 1 балл и 9% — на 2 балла (во всех случаях это были 2-й и 4-й баллы вертикального общего профиля спинки носа, что возможно и при работе с живыми людьми).

Интересно было применить данные, полученные на группе русских, к другим группам, различающимся в расовом отношении. Необходимость такого сопоставления связана с тем, что получить массовый рентгенографический материал практически здоровых людей в различных регионах страны в настоящее время невозможно.

Проведение такого рода опыта было осуществлено авторами в Лаборатории пластической антропологической реконструкции Института

⁴ Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). — Тр. Ин-та этнографии АН СССР (далее ТИЭ), М.: Изд-во АН СССР, 1955, т. XXVIII.

⁵ Буров С. А. Отождествление личности по черепу и прижизненной фотографии. Автореф. канд. дис. Саратов, 1961.

⁶ Лебединская Г. В., Сурнина Т. С., Степин В. С., Федосюткин Б. А. Первый опыт применения ультразвука для исследования толщины мягких покровов лица. — Сов. этнография, 1979, № 4.

этнографии АН СССР и Н. К. Морозовой⁷ на кафедре антропологии биологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Цель его состояла в том, чтобы путем сопоставления контуров лица, воспроизведенных по черепам, с фотографиями современного населения проверить предложенный Г. В. Лебединской прием графических реконструкций. В основу была положена идея группового портрета: совмещались обобщенные реконструированные контуры и обобщенные профили фотопортретов. Так как в данном случае представляли интерес не размеры носа, а его форма, было выбрано стандартное расстояние sellion—subnasale, и каждый раз с помощью проектора эти точки совмещались с соответствующими точками последующих контуров (рис. 1). Профили обводились, и таким образом на листе бумаги получалась серия контуров. Их средние варианты, занимая близкое положение, давали обобщенный профиль, характерный для данной группы. Обобщенные контуры реконструированных профилей совмещались с обобщенными фотопортретами одноименной группы (рис. 1).

Материалом для данного этапа работы послужило сопоставление контрастных антропологических серий, принадлежащих к европеоидной и монголоидной расам и, кроме того, подобранных с учетом возможной преемственности — территориальной, этнической и хронологической.

В первую группу была включена коллекция, собранная в 1957 г. на Западном Памире экспедицией, руководимой Ю. Г. Рычковым (фонды кафедры антропологии биологического факультета МГУ). Она делится на ряд локальных серий, датируемых XVII—XVIII вв.: горанцы — 109 черепов (XIII—XIV вв.); ваханцы — 13 (XV—XVI вв.); рушанцы — 20 черепов (XVIII в.).

Во вторую большую группу вошли черепа оленных чукчей (53 черепа) из коллекции Н. А. Гондатти, собранной в 1898 г. в бассейне р. Анадырь, по берегам Берингова пролива и Ледовитого океана и описанной Д. Н. Анучиным и М. Г. Левиным (датируются как близкие к современным): Черепа эскимосов (43 черепа) и береговых чукчей (9 черепов) собраны в Магаданской области в 1970—1971 гг. (экспедиция Института этнографии АН СССР и НИИ антропологии МГУ под руководством В. П. Алексеева). Черепа эти происходят из заброшенных 20—30 лет назад могильников различных поселков чукчей (Нуямо, Уэлен) и эскимосов (Наукан, Синклюк, Имтук, Сиреники), хранятся в фондах НИИ и музея антропологии МГУ.

Черепа разделены по полу. Разбивка на возрастные группы не проводилась, так как метод графической реконструкции допускает приближение к некоторому среднему возрасту. Таким образом, в нашем распоряжении оказались следующие группы.

Северо-Восточная Азия: чукчи оленные (мужчины — 39 черепов, женщины — 14); эскимосы (мужчины — 21, женщины — 22); чукчи береговые (мужчины — 9 черепов).

Памир: горанцы (мужчины — 62 черепа, женщины — 47); ваханцы (мужчины — 8, женщины — 5); рушанцы (мужчины — 12, женщины — 8 черепов).

Разделение памирских серий черепов на группы обусловлено тем, что, несмотря на известное единство памирского антропологического типа, существуют межгрупповые локальные различия. Горцы Западного Памира достаточно изолированы друг от друга, так как на протяжении многих веков занимали определенные ущелья (Ю. Г. Рычков)⁸. Серия черепов чукчей рассматривается в соответствии с общепринятым делением на береговых и оленных.

⁷ Морозова Н. К. Опыт применения метода реконструкции лица по черепу в этнической антропологии. Архив кафедры антропологии биол. фак. МГУ, 1977.

⁸ Рычков Ю. Г. Антропология и генетика изолированных популяций (древние изоляты Памира). М.: Изд-во МГУ, 1969.

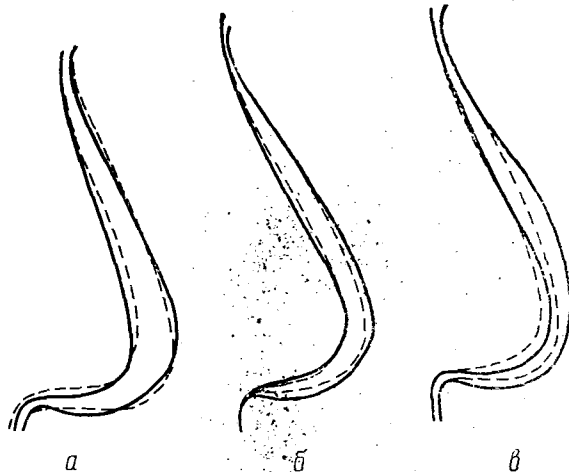
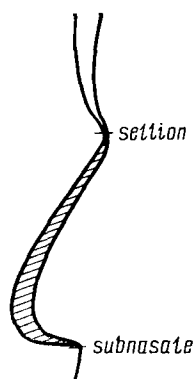

Рис. 1. Совмещение контуров носа. Заштрихованная зона — область максимальной концентрации контуров

Рис. 2. Сопоставление контуров обобщенных реконструкций (пунктир) и обобщенных фотопортретов (сплошная линия) мужской серии памирских групп: а — горанцы; б — ваханцы; в — рушанцы

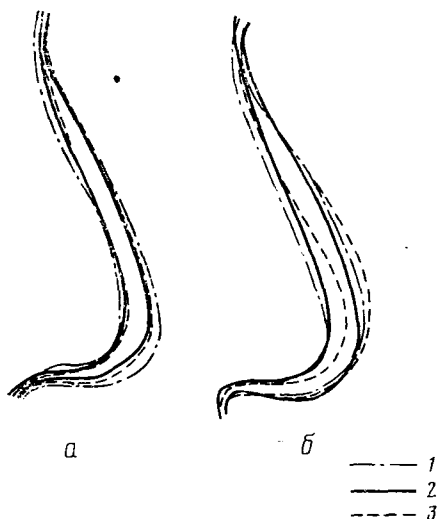

Рис. 3. Обобщенные реконструкции (а) и обобщенные фотопортреты (б) памирских групп: 1 — горанцы; 2 — ваханцы; 3 — рушанцы

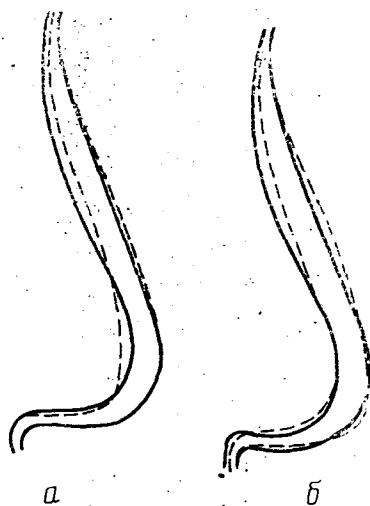

Рис. 4. Сопоставление контуров обобщенных реконструкций (пунктир) и обобщенных фотопортретов (сплошная линия) эскимосов: а — мужская группа; б — женская группа

Для сопоставления с реконструкциями использованы фотографии береговых чукчей и эскимосов из поселков Нунымо, Чаплино, Сиреники (экспедиции 70-х годов под руководством В. П. Алексеева) и фотографии оленних чукчей из пос. Алыккатаваам (экспедиция 1975 г. по руководству Ю. Г. Рычкова).

Фотографический материал по горцам Памира собран экспедицией под руководством Ю. Г. Рычкова в 1957 г.⁹

Сравнение реконструкций с описательными признаками показало, наложение обобщенных вариантов по памирским группам выявило достаточно полное совпадение у горанцев и ваханцев; восстановленные профили носа у рушанцев оказались менее выступающими, однако общее направление контуров совпало (рис. 2, а — в).

⁹ За предоставленную возможность работать с указанными материалами авторы выражают свою искреннюю благодарность В. П. Алексееву и Ю. Г. Рычкову.

Рис. 5. Сопоставление контуров обобщенных реконструкций (пунктир) обобщенных фотопортретов (сплошная линия) береговых чукчей: мужская группа

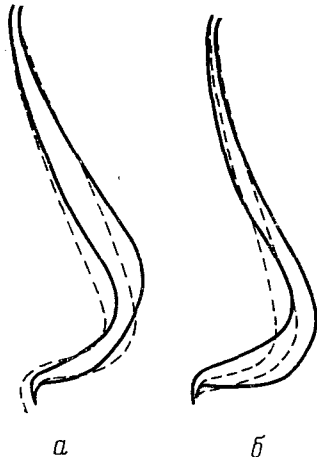

Рис. 6. Сопоставление контуров обобщенных реконструкций (пунктир) и обобщенных фотопортретов (сплошная линия) оленних чукчей: а — мужская группа; б — женская группа

Рис. 7. Обобщенные реконструкции (а); обобщенные фотопортреты (б): 1 — чукчи береговые; 2 — эскимосы, 3 — чукчи оленные

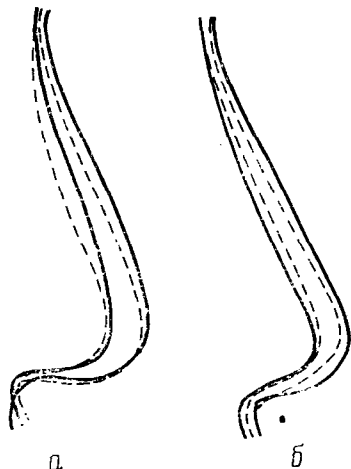

Рис. 8. Сопоставление контуров обобщенных реконструкций (пунктир) и обобщенных фотопортретов (сплошная линия) оленных чукчей: а — оленные чукчи; б — эскимосы (сплошная линия — мужчины, пунктир — женщины)

Чтобы выявить различия между группами Памира, совместили три варианта обобщенных реконструкций (Горан, Вахан, Рушан) и столько же вариантов обобщенных фотопортретов (рис. 3, а, б). В обоих случаях контуры оказались очень близки между собой.

Совмещение отдельно женских и мужских профилей эскимосов и береговых чукчей (только мужчин) также дало хорошие результаты. Совпадение контуров у эскимосов почти полное (рис. 4, а, б). У береговых чукчей восстановленный контур оказался более выпуклым, однако заметим, что в данном случае крайние варианты профилей также совпадали, так как число контуров, восстановленных по черепам, было (9 черепов) (рис. 5).

Самые существенные расхождения обнаружены у оленних чукчей. Прежде всего не совпали направления обобщенных профилей как у женщин, так и у мужчин. Спинки носа на реконструкциях оказались

более прямыми и менее выступающими (рис. 6, а, б). На фотографии отмечается более приподнятое основание.

При совмещении трех мужских обобщенных реконструкций (чукч оленных, береговых и эскимосов) выяснилось, что оленные чукчи почти не отличаются по форме спинки носа от береговых и эскимосов (контуры последних почти совместились). Только выступание носа у оленных чукчей оказалось несколько меньшим, т. е. «восстановленные» носы получились более уплощенными.

Наложение обобщенных фотопортретов также выявило совпадение контуров носа эскимосов и береговых чукчей (рис. 7, а, б).

Совмещение обобщенных реконструкций женских и мужских профилей отдельно по оленным чукчам и эскимосам показало, что у женщин выступание носа несколько меньше (рис. 8, а, б).

Профиль спинки носа у памирских групп характеризуется практически равным распределением частоты прямого, волнистого и выпуклого типа. При этом следует отметить сравнительную редкость выпуклой хрящевой части носа, так что выпуклый профиль чаще оказывается «горбоносым», или «орлиным», нежели подобным арабской шестерки (по Ю. Г. Рычкову), что вполне применимо к воспроизведенным контурам по материалам Памира.

У эскимосов были получены умеренно выступающие профили носа, что согласуется с литературными описаниями¹⁰.

Форма носа береговых чукчей оказалась довольно близка эскимосской. Эти замечания подтверждаются результатами, полученными при наложении обобщенных фотопортретов и реконструкций облика береговых чукчей и эскимосов. Расхождение реконструированных контуров носа в серии оленных чукчей с обобщенным профилем фотопортрета находит объяснение в замечании М. Г. Левина по поводу коллекции Н. А. Гондатти. Основная ее часть, находящаяся в Музее антропологии МГУ, представлена черепами оленных чукчей, однако в нее входят береговые чукчи, и эскимосы. В каталогах же Музея антропологии коллекция значится как чукотская.

По описанию Г. Ф. Дебеца, развитие передней носовой ости у оленных чукчей достигает 3 баллов (25,0% случаев)¹¹. Это пожалуй, больше соответствует обобщенным профилям, полученным с фотопортретов, поэтому можно прийти к выводу, что восстановление профилей носа по черепам оленных чукчей выполнено вполне корректно.

Таким образом, проведенная эмпирическая проверка возможности сопоставления обобщенных профилей, полученных на фотопортретах и обобщенных контуров носовой области, полученных при реконструкциях по обводам на черепе, дала вполне удовлетворительные результаты.

Поэтому нами была продолжена разработка проблемы в несколько ином ракурсе: необходимо было проверить, имеется ли возможность прямого сопоставления данных, полученных в результате соматологического исследования современного населения, с морфологическими характеристиками, определенными по этой же методике на реконструированных по обводам черепа контурам.

В качестве примера были сопоставлены близкие к современности краниологические серии и популяции современного населения, происходящие с той же территории или того же географического «локуса».

К уже упоминавшимся материалам были добавлены данные по краниологии и соматологии забайкальских бурят. В итоге, в анализированный материал вошли следующие коллекции.

1. Контурные реконструкции носовой области по серии черепов бурят. Сборы Н. Н. Мамоновой, М. Котова, А. Лукина, в южных районах.

¹⁰ Левин М. Г. Краниологические типы чукчей и эскимосов.— Сборник МАЭ. 1947, т. 10; его же. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока.— ТИЭ, 1958, т. 36; Алексеев В. П., Балужева Т. С. Материалы по краниологии нанкайских эскимосов.— Сов. этнография, 1976, № 1.

¹¹ Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области.— ТИЭ, 1947, т. XVII.

Буряты, мужчины

Секс-группа; категория признаков	n	Костная часть спинки носа		Хрящевая часть спинки носа		Общий профиль спинки носа		Кончик носа		Основание носа	
		балл	%	балл	%	балл	%	балл	%	балл	%
буряты (реконструкция по краниологическим обводам)	45	1	2,2	1	6,7	1	4,4	1	75,6	1	46,7
		2	77,8	2	82,2	2	73,4	2	24,4	2	53,3
средний балл		3	20,0	3	11,1	3	17,8	3	—	3	—
		2,18		2,04		4,4		1,24		1,53	
буряты кяхтинские	87	1	—	1	26,4	1	20,7	1	67,8	1	31,1
		2	82,8	2	71,3	2	62,1	2	29,9	2	66,6
		3	17,2	3	2,3	3	11,5	3	11,5	3	2,3
средний балл		2,17		1,76		5,7		1,35		1,71	
буряты забайкальские	1273	1	1—43	1	18—32	1	9—21	1	46—71	1	23—53
суммарно		2	53—83	2	60—72	2	40—62	2	23—41	2	41—67
		3	17—42	3	2—8	3	11—28	3	2—19	3	6—18
интервал вариаций среднего балла		2,15—2,38		1,70—1,93		3—17		1,75—1,73		1,53—2,00	

Забайкалья, коллекции МАЭ, № 6175 (1, 7—12, 16, 19, 20, 23, 24, 26—31, 34, 41, 43, 51, 58, 62, 74); 6310 (1, 7, 8, 13, 17, 18, 28, 40, 43, 49, 51, 56, 67, 74, 85, 90—92).

2. Контурные реконструкции носовой области по серии черепов бурят Западного Памира. Сборы Ю. Г. Рычкова, коллекция кафедры антропологии МГУ, №: 275—280, 282, 284, 287—294, 296—326, 328—331, 35, 337, 339—345, 347—390, 394, 395.

3. Контурные реконструкции носовой области по серии черепов чукчей оленных из коллекции Н. А. Гондатти (НИИ и Музей антропологии МГУ), № 6496—6514, 6520—6552.

4. Контурные реконструкции носовой области по серии черепов эскимосов и чукчей береговых (коллекция НИИ и Музея антропологии МГУ). Сборы В. П. Алексеева близ поселков Наукан, Синклюк, Имук, Сиреники (эскимосы) и Нунымо, Уэлен (чукчи). № 290 (19—24, 28, 30—33, 35—37, 39, 41, 42, 45—50, 53, 56, 58, 132, 160, 162, 184, 187, 199—206; 74, 132, 152, 168, 169, 172, 173, 175, 179).

Оценка элементов вертикального профиля спинки носа, положения кончика носа и основания проводилась по методике В. В. Бунака¹².

Для сопоставления полученных реконструированных характеристик были привлечены данные по антропоскопии следующих этнических групп: бурят (мужчин), обследованных И. М. Золотаревой в Забайкалье в том числе в районе Кяхты¹³; горанцев и рушанцев (мужчин), обследованных Ю. Г. Рычковым в Горанском и Рушанском ущельях амира¹⁴; чукчей и эскимосов (мужчин и женщин), обследованных Ф. Дебецем в Чукотском национальном округе¹⁵.

Рассмотрим последовательно сопоставление реконструированных данных и данных, полученных при изучении реальных групп современного населения.

В табл. 2 сопоставлены признаки вертикального профиля носа у бурят. Величины, полученные на графических реконструкциях, сравниваются с полученными у бурят района Кяхты (откуда происходит краниологический материал), указаны также границы вариаций рассмотренных признаков в 15 группах забайкальских бурят (приводятся групповые характеристики).

¹² Бунак В. В. Антропометрия. М.: Учпедгиз, 1941.

¹³ Золотарева И. М. Некоторые данные по этнической антропологии населения Забайкалья. — Записки Бурят-Монг. НИИ культуры, Улан-Удэ, 1957, вып. XXIV.

¹⁴ Рычков Ю. Г. Указ. раб.

¹⁵ Дебей Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области.

Горцы Памира, мужчины

Этническая группа; категория признаков	n	Костная часть спинки носа		Хрящевая часть спинки носа		Общий профиль спинки носа		Кончик носа		Основание носа	
		балл	%	балл	%	балл	%	балл	%	балл	%
Горанцы (реконструкция по краниологическим обводам)	59	1	1,7	1	5,1	1	3,4	1	35,6	1	18
		2	57,7	2	74,6	2	52,5	2	55,9	2	71
		3	40,6	3	20,3	3	40,7	3	8,5	3	10
Средний балл		2,39		2,15		4		1,73		1,91	
Горанцы (соматологическое обследование)	109	1	2,8	1	12,8	1	9,2	1	26,6	1	24
		2	56,0	2	59,6	2	39,4	2	44,9	2	44
		3	40,4	3	27,5	3	46,8	3	28,5	3	30
Средний балл		2,38		2,15		4		2,02		2,05	
Рушанцы (реконструкция)	13	1	—	1	7,7	1	—	1	69,2	1	15
		2	61,5	2	77,7	2	69,2	2	30,8	2	77
		3	38,5	3	15,5	3	23,1	3	—	3	7
Средний балл		2,39		2,07		4		1,31		1,92	
Рушанцы (соматологическое обследование)	82	1	—	1	9,8	1	2,4	1	22,1	1	17
		2	62,2	2	69,5	2	48,8	2	42,7	2	47
		3	37,8	3	20,7	3	41,5	3	35,4	3	35
Средний балл		2,38		2,11		4		2,13		2,18	

Результаты сопоставления показывают, что по профилю костной части спинки носа наблюдается совпадение среднего балла при весьма близком процентном распределении отдельных форм (балл 1—3); частоты форм общего профиля спинки носа (вогнутая, прямая, выпуклая и волнистая) очень близки в реконструированной группе и обследованной по соматологической программе. Вполне сопоставимы также базальное распределение и средние баллы положения кончика носа и основания. Меньшее совпадение наша серия реконструкций обнаруживает в форме хрящевой части спинки носа; в реконструированной группе меньше вогнутых форм (балл 1) и несколько больше выпуклых (балл 3). Почти все характеристики реконструированной серии попадают в границы вариаций анализируемых признаков, определенных при исследовании большого контингента бурят Забайкалья.

Характеристики горцев Памира приведены в табл. 3 (данные для мужчин).

При сопоставлении серий горанцев мы получили очень высокую степень совпадения как по средним баллам, так и по частотам отдельных баллов. По-видимому, подобное сходство связано с тем, что в данном случае краниологическая серия, безусловно, генетически связана с современным населением Горанского ущелья.

Реконструкции рушанской серии, к сожалению, малочисленны, также в ряде признаков показали практически полное совпадение характеристик (профили костной и хрящевой частей спинки носа, положение основания). Расхождение касается положения кончика носа (в реконструированном данным он значительно сильнее приподнят, чем в реально обследованной группе) и соотношения частот прямых и вогнутых форм общего профиля спинки носа. Мы полагаем, что эти расхождения в значительной мере связаны с малой численностью краниологической серии рушанцев.

Далее мы провели подобное же сопоставление на сериях представителей арктической расы — чукчах и эскимосах Чукотского полуострова. Для сравнения выбраны две группы: оленные чукчи и эскимосы, обследованные Г. Ф. Дебецем в нескольких поселках Чукотки. Серии суммированные, но имеются данные, относящиеся отдельно к мужчинам и женщинам.

Наиболее полное совпадение, доходящее до идентичности средних баллов, обнаруживает, как и в предыдущих случаях, профиль костной

Чукчи оленные Чукотки

Чукотская группа; категория признаков	n	Костная часть спинки носа		Хрящевая часть спинки носа		Общий профиль спинки носа		Кончик носа		Основание носа	
		балл	%	балл	%	балл	%	балл	%	балл	%
Мужчины											
Чукчи оленные (реконструкции по краниологическим обводам)	39	1	12,8	1	2,6	1	15,4	1	56,4	1	35,9
		2	69,2	2	87,2	2	61,5	2	43,6	2	64,1
		3	18,0	3	10,2	3	23,1	3	—	3	—
средний балл		2,05		2,08		4	—	1,44		1,64	
Чукчи (сборная группа с Чукотского полуострова)	96	1	6,2	1	38,5	1	26,0	1	38,6	1	49,0
		2	73,0	2	61,5	2	53,1	2	53,1	2	47,9
		3	20,8	3	—	3	7,3	3	8,3	3	3,1
средний балл		2,15		1,62		4	13,5	1,70		1,54	
Женщины											
Чукчанки оленные (реконструкции по краниологическим обводам)	12	1	15,5	1	16,5	1	33,3	1	66,7	1	66,7
		2	83,5	2	83,5	2	66,6	2	33,3	2	33,3
		3	—	3	—	3	—	3	—	3	—
средний балл		1,84		1,84		4	—	1,33		1,33	
Чукчанки оленные (сборная группа с Чукотского полуострова)	42	1	16,7	1	50,0	1	54,8	1	45,3	1	54,7
		2	80,9	2	50,0	2	42,8	2	52,4	2	45,3
		3	2,4	3	—	3	—	3	2,4	3	—
средний балл		1,86		1,50		4	2,4	1,57		1,45	

части спинки носа (табл. 4). По отношению к мужской серии чукчей удовлетворительное соотношение обнаружено в распределении форм общего профиля спинки носа и в положении основания носа. Расхождения касаются главным образом формы профиля в хрящевой части, реконструированной серии меньше вогнутых форм (балл 1).

Однако в целом совпадение характеристик по чукотским группам можно, как нам кажется, признать вполне убедительным, хотя в данном случае нет такой близости материала (в территориальном отношении), как на Памире и в Забайкалье.

Были выполнены реконструкции носовой области и проведено сравнение с современным населением еще одной этнической группы, также относящейся к арктической расе — азиатских эскимосов крайнего северо-востока Чукотского полуострова.

Мы не располагаем данными по современному населению тех поселков, в районе которых была собрана краниологическая серия. Сравнение проведено со сборной группой, суммированной при обследовании эскимосов на Чукотском полуострове (табл. 5).

Результаты сопоставления следующие: костная часть профиля спинки носа обнаруживает достаточное совпадение при сравнении как мужских, так и женских серий. Это соответствие касается прежде всего средних баллов и частот отдельных характеристик при сравнении мужских серий, где и средние баллы, и проценты частот практически совпадают. Вполне сопоставимы формы вертикального профиля спинки носа, особенно если суммировать такие близкие варианты, как балл 3 и 4 (выпуклый и волнистый). Почти полное совпадение наблюдается в распределении форм основания носа в мужских группах и кончика носа при сравнении женских серий.

Наибольшие расхождения в данном случае обнаружены при сравнении хрящевой части спинки носа, что уже отмечалось и в проведенных сопоставлениях на других сериях.

Анализ сопоставлений серий графических реконструкций с данными краниологических наблюдений, касающихся одного из самых сложных объектов реконструкций — форм вертикального профиля носа, его

Эскимосы Чукотки

Этническая группа; категория признаков	n	Костная часть спинки носа		Хрящевая часть спинки носа		Общий профиль спинки носа		Кончик носа		Основание носа
		балл	%	балл	%	балл	%	балл	%	

Мужчины

Эскимосы (реконструкция)	23	1	8,7	1	4,3	1	4,4	1	52,2	1	43
		2	52,2	2	74,0	2	52,2	2	47,8	2	56
		3	39,1	3	21,7	3	39,0	3	—	3	—
Средний балл		2,30		2,17		4		1,48		1,57	
Эскимосы (соматологические исследования)	189	1	2,1	1	26,4	1	10,6	1	28,6	1	48
		2	60,3	2	72,0	2	50,7	2	65,1	2	49
		3	37,6	3	1,7	3	17,0	3	6,3	3	2
Средний балл		2,35		1,75		4		1,78		1,54	

Женщины

Эскимоски (реконструкция)	19	1	15,8	1	—	1	15,8	1	36,8	1	26,8
		2	63,2	2	100,0	2	68,4	2	63,2	2	73,2
		3	21,1	3	—	3	15,8	3	—	3	—
Средний балл		2,04		2,00		4		1,63		1,74	
Эскимоски (соматологические исследования)	85	1	1,2	1	47,0	1	27,1	1	36,4	1	50,0
		2	70,6	2	53,0	2	44,7	2	58,8	2	49,0
		3	28,2	3	—	3	8,2	3	4,8	3	—
Средний балл		2,27		1,53		4		1,68		1,49	

кончика и основания, позволяет прийти к следующим заключениям.

Графическая антропологическая реконструкция дает возможность создавать серийный материал, численность которого лимитируется лишь численностью самой краниологической серии.

С точки зрения морфологических соответствий, максимальное сходство проявилось при восстановлении костной части спинки носа. Наоборот, наибольшую лабильность показали характеристики хрящевой части профиля и положения кончика носа. По-видимому, в дальнейшем следует пойти по пути поисков новых опорных точек для восстановления именно этих особенностей. Вместе с тем следует отметить, что распределение этих признаков и на живых людях обнаруживает значительный «разброс».

Удовлетворительным можно признать совпадение характеристик положения основания носа и частот формы общего профиля спинки носа. В последнем случае следует учитывать сумму «выпуклых» и «вогнутых» форм, так как ожидать от реконструированных портретов той степени детализации было бы чрезмерным. Вместе с тем «волнистая» форма — один из вариантов выпуклой спинки носа, и объединение баллов 3 и 4 вполне оправдано.

Опыт сопоставления реконструированных форм вертикального профиля спинки носа с данными, полученными при обследовании современного населения, показал, что степень соответствия результатов тем выше, чем большую генетическую преемственность имеют сопоставляемые краниологические серии с современным населением. В нашем опыте эта преемственность обусловила максимальное совпадение характеристик пяти признаков в группах горцев Памира и бурят Южного Байкаля. Меньшее число совпадений в частотах и средних баллах признаков обнаруживается там, где нет непосредственной связи краниологического и соматологического материалов (прежде всего по кочерриториальному признаку), даже в пределах одного и того же этноса, как показано в случаях сопоставлений конкретных краниологических серий чукчей и эскимосов со сборным материалом, «вообще чукчи и эскимосы».

Кроме того, следует, по-видимому, иметь в виду, что краниологический материал представляет более пожилой возраст (сборы проводились в 1930-е годы).

лись на местных кладбищах), чем группа обследованная по соматологической программе, где, естественно, значительно более высок процент лиц молодого и среднего, а не преклонного возраста. Однако несмотря на отмеченные несовпадения, мы получили возможность создавать серии контурных реконструкций, которые можно уже обрабатывать вариационно-статистическими методами, получая не только описательную характеристику, но и характеристику, выраженную балльными единицами. Эти количественные величины и дают возможность их сопоставления с подобными же величинами, полученными при соматологическом изучении популяций.

Таким образом, с помощью метода графической антропологической реконструкции становится возможным в целях расовой диагностики сопоставление ряда важных морфологических признаков мягких покровов лица древнего и современного населения.

Помимо этого, проведенное исследование обогатило наши представления о соотношениях между отдельными элементами лица и его костной основой, помогло выявить участки, обнаруживающие наибольшие ошибки при реконструкции, и тем самым дало новый экспериментальный материал для будущего морфологического анализа.

Громыко М. М.

МЕСТО СЕЛЬСКОЙ (ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ, СОСЕДСКОЙ) ОБЩИНЫ В СОЦИАЛЬНОМ МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ, ХРАНЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ ТРАДИЦИЙ

На современном этапе этнографических исследований представляется существенным обращение к выяснению системы средств, при помощи которой реализуются формирование и передача традиций. Задача эта ни в коей мере не противопоставляется изучению духовной и материальной культуры этносов, но предполагает органичную связь всех указанных направлений поиска.

В ходе дискуссии 1981 г.¹ традиция рассматривалась как выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной передачи воспроизводится и аккумулируется в различных человеческих коллективах. При подведении итогов дискуссии подчеркивалась необходимость стимулирования «исследовательских усилий для комплексного, системного постижения механизма аккумуляции, трансформации и трансмиссии социального опыта человеческих общностей»². Как именно осуществляется социальная организация стереотипов группового опыта? Как происходит пространственная и временная передача его? Стремление изучить систему средств неизбежно приводит к задаче выделения социальных общностей, в рамках которых протекает этот процесс.

В упомянутой дискуссии почти не был затронут вопрос о том, какие именно общности на различных этапах общественного развития и в разных конкретных социальных ситуациях могут служить основными носителями традиций, т. е. выполнять функцию стереотипизации материальной и духовной культуры. В самой широкой постановке эта проблема касается всей иерархии социальных общностей разных типов. Но если отойти от такого уровня абстракции и говорить лишь о традициях, входящих в предмет этнографического исследования, то особенное внимание, на наш взгляд, должно быть обращено на малые социальные группы — семью, территориальные и конфессиональные общины, внутриобщинные родственные, соседские и половозрастные группы и пр.

Процессу научного познания присуще сведение на определенной стадии изучения к простейшему, к элементу или хотя бы к малому в количественном отношении. Мы не рассматриваем здесь вопрос о самом понятии «малая социальная группа» во всей его сложности. Ограничимся лишь рабочим определением, необходимым для изложения нашей темы: это социальная общность, члены которой имеют постоянные непосредственные контакты. Обращение к малым социальным группам не означает, разумеется, противопоставления их этническим общностям в целом и не предвосхищает ответа на вопрос, какого уровня общности играют определяющую роль в хранении и передаче традиций следующим поколениям. Речь идет лишь о вычленении объекта на определенной стадии исследований. Рассмотрение процесса аккумуляции и трансляции тра

¹ См. Сов. этнография, 1981, №№ 2, 3.

² Там же, № 3, с. 66.

ций в связи с деятельностью малых общностей означает познание системы включения человека в непосредственно окружающую его социальную среду.

Проблема роли устойчивых малых социальных групп вообще (как формальных, так и неформальных) в стабилизирующих процессах жизнеэтнуса должна решаться этнографами, социологами и историками совместно. Все более утверждается мнение о том, что предмет этнографических исследований включает не только традиционную материальную и духовную культуру, но и социальный механизм ее воспроизводства, т. е. соционормативную культуру этноса.

Ставя задачу членения объекта исследования на малые социальные группы, определения группообразующих признаков, анализа структуры функций этих групп, этнограф и историк обращаются к социологическим методам, которые при этом неизбежно смыкаются с методами и традиционными методиками этнографии, истории, вспомогательных исторических дисциплин³.

Следующий этап исследования — выявление способов, какими данная малая группа реализовывала функцию усвоения (или формирования), хранения и передачи традиций. Некоторые из этих способов носят общий характер или присущи широкому набору общностей, другие свойственны лишь данной группе или определенному типу групп.

Выделение того или иного способа воспроизводства традиций ведет к анализу тех средств, которыми осуществлялся именно данный способ воздействия на индивидуума в рамках конкретного вида социальных групп. Иные из этих средств могут составлять систему, подлежащую анализу как в целом, так и в отдельных ее проявлениях. Так, влияние общественного мнения принадлежит к числу всеобщих способов воспроизводства традиций. Но самый механизм формирования общественного мнения различен не только в разных видах социальных групп, но редко дифференцируется внутри одной группы по разным сферам традиционной культуры. Многообразно проявляется и воздействие уже сложившегося общественного мнения на индивида.

Из малых социальных групп в наибольшей степени и давно этнографы занимаются семьей и общиной в рамках изучения семейного и общественного быта. На данном этапе следует иметь в виду только большее внимание к одной из их функций — организации стереотипов группового опыта (в том числе охраны и передачи их). Семья и община реализуют эту функцию в тесном взаимодействии (при отсутствии какого-либо ни было вида территориальной общины роль семьи в этом плане резко возрастает). Изучение соотношения семья — община позволит видеть также нижние ступени в иерархии обратного воздействия больших общностей на малые в процессе аккумуляции социального опыта.

Если о семье можно говорить как о простейшей социальной ячейке, абстрагируемся сейчас от возможностей дальнейшего членения исследователем некоторых типов семей на микрогруппы, то территориальная община может быть разложена на семьи и другие малые группы: более узкие соседские общности; родственные группы, выходящие за пределы семьи; межсемейные неродственные объединения на хозяйственной основе (для проведения некоторых видов работ, совладения с трудностями и пр.); возрастные, половозрастные и другие общности — все они должны учитываться при изучении развития традиций. На функционирование внутриобщинных групп накладывала свой отпечаток имущественная и социальная дифференциация. Еще более сложной предстает структура территориальной общины при отсутствии этнического или конфессионального единства.

Роли сельской общины в социально-экономических процессах уделялось немало внимания как в теоретических, так и в конкретно-историче-

³ Бромлей Ю. В., Шкаратан О. И. О соотношении истории, этнографии и социологии — Сов. этнография, 1969, № 3; Дробизева Л. М. История и социология. М.: Мысль, 1974; Громико М. М. О некоторых задачах исторической социологии. — Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук, в. 3, № 11, 1967.

ских работах. Гораздо менее исследовано значение этого института этностабилизирующих процессах. Между тем территориальная община относится к числу социальных образований, которые на протяжении огромных исторических периодов и у подавляющего большинства этносов обладали (а в какой-то мере обладают и сейчас) ярко выраженной функцией воспроизводства традиций. Значение малой территориальной общины — селения в процессе воспроизводства этнической культуры неоднократно подтверждалось многочисленными историческими свидетельствами возникавшими «экспериментами»: оказавшиеся в условиях географической или этнической изоляции отдельные селения или группы селений устойчиво сохраняли традиции.

Ниже мы попытаемся представить некоторые итоги и задачи историко-этнографического изучения соседской общины в аспекте общепроblems исследования социального механизма создания и передачи традиций. Наши положения основываются прежде всего на материалах истории сельской (территориальной, соседской) общины восточных славян периодов феодализма и капитализма, но могут быть отнесены к более широкому кругу этносов.

Основные функции сельской соседской общины могут быть сведены к следующему набору: земельно-хозяйственная, окладная (фискальная), охраны порядка, коллективного протеста, религиозно-этическая, культурная, воспроизводства традиций. Формирование, хранение, изменение и передача традиций выделяются как особая функция общины, реализуемая наряду с другими ее функциями, разумеется, условно. По существу процессы аккумуляции и воспроизведения традиций присутствовали при осуществлении каждой из названных функций.

Из-за относительной примитивности орудий труда, эмпирического характера знаний, высокой степени зависимости сельского хозяйства от природных условий во всем их локальном и микролокальном своеобразии самый процесс производства был невозможен без закрепления и передачи опыта традицией. Максимальная приспособляемость к специфике конкретной местности достигалась эмпирически за счет неповторимости по длительности сроков адаптации. Именно поэтому результаты такой адаптации заслуживают внимания и изучения и в наше время. Детализированные эмпирические знания особенностей отдельных территорий нередко позволяли фактически учитывать в комплексе такие многочисленные факторы и их связи, научный анализ которых не завершен сейчас. Процесс адаптации опирался на индивидуальный и семейный хозяйственный опыт, а также на коллективный опыт совокупности крестьянства определенного природохозяйственного района. Основной носителем функции формирования, защиты, передачи из поколения в поколение сельскохозяйственного опыта являлась сельская община. В отборе оптимальных для данных условий способов и приемов ведения крестьянского хозяйства и в контроле за их соблюдением существенную роль играло то, что община имела право регулировать сроки и характер пользования комплексом земель, тяготевших к тому или иному селению. Регулирование эксплуатации лесов, пастбищ, отчасти лугов, рыболовных участков, мирских мельниц, плотин служило механизмом передачи определенных сельскохозяйственных норм. Применительно к пашенным землям возможности воздействия общины посредством прямых решений были меньше, хотя тоже реализовывались через пастыбу скота на жнивные после уборки хлеба, распределение ближних и дальних полей, выработку мнения о том, на каких участках целесообразнее высевать ту или иную культуру — в зависимости от ландшафта, направления ветров, микроклимата, характера почв. Коллективно вырабатывались и сохранялись нормы глубины вспашки, количества вспашек под ту или иную культуру на разных землях и т. п.⁴

⁴ Горская Н. А. Земледелие и скотоводство. — В кн.: Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1977, с. 43—98; Колесников П. А. Северная деревня

Существенную роль в создании и воспроизводстве хозяйственных, этнических и других традиций играли так называемые «помочи» и иные виды коллективных работ. Они способствовали внутриобщинному обмену конкретными производственными приемами и формированию общественного мнения, выделявшего наиболее искусных работников.

Не только в земледелии и скотоводстве, но и в добывающих промыслах община осуществляла контроль за соблюдением производственных сроков и норм, содействовала культивированию приемов и передаче их следующему поколению. Время ухода из селения на добывающие промыслы (что было связано с длительным отсутствием значительного числа взрослых мужчин) должно было органично вписываться в цикл сельскохозяйственных работ. Подготовка к отправке на осенне-зимний промысел промысловой артели проходила под контролем общественного мнения всего мира в целом. Общинные работы в рыболовных промыслах сохраняются не только в максимально изолированных и потому наиболее консервативных по социальному развитию районах, но по некоторым видам промыслов и в развитых в промышленном отношении регионах. Как и в земледелии, общие работы здесь были эффективной формой создания, сохранения и передачи коллективного опыта. В них закреплялась традиция, предъявлялись определенные требования к уровню мастерства. Степень жесткости контроля общины над добывающими промыслами была различной в зависимости от природохозяйственных и социальных условий. В земледельческих районах с далеко зашедшей социальной дифференциацией крестьянства действовала сложившаяся производственная традиция, основным транслятором которой продолжала оставаться сельская община, но практически контроль над всем процессом осуществляли уже хозяева неводов и рыболовных участков. Крестьянские общины и рыболовные артели предпринимали меры по улучшению условий лова. Например, строго следили за тем, чтобы никто не ловил в озере рыбу в то время, когда она стаями идет к устьям рек, чтобы подняться по ним для метания икры; опасались, что лов в этот момент спугнет рыбу, разбив ее косяки, нарушив движение их по традиционным путям (и соответственно воспроизводство рыбы). Именно это и происходило в некоторых районах, когда частное предпринимательство ослабило общинный контроль и действие обычного права.

С большой четкостью прослеживается значение традиций, когда община выступает как носительница согласованных действий протеста крестьян. Многочисленные коллективные челобитные от деревни в целом, отложившиеся в фондах местных и центральных учреждений России, например, являются убедительным свидетельством этой стороны деятельности крестьянских общин. Коллективный протест выражается, в частности, в связи с фискальными злоупотреблениями. Именно ради выполнения повинностей государство проявляло заинтересованность в сохранении общины, несущей расходы за «выбылых» и маломощных, поддерживало выборные крестьянские органы. Но крестьянство со своей стороны использовало сельские и волостные органы для ограничения тенденции роста эксплуатации и в этой своей деятельности опиралось в значительной мере на обычай. Обычай в качестве регулятора уровня эксплуатации функционировал прежде всего при посредстве общины.

В решении многих социальных вопросов для крестьянина основным фактором был обычай. В деловых бумагах разного типа постоянно встречаются ссылки крестьян на действия или права их прадедов, дедов и отцов для обоснования собственных поступков или прав. Это относилось как к общине, так и к отдельным лицам. В представлениях крестьянина цепь предшествующих поколений осознавалась как опора в нелегкой жизни труженика: «как они, прадеды и деды наши, так и мы,

XV — первой пол. XIX в. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1976, с. 184—225; *Промыслы* М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1975, с. 25—157.

рабы ваши, в той деревне...», или «в прошлых давних годах прадеды деда и отцы наши...», или «предки наши, деда и отцы, имели...» и т. п.

Внутриобщинная охрана порядка реализовывалась преимущественно на обычно-правовой основе, следовательно, также была связана с аккумуляцией и трансляцией традиций.

Наиболее всеобъемлющим из средств реализации общиной рассматриваемой функции являлось общественное мнение⁶, регулировавшее поведение в соответствии с традициями. Мнение семьи, родственников ближайших соседей, селения в целом и комплекса близлежащих селений — это регулятор поведения, оказывавший постоянное непосредственное воздействие на формирование и сохранение традиционных воззрений и соблюдение традиционных норм.

Разумеется, конкретный комплекс селений входил при этом в более крупные социальные, этнические и конфессиональные общности, являвшиеся создателями и носителями определенных взглядов и норм. Таким образом, шел постоянный процесс всепритягивания общиной извне стереотипов культуры, как и передачи за пределы общины ее вклада в общенационально-этностабилизирующие процессы. Но мы рассматриваем сейчас социально-психологический механизм, непосредственно воздействовавший на каждого крестьянина. В повседневном общении, во время коллективных работ и коллективных праздников регулярно и естественно демонстрировались нормы поведения, осуждались или подвергались корректировке отклонения от них, исподволь вызревали изменения. В этом смысле община имела отношение ко всем без исключения традициям крестьянства. Но сверх этого был еще определенный круг социально-экономических, этических и религиозно-этических вопросов, регулируемых специально принятыми решениями общины; существовали формы и нормы поведения, которые поддерживались и защищались общиной, выступавшей в качестве определенного социального института, не посредством воздействия общественного мнения, а посредством принуждения.

Регулирующая роль общественного мнения в сохранении традиций наиболее конкретно может быть выявлена в результате исследования социальных аспектов индивидуальной репутации. При изучении этого вопроса необходимо сочетание источников, отражавших крестьянские идеалы, с конкретными документами, дающими выбор разнотипных репутаций, достаточно репрезентативных в локальном отношении.

Решение на сходке общины ряда вопросов, касающихся того или иного крестьянина, зависело в значительной мере от его репутации. В таких случаях скрытый в другое время механизм воздействия общественного мнения выступал в обнаженном виде, как и при обсуждении проступков общинников на сходке. Мнение, которое проявлялось открыто и определено на сходке, складывалось в общине постепенно. Повседневная жизнь мира давала достаточный материал для формирования суждений соседей. Община являлась в этом отношении относительно гибким механизмом: репутация, даже документально зафиксированная на сходке, нередко изменялась.

Значение общественного мнения четко осознавалось крестьянами. Вынесение безнравственных поступков на суд мира осуществлялось в только прямым обсуждением их на сходке, но и в других формах апел-

⁵ Зырянов П. Н. Обычное гражданское право в пореформенной общине. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории. В. VI. (Проблемы истории русской общины). Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1976, с. 91—101; Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М.: Наука, 1976, с. 181—241; Бакланова Е. Н. Крестьянская двор и община на русском Севере (конец XVII — начало XVIII в.). М.: Наука, 1966, с. 84—91; Крестьянская община в Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск: Наука, 1977; Прокофьева Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII — первой половине XIX века. Л.: Наука, 1981; Пушкаренко А. А. Обычное право позднефеодальной эпохи. — В кн.: Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983, с. 18—23; Кортиков В. И. Правосознание крестьян и его отражение в крестьянском движении. — В кн.: Социально-политическое и правовое положение крестьянства...

⁶ Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья. Л.: Наука, 1967, с. 238.

щин к соседям. По существу любое сколько-нибудь широкое собрание деревни (от крестин до поминок и от хороводов до помочей) могло служить ареной для апелляции к общественному мнению. При этом широко использовались художественные формы для выражения претензий и похвалы, поскольку крестьяне в массе своей свободно владели множеством фольклорных форм, умели импровизировать в рамках различных жанров. Претензия, выраженная в традиционной фольклорной форме, соответствующей обстоятельствам, считалась уместной там, где был бы совершенно невозможен прямой выпад «на людях». Так, похвальные причитания использовались иногда для воздействия на формирование общественного мнения по отношению к живым.

Репутация девушек и парней находила отражение, например, в вечальных песнях, исполнявшихся в хороводе, а песни эти в свою очередь способствовали созданию и закреплению каких-то элементов репутации и т. д. Репутация в значительной степени зависела от владения родовыми навыками. На общих сенокосах, на помочах и других коллективных работах проявлялись индивидуальные возможности — способность, ловкость, сила, виртуозность в отдельных приемах. Представления об умелости практически каждого крестьянина в ведении хозяйства в целом или в том или ином виде занятий формировались в общине и по результатам труда, и не только в хозяйстве, но и в побочных, однако существенных для репутации занятиях. Так, мнение односельчан о девушке как о работнице, которое непременно учитывалось при выборе невесты, складывалось и непосредственно при наблюдении за работой, и опосредованно — по ее изделиям: у всех на виду была ее одежда собственного изготовления, с богатой отделкой в праздничном варианте. Специальный осмотр женщинами общины девичьего рукоделия осуществлялся, в частности, во время «выставок» невест и т. п.

Подростки рано приучались к различным видам труда. Над теми из них, кто не овладел мастерством, соответствовавшим, по местным представлениям, его возрасту, начинали насмехаться. О постоянном воздействии общественного мнения в этой форме свидетельствуют, например, смешливые названия для неумелых людей различного возраста, прочитавшие в диалекты разных языков. Таким и другим способами община продолжала прививать детям и подросткам традиционные трудовые навыки, начало которых было заложено в семье.

Контакты молодежи находились под постоянным контролем старших, всех жителей селения. Иногда это выражалось в непосредственном наблюдении и участии (активность «зрителей», окружающих хоровод, сопровождающих «окликал» или присутствующих на праздничных посиделках), но еще более — в давлении общественного мнения, в осознаваемой каждым молодым человеком позиции общины в целом.

Наряду с репутацией отдельного лица в общине, а отчасти и за ее пределами формировалась и довольно устойчиво сохранялась репутация всей общины, нередко переходившая из поколения в поколение. Наконец, сама община имела определенную репутацию среди окружающих селений. В бытовавших в округе характеристиках отражались отдельные типологические черты традиций конкретного селения. Но кроме того, существовала оценка деревни в целом по общепринятой шкале нравственных ценностей, и о ней нередко заботилась община, обсуждая на сходке те или иные вопросы. Характерен в этом отношении довод, приведенный при увещании сходкой родителей девицы ззорного поведения: страдает репутация других девушек селения.

Широкий комплекс воззрений, норм обычного права, норм повседневного поведения, связанный с положением стариков в общине, их авторитетом, отношением к ним, представляет собой составную часть системы, посредством которой осуществлялась общиной функция воспроизводства традиций. Этот круг вопросов подводит исследователя к анализу норм поведения во взаимоотношениях поколений.

Огромная роль преемственности, накопления опыта и межпоколенческой передачи его в сельском производстве определяет связь указанного

комплекса с социально-экономической жизнью деревни. Знание сроков и характера сельскохозяйственных работ во всем многообразии их дифференциации применительно к климату, микроклимату, особенностям культур и особенностям года; владение во всей необходимой полноты навыками и приемами обработки полей и готового продукта, ухода за скотом, работы на промыслах и пр. — все это шло от старшего поколения. При отсутствии или слабом применении достижений науки и техники традиционность лежала в основе производства, отсюда — авторитет стариков в семье и общине и соответствующие традиции.

Старики хранили сведения об объеме повинностей, выполнявшихся дедами и отцами, что было важно для сопротивления увеличению ренты. В районах, где колонизация была недавним или продолжавшимся еще процессом, почтению к предкам способствовала их репутация как основателей селений, осваивавших данную территорию. Но и в месте давнего заселения предок — основатель данного хозяйства, строитель данного дома и пр.

Крестьянскому сознанию было свойственно при сопоставлении поколений отдавать предпочтение предшественникам. Уважительный тон в отношении к предкам был принят и в повседневных суждениях. Общий взгляд на предшественников согласовался с отношением к живым представителям старшего поколения. Авторитетом их решались основные дела на сходке и в неразделенной семье. Из стариков состояли неформальные органы власти в общине: «суд стариков», или наиболее авторитетная «фракция» сходки. В нормативы крестьянской этики входила задача угодить старикам. Отсюда шел и определенный стиль поведения самих членов старшей по возрасту и авторитету группы общины: известная уверенность в себе, опиравшаяся на осознание значения своей возрастной группы в жизни общины и определявшая в значительной мере отношение к молодым.

Место предков в крестьянском мировоззрении отражалось на нормах поведения младших по отношению к старшему поколению. Религиозно-нравственные идеи монотеистических религий, а также сохранение элементов культа предков освящали преемственность, верность традиции, заветам дедов и отцов. Обращение к предкам, (как бы приобщение умерших к празднествам) входило органично во все календарные обычаи: в единстве жизненных циклов человека и природы участвуют давно и недавно ушедшие из жизни. В народном мирозерцании естественной смене возрастов, воплощавшейся во многих обрядах, подключалось и посмертное существование: циклы внутри жизни одного поколения и циклы «жизнь — смерть — новая жизнь» (новая жизнь как в смысле смены поколений, так и в смысле участия усопших в жизни живых). Соблюдение всех принятых знаков внимания к предкам есть залог благополучия — такое представление, несомненно, сказывалось в контактах со старыми людьми, приближавшимися к смерти. В этой сущности связи поминальной части календарной обрядности с комплексом этических традиций, регулирующих взаимоотношения поколений.

Старики чаще всего были главными авторитетами в религиозно-нравственной и обрядовой традиции. К старшему возрасту принадлежали обычно и ведуны, и знахари, оказывавшие определенное влияние на взаимоотношения и настроения односельчан. Но здесь уже вступает в силу не только и не столько авторитет стариков, сколько другое средство реализации рассматриваемой функции общины — закрепление в общине за конкретными лицами ряда ролей, непосредственно связанных с соблюдением традиций.

В системе индивидуальных репутаций в селении особое место занимало мнение о лицах, отличавшихся склонностью, способностями к выполнению постоянных ролей в календарных или семейных обычаях, в праздничных развлечениях и т. д. В большой степени персонификация обрядовой роли проявлялась в отношении свадебного дружки. Дружкой обычно был человек одаренный, обладавший актерским талантом, организаторскими способностями, знанием множества фольклорных тек-

тов и, наконец, репутацией ведуна. Он не только знал и направлял в течение нескольких дней свадебное действо, в котором сам играл ведущую роль, но нередко и обладал в глазах крестьян своей общины некоторой сверхъестественной силой, позволявшей ему исполнять магические действия с целью защиты от возможных напастей (в частности, от действий колдунов) жениха и невесты, затем новобрачных.

Зачастую за определенными лицами в селении было закреплено и исполнение функций свахи жениха, свахи невесты, свадебных «стихоюдниц», иногда и «полудружья» — помощника дружки и некоторых других свадебных чинов. «Знающие» свахи, как и дружки, реализовывали по существу контроль общины за соблюдением традиций в семейных обрядах.

Хранителями общинных традиций выступали и конкретные лица, постоянно исполнявшие роли основных персонажей календарных обычаев и обрядов: главные роли в масленичном карнавале, роли вожаков рождественских обходов дворов, заводил-хороводниц и т. п. Такие крестьяне — как бы живое воплощение традиции, блюстители обычая, хранители эталонов поведения.

В число персональных носителей традиций, несомненно, входили и бабки-повитухи. К ним принадлежали и знахари (знахарки). Знатоки народной медицины и ветеринарии, примет, они были, как правило, одновременно исполнителями некоторых обрядов. Их известность обычно выходила за пределы селения, как и репутация крестьянина-пустынника или праведника, поселившегося на краю деревни или в стороне от нее, дававшего приходившим к нему советы, религиозно-нравственные наставления. Далеко перешагивала границы сельской общины и слава мастеров художественных промыслов, сказителей былин (непрерывная преемственность в хранении традиций конкретными сказителями прослеживается от XVIII в. до наших дней в так называемых школах сказителей)⁷. Однако и эти репутации изначально формировало общественное мнение «одного» селения.

Воспроизводство традиции в хозяйственной сфере определялось рядом с другими факторами огромной ролью определенного трудового ритма. Имеется в виду ритм в широком значении этого слова, включающий соотношение сезонных работ, режим дня, согласованность отдельных этапов трудового процесса и пр. Устойчивый трудовой ритм был закреплен длительной традицией, находил идеологическое обоснование в крестьянском мировоззрении, контролировался семьей (семья здесь выступала как первичный трудовой коллектив), артелью, общиной. Оптимальный для данных природохозяйственных и социальных условий трудовой ритм в сочетании с детальным эмпирическим коллективным знанием особенностей региона давал возможность достигать необходимых производственных результатов. Внутрисемейные и общинные этические представления и нормы, связанные со взаимоотношениями и поведением в сфере хозяйственной деятельности, во многом были подчинены этому ритму, задаче его соблюдения, сохранения.

Нормами, регулировавшимися не только общественным мнением, но и прямыми решениями общины (в пределах, допускаемых традицией), определялось многое в поведении крестьян в начале крупных сезонных сельскохозяйственных работ (например, начало сева), в ходе своеобразного соревнования (взаимоотношения косцов на лугу и др.), при окончании отдельных работ (завершение жатвы и пр.); традицией регламентировалось и соотношение праздничных элементов с работой в ходе трудовых процессов.

Началу основных сельскохозяйственных работ придавалось огромное значение. Правильное поведение при зачине должно было, по мнению крестьян, обеспечить успех в дальнейшем, предотвратить возможные неприятности и стихийные бедствия. Большинство факторов, от ко-

⁷ Чистов К. В. Русские сказители Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1980; Чистов В. И. Школы сказителей Заонежья. М.: Наука, 1982.

торых зависел успех сельскохозяйственной деятельности, касалось не отдельного хозяина, а всего селения, полей общины в целом. Отсюда возникло стремление оградиться от стихийных бедствий и других невзгод не только каждому в отдельности, но и всем миром вместе. Ведь не правильное поведение отдельного общинника могло вызвать неблагоприятные последствия, которые сказались бы на всех. К сверхъестественным силам обращались «всем обществом», чтобы обеспечить благополучие полей. Наличие религиозно-этического элемента среди многообразных функций соседской общины особенно четко проявляется в связи с началом определенного цикла сельскохозяйственных работ (проведение обряда всей общиной, приглашение причта на мирские деньги, назначение на сходке человека для проведения первой борозды, да «зажина» и т. п.).

Религиозно-этическая функция общины, выступающая обычно в органической связи с функцией воспроизводства традиций, прослеживается также в ее запретных и ограничительных установлениях, касающихся определенных дней. Степень вмешательства общины в вопросы полного или частичного запрета работ в воскресенье, праздничные и некоторые другие дни в отдельных селениях сильно различалась. Диапазон различий простирался от мягко выраженного общественного мнения до четкого контроля и наложения штрафов.

Традиция заповедных дней уходила корнями в глубокое прошлое. Тем не менее общинный контроль над нею устанавливался периодически на сходах заново, многие запреты не рассматривались крестьянами как нечто само собой разумеющееся и установленное раз и навсегда. Представления крестьян о том, какие виды работ и каким именно способом нельзя выполнять в праздничные и воскресные дни, имели множество оттенков и нюансов. Например, ходить в лес на охоту, а также за грибами и ягодами в праздники разрешалось. Крестьяне не считали эти занятия работой. Работать же в лесу — валить деревья, рубить дрова и пр. — запрещалось. Печь хлеб в праздничный день считалось грехом, а печь пироги разрешалось.

Штрафы нарушителей общинного приговора о праздничных днях различались в зависимости от того, где застали виновного работающим. Так, запрещалось работать в праздники своим семейством; если же крестьянин собирал помочи, то он не считался нарушителем. Сходка устанавливала, при каком минимальном числе приглашенных помощников коллективная работа может расцениваться как помочи (при малом числе помощников работу относили к делам семейным). Например, местами приглашение семи и более человек считалось помочами; при меньшем числе помощников община брала с хозяина штраф. Работа в праздники и воскресенье по найму — «на поденщине» допускалась. Даже там, где осуждался труд в «казачьи дни» не только «для себя», но и по найму, исклечение составляли обработки самой общины — сенокосы, за быков, за потравы и пр.

Нарушитель запретов должен был сознаться в своем проступке и просить прощения у «общества». В этом случае с него брали штраф соответственно принятому сходом постановлению. Если же он пытался скрыть нарушение, запирался и был уличен, то штраф взимался в двойном размере. В этом вопросе, как и в других, община решительно боролась со всяким обманом мира. Попытки ввести в заблуждение общественное мнение неизменно вызывали резкое осуждение крестьянского коллектива.

Кроме общепринятых праздников запреты на отдельные виды работ крестьяне связывали, как известно, с днями некоторых святых, сказания о которых как-то соотносились с тем или иным запретом. Особое место в крестьянских представлениях о том, в какие дни нельзя работать, занимали пятницы. Сложный комплекс норм поведения в пятницу принял в себя элементы дохристианских, христианских (апокрифических и православных) воззрений на этот день недели. Набор работ, допустимых и не допускавшихся в пятницу, в разных местах существенно

различался. Кроме того, под напором насущных сельскохозяйственных потребностей делались отступления, и потому подчас бытовали противоречивые представления в рамках одних и тех же видов работ.

Активным способом реализации соседской общиной функций хранения, передачи и развития традиций было совместное проведение всем селением (или даже группой соседствующих и тесно связанных хозяйственной деятельностью и постоянным общением селений) многих календарных праздников. Отдельные элементы праздника могли выполняться различными внутриобщинными группами (семьями, объединениями по полу или возрасту, родственными совокупностями), но в целом празднество разворачивалось в рамках общины, с участием всех жителей, подчинялось определенной последовательности и неформальному контролю мира.

В семейно-личностных отношениях община выступала в качестве блюстителя традиций не только через повитух, знахарей, дружек, свах и других постоянных исполнителей ролей в обрядах, но и коллективно — на счет непосредственного участия значительной части жителей, наблюдения остальных и т. п.

Представляется целесообразным строить изучение способов и средств реализации общиной (как и другой малой социальной группой) функции по воспроизводству традиций в органичной связи с конкретными формами коллективного общения. Нормы поведения молодежи, например, определялись традициями, сохранившимися и развивавшимися в рамках этнической и социальной общности в целом и локальных их особенностями; возрастная специфика вносила коррективы и дополнения в общую систему этических взглядов и норм поведения; в зависимости от того, в ходе ли трудовых процессов или на досуге происходило общение, включались новые самостоятельные системы, воздействующие на поведение личности и коллектива (так, применительно к досугу это — правила игры, закономерности художественного жанра, структура и семантика обряда и пр.). Учесть действие всех этих факторов в одной системе можно воспроизводя конкретные формы общения.

Наряду с общением в четко зафиксированных, закрепленных традицией формах, связанных, как правило, с обрядами (например, братчины, или кануны), бытовали неформальные коллективные встречи, возникавшие стихийно или подготовленные, но не имевшие жесткой структуры, определяемой обычаем. Если формальные или неформальные встречи охватывали лишь часть общины, здесь все равно было так или иначе представлено общественное мнение селения в целом, и результаты происшедшего на них обмена мнениями становились достоянием мира.

Процесс освоения новых земель, включения их в социально-экономическую жизнь страны сопровождался постоянным воспроизводством определенных этнокультурных традиций, сложившихся на территории, давно освоенной данным этносом. В территориальной трансляции традиций сельская община тоже играла существенную роль. В местах выхода переселенцев это выражалось в коллективном обсуждении предстоящего переселения, в отправке на разведывание новых мест представителей общины, в установлении связей с уже переселившимися на новые места односельчанами, в подготовке переезда. Даже в пути, если мигрировали компактные группы, территориальная община продолжала функционировать как регулятор традиционного поведения. На новых местах в этом случае действовала та же община, и через нее шел процесс адаптации традиционной культуры к новым условиям. Если в новом селении объединялись разрозненные семьи переселенцев или разные группы их, то в рамках новой территориальной общины в первую очередь шла консолидация пришлых элементов, закрепление и видоизменение принесенных обычаев.

Сельская община, пройдя многовековой путь развития и сохраняя определенную преемственность с общиной-маркой раннего средневековья, становится затем органичным звеном разных этапов развития социально-экономической структуры феодального и даже капиталистического общества.

ческого общества, трансформируясь по мере развития новых отношений. В рамках традиционных форм развивалось новое историческое содержание, рождавшее новые формы, становившиеся тоже традицией, но более позднего этапа общественного развития.

Территориальная община относится к числу социальных групп, достаточно глубоко подчинявших себе личность. Однако и здесь остались возможности для инициативы (хозяйственные усовершенствования в частности связанные с наблюдениями за природой и приспособления к ее местным особенностям, внутриобщинная гражданская деятельность, легальный выход в макромир, самовольные переселения и протеста (восстания, отказ от выполнения повинностей, побег, наказания, челобитные, доверенности и пр.), индивидуального художественного творчества. За исключением экстремальных ситуаций (отдельные моменты восстаний, борьбы с иноземцами, разбойниками), инициатива, творчество, протест тоже укладывались, как правило, в традиционные нормы поведения, на страже которых стояла община, но создавали при этом вариативность, неизбежно сопутствовавшую традиции⁸, и способствовали в конечном счете изменению самой традиции.

Роль сельской общины в хранении и передаче традиций имеет аналогию в деятельности других малых территориальных общностей — не больших городов, поселков, частей городов, кварталов.

Обширный круг вопросов, подлежащих исследованию, связан с изучением общественного мнения в современном селе и способов воздействия на его формирование. В этом аспекте особое значение приобретает анализ механизма формирования общественного мнения в малых социальных группах — в первичных ячейках сельского производственного коллектива, в деревне, в колхозе и т. п. Неслучайно на современном этапе возросла роль сельских сходов. Заметную роль в формировании общественного мнения в сельских условиях играют малые неформальные группы — авторитетные старики, соседи, женские и молодежные компании и т. п. Некоторые из групп такого типа являются наиболее активными носителями традиций. Задача состоит в изучении как исторического развития, так и современного механизма формирования общественного мнения малых социальных групп.

⁸ Чистов К. В. Вариативность и поэтика фольклорного текста. — В кн.: История культуры, этнография и фольклор славянских народов. М.: Наука, 1983, с. 143—1

И. И. Земцовский

АКАДЕМИК Б. В. АСАФЬЕВ КАК ЭТНОМУЗЫКОВЕД

[к 100-летию со дня рождения]

Академик Борис Владимирович Асафьев (1884—1949) оставил огромное литературное наследие. Его пятитомные «Избранные труды» (1952—1957) завершаются библиографическим списком, насчитывающим около 1000 названий. Многие работы ученого переведены на иностранные языки¹.

Здесь нет необходимости характеризовать творчество Б. В. Асафьева в целом, тем более что ему посвящены специальные работы². В них отражен жизненный путь Асафьева — композитора и музыковеда, критика и публициста, искусствоведа и литературоведа, педагога и общественно-политического деятеля, писателя и драматурга, члена Союза композиторов и Союза писателей СССР. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (ученик А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Планонова и А. И. Введенского) и Петербургской консерватории (по классу И. А. Римского-Корсакова и А. Н. Лядова), имевший таких наставников, как В. В. Стасов, И. Е. Репин, А. М. Горький, Ф. И. Шеляпин, А. В. Луначарский, Асафьев вырос в музыкального писателя мирового масштаба. Его энциклопедическая эрудиция поражала — читая более чем на десяти языках, он легко ориентировался не только в самых различных вопросах искусства (музыкального, театрального, поэтического, живописного), но и в истории, археологии, этнографии, философии, эстетике и даже астрономии и медицине. Обладая счастливой способностью в любом явлении увидеть живое, творческое начало, Асафьев всегда оставался историком и культурологом: для него не существовало изолированных объектов, все было исторически связано и обусловлено. Он не отделял в себе музыканта от историка и искусствоведа. Как опытному специалисту, ему достаточно было детали для психологически убедительного познания и воссоздания целого. Самое активное участие принимал Асафьев в советском культурном строительстве — ему принадлежит учреждение Разряда истории музыки РИИИ — Российского института истории искусств (1919), Петроградской филармонии (1921), историко-

¹ См., например: *Asafjew Boris*. Die musikalische Form als Prozess. B., 1976; *idem*. Musical Form as a Process/Translation and Commentary by Tull J. R. V. 1—3. Dissertation. The Ohio State University, 1977. См. также не издававшуюся у нас статью Асафьева «Проблемы русской народной музыки», опубликованную на нем. яз.: *Probleme der russischen Volksmusik*. — *Melos*, 1927, Jahrg. VI, H. 1, Januar, S. 11—18.

² См.: *Луначарский А. В.* Один из сдвигов в искусствоведении. — *Вестн. Коммунистической академии*, 1926, кн. XV. (перепечатано в книге А. В. Луначарского «В мире музыки». М., 1971, с. 201—226); *Орлова Е. М.* Б. В. Асафьев: путь исследователя и публициста. Л.: Музыка, 1964; Воспоминания о Б. В. Асафьеве/Сост. Крюков А. Н. Л.: Музыка, 1974 (здесь же автобиографическая работа Асафьева «О себе» — с. 317—508). Материалы к биографии Б. Асафьева/Сост. и коммент. Крюкова А. Н. Л.: Музыка, 1981; *Крюков А. Н.* Б. В. Асафьев. Л.: Музыка, 1984; *Орлова Е. М., Крюков А. Н.* Академик Борис Владимирович Асафьев. Л.: Сов. композитор, 1984. Об Асафьеве и его вкладе в советское этномузыковедение см. статьи И. И. Земцовского в кн.: *Вопросы теории и эстетики музыки*. В. 6/7. Л.: Музыка, 1967; *Социалистическая музыкальная культура*. М.: Музыка, 1974 (перездана на нем. яз.); *Критика музыковедения*, в. 2. Л.: Музыка, 1980.

теоретического факультета Ленинградской государственной консерватории (1925). Он заведовал Центральной музыкальной библиотекой, занимался вопросами музыки на всех уровнях образования, включая школы и рабочие университеты.

Немудрено, что в этом море интересов и свершений весьма скоро на первый взгляд выглядела деятельность Асафьева-этномузыковеда, более того задуманную в 1920-е годы книгу «Крестьянское песенное искусство» он так и не успел написать. Специальных статей по фольклору у Асафьева немного, отдельные высказывания его о народной музыке еще никем воедино не собраны, да и сам метод работы ученого, рассматривающего конкретную проблему всегда в комплексе со многими другими, как бы оттеснил интересующую нас тему на задний план. Однако такое впечатление обманчиво, и я надеюсь это показать. Главным для Асафьева было — и это очень важно — писать о музыке (в том числе народной) так, чтобы немусыканту стала понятной необходимость музыковедения, исследовать ее так, чтобы итоги исследования можно было сопоставить с данными смежных гуманитарных наук. Войти в самую сокровенную суть музыки, с учетом всех тонкостей психологии восприятия, и сделать эту суть доступной каждому и озаряющей каждого. Не быть узким специалистом и благодаря этому не разделять непримиримыми границами родственные области искусства и быта, искусства и культуры. Презирать самоцельную «кабинетную» этнографию и делать все для того, чтобы музыкальная этнография стала в СССР по-настоящему исторической наукой о Человеке. Не являясь, как уже отмечалось, узким специалистом-этномузыковедом, Асафьев фактически был основателем целой школы, находясь у истоков всего: первых комплексных экспедиций, первых спецкурсов по музыкальной этнографии, первых лабораторий и фонограммархива, первых библиографических карт и книг по музыкальному фольклору в России начала 1920-х годов, изданий «Записок музыкального славяноведения»³.

В книге «О себе», созданной зимой 1941/42 г., Б. В. Асафьев фактически называет основные вехи на пути своего интереса к народному творчеству. Их три. В детстве, в 1890-е годы, это — павловская бабушка (дедья матери), которая щедро питала воображение впечатлительного мальчика своим богатейшим запасом сокровищ устного народного творчества: сказки, легенды, пословицы, прибаутки, заговоры, поверья, «и величелестная романтика „невидимого“, но для нее вполне реального в природе»⁴. С этой «неведомой и нечистой силой» бабушка чувствовала себя в большом ладу. «И чего сердиться, хозяин, — говорила она домовому во время вьюжной ночи, — завел тут, спать пора, ну, ну, перестань... а затем начинала свои увлекательные рассказы про быт «нежити», про встречи с нею старых людей, а заодно и про всякие павловские «„неладные“ места в лесах и в парке». Слушая эти былички, Б. В. Асафьев, по собственному признанию, «познавал романтику русского народного творчества, а одновременно и образную русскую народную речь... Ее интонацию — музыку речи — я никогда не забывал»⁵.

Вторая веха — беседы с учителем, композитором А. Н. Лядовым, особенно после 1906 г. (год смерти В. В. Стасова). «Встречи с Лядовым открылись для меня путем к возрождению глубокого интереса к народному творчеству... В области русского фольклора я понимал его свободно и легко»⁶. Стимулов для бесед было немало: новые течения в русской живописи (Рерих, Билибин), оперы Римского-Корсакова на сказочные сюжеты, произведения самого Лядова на фольклорные темы, их общее увлечение «Калевалой», произведениями Лескова и др. Именно Лядов внушал молодому Асафьеву, что «в народном творчестве все дело»

³ Напомним, что его учениками были выдающиеся советские этномузыковеды: З. В. Эвальд (1894—1942) и Е. В. Гиппиус (родился в 1903 г.).

⁴ Воспоминания о Б. В. Асафьеве, с. 345.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 418—419.

ной передаче, „с уха на ухо“, без нот»⁷. Это заставило задуматься о сущности многого; отсюда берет начало и любимый термин Асафьева — «музыка устной традиции».

Третья вежа — встреча с московским композитором А. Д. Кастальским в 1914 г. Этот год вообще был знаменательным в жизни Асафьева: в марте появилась его первая статья в журнале «Музыка» под ставшим затем популярным псевдонимом Игорь Глебов, летом состоялась первая поездка за границу, отмеченная серьезными занятиями античностью в Италии. Кастальский для Асафьева — единственный в своем роде мастер русского хорового письма и «тончайший знаток народного творчества»⁸. В его музыке претворен «вековой опыт крестьянской полифонии устной традиции». Изучение хоров Кастальского, беседы с ним дали для Асафьева «насуущим хлебом и родником»⁹. То была кульминационная — в предреволюционный период — вежа, ибо благодаря знакомству с Кастальским, по словам самого Асафьева, он «стал еще усиленнее образовывать свой слух на народном мелосе и знаменном распеве»¹⁰.

Затем последовала разнообразная практическая работа, в частности очинение национально-характерных танцев (русских, бельгийских, кавказских и даже японских) для патриотических концертов в Мариинском театре (это были годы первой мировой войны).

После февральской революции Асафьев проявляет все возрастающий интерес к фольклору, ищет метод его изучения: «бесформенные рассуждения и голые догадки о сущности народной песни» ученого не устраивали¹¹. Планируя новый журнал «Мелос» (один из аргументов в пользу этого названия заключался в том, что понятие «мелос» объединяет средиземноморскую культуру как существенный исток европейской музыки: музыкой устной традиции, с народным творчеством), он рассчитывал широко поставить отдел музыкальной этнографии и особенно русской народной песни»¹². К сожалению, вышло всего два выпуска «Мелоса» — в 1917 и 1918 гг., а архив журнала погиб в годы гражданской войны.

Особенно развернулась деятельность Б. В. Асафьева после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1918 г. он составляет программу курса «Русская музыка» для народного университета, в которую включает разделы о русской народной музыке, о народно-песенном творчестве как основе развития русской музыки вообще¹³. Последняя проблема рассматривается ученым и во вступительной статье к сборнику Прошлое русской музыки. Материалы и исследования» (1920), и в появившихся вскоре удивительных по талантливости и свежести «Симфонических этюдах» (1922). Не менее знаменательно, что статьи на тему «Музыка устной традиции», «Сравнительная музыкальная этнография» «Фольклор» были включены Асафьевым в его популярный «Путеводитель по концертам», изданный в 1919 г. Вопреки зачастую бесплодным хронологическим спорам исследователь фактически приравнивал термины «музыкальная этнография», «музыкальная фольклористика», «сравнительное музыкознание» и др., так как для него областью музыкального фольклора были «народные песни, инструменты, условия бытования музыки и формы музицирования», шире — «музыкальная культура племен и цивилизаций»¹⁴. По его мнению, сущность была важнее,

⁷ Там же, с. 422.

⁸ Там же, с. 483.

⁹ Там же, с. 485.

¹⁰ Там же, с. 485. Знаменный распев — русское культовое пение.

¹¹ См.: Центральный Государственный архив литературы и искусства (далее — ЦГАЛИ), ф. 2658, оп. 1, ед. 220, л. 11.

¹² Из письма к Н. Д. Кашкину (1839—1920) от 28 марта 1917 г. (готовится к печати в составе переписки Асафьева с Кашкиным, знаменательное для Асафьева знакомство с которым состоялось все в том же 1914 г.); об этих планах см. также в письме Б. В. Богословскому, датированном маем 1917 г. (Материалы к биографии Б. Асафьева, с. 91).

¹³ См. Материалы к биографии Б. Асафьева, с. 231—233.

¹⁴ Асафьев Б. В. Путеводитель по концертам. Л.: Сов. композитор, 1978, с. 164—

чем термины, а она заключалась в изучении традиционной музыки непременно в единстве с бытом и культурой соответствующих народов, понимании музыки как выразительного языка, т. е. одного из средств общения людей¹⁵.

20 октября 1919 г. Б. В. Асафьев был избран профессором по специальности русская народная музыка в РИИИ (ныне Ленинградский государственный ин-т театра, музыки и кинематографии им. Н. К. Черсова).

За первые два учебных года Асафьев прочел такие курсы, как «История русской песни», «История русской народной музыки», «Народная инструментальная музыка», «Введение в музыкальную этнографию», «Русское народное музыкальное творчество». Он был инициатором этих курсов и автором программ¹⁶. Программа курса «Русское народное музыкальное творчество» (1920) состояла из развернутого введения и трех частей. Во введении обосновывалось «разветвление» русской народной музыки на песенную и инструментальную с последующими тонкими дифференциациями музыкально-стилевого порядка, без искусственного разделения на априорные для этномузыкознания жанры. В программу вошло сопоставление русской народной песни с песней Запада и Востока. В качестве своеобразного раздела инструментальной музыки вводился колокольный звон. Первая часть курса посвящалась «археологии русской народной песни, т. е. изучению исторических образованных мелодических слоев при условии восприятия песенной стихии как органического явления», вторая — ритмике, третья — форме (во времени и в пространстве). Один из учеников Б. В. Асафьева, А. В. Финагин (1890—1942), вспоминал впоследствии: «Борис Владимирович сразу захватил нас своеобразным методом ведения занятий, забросав нас подлинным материалом...»¹⁷. Ученый, «открыв чтение лекций по народному песенному творчеству, очень скоро объединил вокруг себя более свежие элементы студенческой среды»¹⁸.

В 1921 г., когда Асафьев был уже деканом факультета истории музыки, предполагалась организация Ученого комитета по исследованию русского народного творчества¹⁹. В 1923/24 учебном году на кафедре музыкальной этнографии и этнологии Отделения истории музыки курсов для подготовки специалистов Асафьев вновь прочел свое «Введение в музыкальную этнографию»²⁰. На 1926 г. им планировались такие курсы, как «Народное музыкальное искусство», «Сравнительное музыкознание», «Эволюция музыкального языка у различных племен и народов». Б. В. Асафьев был пионером введения всех этих курсов и единственным, кто мог осуществить их на современном ему научном уровне. Пожалуй и на сегодняшний день эта деятельность Асафьева в области музыкальной этнографии остается беспрецедентной, по крайней мере в СССР. Уже по одному этому он заслужил внимание современной науки как этномузыковед. Но деятельность Асафьева-этномузыковеда только началась.

Асафьев планировал организовать летом 1922 г. экспедицию в окрестности Петрограда и Москвы для записи современных частушек, сохранившихся еще старых народных песен, а также выкриков торговцев. Из-за нехватки средств экспедиция не состоялась, пришлось ограничиться составлением картотеки всех опубликованных образцов русской народной песни (с 1923 г. — в форме специального семинария). Первый же выпуск неперiodической серии «Русская музыка», издаваемой Разрядом истории музыки РИИИ под редакцией Б. В. Асафьева, был посвящен фольклору: это была книга ученика Асафьева, секретаря

¹⁵ Асафьев Б. В. Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании. Л.: Музыка, 1973, с. 63.

¹⁶ См. Из истории советского музыкального образования. Сборник материалов документов, 1917—1927. Л., 1969, с. 285—286.

¹⁷ Материалы к биографии Б. Асафьева, с. 167.

¹⁸ De musica. Л., 1925, в. I, с. 102.

¹⁹ ЦГАЛИ, ф. 3289, оп. 3, ед. хр. 1, л. 2.

²⁰ Из истории советского музыкального образования, с. 292.

ряде А. В. Финагина «Русская народная песня» (Петроград, 1923), написанная на основе лекций Асафьева и с приложением его материалов библиографии²¹.

1925 год стал рубежом в биографии Асафьева — фольклориста и этнографа: в этот год он впервые «лично объехал Советский Север и настоятельно потребовал организации экспедиций по народному творчеству, и лелеял первые этапы создания музыкального фоноархива»²².

Маршрут Асафьева: Ленинград — Ладожское озеро — Свирь (Вознесение) — Онежское озеро — Петрозаводск — Суна-река (с заездом на допад Кивач) — Медвежья гора — Шуньга — Великая Губа — Кижипетрозаводск — Званка — Старая Ладога — Званка — Новгород. В середине пути он встретил З. В. Эвальд с отцом, путешествующих там же, предложил ей участвовать в будущей искусствоведческой экспедиции института на Север. Это было в июле 1925 г. В начале июня 1926 г. Асафьев рекомендовал для поездки на Север Е. В. Гиппиуса²³. Так было положено начало поистине исторической работе учеников Асафьева в области музыкальной этнографии.

Этнографические наблюдения самого Асафьева были очень яркими. Как никогда ясно он понял, что, «записывая один напев — получишь лишь мертвую схему. Народное творчество не знает ценности только напева, самого по себе. Важно слышать, как живет этот напев в процессе интонирования, — а этого никакую запись не уловить... Организовать Секцию сравнительного музыкознания, и мы должны иметь в Институте хоть скромную музыкально-этнографическую лабораторию с этнографом...»²⁴. Тогда же он призвал спешно фиксировать народное искусство, изучать его «на месте среди соответствующей обстановки (ибо родная песня тесно связана со всем строем интонаций окружающей среды)»²⁵. На материале Ленинградской области Асафьев отметил, что даже «в границах приблизительно одного и того же бытового уклада сказываются на музыкальных интонациях разные старинные археогические „отложения“ (например, влияния когда-то здесь живших племен), культовые традиции, смена форм общежития, новые социальные факторы и т. д. вплоть до последних дней. Мне случилось, — писал — наблюдать в праздники в полуфинских деревнях верстах в 40 от Ленинграда „дивертисменты“ в двух отделениях. В первом водят провод по старине. Водят хором чинно, словно по ритуалу. Зрители благоговейно созерцают. Второе отделение: современные танцы и частушки под гармонию. Все интонации — иные. Иное и поведение слушателей»²⁷.

После своей поездки летом 1925 г. Асафьев выступил на Ученом собрании РИИИ 25 сентября того же года со специальным докладом «О задачах музыкантов в фольклорной экспедиции»²⁸. Асафьев отделил задачи комплексных экспедиций (совместная работа музыкантов со специалистами и театроведами при записи песен, изучении речевой интонации, обрядов, особенно свадебного, и др.) от чисто музыкальных. Он поставил перед этномузыковедами задачу фиксации современных частушек, ценных в интонационном отношении, и напевов не только песен,

²¹ Указанное издание довольно далеко отходит от плана серии, разработанного Асафьевым; оно требует строгого критического разбора.

²² Воспоминания о Б. В. Асафьеве, с. 507.

²³ См. письмо к А. В. Финагину, опубликованное в кн.: Материалы к биографии Асафьева, с. 120.

²⁴ Некоторые из них нашли отражение в работах ученого. См.: Асафьев Б. В. Крестьянское искусство Севера. — В кн.: Крестьянское искусство Севера. Л., 1926 (то же кн.: Проблемы социологии искусства. В. 1. Л., 1926, с. 175—183; в сокращенном виде — в журн. «Сов. музыка», 1954, № 2, с. 63—75); его же. Музыка города и деревни. — В кн.: Асафьев Б. В. Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании, с. 39.

²⁵ Крестьянское искусство Севера, с. 14—15.

²⁶ De musica, в. 1, с. 27.

²⁷ Асафьев Б. В. Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании, с. 39—40.

²⁸ Материалы к биографии Б. Асафьева, с. 215—216.

былин и духовных стихов, но и причитаний, кличей, заговоров, а также образцов инструментальной импровизации, включая различные наигрыши, что раньше не записывалось. Музыкальный этнограф, по убеждению Асафьева, обязан фиксировать все то, что является научно ценным для эволюции мелоса, даже если исследуемый материал оказывается продуктом переходного исторического момента или же воспринимается как нарушение школьных правил музыкальной композиции. Экспедиция научно-исследовательская в музыкальном плане, должна отмечать все характеризующее процесс, ход развития народного музыкального искусства, чтобы глубже уяснить громадную роль музыкального творчества в народном искусстве вообще. По существу, Асафьев предложил здесь проект программы современных комплексных экспедиций с участием этномузыковедов!

С этих пор задачи музыкальной этнографии им конкретно связываются с состоянием фольклора и фольклористики в СССР. Характерно, что Асафьев не выделяет задачи музыкальной этнографии из всей совокупности задач современного ему русского музыкознания: он не мыслит его без этномузыказнания. В программной статье, напечатанной в октябре 1925 г., ученый говорит специально об этномузыковедческом изучении русской народной музыки как бытовой музыки деревни. Его интересует, как создавалась эта музыка, где ее корни и истоки, что является в ней подлинным самобытным искусством и что «проработанным заимствованием (и заимствованием откуда)»²⁹. И подчеркивает, что эти задачи «стоят в тесной связи с проблемами сравнительного музыкознания и в соприкосновении с изучением древнерусской культовой музыки». В этом плане в качестве основных выступают следующие темы: крестьянское песенное искусство Русского Севера и песенный Восток в его связи с русским народным мелосом. Интонации древнейших культур во многом родственны, по Асафьеву, нашей песенной сфере. Восточная проблема возвращает русских этномузыковедов к идее «музыки мелоса», к песенности и потому имеет для судьбы русской музыки непреходящий интерес. Его волнует и проблема «европеизации» русской народной песни в известных сборниках (от Трутовского до Лядова), и вопрос о соуществовании на обширной территории СССР нескольких «звукоречий» как способов и средств музыкального интонирования, и процесс ломки старинной песенной интонации в деревне, и чисто деревенские пути интонационного преломления современности, и мн. др. Здесь же Асафьев решительно выступает против европоцентризма в этномузыкальном знании, подчеркивая важность открытия «сравнительным музыкознанием» «новых» музыкальных культур — равноправных, по-своему выразительных, обладающих своей эволюцией³⁰.

В следующем году вышла еще одна программная статья Асафьева, в которой, в частности, подчеркивалась необходимость изучения формы народной музыки разных эпох «в тесной спаянности» с научными проблемами этнографии, социологии, истории и поэтики на основе фонографических архивов. Без этого не может быть построена социология искусства: «Для музыканта-профессионала, для археолога, для ученого этнолога, для этнографа, для исследователя исторического взаимодействия формы с его искусством важно обязательное знакомство с подлинными образцами народной музыки и подлинным характером ее звучания».

В 1928 г. в Берлине Асафьев познакомился с фонозаписями музыкальных племен и народов Азии, Африки, Австралии и Америки. Ему становились все более ясны недостатки сложившихся форм собирательства, упускавшего из поля зрения громадные пласты музыкального материала.

²⁹ Глебов И. [Асафьев]. Современное русское музыкознание и его исторические задачи [Доклад, прочитанный автором на заседании Исторической секции Разряда исторической музыки РИИИ 21 сентября 1925 года]. — В кн.: *De musica*, в. 1, с. 15—23.

³⁰ Там же, с. 10.

³¹ Асафьев Б. В. Русская народная песня и ее место в школьном музыкальном воспитании и образовании. — В кн.: *Асафьев Б. В. Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании*, с. 114 (ср. с. 108, 111).

Февраля 1928 г. Асафьев обращается с письмом к А. М. Горькому³², в котором формулирует четыре тезиса о сущности музыкально-фольклористической работы в Ленинграде, осуществляемой им и его учениками, в своеобразии их подхода к изучению народного музыкального творчества:

1. Наблюдать в каждой исследуемой местности бытующую песню, допуская «вкусового» отбора при фонозаписи.

2. Народная песня — не материал для «художественной обработки» композиторами, а самостоятельная и не менее художественная культура, имеющая обмен с городской профессиональной музыкой, но развивающаяся своими особыми путями как музыкальное творчество устной традиции.

3. Музыка устной традиции отличается от урбанистической культуры в психологическом, социальном и музыкально-формальном отношении, будучи по существу импровизационным творчеством.

4. Имеется установленная ленинградскими этномузыковедами тесная связь между изменениями темпа и уклада жизни и изменениями характера и форм песенного творчества. В СССР есть возможность слышать музыкальные интонации, восходящие к первобытным этапам музыкальной культуры в живых «памятниках» устной передачи: воочию наблюдаются вековые потоки и наслоения мелоса.

Эти глубоко принципиальные тезисы, воспринимаемые ныне как само собой разумеющееся (хотя, будем откровенны, не до конца реализованное), в 20-е годы были поистине революционными для этномузыкования, причем не только отечественного.

В мае 1929 г. Асафьев обращается в правление Ленинградской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова с докладной запиской «Об организации музыкально-исторического музея»³³. Он предлагает создать два музея — при консерватории и при Академии наук ЭСР. Академический музей должен был охватить явления музыкально-этнографического характера, включая эволюцию музыкальных инструментов как материальной музыкальной культуры, т. е. представлять собой фонограммархив и галерею музыкальных инструментов вместе с этнометрической лабораторией. Асафьев считал, что лишь в таком случае музыкальная этнография и история музыкальной материальной культуры не будут оторваны от общей этнографической и этнолого-инструментоведческой работы. С другой же стороны, востоковедная и этнографическая работа Академии наук получила бы необходимое ей исполнение в музыкальной сфере. Как мы знаем, эта идея Асафьева частично реализовалась в виде фонограммархива ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР, куда были переданы фономатериалы первых комплексных экспедиций (1926—1927 гг.) на Русский Север.

Асафьев никогда не ограничивался призывами, он стремился реализовать поставленные задачи в своей организационной, педагогической, композиторской и музыковедческой деятельности. Так, на протяжении первой половины 20-х годов Асафьев работал над книгой о творчестве композитора И. Стравинского (опубликована в 1929 г.). Позволю себе утверждать, что в этой монографии содержится больше ценнейших этномузыковедческих наблюдений и обобщений, чем во многих специальных трудах. Трудно перечислить все богатство музыкально-фольклористических мыслей, разбросанных на страницах этой удивительной книжки, написанной как бы на одном дыхании. Полагаю, что она заслуживает специального этномузыковедческого разбора.

В 30-е годы Асафьев обращался к фольклору и в своем композиторском творчестве, в частности во время работы над балетом «Пламя Парижа». Этот период хорошо освещен в нашем музыкознании, поэтому здесь на нем можно не задерживаться.

³² Впервые опубликовано в кн.: Материалы к биографии Б. Асафьева, с. 131—133.

³³ Опубликована в кн.: Материалы к биографии Б. Асафьева, с. 228—229.

40-е годы — вершина творчества Асафьева. Выходят его знаменитые книги о Глинке, вторая часть труда «Музыкальная форма как процесс» (1947), статьи о русском фольклоре и югославской народной музыке (последнюю он использовал в музыке к балету «Милица» — о борьбе югославских партизан). В программной статье «О русском музыкальном фольклоре как народном музыкальном творчестве в музыкальной культуре нашей действительности» (1942), каждое слово названия которой было дорого Асафьеву, ибо несло глубокое содержание, он предостерегал против превращения фольклорного собирательства, систематизации и т. п. «в самодовлеющее архивное хозяйство, оторванное от реальных творческих задач современности. Современный творческий опосредствитель должен быть обоснован музыкально-народоведчески». Преступно отделять фольклор от развития всей музыкальной культуры. Необходимо выявлять «бесспорную высокохудожественную ценность музыкально-народного *мастерства*». Песня создается не «обмерами». Объект фольклорного исследования — «жизнь народной музыки, постоянное ее становление; никогда не мертвеющее раскрытие в живых интонациях»³⁴. Такую науку о музыкальном фольклоре как народно-национальном музыкальном творчестве (а не как архивоведение и «фольклористическая акустика»), Асафьев полагал сделать «*основной* в нашем музыкально-композиторском образовании наряду с другими *высшими* дисциплинами»³⁵. В этой же краткой, но удивительно емкой статье Асафьев писал об актуальности такого существенного начинания, как «историко-терминологический и диалектологический словарь-путеводитель по музыкальному фольклору в широком смысле этого понятия, т. е. как народной музыки»³⁶. Такой «словарь» необходим для изучения живого и изменчивого процесса развития музыкально-художественной речи, для познания закономерностей живого народного мастерства и т. п.

Осталось обобщить некоторые из основных этномузыковедческих идей Б. В. Асафьева. Трудности, возникающие на этом пути, отнюдь не только источниковедческого характера. Дело в том, что все лучшее из наследия Асафьева-этномузыковеда связано с его теорией интонации — теорией на первый взгляд сугубо музыковедческой. Сущность ее нелегко изложить даже в специальных терминах. Тем более нелегко разъяснить ее на страницах немуюзыковедческого журнала. Однако попытаюсь это сделать по возможности доступно, не опуская главное. Именно в теории интонации — основа основ всей деятельности Асафьева, его концепции и, более того, основа основ советского вклада в мировую науку о музыке и фольклоре.

Термин «интонация» ввел в обиход теоретического музыкознания Б. Л. Яворский (1877—1942). В этот термин вкладывалось не обычное понимание (точность или чистота воспроизведения музыкального звука), а нечто гораздо большее: интонация как основная и специфическая форма проявления мысли в музыке — мысли музыкальной, не передаваемой никакими другими средствами. Как подчеркнул Г. В. Келдыш, теория интонации Асафьева — гипотеза, помогающая, говоря его же словами, найти «ключ к действительно конкретным обоснованиям музыкального искусства как реальнейшего отображения действительности»³⁷. В чем же эта ключевая сущность теории интонации?

Начну с того, что в центре асафьевской концепции стоит человек. Не звуки, не ноты, не формы-схемы музыки, а живой человек, исторически, социально и этнически конкретный, обладающий своей — естественно, устной — интонацией. «Музыка начинается, как и язык, с живой интонации»³⁸. За этой исходной посылкой — практически все. Не случайно Асафьев писал о том, что главное в деятельности музыковеда — полюбить человека в его художественном становлении, через позна-

³⁴ Асафьев Б. В. Избр. труды, т. IV. М., 1955, с. 23.

³⁵ Там же, с. 24.

³⁶ Там же, с. 23.

³⁷ Музыкальная энциклопедия, т. I. М., 1973, стлб. 236.

³⁸ Асафьев Б. В. Избр. труды, т. IV, с. 123.

ние его творчества (кстати, и поныне человек как центральное звено гуманитарных концепций остается идеалом, не всегда достигаемым)³⁹

Если в центре концепции музыки стоит человек, то и сама музыка воспринимается и трактуется прежде всего как живая, образно-выразительная речь. Эта речь невольно, по самому материалу музыки, имеет интонационную природу и интонационно осмыслена — осмыслена как атрибут эмоционально содержательного общения. Музыка для Асафьева — «прежде всего искусство человеческого общения»⁴⁰. Заметим, что с этим связаны и психологическая убедительность трактовок Асафьевым отдельных музыкальных произведений, и убедительность его обобщений: он говорил не просто о «музыке», а о «развитии всей интонационной культуры человечества как общения людей»⁴¹. Обобщения, разумеется, содержательного.

Естественным следствием «антропоцентризма» асафьевской концепции явился его всепроникающий историзм, историзм во всем и всегда, включая главное — историзм ощущения интонационной культуры, интонационного содержания, типа интонационного общения. Отсюда его блестящая идея «переинтонирования» — переосмысления напевов и т. п.

Итак, интонация обуславливает не чистое или фальшивое пение (игру на инструменте), не «количество», а переход количества в качество, ее содержательный аспект музыки и музицирования: эмоционально наполненное, социально оправданное, этнически конкретное, историко-стилистически определенное, психологически достоверное. Короче: в основе музыки, в том числе и народной, лежит «мысль-интонация»⁴². Функция интонации — быть носителем музыкального смысла. Музыка социально существует как осмысленная речь, как могучее средство общения⁴³. На этом основано коренное для Асафьева понятие «слуховое мышление»⁴⁴ и определение слуха как сознания музыканта⁴⁵. Слух — мера вещей в музыке, ибо весь секрет интонационного подхода в том, что «мысль-слух — слух-мысль»⁴⁶. Мысль-интонация, проводимая через мысль-слух, образует всегда и всюду конкретную систему. «Интонационная система становится одной из функций общественного сознания»⁴⁷. Именно это позволило Асафьеву не ограничиваться анализом индивидуального композиторского сознания и подключать к своей концепции «мир музыки как деятельность массового сознания»⁴⁸. Между индивидуальным и коллективным нет пропасти; наоборот, индивидуальное невозможно без коллективного. Поэтому Асафьев вводит понятие «интонационного словаря», характерного для той или иной эпохи в целом. В сфере народной музыки это понятие работает безотказно. Асафьев-этномузыковед, не отделяя себя от Асафьева-музыковеда, не разделял и творчество на индивидуальное и коллективное, не разделял индивидуального и коллективного «композитора» (поэтому, кстати, название одной из последних его статей — «Композитор — имя ему народ» — глубоко принципиально). В музыке любых традиций главным для Асафьева был их творческий характер, и соответственно в его концепции главенствовал творческий аспект — творчество как атрибут человека, человеческого музыкального мышления. С этим связана и дефиниция интонации как «комплекса музыкальных помыслов, постоянно находящихся в сознании данной общественной среды»⁴⁹ (фольклористы

³⁹ Звягинцев В. А. Социальное и лингвистическое в социолингвистике. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1982, т. 41, № 3, с. 253—254.

⁴⁰ Асафьев Б. В. Избр. труды, т. I. М., 1952, с. 296.

⁴¹ Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. М., 1971, с. 323.

⁴² Воспоминания о Б. В. Асафьеве, с. 499.

⁴³ Асафьев Б. В. Путеводитель по концертам, с. 55.

⁴⁴ Асафьев Б. В. Избр. труды, т. I, с. 310.

⁴⁵ Там же, с. 289.

⁴⁶ Асафьев Б. В. О балете. Л.: Музыка, 1974, с. 264.

⁴⁷ Асафьев Б. В. Предисловие к кн.: Курт Э. Основы линейного контрапункта. М., 1931, с. 28.

⁴⁸ Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс, с. 267.

⁴⁹ Асафьев Б. В. Избр. труды, т. V. М., 1957, с. 204.

хорошо знают, как много значит своя среда для нормального существования фольклорных жанров).

Следствия постановки в центр музыковедческого исследования человека многообразны. Помимо уже названного отметим еще три, прямо относящиеся к миру музыкального фольклора — музыки устной традиции. Это: 1) акцентирование высокохудожественной ценности народного музыкального мастерства, профессионализма устной традиции; 2) понимание существа песни в ее творческом потенциале, т. е. невозможности ограничиться только анализом ее текста⁵⁰; 3) понимание интонации как живого смысла, как проявления человеческого музыкального мышления. Это ведет к пониманию народной музыки как «высказыванию в звуке мысли народа о действительности и о человеке»⁵¹. По существу, именно исходя из центральной для него идеи человека, так очевидно реализуемой фольклоре, Асафьев сформулировал свою фундаментальную гипотезу интонации как основе музыкального творчества — исполнительства — восприятия. Он прямо писал об этом еще в 1928 г., работая над книгой о Стравинском: «Музыковедческое учение об интонации обусловлено отчасти новыми открытиями в области изучения музыкального фольклора...»⁵².

Подытожу сказанное о сущности теории интонации. В центре ее стоит человек (творческая личность, творческий коллектив). Соответственно музыка — проявление специфического вида человеческого мышления. Музыкальное мышление находится в системном единстве со всей культурой (конкретного социума и этноса) и, естественно, имеет свой специфический язык. Основной единицей музыкального языка и речи выступает интонация, своего рода музыкальная «сема». Однако, существуя в виде устного фонда («интонационный словарь») и всегда в процессе живого интонирования, т. е. общения как единства творчества — исполнительства — восприятия, интонация не тождественна «мотиву» или какому бы то ни было мелодическому фрагменту, и только ему одному: асафьевское понимание интонации функционально. Интонирование — динамический процесс, в том числе исторически динамичный. Именно процесс интонирования образует музыкальную форму как категорию, содержательную в музыкальном смысле (материализацию музыкального мышления). Историзм и содержательность интонации предполагают в ней главное — сущностное, отприродное единство музыкального и социального (социальные детерминация, реализация, отбор, восприятие, семантика), и это воистину нерасторжимо. Единство отражает глубинное же единство культуры и мышления. Интонационный анализ предполагает именно такую неразрывность музыкального и социального, культуры и мышления, которые «прочитываются» аналитическим слухом музыканта в самом феномене музыкальной интонации, ибо составляют ее сущность.

Хочется надеяться, что в предыдущем абзаце тезисно сконцентрировано самое главное, исходное в асафьевской концепции интонации. К сожалению, ни в одной из работ ученого «изложения» его теории нет. Она вырисовывается из совокупности всех работ и формулируется с учетом современных дискуссий по соответствующей проблематике⁵³.

В заключение — несколько показательных для Асафьева-этномузыковеда наблюдений, способных заинтересовать этнографа.

⁵⁰ Ср. там же, т. IV, с. 76.

⁵¹ Там же, т. I, с. 209.

⁵² Из статьи о Стравинском 1928 г. Цит. по кн.: Асафьев Б. О музыке XX века Л.: Музыка, 1982, с. 90. «Самая возможность объяснения многих сторон творчества Стравинского...», — писал он в этой же статье, — возникла лишь в связи с новыми принципами изучения мелоса русского народа, выдвинутыми ленинградскими исследователями музыкального фольклора в последние годы» (с. 83).

⁵³ Добавим, что в творческой личности Асафьева феноменально совместились все то, что формулировалось им в идеале (о триединстве «композитор — музыковед — фольклорист» как методологической парадигме, «сложившейся» в трудах Б. В. Асафьева, впервые говорится в специальной статье автора этих строк «Коренный вопрос методологии». — Сов. музыка, 1984, № 4, с. 84—86). См. также: Земцовский И. Этномузыковедческая концепция Б. В. Асафьева: опыт реконструкции. — Сов. музыка, 1984, № 6.

Прежде всего напомним программу его неосуществленного исследования о русской народной музыке, впервые обнародованную Е. М. Орловой в 1964 г.⁵⁴ Первая глава должна была быть посвящена основным этапам творчества «устной традиции» в музыке; вторая глава — вопросу происхождению русского народного песнетворчества и его истории (вот тезисы: «Мыслима ли археология песни. Песенная культура и ее социальная база. Музыка деревни и города»); третья глава — процессу поглощения» народной песни городом, и др. Народное творчество для Асафьева — «музыка конкретной социальной среды, постоянно изменяющаяся в своих образованиях»⁵⁵. В ней стерта грань между исполнительством и творчеством. «Вся практика народной музыки соединяет в себе изобретение и показ тут же в общении со слушателями»⁵⁶. Эту музыку бессмысленно рассматривать глазом — настолько коренится она в живой интонации»⁵⁷. В музыке деревенского быта — «самый источник музыкального языка и искусства». Среди ее существенных признаков — тяготение к привычным формулам и приемам выражения, которые становятся общеизвестными и общепотребительными... Эти излюбленные формулы словно бы становятся хранителями и передатчиками эмоционального тока, который начинает функционировать от соприкосновения эмоциональной настроенностью исполнителя»⁵⁸ (как это напоминает известное высказывание А. Н. Веселовского!)⁵⁹.

Ясно, что такое понимание народной музыки требовало выработки специальной методики ее изучения — «не через мертвенное сравнение схем ладов» и звукорядов, а путем «вникания через изучение живой интонации»⁶⁰. И тогда, перед исследователем открывается интереснейший, по сути, неведомый ему мир! Но для этого необходимо, как писал Асафьев в конце 1942 г., чтобы музыковедение «смело сдвинуться с позиций только „музыкально-литературоведческих“, только теоретико-аналитических, только фольклорно-расшифровочно-количественных к сфере музыкально-интонационно-общительной и к сближению с методами современно-языковедческими (вовсе не ставлю знака равенства: язык = музыка, но утверждаю общую основу: язык (речь): музыка, т. е. соотноится с музыкой через интонацию, как то, без чего нет ни речи по „неочным“ интервалам, ни пения, т. е. слияния звуков по „точным расстояниям“!). Почему те же разновидности „тамбура“ и „лютен“ в руках казаха или туркмена, с их домбрами, и в руках грека и югославянина имеют качественно иные образно-содержательные интонации?..»⁶¹. Прерываю на этом цитату, хотя вообще Асафьева трудно цитировать — мысль его летит свободно, привольно, с отступлениями и вкраплениями, как река...

Такой интонационный метод слушания и задавания соответствующих, глубоко интонационных вопросов проявлялся у самого Асафьева постоянно и не только на материале музыки, что было бы понятно, но и на любом другом интонируемом материале, например сказки. После поездки в Север в 1925 г. Асафьев писал, что слышанные им от одного архангельского морехода сказки поразили его как музыканта «интонационной композицией», «синтезом слова и мелоса, тембром речи, логичностью движения ее линий, динамическим развитием и, при всем том, эпически-тройным и мерным тоном самого рассказа, несмотря на то, что в нем течет жизнь и искрится меткая ирония. Вот бы зафиксировать на пленке!»⁶². В более поздних работах Асафьев неоднократно возвращался к этим воспоминаниям, подчеркивая в сказке ее «словесно-узорные заба-

⁵⁴ Орлова Е. М. Указ. раб., с. 442—443.

⁵⁵ Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс, с. 196.

⁵⁶ Асафьев Б. В. Избр. труды, т. IV, с. 18.

⁵⁷ Там же, с. 17.

⁵⁸ Глебов И. [Асафьев Б.]. Бытовая музыка после Октября. — В кн.: Октябрь и музыка. Л.: Тритон, 1927, с. 20.

⁵⁹ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940, с. 376.

⁶⁰ Асафьев Б. В. Избр. труды, т. IV, с. 344.

⁶¹ Там же.

⁶² См. Асафьев Б. В. Крестьянское искусство Севера, с. 14.

вы», роль жеста в сказочной конструкции, совершенство музыкальной композиционной формы сказки, услышанной в ее живой интонации.

Неоднократно касался Асафьев проблемы музыкальных диалектов, писал об «областных напевах Европы»⁶³, о знаменательном историческом процессе централизации музыкально-фольклорных диалектов («племенных и поместно-национальных») в разных странах и особенно подробно на материале народов Югославии⁶⁴.

Русская музыка всегда была в центре исследовательской мысли Асафьева — и как данность, и в своем историческом становлении, и в единстве устной и письменной традиций, и в совершенно неизученных аспектах ее генезиса. Его смелые гипотезы до сих пор, к сожалению, не проверены. Однако исключительная эрудиция и феноменальная интонационная интуиция Асафьева, а также его превосходная историческая подготовка заставляют нас с вниманием отнестись даже к отдельным наблюдениям ученого, развитие которых может стать темой специальных исторических монографий. Напомню одно из них. «Русская музыка, при всей своей рационально обусловленной сцепленности с европейской музыкой в ее высших достижениях, не может забывать о своих связях с причерноморской и — глубже — средиземноморской интонационными культурами. Многие, что принято в нашей музыкально-интонационной сфере относить за счет азиатского Востока, — в свете культуры Средиземноморья и Адриатики может оказаться (а, на мой взгляд, и оказывается вовсе не тем)»⁶⁵. Асафьев считал особо существенной «ясно намечающуюся связь русской песенной культуры с многовековой и многоликой культурой мелоса Средиземноморья и далее к античности. Тут в новом аспекте выявляется и роль музыкального византизма, и открываются богатые перспективы в отношении истоков и взаимодействия музыки славянства с „музыкальными языками“ Кавказа и Армении»⁶⁶. Аналогичная мысль сформулирована Асафьевым на материале культовой музыки при исследовании генезиса знаменного роспева: «В величии и суровости диатонизма и рождаемых им ладов, гласов и мелодий русская музыка имеет плодотворнейшую подпочву, ту основу, куда уходят ее древнейшие корни и где несомненна ее связь с древнейшими культурами человечества. Мелодические родники указывают и на Кавказ, с одной стороны, и на Балканские страны, и далее в Средиземноморье»⁶⁷.

Удивительно современно звучат следующие слова Асафьева, которые можно привести без комментария: «...сейчас, пожалуй, одним из центров притяжения для русского исследователя становится музыкальная проблема Балкан, с их девственными залежами народно-песенных культур, интонациями высокой культуры интонаций и ритмики, образно-пластической тянущимися к античному мелосу трагедии и массовой хоровой лирике. Я завидую нашим будущим музыковедам, которые будут входить в этот лабиринт музыкально-народных культур с богатейшим запасом точных знаний и критическим опытом. Стоя сейчас всего лишь на пороге этого лабиринта, я испытываю уже радостное чувство от сознания несомненности прочных всечеловеческих связей русской и славянской богатейших народно-песенных культур с прекрасными источниками мелоса — как интонационно-выразительного языка человечества...»⁶⁸.

Внимание этнографов должны привлечь гипотезы Асафьева, касающиеся первобытных музыкальных культур, в частности о «звуковых масках» и интонационных табу⁶⁹, о виртуозном искусстве народных музыкантов, связанном в свете соответствующих легенд с «учебой у чародея»⁷⁰ и т. п. Удивительно точно и образно охарактеризовал Асафьев и

⁶³ Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс, с. 307.

⁶⁴ Асафьев Б. В. Избр. труды, т. IV, с. 341—343, 351, 336—337.

⁶⁵ Там же, с. 343.

⁶⁶ Там же, с. 308.

⁶⁷ Орлова Е. М. Указ. раб., с. 289.

⁶⁸ Асафьев Б. В. Избр. труды, т. IV, с. 308.

⁶⁹ Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс, с. 220.

⁷⁰ Асафьев Б. В. Избр. труды, т. IV, с. 296.

уство русских крестьянских хоров с их многоголосием как своего рода есенную общину⁷¹. Еще в 1926 г. Асафьев тонко прокомментировал характеристику подобных хоров, данную С. Капустиным в его статье «Законы строя русской народной песни в связи со строем общинной жизни русского народа» (1884), показав на музыкальном анализе, как певенные мелодии, становясь нераздельной частью «внутреннего я» крестьянина, совпадают с «я социальным»⁷².

Ограничусь сказанным, опуская многое, и в том числе ценнейшие наблюдения Асафьева над песенностью «сдвинувшегося быта»⁷³, над временными процессами в области народной музыки СССР⁷⁴. Подчеркну основное. Интонационный подход Б. В. Асафьева указывает этим музыковедам на исторически достоверные и семантически определяющие факты и процессы. Это позволяет им создать научную платформу для сотрудничества с этнографами и археологами в области изучения этногенеза и этнической истории, генезиса и семантики обрядов, отдельных жанров и целых жанровых систем. Этномузыковеды, пользующиеся интонационным подходом, оперируют не фактами формально случайными, а материалом, по существу сопоставимым с материалом специалистов смежных дисциплин. Выводы музыковедов становятся понятными и нужными этнографам, которые начинают видеть в них не далеких по материалу и методам исследователей, а близких и перспективных для них коллег — музыкальных этнографов.

Вопрос о методах практического осуществления «смычки» общей и музыкальной этнографии на основе асафьевского подхода к музыке устной традиции — тема специальной статьи.

⁷¹ Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс, с. 218.

⁷² Подробнее см.: Асафьев Б. В. Избр. статьи о музыкальном просвещении и образовании, с. 105—106.

⁷³ Асафьев Б. В. Избр. труды, т. I, с. 245.

⁷⁴ Там же, т. V, с. 30, и др.

В. В. Сажин

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОМПАКТНОСТИ РАССЕЛЕНИЯ ЭТНОСОВ

Развитие этнографической науки стимулирует создание методик измерения и всестороннего анализа различных аспектов расселения этносов. Заслуживают внимания, к примеру, работы Л. Ф. Моногаровой и Б. М. Эккеля по определению индекса мозаичности национального состава городов и административно-территориальных единиц¹, А. А. Сусоколова — по измерению влияния совместного расселения национальностей на вероятность межэтнических контактов², В. И. Переведенцева — по расчету миграционной подвижности отдельных этносов³, А. Д. Коростелева — по выявлению оптимальной этнической территории⁴ и др. В данной статье предлагается методика расчета компактности расселения этносов в рамках определенных территорий.

Если о компактности населения в целом можно судить по его плотности, то определить компактность этносов несколько сложнее. Они могут, например, проживать в удаленных друг от друга этнических ареалах. Кроме того, нередки случаи смешанного расселения, т. е. совместного проживания на одной территории нескольких народов.

Предлагаемая нами методика определения компактности расселения этносов достаточно проста. Сводится она к вычислению двух показателей — условной плотности и коэффициента компактности этноса:

$$P_y = \frac{N}{S_y}; \quad K = \frac{P_y}{P_\phi} = \frac{S_\phi}{S_y};$$

где N — численность этноса на исследуемой территории; S_ϕ — фактическая площадь расселения этноса (или общая площадь этнических ареалов); S_y — условная площадь расселения этноса (или территория проживания); P_ϕ — фактическая плотность этноса на данной территории; P_y — условная плотность этноса на исследуемой территории; K — коэффициент компактности этноса.

Отличие условной площади расселения этноса от фактической хорошо видно на карте. Условная площадь включает в себя помимо площади этнических ареалов и межареальное пространство.

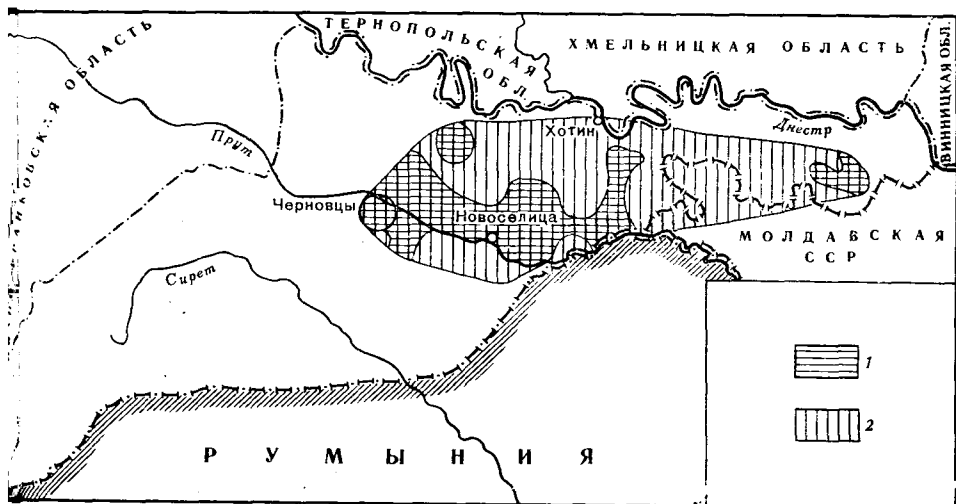
Для S_ϕ и S_y рассчитывается плотность фактическая и условная; последняя показывает, какой бы была плотность этноса, если бы он бы

¹ Моногарова Л. Ф. Комплексная типология городов Таджикской ССР в свете проблем этнической мозаичности их населения. — Сов. этнография, 1972, № 6, с. 52–63; Эккель Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев, областей СССР. — Сов. этнография, 1976, № 2, с. 33–39.

² Сусоколов А. А. Влияние совместного расселения национальностей на вероятность межэтнических контактов (К методике измерения). — Сов. этнография, 1979, № 1, с. 84–91.

³ Переведенцев В. И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1966, с. 135–136.

⁴ Коростелев А. Д. Об одном возможном применении коэффициента этнотерриториальной общности. — Сов. этнография, 1978, № 2, с. 63–71.

Расселение молдаван в Черновицкой области: 1 — фактическая площадь расселения; 2 — условная площадь расселения

распределен по всей территории проживания. Условная плотность (P_y) является одной из характеристик компактности расселения этноса. Она тесно связана с величиной S_y : чем больше условная площадь (или, иными словами, чем дальше удалены друг от друга этнические ареалы), тем, соответственно, меньше P_y и в свою очередь компактность этноса.

Коэффициент компактности (K) — это отношение условной плотности фактической, или, что то же самое, фактической площади расселения этноса к условной. Варьирует он в пределах от нуля до единицы. K равна единице в случае повсеместного расселения этноса на данной территории (т. е. $S_y = S_{\phi}$ и $P_y = P_{\phi}$), нулю в случае отсутствия этноса на рассматриваемой территории. Таким образом, чем меньше отношение S_{ϕ}/S_y или чем дальше удалены друг от друга ареалы, тем ниже компактность расселения этноса.

Обязательным условием для определения показателей расселения этноса является наличие этнической карты исследуемой территории (т. е. использование картографического метода). Именно по карте определяются фактическая и условная площадь проживания этноса (наиболее целесообразно переносить контуры этнических ареалов на миллиметровую бумагу). Сведения о численности лиц данной национальности на рассматриваемой территории следует искать в материалах переписей населения или в текущей статистике⁵. Важно, чтобы величина, которой оперирует исследователь, соответствовала году выпуска карты.

Остановимся на некоторых особенностях определения компактности расселения этносов.

1. При выделении на карте S_y крайние выступы этнических ареалов соединяются прямыми линиями (см. карту). В таком случае создается определенная зависимость показателей K и P_y от конфигурации этнических территорий: при равноудаленности их центров и равенстве величин S_{ϕ} и N коэффициент компактности и условная плотность ниже у этносов, чьи ареалы имеют более вытянутую форму.

2. Город или поселок городского типа следует рассматривать как отдельный этнический ареал, если проживающий в нем этнос не расселен в окружающей сельской местности (пример: г. Хотин для молдаван Черновицкой области — см. карту).

Как правило, возникают трудности при определении площади населенных пунктов (особенно малочисленных). В таких случаях предлага-

⁵ В нашей работе были использованы: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Украинская ССР. М.: Статистика, 1962; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 4. М.: Статистика, 1973.

ется пользоваться специальной шкалой усредненных площадей для той группы городских поселений (табл. 1).

Таблица рассчитана на основании имеющихся в литературных источниках данных о площади городов и по картографическим материалам.

Конфигурация населенных пунктов, если она трудноопределима, принимается за окружность соответствующего радиуса.

Как показали наши исследования, допущенные условности дают большую погрешность (тем более при расчетах компактности расселения только для малых и средних городов).

Таблица 1
Средняя площадь городов

Численность населения города, тыс. чел.	Средняя площадь, км ²
1000—2500	300
500—1000	200
250—500	100
100—250	60
20—100	20
До 20	5

3. При смешанном расселении территория, где совместно проживают носы, в равной степени для каждой из них является его этническим ареалом. Это положение относится и к городам, для которых характерна этническая пестрота.

4. Этнотипы, составляющие меньшинство в населенных пунктах исследуемой территории, принимаются в расчет до определенных пределов. В. И. Наулко, по карте которого производились расчеты, выделяет этно-

составляющие не менее 20% от всего населения в сельских населенных пунктах, не менее 4% — в городских поселениях с численностью жителей до 10 тыс., 2% — от 10 до 30 тыс. и 1% — свыше 30 тыс.⁷

Принципы, предложенные Наулко, на наш взгляд, нельзя считать наиболее удачными (этническая структура сельского населения, в частности, показана недостаточно детально). В целом этот вопрос требует специального рассмотрения в отдельной статье.

Приводим пример вычисления компактности расселения этносов конкретной территориальной единицы — Черновицкой области.

Площадь территории области — 8,1 тыс. км²⁸. Население — 813 тыс. чел.⁹ Плотность населения — 100 чел/км².

Методику расчета площади этнических ареалов иллюстрируем табл. 2. Площади городских поселений взяты по принятой нами шкале (табл. 1).

Далее рассчитывается условная площадь расселения каждого этноса: сначала наносятся контуры (см. карту), затем при помощи палетки определяется S_y . Остальные показатели вычисляются по вышеприведенным формулам. Результаты расчетов заносятся в таблицу (см. табл. 3).

Из расчетов следует, что наиболее высокая компактность в Черновицкой области у коренной национальности — украинцев ($P_y = 68,1$ чел/км², $K = 0,815$). Достаточно высока компактность румын ($P_y = 51,6$ чел/км², $K = 0,550$) и молдаван ($P_y = 39,6$ чел/км², $K = 0,370$). Русские и евреи проживают довольно рассредоточенно, так как концентрируются практически только в городских поселениях (у русских $P_y = 18,7$ чел/км², $K = 0,050$; у евреев $P_y = 18$ чел/км², $K = 0,050$). У поляков, поскольку их численность в Черновицкой области невелика (5,1 тыс. чел.), условная плотность также довольно низкая ($P_y = 13,4$ чел/км²). Однако коэффициент компактности расселения этой группы сравнительно высо-

⁷ Азербайджанская ССР. Административно-территориальное деление. Баку: Азгосиздат, 1964; История міст і сіл Української РСР. Харківська область. Київ: Українська Радянська Енциклопедія АН УРСР, 1966; Днепропетровская область. Справочная общегеографическая карта. М.: ГУГК, 1983; Литовская ССР. Справочная общегеографическая карта. М.: ГУГК, 1983; Омская область. Справочная общегеографическая карта. М.: ГУГК, 1982, и др.

⁸ Наулко В. І. Карта сучасного етнічного складу Української РСР. Київ, 1965.

⁹ Сведения о площади территориальных единиц, а также о численности населения городов можно найти в справочниках по административно-территориальному делению СССР (в данном случае: СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. М.: Изд-во Изв. Сов. деп. трудящихся СССР, 1974).

⁹ Поскольку расчеты производились по карте 1965 г. (Наулко В. І. Указ. раб.), данные о численности отдельных этносов и населения в целом относятся к этому году.

Площади этнических ареалов основных национальностей Черновицкой области, км²

Национальность	Этнические ареалы без городов и поселений городского типа	Отдельные города и поселки городского типа, в которых проживают представители данной национальности											Общая площадь этнических ареалов	
		Черновцы	Хотин	Сокиряны	Новоселица	Герца	Заставна	Кицмань	Сторожинец	Глубокая	Вижница	Вашковцы		Кельменцы
Украинцы	6620	+	+	+	5	5	+	+	5	+	+	1	+	6635
Румыны	815	60	—	—	—	+	—	—	+	5	—	—	—	880
Молдаване	630	60	5	—	+	5	—	—	—	—	—	—	—	700
Русские	35	60	5	—	5	5	5	5	5	5	5	5	—	140
Евреи	—	60	5	—	5	5	5	5	5	5	5	5	—	115
Поляки	45	60	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	105

Примечание. (+) — городские поселения, входящие в ареал данного этноса; (—) — представители данной национальности отсутствуют.

Таблица 3

Расчет компактности расселения этносов Черновицкой области

Национальность	Численность этноса N, тыс. чел.	Фактическая площадь расселения S _ф , тыс. км ²	Условная площадь расселения S _у , тыс. км ²	Фактическая плотность П _ф , чел/км ²	Условная плотность П _у , чел/км ²	Коэффициент компактности К
Украинцы	552	6,6	8,1	83,6	68,1	0,815
Румыны	82,6	0,88	1,6	93,9	51,6	0,550
Молдаване	75,3	0,7	1,9	107	39,6	0,370
Русские	52,4	0,14	2,8	374	18,7	0,050
Евреи	39,6	0,11	2,2	360	18,0	0,050
Поляки	5,1	0,1	0,38	51,0	13,4	0,263

($K=0,263$), так как поляки проживают в двух ареалах (г. Черновцы и район с. Стара Красношора), расположенных недалеко друг от друга.

Практическая значимость предлагаемой методики расчета компактности расселения этносов очевидна. Она дает исследователям конкретный статистический материал, который затем можно проанализировать. Рассчитанные показатели позволяют сравнить компактность этносов не только в рамках какой-либо одной территории, но и между различными территориальными единицами (в последнем случае необходимо использовать идентичные по масштабу и степени генерализации карты).

Кроме того, можно проследить компактность этносов в динамике (по разновременным картам), что дает возможность, как представляется, в определенной степени судить о характере этнических процессов.

Р. 3. Ризванов

ИЗ ОНОМАСТИКИ ЛЕЗГИН

Теонимия. Легенды и предания, связанные с теонимией, предметы материального производства, используемые при отправлении религиозных обрядов, дают неисчерпаемый материал для этнографа. Прежде чем приступить к анализу теонимов, уместно было бы привести образное представление лезгин о зарождении мира и жизни. Так, считается, что первоначально везде была вода. Когда образовалась суша, то первыми существами, ее населившими, были боги (*гъуцар*,

ед. ч. *гъуц*), вышедшие из моря. Но на сушу вышли не все, часть лась на морском дне или в морских волнах. Поэтому принято отли богов, обитающих в море, от богов, обитающих на суше.

Видимо, перед нами отголосок какого-то старинного предания с начальными космогоническими представлениями предков лезгин. Множество теонимов (*Алпан, Мен, Тар, Ген, Тавар, Атар, Алапехъ, Папа, Кускафтар (Кеттин), Бистан, Ардавул, Гугу, Алпаб, Хъварц, Ли, Цегъ, Инкир, Минкир, Шармуну, Хидир, Ребби* и др.) сохранились в лезгинском фольклоре в различных обрядах.

Алпан, бог огня, считается у лезгин самым могущественным богом. Примечательно, что молнию лезгины называют *цайлапан*, *алпан цай*, буквально: огонь Алпана. Этот теоним является составной частью многих географических названий, например в названиях азербайджанских сел *Алпан* (Кубинский район), *Алпаут* (Бардинский район), *Апаут* (Казахский район), *Алпаут* (Геокачайский район), *Алпаут* и *Ал* (Уджарский район), *Алпаут* (Дивичинский район), *Алпаут* (Лачинский район) и др. У лезгин бытует много обрядов, связанных с культом огня. Самый главный из них — *Яран сувар* или *Ярар* — праздник наступления весны, праздник обновления природы. Вечером накануне 21 марта у каждого дома разжигают большие костры, через которые обязан перепрыгнуть каждый член семьи. От имени больных и малолетних ставят у ворот горящие факелы. Считается, что огонь очищает тело, сжигает старые грехи, укрепляет организм, приобщает к божественному Духу. В огонь нельзя плевать, запрещается долго смотреть в пламя: оно может ударить (*ягъун*), сжечь, опалить, притупить зрение.

Не менее древним и могущественным божеством в лезгинском пантеоне считается *Мен* — богиня луны. В топонимии Азербайджана и Дагестана имеются названия с корнем *мен*: село *Менджер уба* в Хачмакском районе Азербайджана, в Дагестане *пашня Мендуг кIам* у с. Зурраб, пастбище *Манади(н) ягъвар* у с. Кукваз, тохум *Манчарар* с. Курах, сад *Мена багъ* у с. Сардар и др.

Мен была верховным божеством в Кавказской Албании¹. У лезгин и в настоящее время отголоски культа луны сохраняются в различных театрализованных представлениях и играх. Одним из таких древнейших представлений является «*Вацракъар (Вацран йикъар)*», буквально: дни луны. Представление начинается с рождением нового месяца, а чаще всего, когда замечают появление луны на небе. Обычно это бывает ясными, безоблачными вечерами весной и летом. Прежде всего распорядитель представления мастерит из гибких прутьев (кизилых или ивовых) предмет в виде полумесяца, который вертикально устанавливают на освещенной лунным светом лужайке где-нибудь на окраине села; затем изображение украшают живыми цветами или яркими лоскутками материи. Когда все готово, девушки выстраиваются по одну сторону импровизированного полумесяца, юноши — по другую. По знаку распорядителя юноша начинает петь песню о луне. Девушки подхватывают хором последние строки песни. Затем эту песню исполняет одна из девушек, а юноши подхватывают хором. После того как «благословение» луны получено (об этом сообщает распорядитель), содержание песен изменяется, юноши и девушки по очереди поют *маани* — четверостишия, песни о любви. Наиболее талантливые певцы и певицы импровизируют новые *маани*, которые тут же заучиваются и повторяются потом на последующих «*Вацракъар*». Взвисьши за руки, юноши и девушки допоздна танцуют вокруг искусственного полумесяца, а когда настоящая луна поднимается высоко в небе, они по знаку распорядителя расходятся по домам. Если во время представления облако за-

¹ Ямпольский З. И. Древняя Албания. III—I вв. до н. э. Баку, 1962, с. 34, 127; Гулиев Г. А., Бехтияров А. С. Древние религиозные верования Азербайджана и их остатки в быту. Баку, 1968, с. 85—86; Кашкай С. М. Из истории Маннейского царства. Баку, 1977, с. 107—111; Путешественники об Азербайджане. Т. 1. Баку, 1961, с. 484; История Дагестана. Т. 1. М.: Наука, 1967, с. 93—94.

юет луну (за положением ее все время внимательно следит распорядитель), то песня прерывается, затем начинается вновь и повторяется по тем пор, пока луна вновь не покажется на небе. В переводе с лезгинского эта песня-молитва звучит так:

Ой, Мен, Мен, милая богиня Мен,
Невеста прекрасная Атара².
Исполни наши желания,
Чтоб Алапехъ безжалостный помер.
Появись на небе вечером,
Не дай мраку объять мир.
Ты, как ковш с молоком,
Освети поле и улицы,
Чтоб зло не настигло нас,
Чтоб мы не пали пред ним³.

Другая игра, связанная с луной, называется «*Рагъни варз*». Ее участники разыгрывают древние мифы о луне, обреченной на вечные поиски солнца.

Судя по песне-молитве, Мен — невеста Атара — бога Солнца, но в игре «*Рагъни варз*» луна является мужем солнца. Суть игры состоит в том, что группа девушек собирается около воображаемого *хъара* — специальной печи для выпечки *фу* — особого сорта лезгинского хлеба, похожего на лаваш. Чуть поодаль сидят юноши и беседуют, поют или рассказывают *хкетар* — анекдоты. Девушки «пекут хлеб» и исполняют маани. Спустя некоторое время *кайвани*, женщина, которая руководит «выпечкой фу», ссылаясь на то, что не хватает хвороста для поддержания огня в *хъаре*, посылает одну из девушек в лес. Та встает и послушно отправляется за хворостом. Проходит некоторое время, сумерки густеют, но ушедшая не возвращается. Обеспокоенная *кайвани* обращается за помощью к юношам. Те внимательно рассматривают оставшихся, и тот, кто замечает отсутствие своей любимой, вызывается ее искать. С этого момента он играет роль «луны» и отправляется вслед за «солнцем». Спустя некоторое время «заблудившаяся» возвращается и присоединяется к группе девушек. Те окружают ее и, хлопая в ладоши, заставляют рассказать о причине опоздания. Виновница должна спеть четверостишия на различные мелодии. Часто ее песни — это импровизация. Девушки и оставшиеся сидеть юноши знают, что «солнце» и «луна» где-то встретились и наговорились всласть о своих чувствах, но поскольку она вернулась раньше, считают, что «солнце» никак ее не может найти. Этим объясняется тот факт, что луна всегда блуждает одна среди звезд (в лесу), а солнце, появляясь вслед за нею на востоке, устремляется на запад. Так поочередно происходит смена дня и ночи.

В другой игре луна является братом солнца. Обидевшись на сестру, он убегает из дому, а сестра, раскаявшись, устремляется вслед за ним, желая вымолить у него прощение.

Добрými богами являются *Тар* (бог изобилия и плодородия), излучающий яркое сияние; символом его считаются *Тараттар* — разноцветные лоскутки материй — (знак святости), развешиваемые на священных деревьях, охраняемых *пирами* — святилищами, и *Тавар* — богиня воды, одетая в убор из цветов. В антропонимии лезгин есть собственное женское имя *Тавар* — красавица. Слово *тав* — по-лезгински — период расцвета, созревания. От этого же корня образуется женское имя *Тават*.

Своенравным и капризным богом земли считается *Ген*. В порыве гнева он может так сотрясти землю, что ничего живого на ней не оста-

² Атар — бог Солнца.

³ Лезгинские народные песни/Сост. Ганиева А. Махачкала, 1970, с. 15 (на лезг. языке).

нется. Представления об этом боге распространены на территории сейсмически опасной. Ему приносили особо обильные жертвы. Это логически теоним Ген, возможно, восходит к словам *ген* — после *ген* — подол. Первоначально данное слово несло в себе значение «ниний, находящийся внизу». Примечательно, что лезгинское слово означает «земля, двор».

Опасным богом является и *Алапехъ* — бог мрака. Он вечно преследует *Атара* и *Мена*, поэтому затмения луны и солнца объясняются кознями Алапехъа. Алапехъ больше всего боится *Алпана*, остерегается и Гена. Алапехъ — антипод Алпана. Даже в их именах содержится аналогичный компонент *ал-*, *ала-*. Вторая часть слова а именно *пехъ* имеет в лезгинском языке значение «ворона». Слово *пехъ* значит «шешный, яростный, злобный, гневный». Оно и является вторым компонентом слова Алапехъ. Первоначально Алпан олицетворял свет, добрый, а Алапехъ — мрак, зло.

Помощниками злого бога Алапехъа являются божества *Алпа Клетин*, *Бистан*, *Ардавул*, *Гугу*, *Шармуну*, *Инкир* и др.

Алпаб — внешне безобразная женщина с растрепанными волосами, отвислой грудью, клыкастой пастью, скрюченными пальцами; считается, что она навещает обычно рожениц, душит их, вынимает дух из тела и уносит к Алапехъу. Теоним состоит из известного уже компонента *ал-* и второй части *-паб*, что по-лезгински значит «женщина». *Клетин* — испадение мрака, находится на службе у Алпаб. *Шармуну* предпочитает вселяться в души детей. *Бистан* — божок, помогающий Шармуну. Его представляют в виде чудовищного, огнедышащего дракона. Имена Бистан пугают детей. Он скачет, как конь, и ползает, как змея. *Ардавул* — бог смерти. По фонетическим признакам это название можно соотнести с именем зороастрийской богини *Ардви*. Однако сейчас мы не можем объяснить, почему богиня жизни Ардvi превратилась в бога смерти. *Гугу* — божок, питающийся душами домашних животных. Этим объясняются в народе их болезни.

Малкамут — правая рука Ардавула, посещает могилы, захоронения. Медлителен в движениях, но решителен, действует наверняка.

Инкир — бог зла, воплощение всех неблагоприятных дел человека. Существует поверье, что после смерти человек должен предстать перед божьим судом. Если чаши весов (*мизан*) перетянут в сторону Инкира, то дух умершего поступает в мрачные владения Алапехъа: он осужден на вечные страдания. На могилах людей, преступивших божью волю, в старину ставили камни с несколькими прямыми линиями — знаками Инкира. Теперь такие камни стали называть *инкирами*.

Этим богам помогают *кускафтары* — злые духи, исполняющие волю Алапехъа. Теоним состоит из двух частей: *кус-* — по-лезгински «внешность, внешний вид», *-кафтар* — «злобный, ведьма». Кускафтар значит «похожий на ведьму». К кускафтарам близки *Хъварц* и *Пили* — домовые.

Из богов, относимых к окружению Алпана, можно назвать еще *Цегъа*, *Минкира*, *Хидира* и др.

Цегъ — защитник смелых, храбрых людей. У лезгин существует обычай, по которому в жертву приносят любое животное, кроме козла. В народе говорят: козлы — животные с холодными губами, боги не примут такую жертву; овцы, наоборот, теплогубые животные и в жертву рекомендуется приносить их. Козел же считается животным священным. Отсюда и название божества — *Цегъ*. В традиционном лезгинском театре есть представление «*Цегъ къугъурун*» — «Разыгрывать козла». Во время представления канатоходцев кто-нибудь, надев маску козла, смешит и пугает толпу, отвлекая внимание людей от канатоходца. Считается, что мертвая тишина при исполнении опасных трюков особо благоприятствует козням Алапехъа.

Минкир — помощник Алпана. Он олицетворяет добро. Минкир, как и Инкир, опрашивает людей после их смерти, и если чаши весов (*ми-*

зан) перетянут на его сторону, то душа человека будет перенесена им Алпану, в мир света. На могилах людей иногда устанавливали камни с солярным знаком, присущим Минкиру. Такие камни называются ныне *минкирами*. Это значит, что под камнем находится прах человека, к которому боги благоволят.

Единого мусульманского бога лезгины называют *Ребби*. Этот теоним перекликается с названием древнего арамейского божества *Реб (Раб)*, что в свою очередь близко по звучанию имени египетского бога солнца — *Ра*. По-лезгински солнце называется *Рагъ*.

Космониимия. Многие лезгинские названия небесных объектов забыты вследствие активного влияния европейской (русской) терминологии, однако в настоящее время в народе еще бытуют некоторые названия, и они небезынтересны.

По древним представлениям лезгин, все предметы подразделяются на земные и небесные. Ближайшее к земле небесное тело у лезгин имеет два названия: *Варз* (Варзом также называется месяц года) и *Мен* (Мен — также название бога луны, которому поклонялись лезгины). В древности лезгины пользовались лунным сельскохозяйственным календарем, по которому год делился на 24 временных отрезка: *Циг*, *Чиш*, *Хиб*, *Къуьгъвер*, *Яр*, *Алкъвар*, *Талкъвар*, *Элхен*, *Гелхен* и др. Период, когда луна на ущербе, называется *вацран мичлер*; период полнолуния — *вацран эквер*. Некоторые антропонимы содержат в себе название луны, например *Цийиварз* — женское имя, буквально: Новая Луна, *Мен* — Луна.

Солнце также имеет два названия: *Рагъ* и *Атар* (Атар — бог солнца, супруг Мен).

Яру гъед (буквально: красная звезда) — это Марс, *Мезен* — Венера. Венера имеет еще два названия: *Зуьгъре* (заимствование из арабского) и *Экуьниг гъед* — Утренняя звезда. Особое название имеет вечерняя Венера, которую называют *Чубандин гъед* — Пастушья звезда. Примечательно, что вечернюю Венеру Пастушьей звездой называют также и казахи⁴.

Ряд лезгинских антропонимов связан с этими названиями: *Зуьгъре* — женское имя, Венера, *Мезен* — Венера, *Экуьят* — Венера.

Огромное звездное скопление в центре нашей галактики — Млечный путь — называется *Регъуьн рехъ*, буквально: К мельнице дорога. Созвездия Малой и Большой Медведицы называются соответственно *Гъвечи КицI* и *ЧIехи КицI*, буквально: Маленькая собака, Большая собака. Созвездие Большой Медведицы называется также *ЧукватIур* — Ковш.

Известны также названия других звезд и созвездий: *Раб* — Стрела, *Гъуьлягъ* — Змея, *Дергес* — Коса, созвездие *Деведин Карван* — Верблюдий Караван.

Лезгины пользуются названиями знаков зодиака, заимствованными у арабов: *Эсед* — Лев, *СиратIан* — Рак, *Жавза* — Близнецы, *Савур* — Телец, *Гьамал* — Овен, *ХутI* — Рыба, *Далав* — Водолей, *Жаду* — Козерог, *Къавус* — Стрелец, *Экъреб* — Скорпион, *Мизан* — Весы, *Самбал* — Дева.

Часто названия космических объектов включаются в топонимы. Например, космоним *Рагъ*, видимо, является составной частью следующих географических названий: *Чирагъ*, *Микрагъ*, *Арагъ*, *Къурагъ*, *Сарагъ*, *Гурагъ*, *Ярагъ*, *Гъьграгъ*, *Търагъ*, *Екрагъ* и др.

Таким образом, материалы статьи показывают, что данные лезгинской ономастики характеризуют некоторые стороны традиционной культуры лезгинского народа, в частности древние языческие верования и представления, в которых прослеживаются местный пласт, элементы зороастризма, христианства, ислама.

⁴ Нуржанова Д. К. Казахская космониимия. — В кн.: Этнография имен. М., 1971, с. 234—236.

Н. Н. Миклухо-Маклай и русские моряки, посещавшие северо-восточную Новую Гвинею в связи с его экспедициями, оставили на карте этого района около 50 географических названий¹. Судьба их была различной. Такие топонимы, как *проливы Витязь* и *Изумруд*, *мыс Барри*, *порты Константина и Алексея*, прочно вошли в географическую номенклатуру. Но основной топоним, связанный с деятельностью великого русского ученого-гуманиста, — *Берег Маклая* — встречается теперь, с небольшим исключением, только на советских картах, да и на них, как мы увидим ниже, он обычно дается в ошибочной транскрипции и размещается в неправомерно суженных пределах.

«Мне хотелось бы упомянуть, — писал в 1881 г. Миклухо-Маклай, — что название „Берег Маклая“ было употреблено мной еще в 1872 г. с целью дать более удобную ссылку в научном описании, чтобы нужно было постоянно повторять географическое положение исследованной части побережья между мысом Круазиль и мысом Кинг-Уильям — полосы земли с береговой линией, превышающей 150 миль, простирающейся вглубь до высочайших хребтов и имеющей в ширину в среднем 50—60 миль; это описание было принято научным миром»².

Утверждая, что введенное им название «принято научным миром», Миклухо-Маклай не преувеличивал: топоним *Берег Маклая* в 70—80-х годах XIX в. довольно широко употреблялся не только в русских, но и в немецких, английских, французских, голландских и других научных изданиях³. Как сказано во французском географическом словаре, опубликованном в 1884 г., новогвинейское побережье в районе залива Астролябия, где в 1871—1872, 1876—1877 и 1883 гг. проводил исследования Миклухо-Маклай, «отныне носит его имя»⁴. О том же писал в 1889 г. в своем обобщающем труде «Новая всеобщая география» известный французский географ Э. Реклю⁵. Приоритет русского ученого в исследовании северо-восточного побережья Новой Гвинеи, где до него не ступала нога европейца, был настолько бесспорен, что даже немецкий исследователь О. Финш, сыгравший в 1884 г. зловещую роль в захвате этого побережья Германией, в 1888 г. признал, что Берег Маклая «по праву» носит такое название⁶.

Не решаясь полностью отвергнуть топоним *Берег Маклая*, германские колониальные власти и связанные с ними географы начали постепенно уменьшать район, обозначаемый этим топонимом. Поскольку по определению Миклухо-Маклая, Берег Маклая простирается от мыса Круазиль до мыса Кинг-Уильям, он охватывает все побережье залива

¹ Гурецкий В. О. Русские географические названия в Новой Гвинее. — Изв. АН СССР. Сер. географическая, 1969, № 3, с. 122.

² Миклухо-Маклай Н. Н. Проект развития Берега Маклая/Пер. с англ. и примеч. Тумаркина Д. Д. — Расы и народы, 7. М.: Наука, 1977, с. 283. В 1880 г. Миклухо-Маклай писал, что Берег Маклая расположен «между мысами Еремпи и Телята, или, соотносясь с картами, приблизительно от мыса Круазиль до мыса короля Вильяма» (Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. II. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1950, с. 398). Мыс короля Вильяма (Кинг-Уильям) находится примерно в 30 км юго-восточнее мыса Телята.

³ См., например: Petermanns geographische Mittheilungen, 1874, B. 20, № 6, S. 234; Deutsche geographische Blätter, 1888, B. 11, № 3—4, S. 272, 283, 303; Nature, 1874, v. 9, № 226, p. 328—329; Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris, III série, 1878, t. 1, p. 524; Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indie, 1873, D. 33, p. 225, 430; The Proceedings of the Linnean Society of New South Wales, 1885, v. 9, p. 713, 988.

⁴ Nouveau dictionnaire de géographie universelle, P., 1884, v. 2, p. 579.

⁵ Reclus E. Nouvelle géographie universelle. P., 1889, t. 14, p. 635.

⁶ Finsch O. Samoafahrten. Reisen in Kaiser Wilhelms-Land und Englisch-Neu-Guinea in den Jahren 1884 u. 1885 an Bord des deutschen Dampfers «Samoa». Leipzig, 1888, S. 117. О роли Финша в захвате северо-восточной Новой Гвинеи см.: Тумаркин Д. Д. Папуасский Союз (из истории борьбы Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Новой Гвинеи). — Расы и народы, 7. М.: Наука, 1977, с. 121—122.

Астролябия, а также участок берега к северу от этого залива длиной около 40 км и береговую полосу восточнее залива протяженностью примерно 200 км. Но уже Финш в 1888 г. утверждал (и соответственно отметил на карте, напечатанной в его книге), что Берег Маклая включает лишь юго-восточную часть залива Астролябия и простирается отсюда на восток примерно на 100 миль (185 км)⁷. А на карте, подготовленной по поручению германских властей в 1889 г., Берег Маклая был сведен к его восточной части, примерно соответствующей Берегу Рай современных австралийских карт⁸. В результате побережье залива Астролябия и прилегающий к нему с севера участок берега, более важные в экономическом и стратегическом отношениях (здесь имеются удобные гавани и значительные массивы плодородных земель), были выведены за границы этого топонима. В конце XIX — начале XX в. такое его толкование прочно утвердилось в работах немецких чиновников, исследователей и миссионеров, а также на картах, издаваемых в Германии⁹.

Следующим шагом на пути к постепенной элиминации топонима *Берег Маклая* стало его отождествление с топонимом *Берег Рай*. Насколько нам известно, первым заявил об этом в печати В. Земайер, составитель и редактор каталога этнографической коллекции Л. Биро, опубликованного в 1901 г. Земайер не только поместил Берег Маклая к востоку от залива Астролябия, но и заявил, что этот Берег не что иное, как Берег Рай¹⁰. Такое же утверждение мы неоднократно встречаем в книге Р. Нойхаусса, вышедшей в свет в 1911 г.¹¹ А на карте бывших германских колониальных владений на Новой Гвинее, опубликованной в 1921 г., имеется такое обозначение: «Rey-Küste (Maclay-Küste)», т. е. «Берег Рей (Берег Маклая)». Эта карта была приложена к книге немецкого офицера Х. Децнера, на страницах которой из двух вышеприведенных альтернативных названий употребляется только *Берег Рей (Рай)*¹².

Некоторые исследователи полагают, что *Рай* — искаженное местным населением слово *Маклай*¹³. Такое объяснение нельзя признать убедительным, ибо, как видно из дневников Миклухо-Маклая, еще при нем один из небольших участков побережья в этом районе папуасы именовали — по самоназванию живущей здесь этнотерриториальной группы — *улеу Рай*, т. е. «берег Рай»¹⁴. Правда, нельзя исключить, что в сознании местных жителей оба топонима со временем слились воедино. Но весьма сомнительно, что такое слияние могло произойти уже на рубеже XIX — XX вв., в начальный период европейской колонизации: множества населявших этот район мелких этнотерриториальных групп, еще составлявших тогда своего рода обособленные мирки, говоривших на разных языках и находившихся на очень низкой ступени общественного развития, едва ли могло сложиться общее название для береговой полосы, протянувшейся почти на 200 км. Представляется

⁷ Finsch O. Op. cit., S. 8, 117.

⁸ Zentrales Staatsarchiv Potsdam. Reichskolonialamt. Signatur 2381, Bl. 16.

⁹ Neu-Guinea und Bismarck Archipel. 1: 10 000 000. — Andrees allgemeiner Handatlas. 3. Aufl. Bielefeld und Leipzig, 1896, S. 138; Schutzgebiet der Neu-Guinea-Kompanie. 1: 2 000 000. — Deutscher Kolonial-Atlas von Paul Langhans. Gotha, 1897, № 24; Krieger M. Neu-Guinea. B., 1899, S. 129, 250; Sprachenkarte der Astrolabe-Bai (1: 600 000). — Gramke A. Grammatik und Vokabularium der Bongu-Sprache. B., 1909, S. 8; Deutsch-Neu-Guinea (Westliches Blatt). 1: 2 000 000. — Grosser Deutscher Kolonialatlas. B., 1909, № 26; Neu-Guinea und der Bismarck Archipel. 1: 10 000 000. — Steelers Hand-Atlas. 2. Aufl. Gotha, 1911.

¹⁰ Beschreibender Katalog der ethnographischen Sammlung Ludwig Biro's aus Deutsch-Neu-Guinea. Budapest, 1901, S. 8, 11.

¹¹ Neuhauss R. Deutsch-Neu-Guinea. B., 1911, B. 1, S. 13, 100, 128, 529; B. 2, S. 250.

¹² Detzner H. Vier Jahre unter Kannibalen. B., 1921, S. 211, 216, 220, 222.

¹³ Greenop F. S. Who Travels Alone. Sydney, 1944, p. 64, 71; Wagner H. A Field Study of the Bongu-Buged Circuit. Lae, 1963, p. 2; West F. Miklouho-Maclay. — Encyclopedia of Papua and New Guinea. V. 2. Clayton, Vic., 1972, p. 763.

¹⁴ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч., т. II, с. 322, 397—398; Neuhauss R. Op. cit., S. 119.

более вероятным, что топониму *Берег Рай* его современное значение придали сами немецкие ученые и колониальные чиновники¹⁵.

Так или иначе топоним *Берег Рай* для обозначения побережья лежащего к востоку от залива Астролябия, был воспринят австралийской колониальной администрацией, к которой после первой мировой войны перешло управление северо-восточной Новой Гвинеей. Это графическое название утвердилось на официальных картах и в других австралийских правительственных публикациях, перешло на страницы научных и популярных изданий. Правда, австралийская фирма «Эндрю Робертсон» выпустила в 1930-х годах карту территорий Папуа Новая Гвинея, на которой в соответствии с немецкой картографической традицией был показан Берег Маклая к востоку от залива Астролябия. Эта карта с небольшими изменениями издавалась и после второй мировой войны¹⁶. Кроме того, в 1944 г. в Сиднее была опубликована биография Миклухо-Маклая, написанная Ф. Гринопом; в ней тоже упоминается Берег Маклая¹⁷. Однако карта фирмы «Энгус энд Робертсон» и книга Гринопа терялись в массе австралийских публикаций, в которых топоним *Берег Маклая* был вытеснен топонимом *Берег Рай*.

На некоторых географических картах, публиковавшихся в Германии в период между двумя мировыми войнами, продолжало появляться название *Берег Маклая* в границах, соответствующих границам Берега Рай¹⁸. Однако нам не удалось обнаружить интересующий нас топоним на картах, изданных в ГДР и ФРГ.

Что же касается Англии, Франции и США, то ознакомление с географическими картами и справочниками, выпущенными в этих странах показывает, что после первой мировой войны топоним *Берег Маклая* там почти полностью вышел из употребления. Нами были просмотрены десятки отдельных карт и атласов. Но лишь в одном из них — английском атласе, подготовленном известным картографом Дж. Бартоломью, который вплоть до своей смерти в 1920 г. был иностранным членом Русского географического общества, — к востоку от залива Астролябия обозначен Берег Маклая¹⁹. Почти полное забвение этого топонима по сей день приводит к досадным ошибкам в исторических и этнографических исследованиях. Так, американский историк Д. Гордон, обнаружив в британской дипломатической переписке 1883—1884 гг. упоминания Берега Маклая, в своей книге не только привел этот топоним в искаженной транскрипции (Macleay Coast), но и, ничтоже сумняшеся, поместил его на юго-восточной оконечности Новой Гвинееи²⁰.

¹⁵ Известный австралийский специалист по этнографии северо-восточной Новой Гвинееи П. Лоуренс в 1964 г. писал, что «Берег Рай все еще иногда именуется Берегом Маклая, но между этими двумя названиями, вероятно, нет никакой связи». Лоуренс никак не аргументировал свое мнение по этому вопросу (Lawrence P. Road Belong Car-go. Parkville, 1964, p. 35).

¹⁶ Map of the Territory of New Guinea, administered by the Commonwealth of Australia under Mandate from the League of Nations, and Papua, a Territory of the Commonwealth of Australia. 1 : 2 212 000. Canberra, s. a.; Map of Papua, a Territory of the Commonwealth of Australia, and New Guinea, administered by the Commonwealth of Australia under the Charter of the United Nations. 1 : 2 212 000, Sydney, s. a.

¹⁷ Greenop F. S. Op. cit., passim. В статьях о Миклухо-Маклае, помещенных в «Австралийской энциклопедии» и некоторых других справочных изданиях, упоминается, что он предложил топоним *Берег Маклая*, но умалчивается, вошло ли это название в географическую номенклатуру. См. The Australian Encyclopedia. 2nd ed. V. 6: Sydney, 1963, p. 73; The Australian Dictionary of Biography. V. 5. Carlton, Vic., 1974, p. 249.

¹⁸ Kaiser-Wilhelmsland und Bismarck Archipel. 1 : 4 000 000.— Andrees allgemeiner Handatlas. 7. Aufl. Bielefeld und Leipzig, 1921, S. 224; New Guinea and the Bismarck Archipelago, 1 : 10 000 000.— Stieler Grant Atlas de Géographie Moderne. 10th ed. Gotha, 1938, № 114. Отождествление топонима *Берег Маклая* с топонимом *Берег Рай*, оказавшее влияние на австралийскую географическую номенклатуру, в 20—30-х годах исчезло с немецких карт.

¹⁹ New Guinea. 1 : 10 000 000.— The Citizen's Atlas of the World. 4th ed. Edinburgh, 1924, p. 148; 10th ed. Edinburgh, 1952, p. 185. В таком же суженном толковании Берег Маклая упоминается в современной английской лоции (Pacific Islands Pilot. V. 1. L., 1970, p. 240).

²⁰ Gordon D. C. The Australian Frontier in New Guinea 1870—1885. N. Y., 1951, p. 246—247, 257

В нашей стране топоним *Берег Маклая* не забыт, но и здесь его судьба не была безоблачной. При жизни Миклухо-Маклая его границы еще всего обозначались так, как они были определены самим путешественником. Но уже в 1896 г. в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона утверждалось, будто Берег Маклая — это «берег на [O]f [re] бухты Астролябия»²¹. А выдающийся русский географ, антрополог и этнограф Д. Н. Анучин в 1903 г. писал, что «Маклаевым берегом» именуется «берег бухты Астролябия»²². Иначе говоря, Анучин, как и анонимный автор заметки в энциклопедии, в противоположность немецким картографам свел ареал этого топонима к его юго-западной части. Но уже в следующем году составители «Большого всемирного почтового атласа Маркса», пойдя в данном вопросе за немецкими картографами, показали Берег Маклая к востоку от залива Астролябия²³.

Не очень повезло интересующему нас топониму и на советских картах и в справочных изданиях. Только в «Атласе истории географических открытий и исследований» его границы обозначены согласно воле Миклухо-Маклая²⁴, тогда как на других картах — в соответствии с немецкой картографической традицией и атласом Маркса — он охватывает лишь восточную часть своего подлинного ареала²⁵. Так же интерпретируется этот топоним в Большой советской энциклопедии и географических словарях, причем один из них безосновательно переносит его границу на юго-восток, до залива Хьюон²⁶. Почти все справочные издания и карты, выпущенные в 50—70-х годах, не исключая Атласа истории географических открытий и исследований, допускают другую неточность: Берег Маклая именуется на них Берегом Миклухо-Маклая. Любопытно, что в английском варианте «Атласа мира», опубликованном ГУГК одновременно со вторым русским изданием этого атласа, рассматриваемый топоним дан в правильной транскрипции (MacLay Coast)²⁷. Обе указанные неточности встречаются и в советской лоции²⁸. А на опубликованной в 1982 г. карте Папуа — Новой Гвинеи вообще отсутствует топоним *Берег Маклая*²⁹.

«Русские названия в Новой Гвинее», — писал в 1969 г. В. О. Гурецкий, — напоминают о благородной борьбе выдающегося русского ученого, выступавшего в защиту папуасов, и о первых у этих берегов географических работах, выполненных отечественными мореплавателями. Поэтому мы вправе сохранить на наших картах эти названия-памятники»³⁰. В. О. Гурецкий упомянул в числе прочего о неточностях в транскрипции и интерпретации топонима *Берег Маклая*, допуская их на советских картах и в лоции³¹. Однако за 15 лет, прошедших со

²¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Полутом 35. Спб., 1896, с. 422.

²² Землеведение, 1903, кн. II—III, с. 252.

²³ Восточная Новая Гвинея и соседние острова. 1 : 9 000 000. — Большой всемирный почтовый атлас Маркса. Спб., 1905, карта 56. В 1904 г. этот атлас выходил отдельными выпусками в качестве приложения к журналу «Нива».

²⁴ Атлас истории географических открытий и исследований. М.: ГУГК МВД СССР, 1959, карты 65 (1 : 35 000 000) и 656 (1 : 3 500 000).

²⁵ См., например: Новая Гвинея и Соломоновы острова. 1 : 7 500 000. — Атлас мира. М.: ГУГК МВД СССР, 1954, карта 268 (2-е изд. М.: ГУГК при Совете Министров СССР, 1967, карта 235); Австралия и Океания. 1 : 12 000 000. М.: ГУГК при Совете Министров СССР, 1974.

²⁶ Энциклопедический словарь географических названий. М.: Сов. энциклопедия, 1973, с. 427.

²⁷ New Guinea and Solomon Islands. 1 : 7 500 000. — The World Atlas. Moscow: Chief Administration of Geodesy and Cartography under the Council of Ministers of the USSR, 1977, Map, 235.

²⁸ Лоция северного берега Новой Гвинеи и архипелагов Бисмарка и Луизиада. М.: 1979, с. 146. В отличие от третьего издания Большой Советской Энциклопедии (т. 16. М.: 1974, с. 219), в ее первом (т. 37. М.: 1938, кол. 752) и втором (т. 26, М.: 1941, с. 109) изданиях Берег Маклая дан в правильной транскрипции.

²⁹ Папуа — Новая Гвинея. Соломоновы острова. 1 : 12 000 000. — Атлас мира. Австралия и Океания. Антарктида. М.: ГУГК при Совете Министров СССР, 1982, с. 13.

³⁰ Гурецкий В. О. Указ. раб., с. 123.

³¹ Там же, с. 122, 125.

времени публикации его статьи, положение не изменилось. Представляется необходимым, чтобы на картах, в логии и справочных изданиях публикуемых в СССР, этот топоним давался в правильной транскрипции и в границах, установленных Миклухо-Маклаем.

В заключение коснемся вопроса о том, как обстоит дело с топонимом *Берег Маклая* в самой Папуа — Новой Гвинее (ПНГ). Это молодое государство, в 1975 г. достигшее независимости, унаследовало географическую номенклатуру, которая существовала в период австралийского колониального господства, а потому на официальных картах и других правительственных публикациях ПНГ топоним *Берег Маклая* вытеснен топонимом *Берег Рай*. Однако было бы неправильно предполагать, что географическое название, напоминающее о деятельности нашего выдающегося соотечественника, вовсе неизвестно в этой стране. В год провозглашения независимости ПНГ издательство «Кристин Пресс», находящееся в Маданге — городе, выросшем на Берегу Маклая, выпустило в свет в переводе на английский язык дневники пребывания Миклухо-Маклая на этом берегу³². В книге неоднократно встречается интересный нас топоним, а на ее фронтисписе помещена схематическая карта, на которой обозначен Берег Маклая, охватывающий побережье залива Астралабия. Книга эта имела большой успех и через четыре года была переиздана.

Посетив в 1971 и 1977 гг. ПНГ, автор этих строк убедился в том, что имя «тамо русс» Маклая окружено там любовью и уважением. О нем знают и помнят не только жители Берега Маклая, где русский ученый провел в общей сложности около трех лет, но и обитатели некоторых других районов огромного острова. А в столице ПНГ — городе Порт-Морсби студенты и преподаватели местного университета, многие государственные и общественные деятели, как показали встречи и беседы, осведомлены о благородной деятельности Миклухо-Маклая и справедливо считают его первым, кто выступил за создание независимого государства на Новой Гвинее. По местному радио регулярно транслируются передачи о «тамо русс», в его честь выпущена почтовая марка³³. Несколько лет тому назад в г. Маданге появилась улица Николая Маклая³⁴.

Присвоение и смена географических названий — внутреннее дело ПНГ. Но нельзя не обратить внимания на то, что на официальных картах северо-восточной Новой Гвинее сохраняется множество названий, данных немецкими колонизаторами, а сама столица ПНГ по сей день носит имя британского капитана Морсби. В связи с этим Р. Шеридан, активист австралийского Общества Миклухо-Маклая, в мае 1983 г. писал в бюллетене общества, что топоним *Берег Маклая* отнюдь не менее оправдан и обоснован, чем топоним *Порт-Морсби*³⁵. Через полгода в том же бюллетене один из руководителей общества — Р. Маклай (внук великого русского ученого) прямо поставил вопрос о необходимости бережного отношения к русскому топонимическому наследию на Берегу Маклая³⁶. А в письме к автору этих строк, датированном 1 января 1984 г., Р. Маклай сообщил: «Мы ведем переговоры с властями округа Маданг относительно восстановления на Берегу Маклая хотя бы некоторых названий (особенно Берег Маклая) в качестве устойчивых официальных наименований».

³² Miklouho-Maclay: New Guinea Diaries 1871—1883/Transl. from the Russian with Biographical Comments by Sentinella C. L. Madang, 1975.

³³ Тумаркин Д. Д. По следам «тамо русс». — В кн.: На Берегу Маклая (Этнографические очерки). М.: Наука, 1975, с. 41—44; его же. Новая встреча с Океанией. — Сов. этнография, 1977, № 5, с. 76—77, 80—81.

³⁴ Письмо Р. Маклая Д. Д. Тумаркину от 1 января 1984 г.

³⁵ Sheridan R. J. Captain John Moresby. — Newsletter of the Miklouho-Maclay Society of Australia, 1983, v. 4, № 2, p. 7.

³⁶ M. MacLay R. W. Russian and Other Place Names on the MacLay Coast, Papua New Guinea. — Newsletters of the Miklouho-Maclay Society of Australia, 1983, v. 4, № 4 p. 2—6.

Настоящая статья является попыткой собрать и обобщить имеющиеся в научной литературе сведения о древнейшем населении Тайваня — негритосах, живших на острове задолго до появления аустронезийских племен, известных под собирательным китайским названием юшань.

По предположению археолога Линь Чаоци, тайваньские негритосы появились там в эпоху плейстоцена¹. Согласно взглядам ряда других ученых, негритосы, продвигаясь с юга, заселили 25—30 тыс. лет назад свободные пространства от Явы до Японии². Специалисты считают, что среди них существовали различные группы³. По мнению американского этнографа и археолога О. Бейера⁴ среди негритосов Филиппин, сошедших с Тайванем, различаются собственно негрито с бесспорно негроидными признаками, и австрало-айноиды — невысокие темнокожие люди, занимающие промежуточное положение между аборигенами Австралии и айнами Северной Японии. Какая из этих групп обитала на Тайване, неизвестно, но, по имеющимся сведениям, негритосы встретились там еще относительно недавно — около 100 лет назад⁵.

Одним из первых о существовании представителей австралоидной расы в Юго-Восточной Азии вообще и на Тайване в частности писал в 80-х годах прошлого столетия французский ориенталист Т. де Лякупри, опиравшийся в основном на свидетельства письменных источников⁶.

Против подобной точки зрения выступил английский исследователь Тайваня, миссионер В. Кемпбелл, упрекавший де Лякупри в беспочвенной фантазии⁷.

Прав в этом споре оказался, в конечном счете, де Лякупри. Существование на Тайване негритосов подтверждают не только письменные свидетельства — сообщения китайских официальных изданий и побывавших на острове европейцев, но также археологические материалы и изустный фольклор.

Тайваньские негритосы, судя по дошедшим до нас свидетельствам, или пигмеями. Возможно, что между ними и филиппинскими негритосами существовали родственные связи. Подобное предположение можно отнести и к австралоидам, жившим когда-то в Восточной Азии⁸.

¹ Lin C. C. Geology and Ecology of Taiwan Prehistory.— Asian Perspectives, 1964, VII, № 1—2, p. 203—204.

² Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии.— В кн.: Происхождение человека и древнее расселение человечества: Тр. Ин-та этнографии АН СССР (далее — ТИЭ), т. XVI. М.: Изд-во АН СССР, 1968, с. 334—338; Мешков К. Ю. Основные этапы этнической истории Филиппин (до XIX в.).— В кн.: Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1968, с. 58; Тихонов Д. И. Жилища и типы сельских жилищ на Филиппинах.— В кн.: Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов: Сб. Музея антропологии и этнографии. М.—Л.: Наука, 1966, с. 222; Чебоксаров Н. Н. Основные этапы истории антропологического состава населения Китая (палеолит и мезолит).— В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности (эпоха неолита). Новосибирск: Наука, 1976, с. 8.

³ Левин М. Г. Проблема пигмеев в антропологии и этнографии.— Сов. этнография, 1974, № 2; Алексеев В. П. География человеческих рас. М.: Мысль, 1974, с. 271—275.

⁴ Bayer H. O. Religion in the Philippines.— Encyclopedia of the Philippines, V. X. Manila, 1950, p. 3; Idem. Filipino Ethnographic Groups.— Ibid., V. XVI. Manila, 1957, p. 67.

⁵ Chen Kang Chai. Taiwan aborigines. Cambridge, Mass., 1967, p. 33. Термины «негритосы» и «негрито» — синонимы. Последний широко распространен в европейской и американской литературе (см. Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин. М.: Наука, 1982, с. 176).

⁶ Lacouperie T., de Formosa, Notes MSS, Races and Languages. JRS, 1887, p. 444.

⁷ Campbell W. Past and Future of Formosa. L., 1896, p. 4.

⁸ Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М.: Наука, 1976, с. 176; Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы. Проблемы

Большое значение для изучения тайваньских негритосов имели труды японских ученых: Кано Тадао, Ино Канори, Адати Бунтаро, Тор Рюдзю⁹. Все они придерживались взглядов австралийского ученого Р. Хейне-Гельдерна, по мнению которого для австралоидов характерны такие каменные орудия как валиковые топоры и тесла. Подобные вещи были обнаружены упомянутыми исследователями Тайваня¹⁰.

Кано Тадао пошел дальше своих коллег. Так же, как и Отли Бейли независимо от него, он стал ассоциировать с австралоидами вообще и с негритосами на Тайване, в частности, все мегалитические сооружения, встречающиеся в Юго-Восточной Азии. Так, в своей работе «Предания о жилищах карликов на острове Тайвань», Кано пишет, что обнаруженный им в труднодоступной лесной чаще огромный долмен а также остатки каменных строений, ступы, песты принадлежали негритосам¹¹. Больше всего памятников материальной культуры негритосов находилось, по сообщению Кано Тадао, в районе села Таймали. Это селение гаошаньского племени пайванов расположено на юге Тайваня¹².

Летом 1963 г. здесь производил раскопки археолог У. Жэньхэ. Также как и Кано Тадао, он отметил, что пайваны и другие племена тайваньских аборигенов — атайялы, бунун, цоу, сайсят, боятся приближаться к местам, где, по их поверию, жили, а затем были похоронены «маленькие черные человечки». В результате раскопок предполагаемых поселений негритосов У Жэньхэ встретил беспорядочные кучи камней, два предмета, напоминающие мотыги, поделки из камня: бусы, браслеты, шпильки, ступки, а также похожие на тарелки емкости. Кроме того, ученый нашел какие-то неизвестные ему зеленые зернышки имеющие определенное сходство с соевыми бобами, а также фрагменты черной и цветной керамики. Внимание У Жэньхэ привлекли каменные гробы прямоугольной формы. Длина каждого такого гроба 140 см, ширина 38 см, высота 30 см. Стенки гробов были сделаны из плит выдолбленными пазами. При помощи этих пазов плиты соединялись. У Жэньхэ обнаружил и какие-то необычные украшения «наподобие рогов, но не рога»¹³. Что касается каменных нагромождений, то У Жэньхэ рассматривал их как строительный материал. В связи с этим следует заметить, что в хронике династии Суй — «Суйшу» (VII в.) упоминаются кучи камней, служивших туземцам Тайваня для ритуальных целей¹⁴.

Подобные находки, а также остатки стен жилищ, домашней утвари из камня (блюдо, поднос, таз) У Жэньхэ встречал не только около Таймали, но и в других местах Тайваня. В своих выводах он мен-

этногенеза. М.: Наука, 1978, с. 38—41; Кучера С. Китайская археология 1965—1974 гг. палеолит — эпоха Инь. М.: Наука, 1977, с. 10; Li Chi. The Beginnings of Chinese Civilization. Three Lectures Illustrated with Finds of Anyang. Seattle and L., 1957 (1968) р. 8. Возможно, что упоминания о пигмеях и чернокожих в романе Ли Жучжэня «Цветы в зеркале», попавшие туда из «Шань хай цзина», имеют реальную историческую новизну. См. Ли Жучжэнь. Цветы в зеркале. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 176; Калалог гор и морей (Шань хай цзин). М.: Наука, 1977, с. 95, 96, 116, 127. Подробные сведения по данному вопросу есть также в статье: Лин Чуньшэн. Китайские исторические записи о негритах — Юань Кань. В. III, выпуск, посвященный двадцатилетию со дня смерти Дин Вэньцзяна. Тайбэй, 1956, с. 251—265 (на кит. яз.).

⁹ Цит. по: У Жэньхэ. Полевые записи о доисторических останках в районе Таймали — Каогу жэньхэи сюэкань, 1963, № 1—2, с. 69 (на яп. яз.).

¹⁰ См. Кабо В. Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М.: Наука, 1969, с. 226; Левин М. Г. Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока. — ТИЭ, М.: Изд-во АН СССР, 1958, т. XXXVI, с. 266—267; Heine-Geldern R. Urheimat und früheste Wanderungen der Austronesier. — Anthropos, 1932, V. 27, № 3—4. S. 543—619.

¹¹ Цит. по: У. Жэньхэ. Указ. раб., с. 69.

¹² Там же, с. 70.

¹³ Там же, с. 70.

¹⁴ Суйшу (История династии Суй). Т. 68, цзюань 81. Шанхай, 1936, с. 480—481 (на кит. яз.); Ма Дуаньлинь. Древние тексты и их исследования. Т. II., цз. 326. Шанхай, 1936, с. 2569—2570 (на кит. яз.).

категоричен, чем Кано Тадао, и не утверждает, что найденные им предметы обязательно должны были принадлежать негритосам. Он говорит об этом только предположительно. Судя по сохранности находок, У Жэньхэ считает, что негритосы обитали на Тайване не так давно¹⁵. Это подтверждается известиями китайцев, арабов, европейцев.

В китайских официальных изданиях о негритосах говорится крайне скупо. Так, в уже упоминавшемся источнике «Суйшу» (VII в.) и в «Сунши» (XIII в.) указывается, что на Тайване существовало два государства — Люцю¹⁶ и Пишэе. О Люцю китайцы давали подробную информацию. О Пишэе в обеих династийных историях есть только лаконичное упоминание, — сообщается, что «Пишэе по соседству (с Люцю). Язык их непонятен. Ходят голыми. Глаза выпучены. Простак. Пожар, не людского они рода»¹⁷. Этой характеристики жителей Пишэе придерживались почти все китайские авторы, переписывавшие данные династийных историй в свои сочинения. Только Гу Цзуюй — составитель знаменитого историко-географического произведения «Ду ши фаньюй цзюяо» несколько изменил текст. Он пишет, что «Пишэе находится на карте в восточном углу. Это дикари. У них воронья речь. Дьявольский вид. Не похожи на людей»¹⁸. Поскольку сам Гу Цзуюй жил в XVII в. и на Тайване не бывал, речь, вероятнее всего, идет не о каких-то новых сведениях о Пишэе, а об интерпретации уже имевшихся письменных свидетельств.

Другие китайские сообщения о негритосах на Тайване были опубликованы в XVIII в. Ли Пиюем и в XIX в. Дин Шаои. В своем описании уезда Фыншань Ли Пиюй пишет: «Они подобны обезьянам, ростом не выше трех чи¹⁹. При виде людей взбираются на ветви, а когда люди хотят их поймать, те кидаются в людей чем попало. Эти обезьяны имеют жилье, выкопанное в земле наподобие нор... По своей внешности напоминают народы, жившие в глубокую старину»²⁰. Дин Шаои упоминает расположенную в горных дебрях общину Дутань, замечательную тем, что недалеко от нее «живут туземцы, у которых выпучены глаза, уши большие, телосложение безобразное. Пальцы ног у них похожи на куриные когти. Они, как орангутанги, совершенно свободно лазают по деревьям. Пристрастны к убийствам. Прекрасно стреляют из луков, их боятся даже дикие туземцы. В последнее время их почти не видят»²¹.

Из вышеизложенного следует, что китайские авторы, от составителей «Суйшу» до Дин Шаои, отмечали наличие на Тайване особой группы туземцев, резко отличавшихся по своим внешним данным как от других китайцев, так и от гаошань, хорошо им известных. Этими туземцами могли быть, судя по перечислению их характерных признаков «маленького роста, ходят нагиими, глаза выпучены»), только негритосы. Что же касается восприятия китайцами негритосов, как людей некрасивых, то оно традиционно для описания австралоидов в китайских источниках²². Неудивительно и замечание Гу Цзуюя о «вороньей» речи

¹⁵ У Жэньхэ. Указ. раб., с. 79; см. также Итс Р. Ф. Архаические формы социально-производственных объединений тайваньских горцев. — В кн.: Охотники, собиратели, рыбоводы. М.: Наука, 1972, с. 134.

¹⁶ Любопытно, что, согласно утверждениям некоторых авторов, древнее китайское название Тайваня — Люцю (от *Loukius*) также связано с жившими там негритами. См.: *Parag J. M. The aboriginal inhabitants of Formosa. — Anthropos, 1977, t. XII (2), p. 249.*

¹⁷ Сунши (История династии Сун). Т. 88, цзюнь 491. Шанхай, 1936, с. 3827 (на кит. яз.); Суйшу. Т. 68, цз. 81, с. 481.

¹⁸ Гу Цзуюй. Ду ши фаньюй цзюяо. (Чтение записей по истории и географии), цз. 6/м. 6/г, с. 56 (на кит. яз.).

¹⁹ Чи — 0,32 м.

²⁰ Энциклопедия «Гуцзинь тушу цзичэн» (Собрание древних и современных картин мира). Т. 147, цз. 1109. Шанхай, 1936, с. 35а (на кит. яз.).

²¹ Дин Шаои. Дунинчжилюе (Краткое описание Тайваня). Дань шуй, 1875, цз. 6, ва (на кит. яз.).

²² Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средневеков. М.: Наука, 1979, с. 256.

оитателей Пишэе. Не только китайцы, но и арабы зачастую сравни-
ли непонятный им язык с птичьим гомоном или свистом²³.

Наряду с упоминаемыми выше китайскими источниками о негри-
сах Тайваня косвенным свидетельством их существования являет-
также следующая запись арабского географа Ибн ал-Факиха ал Ха-
дани (902—990 гг.): «Вблизи от ас-Сина²⁴ есть место, которое назы-
ется Санджа и это самое коварное из морей...²⁵ похожие на юнош
зинджей. Высота одного из них равна четырем шибрам²⁶. Ночью о
выходят из воды, проводят ночь на корабле, вертятся на нем и ни
не знает об этом. Затем они возвращаются в море. А если это увид-
то это (считается) признаком ветра, который называется ал-хабб,
он самый плохой ветер»²⁷.

Что касается восприятия арабами негритосов как «ходящих»²⁸ по
морю, то и здесь напрашивается аналогия с представлениями кита-
цев. Так, сообщая о каких-то чернокожих рабах, по-видимому, приве-
зенных голландцами на Тайвань в XVII в., китайские источники сооб-
щают: «черные черти... входят в море и не тонут, идут по морю как по
гладкой земле»²⁹. И далее: «тела у живших там людей были совсем
черными, и они отличались тем, что... ходили по воде как по суше»³⁰.

Вполне возможно, что «черные люди» плавали на плотах или ката-
маранах и ночью проникали на иностранные корабли. Это и могло спо-
собствовать возникновению китайских и арабских представлений о
«хождении» их по морю.

Трудно сказать, относится ли цитированное выше сообщение не-
посредственно к негритосам Тайваня. Тем не менее упоминание о чер-
нокожих пигмеях, проживавших на островах недалеко от побережья
Китая, отбрасывать не следует.

Европейские сообщения о негритосах на Тайване ограничиваются
информацией английского этнографа Д. Тэйлора, работавшего там во
второй половине XIX в. Тэйлор и другие европейцы называли тайвань-
ских негритосов диарамоками. Вероятнее всего, это искаженное евро-
пейской транскрипцией местное название какого-то племени негрито-
сов или пигмеев вообще. Тэйлор всячески подчеркивал, что они были
«темны, почти черны»³¹.

О диарамоках Тэйлору рассказывал вождь пайванов Такиток. Тэй-
лор в свою очередь поделился подробностями этого разговора с немец-
ким ученым А. Фишером, путешествовавшим по Тайваню. Таким обра-
зом, рассказ Такитока сохранился в двух редакциях — немецкой и
английской³².

Такиток попал к диарамокам в связи с его попыткой создать союз
всех тайваньских туземных племен против империи Цин. В качестве
возможных союзников Такиток решил привлечь диарамоков. Вождь
диарамоков пригласил Такитока в гости и принял его с большим поче-
том. Во время пира Такиток похвалил одного из его сыновей. Тогда,
по словам Такитока, гостеприимный хозяин заявил, что отдает вождю
пайванов самое дорогое и перерезал мальчику гсрло, чтобы угостить
своего союзника кровью и мясом ребенка. Хотя сам Такиток, охотник
за головами, не был, по словам Фишера, «салонным львом», ему стало
плохо и он бежал обратно, не разбирая дороги³³. Тэйлор отнесся к рас-

²³ Там же, с. 264. См. также: Арабские источники X—XII вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары/Сост. Матвеев В. В., Куббель Л. Е. М.—Л.: Наука, 1965, с. 307.

²⁴ Китай.

²⁵ Южно-Китайское море. [Далее пропуск в тексте оригинала. *Ред.*].

²⁶ Шибр — 22,5 см.

²⁷ Арабские источники VII—X вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары/Сост. Куббель Л. Е., Матвеев В. В. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 75.

²⁸ История династии Мин. Т. 98, цз. 325. Шанхай, 1936, с. 2303 (на кит. яз.).

²⁹ Дополнение к описанию Тайваньского уезда, 6/м, 1806, цз. 1, с. 46 (на кит. яз.).

³⁰ Teylor G. Aborigines of Formosa.— China Rev., 1886, V. XIV, p. 286.

³¹ Ibid. p. 286—287; Fischer A. Streifzüge durch Formosa. B., 1900, 346—347.

³² Fischer A. Op. cit., p. 347.

сказу Такитока скептически, но не сомневался в том, что диарамоки — каннибалы и характеризовал их как «жестокую расу»³³. Сообщение Тэйлора, не подкрепленное, к сожалению, личными наблюдениями, является еще одним свидетельством о существовании негритосов на Тайване.

Наряду с перечисленными выше известиями китайских, арабских и европейских авторов о существовании на Тайване негритосов говорит и фольклорный материал. Первыми обратили внимание на предания туземцев Тайваня о негритосах М. Ино, издавший работу «Аборигены Тайваня в представлении японцев», и Р. Торри, опубликовавший ряд статей по той же тематике. В преданиях гаошань рассказывается об их борьбе с пигмеями и дается характеристика последних, почти полностью совпадающая с описанием китайцев³⁴.

Этими же сюжетами интересовался и китайский этнограф Лин Чуньшэн, собиравший предания цоу, пайванов и сайсят о чернокожих пигмеях. Так, цоу рассказывали, что «в старину в северной части Юй-шаньских гор жили карлики, они обитали в пещерах, ходили на детей, лазали по деревьям, были очень сильными, пользовались ножами и копьями. Как говорят, они много раз воевали с жителями дер. Шуй-шэ. Куда после этого подевались, людям неизвестно»³⁵. Пайваны из селения Нэйвэнь говорили, что «в старину здесь жили карлики ростом в два-три чи, однако очень сильные. Наши люди видели, как их женщины обнажают груди и кормят детей. Когда-то наши встречали их постоянно. Жили они в прибрежных горах около Тайдуна, а затем перешли в горы Чжунъяньшань. Неоднократно нападали на наше селение Малимо, а потом ушли на юго-запад в сторону Хэньчунь»³⁶. Среди сайсят было распространено предание о встрече группы молодых воинов с женщиной-пигмейкой, которая, увидев их, бежала в горы. Сайсаты утверждали, что она была ростом не более трех-четырех чи и за спиной у нее висел ребенок³⁷.

Из изложенного видно, что предания о негритосах были распространены среди различных туземных племен Тайваня. Причем во всех этих преданиях говорится о самых характерных чертах внешнего облика негритосов.

Таким образом, археологические и исторические источники, а также фольклорные материалы свидетельствуют, что негритосы действительно обитали на Тайване.

Однако имеющиеся данные настолько лаконичны и отрывочны, что воссоздать картину жизни негритосов Тайваня очень сложно. Во-первых, о них до сих пор нет, к сожалению, точных антропологических данных. Обнаруживший каменные гробы У Жэньхэ ничего не сообщает о скелетах, очевидно не сохранившихся. Во-вторых, нет определенных данных о районах расселения негритосов. Поскольку предания о пигмеях сохранились у гаошаньских племен, проживающих в различных районах Тайваня, можно предположить, что негритосы заселяли весь остров. Под давлением аустронезийских переселенцев, а позднее китайцев они отошли в горы и джунгли, где и продержались до 70-х годов прошлого века. Непосильная борьба с врагами и крайне трудные условия существования способствовали их уничтожению. До сих пор нет единого мнения о месте обитания последних негритосов. У Жэньхэ на основании раскопок в Таймали полагает, что они проживали в южной части хребта Чжунъяньшань и были истреблены мигрировавшими туда айванами³⁸. Антрополог Чжай Канчэн, исходя из анализа письменных источников, полагает, что последние негритосы обитали на западных

³³ Teylor G. Op. cit., p. 286.

³⁴ Выдержки из статей Ино М. и Торри Р. были опубликованы Н. П. Мацокиным. И. Мацокин Н. П. К этнографии о. Формозы. — Вестн. Азии, 1914, № 31—32, с. 50—51.

³⁵ Лин Чуньшэн. Указ. раб., с. 260—261.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, с. 261.

³⁸ У Жэньхэ. Указ. раб., с. 79

отрогах Чжунаньшаня, т. е. значительно севернее Таймали³⁹. В-третьих, не ясно, можно ли считать такие памятники материальной культуры, как уже упоминавшиеся дольмены и обнаруженные японским археологом Э. Канеко погребальные урны, принадлежностью негритосов⁴⁰. Хотя Кано Тадао и уверен, что это так, известно, что и дольмены, и погребальные урны характерны для железного, а не для каменного века⁴¹.

И все же, несмотря на крайнюю скудость источников, можно, правда, гипотетически, попытаться охарактеризовать отдельные стороны жизни тайваньских негритосов. Упоминавшиеся У Жэньхэ каменные орудия, напоминающие мотыги, утварь, остатки керамики, зерна свидетельствуют в пользу существования у них примитивного земледелия. В цитированных записях Дин Шаои говорилось, что негритосы «прекрасно стреляют [из луков]». Чжэн Кайчэн утверждает, что они были хорошими охотниками, воинами, пловцами⁴². Следовательно, негритосы занимались не только земледелием, но и охотой. Предположительно можно сказать и о некоторых антропологических особенностях негритосов. Так, американский путешественник Д. Стир обратил внимание на необычную форму ног у гаошаньского племени бунун, сохранившего явно негроидные признаки. «У них, — пишет Д. Стир, — ярко выраженное плоскостопие. Свод стопы почти незаметен, тогда как пальцы ног очень вытянуты, а большой палец поворачивается к пятке так, что образует с ней почти прямой угол»⁴³. Это позволяло бунун удивительно ловко и быстро двигаться по деревьям. То же самое отмечали у негритосов Ли Пиюй и Дин Шаои.

О жилищах негритосов у нас есть только письменное свидетельство Ли Пиюя, сравнивавшего их жилье с норами. У Жэньхэ упоминал об обнаруженных им стенах жилищ, которых считал негритосскими. Возможно, Д. Стир видел подобные дома у бунун: «Дома врыты в землю. Стены из тяжелых камней высотой в два-три фута, крытые травой. Окон нет. Вход через дверь. Один дом для двух семей»⁴⁴. Вероятно, такого типа жилища восходят к земляным «норам»⁴⁵.

О других сторонах материальной культуры тайваньских австралондов судить трудно. Почти нет данных и об их социальной организации.

Хотя часть письменных источников утверждает, что негритосы жили замкнуто, нельзя все же полностью отвергать возможность их связей с другими островитянами — гаошань и китайцами. Уже упоминавшийся рассказ Такитока свидетельствует о том, что при всей изоляции негритосы имели какое-то общение с внешним миром.

Естественно поэтому предположить, что когда предки современных гаошань появились на Тайване, здесь происходил тот же процесс ассимиляции австралондов южными монголоидами, какой имел место во всей Юго-Восточной Азии. Об этом говорит антропологический материал⁴⁶. Не случайно известный немецкий антрополог Эгон фон Эйк

³⁹ *Cheng Kang Chai*. Op. cit., p. 33.

⁴⁰ Подобные урны были найдены Э. Канеко на о. Кюсю, архипелаге Рюкю, Филиппинах и в Южном Китае. См.: *Kaneko E. A review of Yayoi period burial practices—Asian Perspectives*, 1964, v. IX, p. 2—14.

⁴¹ *Мешков К. Ю.* Указ. раб., с. 68—69; *Маретина С. А.* О культе камней у нага-В кн.: *Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии*. М.: Наука, 1970, с. 175—188; *Чеснов Я. В.* Историческая этнография стран Индокитая. М.: Наука, 1976, с. 210—247.

⁴² *Chen Kang Chai*. Op. cit., p. 33.

⁴³ *Steere J. B.* Formosa. J. Amer. Geograph. Soc., N. Y., 1874, v. VI, p. 307.

⁴⁴ *Steere J. B.* Op. cit., p. 307.

⁴⁵ Возможно, японцы связывали подобный тип жилищ с низкорослым мифическим народом коропоктуру или тойсекуру (по-айнски жители пещер или живущие под землей), либо с айнами. См. *Иофан Н. А.* Культура древней Японии. М.: Наука, 1974, с. 102; Толковый словарь «Сад слов». Токио, 1979, с. 811 (на яп. яз.); Толковый словарь «Море слов». Т. 2. Токио, 1979, с. 498 (на яп. яз.).

⁴⁶ *Рогинский Я. Я.* О происхождении полинезийцев (по антропологическим данным). — В кн.: *Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии*. М.: Наука, 1968, с. 26; *Чебоксаров Н. Н.* Этническая антропология Китая. М.: Наука, 1982, с. 52.

Ледт утверждал, что веддоиды оказали влияние на формирование антропологического типа индонезийцев Тайваня⁴⁷. Данная точка зрения подтверждается работами его китайских и японских коллег, обнаруживших австралоидные признаки у гаошань, особенно ярко выраженные у самых низкорослых и темнокожих бунун⁴⁸.

Надо полагать, что дальнейшие археологические и антропологические исследования на Тайване помогут воссоздать более полную картину истории его заселения и роль негритосов в этом процессе.

Известно, что негроиды сыграли свою роль не только в антропогенезе индонезийцев и китайцев, но также японцев. См.: *Левин М. Г. Этническая антропология Японии*. Наука, 1971, с. 136—139.

⁴⁷ *Eikstedt E. D. Rassendynamik von Ostasien, China, Japan, Tai und Khmer. В., 1941, S. 420.*

⁴⁸ *Chen Kang Chai. Ibid., p. 78; Изучение генеалогии аборигенов Тайваня. Т. 1. Токио, 1935, с. 370—389 (на яп. яз.).*

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

РИСУЮТ ДЕТИ РАЗНЫХ НАРОДОВ

В последние десятилетия заметно расширяется интерес широких кругов общественности всех стран к художественному творчеству детей, прежде всего к детским рисункам. Национальные и международные выставки, проходящие в разных странах, обнаруживают удивительное многообразие форм эстетического осмысления юными художниками окружающего их мира и его проблем. Несомненно, что такие формы складываются в сознании детей как результат воздействия на него многих факторов, среди которых одно из главных мест занимает этническая культурная традиция. Понятно, поэтому, желание попытаться использовать детские рисунки как источник для выявления специфики этнической психологии того или иного народа. Возможные подходы к решению этой задачи рассматривает недавно скончавшийся крупный советский географ В. В. Покшишевский. В то же время очевидно, что такое решение сопряжено с немалыми трудностями и могло бы быть достигнуто лишь при весьма строгих ограничениях в процедуре исследования. Этим ограничениям и посвящена, главным образом, печатаемая одновременно с работой В. В. Покшишевского статья М. В. Осориной.

Публикуя эти статьи, редакция стремится, с одной стороны, показать проблему использования детских рисунков в качестве источника по этнической психологии во всей ее сложности, а с другой — привлечь внимание специалистов разных дисциплин к этой проблеме, несомненно, представляющей немалый научный интерес.

Редакция

В. В. Покшишевский

Я очень люблю бывать на выставках детских рисунков. Глаза разбегаются от многообразия сюжетов, дерзости неумелых еще штрихов вольного понимания законов перспективы (или чаще попросту неприятия ее вовсе), от пестроты красок и смелости фантазии. И сколько во всем этом калейдоскопе творческих исканий, жизнелюбия, потребность радостно овладеть окружающим миром и выявить самого себя...

Но особенно интересны, конечно, международные выставки детских рисунков. Они не раз устраивались в Москве¹. Их организации предшествует невидимая посетителю, но всегда грандиозная по объему работа: отбор из десятков тысяч присланных рисунков того ограниченного числа, которое должно представить наиболее достойным и при том характерным образом детское рисовальное творчество многих стран мира.

Переходя из зала в зал, от одного стенда к другому, всегда поражаешься разнообразию восприятия мира детьми разных народов и постепенно начинаешь ощущать в этом разнообразии определенные, устойчи-

¹ В последние годы их в Москве было четыре: в 1966 г. (под девизом «Моя страна мой дом»), в 1969, в 1976 и в 1980 гг. (все три под повторявшимся девизом «Я вижу мир»). На выпускавшиеся к этим выставкам издания я буду в этих заметках ссылаться при этом я ограничусь лишь теми каталогами и альбомами, в которых имеются цветные иллюстрации, с тем чтобы читатель мог, обращаясь к ним, проверить мои впечатления и наблюдения.

пропеживаемые тенденции.

Различия в видении мира детьми разных народов, о специфике психического склада которых этнографы охотно говорят (но говорят по большей части туманно и как бы смущенно), — не могут ли они стать для нас изюминками для уяснения или для характеристики этой специфики? Примем это как гипотезу, помогающую осмыслить многоликость детских рисунков. А вдруг эта гипотеза поможет нам подобраться хотя бы к подножию тайны психического склада? Ведь рисунки детей по своей искренности и непосредственности словно прямо ведут нас к «генам раса»...

Выдвигая эту гипотезу-догадку, я отдаю себе отчет в том, что не являюсь специалистом и выступаю в данном случае как дилетант. Но кто специалист в этническом истолковании детского рисовального творчества? Наверное, их еще нет. Вряд ли о детских рисунках как источнике этнографических характеристик различных народов² вправе судить искусствоведы и художники, которые оценивают детские рисунки, отбираемые для выставок; их преимущество передо мной лишь в том, что они видят не сотни, а десятки тысяч рисунков, в том, что могут всматриваться в каждый из них, в то время как я бегло рассматриваю немного (все же сотни и сотни!) рисунков, переходя от стены к стене.

Чтобы сделать свою гипотезу более предметной, приведу несколько примеров отраженного в рисунках разного видения мира детьми разных народов.

К сожалению, журнал, в котором я, печатая эту статью, пытаюсь запересовать детскими рисунками этнографов, может воспроизвести лишь ограниченное число иллюстраций, к тому же нет возможности дать и эти примеры-иллюстрации в цвете, а колористические различия особенно характерны для детского рисовального творчества, о чем я еще раз буду говорить. Поэтому мне придется в ряде случаев описывать красочно особенности рисунков — в надежде вызвать желание посмотреть хотя бы на некоторые опубликованные (в цвете!) репродукции в юбилейных каталогах или альбомах.

Вот рисунки французских детей. Для них типичны какая-то пронзительная чистота красок, цветовая четкость; она часто подчеркивается контурностью каждого красочного пятна темной (иногда, наоборот, белой) каймой. Это и в натюрмортных набросках, и в жанровых поисках, и в портрете³. Сам рисунок тоже выделяется четкостью очертаний; образах, воспроизводимых на бумаге, хочется сказать, что они разжигают. Все очень «прорисовано» и одновременно прозрачно; линии смелы. Словом, тут с большой силой царит «острый галльский стиль», так гениально отмеченный Блоком.

Случаен ли такой характер рисунков, есть ли в нем что-то, восходящее к тому неуловимому, но такому заманчивому для каждого этнографа магниту, который мы туманно обозначаем термином «психический склад»?

Мне хочется здесь привести характеристику психического склада, данную устами одного из героев произведения такого вдумчивого наблюдателя, как талантливый английский писатель Голсуорси: «Вот французская культура в чистом виде: быстрота восприятия, остроумие, удолбие, эстетизм, но не эмоциональный, а интеллектуальный, отсутствие юмора, условная, чисто внешняя сентиментальность, склонность к стяжательству, ... чувство формы, неоригинальность, четкое, но чуждое мировоззрение, никакой мечтательности, темперамент пылкий, но

Вообще-то детством этнографы занимаются довольно активно. Напомним здесь, например, о вышедшей недавно монографии: Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М.: Наука,

Я вижу мир. М., 1969, с. 29 («Птица», рис. Ж. Анни, 7 лет); Надеждина Н., Каган Е. Моя страна, мой дом. М., 1968, с. 88 («Портрет ученого», рис. П. Л. Лаллана, 7 лет); Бер А. Б. Моя страна, мой дом. Л., 1970 («У пруда», рис. Л. Жана, 6 лет; там же «У воды», рис. С. Молатерра, 9 лет), и др.

Рис. 1. Птица. Жакэ Анни, 7 лет, Франция («Я вижу мир», 1969)

легко подавляемый. Весь облик — гармоничный, с отчетливыми грами»⁴. Оставляя узость мировоззрения, неоригинальность и, разумеется, склонность к стяжательству на совести Голсуорси (а может быть, лишь его литературного персонажа), думаю, что остальные черты подмечены зорко. Не их ли мы видим и в рисунках французских детей?

Как непохоже на эти рисунки детское творчество африканских народов! Отличия опять-таки прежде всего в цветовом восприятии мира. Дети бантуязычных народов практически почти всегда предпочитают темносмешанные тона, с некоторой мутностью. Фигуры даны так же, как бы расплывчато⁵. Позвольте, да неужели в этом есть отголоски проявления африканского «синкретического» мировосприятия, а то и тех черт, о которых иные зарубежные этнографы и этнопсихологи любят рассуждать в категориях пресловутого «негритюда»?

А пока возьмем на заметку, что для детского рисовального творчества многих народов, обитающих в жарких климатических поясах, характерно тяготение к темным тонам. Затененные пространства привлекают их больше, чем открытый пленер. Это прослеживается в рисунках не только детей африканских народов, но и детей Шри Ланки, Индии.

Одна из особенностей рисунков детей народов Индии — очень «воющее» обращение с изображением цвета человеческого тела, в частности лиц воспроизводимых персонажей. В этом можно, наверное, видеть традиционное, восходящее к тысячелетней «многорасовости» народов Индостана ощущение того, что цвет кожи у людей может оказаться как угодно разным, если он и на рисунке окажется неожиданным — фиолетовым, зеленым или каким-либо иным⁷. Традиция расовой толерантности, характерная для народного мировоззрения многонациональной Индии, это, поистине живого «этнографического музея», не смогла не отразить

⁴ Голсуорси Дж. Конец главы/Пер. Корнеева Ю. и Мелковой П. Л., 1960, с. 10.

⁵ См., например, Бер А. Б. Указ. раб., (рисунки из Уганды — «На водопое», Д. Вавса, 11 лет; «По дороге домой», Ф. М. Одоо, 16 лет; из Кении — «Ритуальный танец», К. Джигухи, 10 лет); Я вижу мир, 1969 (рисунок из Замбии «Слоны», Н. Чо и др.).

⁶ Например, Бер А. Б. Указ. раб. (рисунки из Индии — «Крестьянки», М. Санга, 14 лет, «Невеста», И. Паригх, 8 лет; из Шри Ланки — «В лес за дровами», Р. П. Арадаса, 10 лет, «Продавец рыбы», У. П. Ратнасири, 12 лет, «Моя учительница», М. Гуана, 11 лет, и др.).

⁷ Изображение тела (и лиц) людей разными цветами (в том числе и совершенно неадекватными натуре: зеленым, синим и т. д.) мы часто встречаем и во «взрослой» народной живописи Индии (не есть ли это отголосок фантастической росписи индуистских божеств?).

Рис. 2. На водопое. Васва Джейм Аполо, 11 лет, Уганда («Моя страна — мой дом», 1970)

детском сознании, не воплотиться в дерзко-разноцветных лицах перажей индийских детей.

А вот рисунки, присланные детьми Кипра. Здесь в глаза бросаетсякая-то склонность к миниатюризациии: прорисовка деталей, причеминка на ожерельях, каждаяишько в вышивке изобрааемой скатерти...⁸. Совсемкрупных мазков, смелыхиий; все словно соответствуетдробности природных ильтурных микроландшафтов,орые зрительно ощущаютсяамих пейзажах страны, в хатере расселения, в маленьземельных участках, перероженных мозаикой сложениз камней оград.

Рис. 3. Слоны. Чола Нетсон, Замбия («Я вижу мир», 1969)

Что же определяет характерные черты детских рисунков:

иственные гены этнически однородной популяции, или природноеужение, или социально-бытовая среда? Может быть, все эти факто(а еще и другие) вместе, притом обязательно в своей историческойредованности? Механизмы, обуславливающие этнические особенностдетского рисовального творчества, станут понятнее, вероятно, лишьюде и в результате длительного и достаточно массового конкретногочения детских рисунков.

Позже я вернусь к тому, что именно, по моему мнению, следует эттрафам изучать в первую очередь в детских рисунках. Но предвариьно мне представляется важным отметить, что следует по возможноисключить в ходе этого изучения.

В ряде случаев детские рисунки могут представлять собой подража«взрослому» художественному творчеству, в частности отражатьые в данное время художественные стили. В этих случаях детские

Бер А. Б. Указ. раб. (рисунки детей Кипра — «Ваза с цветами», Д. Деспо, 9 лет; аж», Х. Христофис, 14 лет; «Портрет», М. Григориу, 10 лет); Надеждина Н. Да ствует солнце! М., 1977, с. 51 («Жених и невеста танцуют», А. Эротикриту, 11 лет, других).

Рис. 4. Продавец рыбы. Ратнасири У. П., 12 лет, Шри Ланка («Моя страна — мой дом», 1970)

рисунки утрачивают ту непосредственность мировосприятия, который имел в виду, например, выдающийся русский психиатр В. М. Бехтерев, когда он писал: «Детское творчество дает возможность иметь объективные данные для суждения взрослых о детском мире». Этнографу важен именно этот мир в его первичном, непосредственном отражении.

Подражание творчеству взрослых особенно снижает показательность рисунка ребенка, если последний испытывает прямой «социальный заказ», идущий от родителей или воспитателей, — нарисовать именно то и именно таким образом. Здесь этническая специфика восприятия ребенком окружающего мира может быть настолько искажена, что рисунок вовсе утрачивает свое значение как источник суждений о психическом складе, характерном для этноса.

Поэтому очень важно знать пути сбора рисунков, попадающих в поле внимания изучающего их этнографа.

Тем из этнографов, которые пожелают заинтересоваться детским рисовальным творчеством разных народов, необходимо, разумеется, стараться также от возраста и личной одаренности тех юных художников, работы которых будут изучаться. Вернее, возрастные особенности и развитость автора рисунка должны приниматься во внимание, так, чтобы это не заслоняло этнической специфичности отраженного в рисунке восприятия окружающего.

На характер рисунков может оказать известное влияние также этническая оснащенность (краски, качество бумаги и т. п.); от этих бы привходящих моментов следует научиться отвлекаться.

Наконец, если речь идет о международных выставках детского рисунка, всегда существенна сама организация получения присылаемых рисунков, порядок их сбора: осуществляется ли он через национальные конкурсы, какие критерии при этом принимаются во внимание и т. п. Важно, чтобы при прохождении через отбор (осуществляемый взрослыми организаторами выставки, обычно не задумывающимися об этнических аспектах избираемого для экспозиции материала) была сохранена достаточная типичность рисунков детей каждого народа.

Массовость материала, под-
 ергающегося изучению, — ос-
 новная предпосылка для того,
 чтобы оно было успешным; при
 том, разумеется, действительно
 требуется применение сравни-
 тельных методов. Здесь, как
 всегда, в работе этнографа дей-
 ствителен афоризм о том, что,
 зная один народ, этнограф не
 знает ни одного.

Какие аспекты подлежат в
 первую очередь исследованию
 детского рисовального творче-
 ства? Я попробовал тут сфор-
 мулировать, так сказать, пози-
 тивные требования, и вот ка-
 кие стороны мне представля-
 ются наиболее существенными.

1. Колористика. Цвето-
 вые восприятия изображаемых
 предметов, людей, животных
 и т. п. является, по моему мне-
 нию, очень важной стороной,
 едва ли не вплотную подводя-
 щей нас к загадкам психиче-
 ского склада, свойственного
 этносу. Я хочу обратить особое внимание на то, что стремление ребен-
 ка к тем или иным краскам и их сочетаниям (если он может при нали-
 чии у него достаточного набора красок свободно их выбирать) как бы
 «первично» — оно непосредственно исходит из видения им мира, а еще
 точнее — из желания видеть его именно в тех цветах, которые были из-
 браны в процессе рисования.

2. Рисунок. Характер штриха — его смелость или вялость, уверен-
 ность или робость, степень обстоятельности прорисовки — отражают не
 только личную одаренность рисующего, но в известной мере его миро-
 восприятие, например умение обобщать, выделять главные черты, склон-
 ность к абстрагированию. Естественно, что судить обо всем этом можно
 только при достаточной массовости наблюдений детского рисовального
 творчества (и при соблюдении отмеченного выше отвлечения от возраст-
 ных особенностей). Характер рисунка может подсказать нам наличие в
 этнических особенностях психического склада таких черт, как мягкость,
 вера в собственную фантазию, упрямство и пр.

3. Композиция. Я подразумеваю здесь такие обобщенные осо-
 бенности в рисунках детей, как склонность к нарочитой симметрии или
 стремление подчеркнуть (например, расположением в центре) значение
 какого-либо предмета или фигуры, которые автор рисунка воспринимает
 как главные. Трудно сформулировать априорно, какие именно этни-
 ческие черты психического склада могут получить отражение в тех или
 иных особенностях композиции (быть может, такие, как тяготение к
 упорядоченности или свобода фантазии), но, думается, достаточно мас-
 совое изучение детских рисунков могло бы дать немало интересного для
 этнографа.

4. Исторические и социальные традиции и их проявление
 в выборе сюжетов для рисунков. Если близкие к ним по времени
 события, занимающие детей (вроде полетов в космос), не могут рас-
 сматриваться как предпосылки для формирования этнически специфич-
 ного психического склада⁹, то длительно, веками существовавшие ис-

Рис. 5. Ваза с цветами. Деспо Демостенус,
 9 лет, Кипр («Моя страна — мой дом», 1970)

⁹ В качестве другого примера: среди рисунков детей Югославии очень распростра-
 ны сюжеты, посвященные партизанам периода второй мировой войны, оплакиванию

торические ситуации (даже если они имели место давно), несомненно, способствуют складыванию определенной окраски этнической психологии. Эта окраска может проявляться в том или ином представлении богатырских подвигов, о символах счастливых судеб людей; иногда и привязанность к каким-нибудь элементам природного окружения (любовь к горам, идеализация великой реки — «матери народа» и пр.). Сюжеты рисунков, как бы продиктованные историческими традициями, могут определить выбор в качестве темы рисунка сказочных героев; а сказка — это вообще исстари «законное владение этнографией», ее один, на этот раз уже традиционный ключик к тайнам психического склада.

На изложении этих предположений о наиболее, как представляется, эффективных путях поисков можно в сущности закончить призыв к этнографам изучать детское рисовальное творчество у разных народов.

Но у читателя может возникнуть недоуменный вопрос: почему, опираясь на примеры рисунков, попавших к ним из Индии и Франции, Кении и Кипра, из Шри Ланки и Югославии, автор обошел рисунки детей из СССР? Ведь эти рисунки у каждого из нас, что называется, под рукой, да и выставок рисунков советских детей не перечесть, организовываются они часто, в то время как международные выставки — событие сравнительно редкое, а цветные репродукции этих рисунков, которые могли бы стать предметом изучения, вообще фиксируют лишь малую часть того, что на таких выставках экспонируется.

Ответ на этот вопрос заключается в том, что наша страна очень многонациональна и живет в атмосфере интернационалистического мировоззрения. Рисунки советских детей отразили бы особенности восприятия мира не одного народа, а множества этнических общностей. Интернационализм общественного сознания охватывает ребят с самого раннего, еще «детсадовского» возраста. Таким образом, этнические особенности детского мировосприятия могут оказаться (и оказываются!) как бы смазанными — они формируются в условиях глубокого проникновения в сознание всех народов СССР общесоветских черт. Соответственно, рисунки детей из русских, армянских, якутских, татарских, литовских, молдавских и всех других семей будут в своей основе — в сюжетах, в композиции, в цветовых характеристиках — во многом схожими.

Но быть может, как раз это и интересно? Быть может, этнопсихические особенности детского творчества всех народов СССР заслуживают специального внимания, ибо не они ли показывают ход формирования психического склада новой исторической общности — советского народа?

Этим вопросом я и хочу закончить свои размышления над детскими рисунками как одним из возможных источников познания некоторых сторон этноса.

их гибели матерями. См., например, *Надеждина Н., Каменева Е.* Указ. раб. («Илечать о погибшем», рис. Я. Оржулич, 12 лет); *Надеждина Н.* Да здравствует солнце! М., 1977, с. 66 («Похороны партизан», рис. М. Урошевич, 13 лет, и др.). Это те исторически проходящие сюжеты, которые не могут при всей их значительности сформировать этнически специфичный психический склад.

М. В. Осорина

Проблема, поставленная в статье В. В. Покшишевского, выглядит очень привлекательно. Что может быть заманчивее: использовать такой малоисследованный этнографами источник, как рисунки детей разных стран, для поисков новых ключей к тайнам психического склада их народов? А вдруг, действительно, в наивном творчестве детей этнические особенности видения мира и формы самовыражения «души народа» проявляются откровеннее, чем происходит это у взрослых?

Надо сказать, что археологи, историки искусства, этнографы, психологи и психиатры часто обращались к изобразительному творчеству

детей, пытаясь найти там аналоги исторически далеким фазам развития взрослого сознания¹ или материал для объяснения некоторых явлений мира взрослых. Даже автор первой книги о детском рисунке (1889 г.) пальянец Корrado Риччи² вначале интересовался не столько детьми, сколько «примитивными» особенностями их рисунков как источником понимания изображений первобытных людей, так как сам К. Риччи был археологом.

В этнокультурных исследованиях рисуночные методики стали использоваться давно. Представителей местного населения, взрослых и детей, просили обычно делать рисунки на несколько стандартных тем: человек в статике и в движении; животные (домашние и дикие); дом, окруженный забором; озеро, окруженное деревьями³, и т. п. Из этих рисунков можно было получить представление об общем стиле рисования, о том, какие детали выделяются как важнейшие, каким образом графически передается движение, пространственные отношения, третье измерение, отражение которых в рисунке всегда условно и культурно опосредовано.

Для XX в. вообще характерен интерес к использованию «наивных» рисунков непрофессионалов для различных исследовательских целей. В методическом плане особенно много было сделано психологами, посылку рисуночные тесты для детей и взрослых применяются ими очень широко. Тестом «Нарисуй человека»⁴ с 1926 г. пользуются для определения уровня умственного развития ребенка. Шкала из 51 признака для оценки рисунков основана на том, что существуют качественные различия между рисунками детей разных возрастов по множеству содержательных (сюжет, отбор существенных и несущественных деталей и т. п.) и формальных (ориентация изображения на листе, композиционное решение, использование цвета, отражение пространства, времени, движения и т. п.) признаков.

Свойство рисунка нести в себе закодированную в линиях, формах, композиции, цвете и т. д. информацию о личности рисовальщика было использовано для создания проективных личностных рисуночных тестов («Дом — Дерево — Человек» и т. п.).

Интересные методы анализа и оценки свободных рисунков разработаны в медицинской психологии и психиатрии.

Самое трудное в работе с рисунками то, что они оказываются сложной результирующей множества влияющих факторов. Как материал для исследования, например этнопсихологического, они внешне привлекают своей обманчивой доступностью; наглядностью: посмотрел и увидел. На этом деле обнаруживается, что неизвестно, на что надо смотреть, как трактовать и насколько это будет объективно.

Попробуем рассмотреть те ограничения, которые обязательно нужно учитывать при работе с детскими рисунками как этнопсихологическим материалом.

Важнейшим, стержневым фактором, опосредующим любой вид детского творчества, будь то детский рисунок или, например, детский фольклор, является возраст. Дети разных возрастов будут по-разному, но существенно отличаться от любого взрослого, к каким бы культурам они принадлежали, а их рисунки несут на себе отчетливую печать возраста авторов.

Возрастной фактор является базовым для детского рисования, и при анализе рисунков отвлечься от него никак нельзя. Наоборот, в этнокультурном изучении детского рисунка он может быть чрезвычайно важен в связи с исследованием времени начала интенсивных влияний, обусловленных культурным обучением.

¹ Бакушинский А. В. Художественное творчество и воспитание. М., 1925.

² Риччи К. Дети — художники. М., 1911.

³ Баранова Т. Материалы по развитию рисунка у юношества и взрослых. Ташкент, 1929.

⁴ Goodenough F. Measurement of Intelligence by Drawings. Chicago, 1926.

К проблеме возрастных фаз в рисунках детей коренных народов Сибири, не имевших изобразительного опыта вплоть до 7—10 лет, можно найти интересный материал в старой книжке П. Ф. Требуховского. Впервые получив в руки карандаш и бумагу, эти дети начали с черканья, т. е. с каракулей, обычно характерных для детей до 3 лет. В течение одной-двух недель дети много рисовали и с необыкновенной скоростью в несколько дней прошли раннедетские фазы развития рисунка, достигнув, по мнению Требуховского, уровня своего возраста.

В детских рисунках сказывается и фактор пола, который достаточно отчетливо проявляется в содержательных и формальных сторонах рисунков мальчиков и девочек.

Ярко видны в рисунках индивидуальные особенности детей (уровень интеллекта, креативность, темперамент, личностные свойства и т. п.).

Любой изобразительный язык имеет определенные правила построения изображения, правила того, как будут отображены различные свойства окружающего мира. Особенностью рисунка как миметического знака является то, что некоторые пространственные и цветоцветовые параметры изображаемых объектов могут быть переданы в рисунке непосредственно, подобно тому как они выглядят в реальности (например, форма, соотношение частей, иногда — величина, цвет). В то же время другие характеристики окружающего мира передаются в рисунке только условно, т. е. кодируются. Например, из-за двумерности плоского рисунка в нем принципиально невозможно прямо изобразить третье измерение, глубину. Поэтому если рисовальщик хочет это сделать, он вынужден обозначать глубину условно, например при помощи системы обратной (как бывает в детских рисунках, на иконах и т. п.) или прямой перспективы, утвердившейся в европейской живописи во времена Возрождения.

Также невозможно непосредственно изобразить движение, так как рисунок запечатлевает только его момент, текущее время, что вынуждало маленьких и взрослых рисовальщиков всех времен прибегать к условным приемам (например, рисовать на одном листе разные стадии одного события и т. п.).

Часто рисовальщик ограничен размерами имеющейся поверхности, должен делать на рисунке масштабные сокращения величин изображаемых объектов, что дает возможность что-то преувеличить, а что-то уменьшить. Также можно сделать рисунок ахроматическим или цветным и при этом передать окраску предметов реалистично или же дать цвету символическую нагрузку.

Таким образом, необходимость условности при передаче в рисунке некоторых важных свойств окружающего мира дает рисовальщику достаточно много степеней свободы и возможность выбора разных вариантов решения изобразительных задач.

Для того чтобы рисунок был правильно воспринят и понят, зритель должен знать правила чтения такого изображения. Например, ребенок хочет показать, что лошадь скачет, и рисует много ног. Зритель должен догадаться, что это способ показать быстроту движения, мелькание ног, а не свидетельство глупости ребенка и его неспособности считать.

Правила построения изображения и правила его чтения различны у детей разного возраста. Уже давно было замечено, что дети гораздо лучше понимают, что изображено на рисунках их сверстников, чем недогадливые старшие братья и сестры и тем более взрослые, у которых правила построения и чтения изображения совсем другие.

Эти правила у взрослых имеют заметные культурные различия. Этнографы и этнопсихологи столкнулись с этим фактором, когда обнаружили, что представители неевропейских культур плохо понимают, а вообще не понимают реалистических рисунков и фотографий: вертят в руках и не могут различить, где небо, а где земля, не узнают на фотографиях людей, воспринимая фотоизображения как странные пятна и линии.

⁵ Требуховский П. Ф. Детский рисунок туземных народов Сибири. Иркутск, 1914

Результаты большого числа экспериментальных исследований восприятия рисунков представителями разных культур показали, что люди, знакомые с возможностью изображать предметы на бумаге, способны узнать их на рисунках в случае, если в этих изображениях не были использованы условные приемы (например, перспективные сокращения)⁶. Причем главным фактором, определяющим способ восприятия изображений (например, как двумерные или трехмерные), было не формальное школьное образование, а наличие или отсутствие навыков рассматривания картинок, т. е. умения читать изображения, построенные по европейским правилам. Таким образом, кажущееся естественным для европейца — посмотрел и понял — оказывается зашифрованным для представителей иной культуры.

Та же проблема встает и перед европейцем, когда он сталкивается с изображениями, язык которых он не понимает. На отечественном материале яркий пример можно найти в уже упомянутой работе Т. Барановой. В 1920-е годы она собирала рисунки на заданные темы у неграмотных женщин-узбечек разного возраста из отдаленных кишлаков. Рисунки многих женщин поражали своей необычностью. Если бы так рисовали европейцы, то их признали бы психически больными или умственно отсталыми.

Например, фигура человека была нарисована в виде стебля, от которого сверху донизу парами отходили веточки. Ягодка наверху обозначала шапку, пара веточек ниже, с утолщениями на концах, обозначала глаза, ниже располагались веточки-брови, еще ниже два листика — рот, две большие веточки — руки и т. д. Не было головы, тела... Рисунок оказался похожим на растение, ветки которого символизировали несколько беспорядочный перечень важнейших частей человеческой фигуры.

Исследовательница обнаружила, что странные рисунки легко понимают и объясняют ей другие узбечки, хотя они же не смогли «прочитать», что на фотографиях в привезенном журнале изображены люди. Однако скоро выяснилось, что эти женщины всю жизнь рисовали узоры для ковров и ткали. Новую для них тему — человека — они выразили на привычном и понятном для них изобразительном языке ковровых орнаментов, который не умела читать исследовательница.

Примеров культурной специфики изобразительных систем можно набрать бесконечно много. На уровне большого искусства мы сталкиваемся с той же проблемой, когда встречаемся с живописной традицией, основанной на иных, чем привычные нам, принципах, — например, с китайской или японской живописью.

Культура, в которой воспитывается ребенок, опосредует «естественные» факторы развития детского изобразительного языка.

На первое место по важности влияния большинства исследователей ставит не систему школьного обучения, а зрительный и познавательный опыт, получаемый непрерывно на протяжении детства при рассмотрении распространенных в данной культуре изображений: настенных росписей, рисунков и орнаментов на бытовых предметах, иллюстраций в книгах и журналах, реклам, фильмов и т. п.⁷

Средства массовых коммуникаций сейчас приводят к агрессивному вторжению европейского изобразительного языка в традиционные культуры. Особенно активно он начинает влиять именно на молодое поколение.

Очень значимым оказывается воздействие школы, которая целенаправленно формирует у детей определенную систему изобразительных навыков, предпочтений и восприятия изображений. Теории эстетического воспитания, принятые в детских садах и школах, оказывают мощное влияние как на творческую продукцию — рисунки, так и на сам способ «визуального мышления» ребенка⁸. При этом может затягиваться или

⁶ Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977.

⁷ Коул М., Скрибнер С. Указ. раб.

⁸ Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М., 1974.

ускоряться даже проходящие детьми возрастных стадий в рисовании. Например, теория спонтанного развития детского рисунка, нацеленная на развертывание собственных творческих возможностей ребенка и пренебрегавшая обучением, заметно сказывалась на рисунках американских детей, присылаемых на выставки. Они были более яркими и расквашенными, но создавали впечатление инфантильных по сравнению с работами их сверстников из других стран.

Обычно особенности детских рисунков, которые зрители видят на выставках, от местных до международных, обусловлены именно различиями в педагогических подходах. Разные преподаватели, разные школы, разные страны в работах своих учеников стараются продемонстрировать и утвердить свои принципы обучения искусству. «Национальный колорит» детских рисунков часто специально культивируется особенно когда работы отбираются для международных выставок. Практики в области эстетического воспитания хорошо знают, как заметно для опытного глаза отличаются на выставках детские рисунки, выполненные даже под руководством разных преподавателей.

Кроме того, важно помнить, что работы на выставки отбираются жюри, которое имеет свои критерии выбора, часто далекие от того, что важно этнографу и этнопсихологу. Поэтому думается, что внешняя привлекательность рисунков международных выставок может скорее послужить толчком для размышлений над проблемой, как это предлагает В. В. Покшишевский, чем эмпирическим материалом для исследования.

В своем изобразительном творчестве ребенок всегда отражает те живые наблюдения, впечатления, идеи, ценности, которые он черпает из окружающего социального, вещного и природного мира. Эти впечатления определяют содержательную сторону детских рисунков, где ребенок показывает все, что значимо для него в этом мире. Бывает, что школьное обучение рисованию и предлагаемые темы оказываются в противоречии с жизненным опытом ребенка. В прекрасной книжке двух украинских художников «Рисуют дети острова Колгуев»⁹ показано, какие творческие возможности раскрылись в рисунках маленьких ценцев, когда взрослые предложили им рисовать то, что они видят вокруг, — остров, оленей, нерп, диких птиц, охотников, а не срисовывать с картинок бесполезного зверя — кошку с бантом.

Итак, подводя итоги, можно сказать, что особенности детских рисунков обусловлены возрастом ребенка, его полом и индивидуальностью, культурой и средой, в которой он живет, систематическим обучением, которое он получает.

Хотя мы еще ничего не можем сказать о том, как отражаются особенности психического склада народа в рисунках его детей, от радно, что у нас уже сделаны попытки выяснить, как влияет культура на мир детских рисунков. В экспериментальном исследовании В. С. Мухиной были собраны и проанализированы рисунки детей разных стран — Бельгии, Венгрии, Кубы, СССР, Японии и т. д., нарисованные на одну заданную тему — «Самое красивое» и «Самое некрасивое»¹⁰. Сравнительный анализ рисунков дал возможность увидеть ценностные ориентации детей разных культур, влияние культурной традиции и символики.

Результаты пока скромны. Думаю, что использование детских рисунков как онтопсихологического материала технически еще более сложно, чем изучение межкультурных различий в познавательных процессах, которым сейчас стали активно заниматься. Однако если попытаться это сделать, то, наверное, надо обратить внимание и на «наивные» рисунки взрослых непрофессионалов разных культур.

Пока нельзя дать положительный и фактически обоснованный ответ на поставленный В. В. Покшишевским вопрос. Но этот вопрос заставляет попутно задуматься над многими важными проблемами, далеко не связанными только с тем, как рисуют дети разных народов.

⁹ Рыбачук А., Мельниченко В. Рисуют дети острова Колгуев. М., 1970.

¹⁰ Мухина В. С. Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта. М., 1981.

У нас в гостях ЗАРУБЕЖНЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ

3. Мусят

ЕЖЕГОДНИК «ЛЕТОПИСЬ» (СЕРИЯ «С») И ЭТНОГРАФИЯ ЛУЖИЧАН

[К 30-летию «Летописи»]

Институт сорбской этнографии Академии наук ГДР в Бауцене — ведущий центр по изучению лужицких сербов. Он был основан в 1951 г.¹ в связи с реализацией последовательной марксистско-ленинской национальной политики Социалистической единой партии Германии и правительства ГДР. Сегодня комплексное изучение культуры и быта сорбов осуществляется всеми отделами Института: истории, этнографии, языка, литературоведения, музыковедения, истории культуры, истории искусства и краеведческой демографии². Результаты научных изысканий публикуются в периодически издаваемых трудах Института (вышло уже 54 тома). Кроме того, изданы атласы сорбской народной одежды (в пяти томах, причем 5-й том состоит из шести самостоятельных публикаций) и сорбских диалектов (пока вышло 8 томов), несколько томов текстов на сорбских диалектах и ряд исследований локальных языковых особенностей.

Издается также тремя самостоятельными сериями ежегодник Института сорбской этнографии — «Летопись»: серия «А» посвящена языку и литературе, серия «В» — истории, серия «С» — этнографии (публикуются работы по этнографии и фольклористике, истории народной музыки и народного искусства)³. Ответственным редактором «Летописи» до 1976 г. был П. Новотный, с 1977 г. им стал М. Каспер. Каждая из трех серий имеет свою редколлегию и ответственного редактора.

В настоящей статье рассматривается только этнографическая серия «Летописи» — «С». Мы постараемся дать обзор важнейших работ, опубликованных в этой серии за прошедшее 30-летие.

Первоначальные трудности. Первый номер журнала удалось выпустить в свет лишь в 1953 г.; над подготовкой второго номера работали с 1954 по 1957 г., над четвертым — в 1959—1960 и над пятым — в 1961—1962 гг. Только с 1963 г. журнал начал выходить ежегодно. В особых случаях, когда была необходимость в большем объеме, выпускался двойной номер раз в два года. Такими были, например, юбилейные номера, посвященные Фридриху Зиберу (№ 6/7 за 1963/64 г.) и Паулю Недо (№ 11/12 за 1968/69 г.).

Это довольно трудное начало обусловлено исторически. Никогда прежде в истории Германии сорбские ученые не встречали поддержки со

¹ Kasper M. u. a. 30 Jahre Institut für sorbische Volksforschung 1951—1981/Red. M. u. a. Bautzen, 1981, S. 7 ff.

² Ibidem.

³ Lëtopis. Jahresschrift des Instituts für sorbische Volksforschung. Reihe «С» — Volkskunde; см. также: Kasper M. u. a. Op. cit., S. 87.

стороны государства. Возможность добровольного научного общества «Матица Сербска» были весьма ограничены: в его распоряжении был всего один научный журнал — «Часопис Матицы Сербской». До 1945 не было вообще профессиональных сорбских этнографов с соответствующим образованием. Лишь несколько педагогов — выходцев из сорбов — занимались сорбской и немецкой этнографией.

Первым послевоенным выпускником-этнографом был Б. Навка, получивший образование еще в Праге. В 1952 г. ему были поручены организация отдела этнографии (из исследователей-непрофессионалов) и редактирование журнала «Летопись». В 1954 г. в отделе появился еще один выпускник Карлова университета (Прага) — этномузыковед Я. Раупп-Равп. В 1957 г. здесь начал работать автор этих строк — сорб, получивший образование уже в Лейпциге, ученик П. Недо. В 1960-е годы научными сотрудниками отдела стали Г. Фаске, И. Гардош (умерла в 1979 г.), А. Ланге, Л. Бальке. Это поколение специалистов при активной поддержке П. Недо, П. Новотного и с 1977 г. Ф. Ферстера составило ядро редколлегии, возглавлявшейся сначала П. Новотным (1953), затем Я. Рауппом (1954—1961), Б. Навкой (1962—1979), а с 1980 г. — автором данной статьи. Редколлегия работала при постоянной поддержке немецких коллег — этнографов из других областей ГДР. Особенно следует отметить Р. Вайнхольда, Б. Шене и В. Штейница; помощь журналу оказывали также В. Якобейт, З. Кубе и Г. Вильсдорф.

Задачи журнала. Перед сорбской этнографией и фольклористикой в начале 50-х годов стояли четыре основных задачи: 1) создание исследовательского центра и подготовка кадров; 2) разработка марксистско-ленинской теории и методологии этих научных дисциплин с использованием богатого опыта советской этнографии и этнографии европейских стран народной демократии; 3) изучение наименее исследованных аспектов традиционной народной культуры; 4) разработка новой проблематики, исследование современных этнических процессов (изучение современности, практическая направленность исследований).

Общеизвестно, что наука, носившая название немецкое народоведение (*deutsche Volkskunde*), была дискредитирована фашистскими теориями расы, крови и почвы. Прогрессивно настроенный исследователь акад. А. Шпамер вскоре после войны организовал в Германской Академии наук в Берлине отдел этнографии. Когда А. Шпамер умер, этот отдел возглавил ученый-коммунист акад. В. Штейниц; он расширил его, и на его базе был основан Институт немецкой этнографии (после реформы Академии наук ГДР в 1968 г. — Отдел истории культуры и этнографии Центрального института истории Академии наук ГДР). Весьма положительным фактором для сорбской этнографии было то, что сорбский ученый-антифашист П. Недо сумел, несмотря на свои многочисленные обязанности, согласовать этнографические исследования с новой общественной действительностью. Облеченный должностью председателя «Домовины» (объединения лужицких сербов, основанного в 1912 г., запрещенного в 1937 г. нацистами и в мае 1945 г. вновь начавшего функционировать), он добился того, что спасенный от уничтожения фашистами научный фонд «Матицы Сербской» (также закрытой и конфискованной в 1937 г.) вошел в «Домовину» в качестве ее научного отдела. А сам Недо был приглашен на должность вице-президента «Матицы Сербской» и поставлен во главе Комиссии «Домовины» по культуре. Занимая эти посты, П. Недо сделал все, чтобы подготовить создание Института сорбской этнографии. Во многих его докладах и статьях этих первых лет были уже намечены пути марксистско-ленинского осмысления этнографии; в последующие годы Недо и другим ученым удалось углубить данное направление, что нашло отражение и в «Летописи»⁴.

⁴ Подробнее см.: *Musiak S. Sorbische volkskundliche Aktivitäten der ersten Jahrzehnte nach der Befreiung.* — *Letopis «С»*, 1979, № 22, S. 126 ff.; см. также опубликованные в этой серии работы П. Недо (1953, № 1; 1965, № 8; 1976, № 19), Я. Рауппа (1958, № 3), П. Новотного (1968/69, № 11/12; 1972, № 15), З. Мусьята (1971, № 14) и др. Далее часть ссылок на «Летопись» (серия «С») дается в тексте.

Эта принципиально новая ориентация встретила, естественно, оппозицию специалистов ФРГ и других капиталистических стран. Уже в № 3 1958 г. Я. Раупп дискутировал с так называемым Остфоршунг по принципиальным проблемам музыкальной фольклористики (этномузыкологии). Дискуссии тех лет, коснувшиеся и многих других проблем, способствовали разработке марксистской концепции этнографии. Особо ценны работы этнографа В. Якобейта, ныне профессора Берлинского университета им. Гумбольдта. Три основополагающие статьи его 1963/64, № 6/7; 1968/69, № 11/12; 1977, № 20; вторая — в соавторстве У. Морман) посвящены концепции марксистской этнографии ГДР и ее отличию от буржуазных концепций XIX и XX вв.

Очень большую помощь оказали Институту сорбской этнографии и журналу рано завязавшиеся и постоянно развивающиеся контакты с научными учреждениями и отдельными специалистами социалистических стран, что немало способствовало широкой известности некоторых сорбских ученых. Если в номере ежегодника, посвященном немецкому ученому Фридриху Зиберу (1963/64), исследователю саксонско-лужицкого диалекта, участвовали только три автора из Чехословакии (К. Фойтик, Г. Кунц, В. Шойфлер), то в сборнике в честь П. Недо (1968/69) выступили ученые СССР (К. В. Чистов, Э. В. Померанцева, Б. Н. Путилов), СССР (Н. Горак, К. Фойтик, Я. Йех, Л. Кунц, О. Сироватка, О. Скальчикова, В. Шойфлер, М. Пулец), ПНР (Ю. Кжижановский, Ю. Бурша, Р. Райнфусс) и ВНР (Д. Ортутаи). В вдвоенном номере, посвященном П. Новотному (1976), напечатаны статьи Ю. В. Бромлея и К. В. Чистова (СССР), Б. Бенеша и А. Пранды (ЧССР), Ю. Буршты (ПНР). В юбилейных номерах были опубликованы также работы многих исследователей ГДР — специалистов по немецкой и сорбской этнографии, выступавших и ранее на страницах журнала, что свидетельствует о тесных дружеских связях немецких и сорбских этнографов. Из крупных актуальных многоотраслевых исследований этнографов социалистических стран два нашли непосредственное отражение в «Летописи». Так, в связи с осуществлением перспективного плана научного сотрудничества социалистических стран по исследованию современной семьи Институт сорбской этнографии организовал осенью 1981 г. международную конференцию «Семейные обычаи при социализме». Все доклады были опубликованы в Летописи на немецком языке (1982, № 25)⁵. Второе исследование уже близко к завершающей стадии. Это издание трехтомного труда «Этнография славян», осуществляемое под руководством международной редколлегии (главный редактор — акад. Ю. В. Бромлей, заместитель — член-корр. АН ССР К. В. Чистов). В процессе подготовки раздела труда, посвященного сорбам, в «Летописи» была опубликована моя статья «Сорбы в обществе и семье — обычаи и праздник в историческом аспекте» (1974, № 17).

Разработка традиционных разделов этнографии; новые направления исследований. В сфере материальной культуры сорбские этнографы сосредоточили усилия на наименее изученной буржуазной этнографией проблеме — сорбской национальной одежде. Под руководством П. Недо Б. Навки в начале 50-х годов был организован Отдел изучения сорбского народного костюма, в который вошли и исследователи-любители. Были тщательно изучены 10 типов региональных комплексов народной одежды, четыре из которых бытуют до сих пор. Результатом этой работы стал уже упоминавшийся «Атлас сорбской народной одежды», явившийся крупным вкладом марксистской этнографии ГДР в изучение материальной народной культуры. Составителям Атласа была присуждена литературная премия «Домовины» первой степени за 1978 г.

Ряд статей, опубликованных в «Летописи», посвящен специальному аспекту истории народного костюма — процессу изживания архаической

⁵ Были опубликованы доклады ученых из Москвы (Л. М. Дробизева, Б.-Р. Логава, М. С. Кашуба), Белграда (П. Влахович, Д. Братич), Софии (Д. Тодоров), Будапешта (М. Саркани, П. Чабо), Праги (А. Робак, Я. Кадержабкова), Берлина (Г. Гринберг, Х. Хайнрих), Бауцена (М. Каспер, З. Мусят).

традиции, протекавшему особенно активно в условиях развитого капиталистического общества. Укажем, прежде всего, на статьи А. Ланге (1974, № 17; 1976, № 19; 1980, № 23) и Л. Бальке (1975, № 18), в которых весьма досконально проанализирован и обобщен весь комплекс: общественная среда — трудовая жизнь — одежда — обычаи данного района или его ближайшего окружения. При этом выявилось, что локальные комплексы одежды даже в условиях угасания традиции могут помочь обнаружить творческие потенции народа; это особенно сказалось, как справедливо отмечает А. Ланге, на развитии так называемого «полу-мецкого» народного костюма, сохранявшегося обычно значительно дольше (1976, № 19).

В сорбско-немецкой Лужице (Лаузице) существует возникшая еще в XIX в. традиция проводить так называемые праздники национального костюма либо устраивать шествия с публичной демонстрацией костюмов отдельных районов. В современных условиях подобные демонстрации нередко выливаются в фестивали (районные или общенациональные) сорбской культуры. На них не только показывается огромное число народных костюмов, но и исполняются (на сцене или в ходе праздничного шествия) особенно популярные фрагменты традиционных сельских обычаев и обрядов, что неизменно вызывает интерес зрителей. Об этой традиции показа национальных костюмов подробно рассказано в работе Г. Фаске (1979, № 22).

Исследователи сорбской народной одежды готовят сейчас новое, переработанное издание всех томов «Атласа». Огромная польза такого издания несомненна: многие профессиональные и самодеятельные ансамбли, разнообразные фольклорные музыкальные и хоровые группы получили тщательно подобранную коллекцию вариантов локальных комплексов одежды, что позволяет правильно выбрать «свой» народный костюм. Кроме того, с помощью «Атласа» легче приспособить народный костюм к требованиям современной моды.

Этнографическое изучение крестьян и ремесленников, в частности трудовых процессов, выявило ряд фактов и закономерностей, которые здесь мы можем, к сожалению, только упомянуть. Б. Навка, исследовавший быт сорбов, занятых на железоделательных заводах и выжигании древесного угля, пришел к выводу о влиянии трудовых процессов на жизненный уклад в период перехода от феодализма к капитализму (1966, № 9). А. Ланге обнаружил неизвестные науке формы объединения крестьян во временные производственные коллективы в капиталистическом селе. Он изучает также прошлый и современный быт и трудовой уклад шпревальдских огородников Нижней Лужицы (1978, № 2; 1983, № 26)⁶. Демографические и этносоциологические исследования Ф. Ферстера впервые позволили получить количественные данные о резких изменениях профессиональной и социальной структуры современного сорбского сельского населения (1979, № 22).

Из работ по жилищу представляется особенно интересной небольшая статья Э. Дейчмана (1953, № 1), содержащая описание сорбского срубного жилища (Blockhaus). Впоследствии Э. Дейчман защитил кандидатскую диссертацию на эту тему и опубликовал монографию⁷.

Над совершенно новой проблемой — изменением культуры жилища в некоторых селениях района Котбуса под влиянием горного промысла — работает Л. Бальке (1973, № 16).

А. Фидлер по архивным источникам исследовал пищу и питание, также бытовые условия верхнесорбских крестьян XVII—XVIII вв., имевших пособие по старости в форме узаконенного на определенном

⁶ Статьи, написанные на материале одной из долинных деревень Средней Лужицы А. Ланге и другими авторами, отражают лишь небольшую часть проводившихся здесь этнографических исследований быта крестьян-единоличников, членов сельскохозяйственных кооперативов и живущих на селе промышленных рабочих. Ср.: *Novotny P. u. Groß Partwitz Wanalungen eines Lausitzer Heidedorfes*. Bautzen, 1976.

⁷ *Deutschmann E. Lausitzer Holzbaukunst unter besonderer Würdigung des sorbischen Anteils*. Bautzen, 1959.

приход договора о выделе (1968/69, № 11/12). М. Шобер существенно дополнил представления о повседневной и праздничной пище простого народа в XVIII в. (1980, № 23). Мною изучены особенности питания восточных батраков в годы перед первой мировой войной (1959/60, № 4). Впоследствии я защитил кандидатскую диссертацию на эту тему и опубликовал монографию⁸.

Материальную культуру и быт лесорубов Полабских гор исследовал Шобер (1971/72, № 14/15).

Сорбские этнографы изучают и народную художественную культуру. Очень интересна работа Х. Гриппнер, посвященная традиционному орнаменту на сорбской народной одежде. Она адресована в первую очередь многочисленным женщинам, активно занимающимся изготовлением национального костюма, а также кружкам народного художественного текстиля (1954—1957, № 2)⁹. Э. Ковар (1959—1960, № 4)¹⁰ и П. Йенеке-Никель (1963/64, № 6/7) исследовали историю крашения пасхальных яиц в районе расселения сорбов.

В журнале постоянно обсуждались проблемы, касающиеся истории ремесла, художественного промысла и изобразительного искусства. Так, например, Ф. Метчк на вопрос, существовало ли у сорбов в эпоху феодализма наряду с народным и профессиональное искусство, ответил положительно (1972, № 15); это же было подтверждено и другими авторами — П. Финдейзенем (1971, № 14) и Ю. Матчиши (1981, № 24). Ф. Метчк рассмотрел весьма интересные документы об ассортименте сувениров сорбского купца, торговавшего в центре интенсивного туризма, в районе Шпревальда (1966, № 9). Его работа — существенный вклад в изучение истории «торгового» фольклора.

Об отношении советских этнографов и фольклористов к проблеме «фольклоризма» говорил в 1977 г. в Бауцене К. В. Чистов в своем вышедшем большой интерес доклад, который был опубликован в «Летописи» (см. Тезисы к дискуссии о фольклоризме — 1981, № 24). Если принять во внимание выступление чешского фольклориста Б. Бенеша, поддерживающегося иной точки зрения (1977, № 20), то станет ясно, что эта проблема весьма дискуссионна. Один из аспектов ее был наметен еще Ю. Йенч (1979, № 22), писавшей о Лужице как о потенциальном районе оживленного туризма.

В этнографической литературе проблемы традиционной духовной культуры освещены сравнительно хорошо. И все-таки и этой проблеме в журнале было посвящено несколько интересных публикаций. П. Йенеке-Никель рассмотрела письменность эпохи барокко как источник для изучения духовной культуры народа (1963/64, № 6/7; 1968/69, № 11/12). П. Недо проанализировал с марксистских позиций влияние капитализма, просвещения и романтизма на мифологию лужичан (1963/64, № 6/7). Он подверг критике характерные для прежней науки преувеличения в оценке как реальных, так и вымышленных мифологических персонажей. Критика эта, конечно, справедлива, но для полноты картины желательно было бы отобрать и интерпретировать факты как этнографической, так и с религиозно-мифологической точек зрения¹¹. Это было частично осуществлено в последующих публикациях. Так, П. Недо и И. Шарф-Гардош (1961—1962, № 5) подготовили новое немецкое издание ценных этнографических заметок (преимущественно о народных верованиях сорбов) русского ученого, друга лужицких сорбов

⁸ Musiat S. Zur Lebensweise des landwirtschaftlichen Cesindes in der Oberlausitz. Bautzen, 1964.

⁹ Работа Х. Гриппнер, изданная в 1957 г. отдельной брошюрой, распространялась Домом сорбского народного искусства в Бауцене.

¹⁰ Практическое руководство по крашению яиц (техника покрытия воском, процарапывания узора, травление) того же автора было издано несколькими массовыми тиражами на сорбском и немецком языках Домом сорбского народного искусства в Бауцене. Оно использовалось участниками ежегодных конкурсов на самое красивое сорбское пасхальное яйцо (проводятся с 1950 г.).

¹¹ Историко-археологический анализ этих фактов см.: Brankač J., Mětsch F. Geschichte der Sorben. B. I. Bautzen, 1977, S. 79—83.

И. И. Срезневского, путешествовавшего в 1848 г. по Лужице и опубликовавшего часть своих материалов в журнале «Живая старина» в 1891 г.

Р. Киланк и З. Мусят (1974, № 17) подготовили фундаментальное издание источников для изучения верований, религиозной практики, обычаев на рубеже XVIII—XIX вв., Л. Бальке — публикацию ста- тей о деревенском уставе того же времени, освещающих различные стороны сельской жизни (1974, № 17). Т. Шютце исследовал применение целебных трав в сорбской народной медицине (1959/60, № 4) в то время, когда жителям приходилось обходиться без врачебной помощи.

В изучении общественного быта также были, как уже говорилось, достигнуты значительные успехи. Укажем хотя бы на вышедший в 1982 г. том, посвященный семейным обрядам и обычаям в период социализма. Надо отметить и работы Б. Навки об изменениях, происшедших в свадебном обряде Верхнесорбского региона с 1890 г. (1958, № 3). Первым из сорбских этнографов исследовал влияние социально-экономических факторов на изменение стереотипов обрядового поведения крестьян, индустриальных рабочих, живущих в деревне, и первых членов сельскохозяйственных кооперативов.

В ряде статей, опубликованных в «Летописи», ученые предложили новую, марксистскую по своему характеру методологию и методику исследования обрядов и обычаев, требующую учета исторических, экономических, социальных, юридических и других факторов¹². Вновь возник вопрос о том, принимать ли с позиций марксистского изучения обрядов и обычаев как будто бы совершенно ясную для других сфер народной культуры теорию П. Недо об этнографии сорбов как науке, изучающей этнический анклав в иноэтническом окружении. Целый ряд зарубежных авторов, главным образом специалистов по языку, ответили на этот вопрос положительно (1968/69, № 11/12). Надо сказать, что сам Недо своей аргументации не пользовался примерами из области обрядов и обычаев (1965, № 8). В связи с этим целесообразно, видимо, отметить, что автору этих строк удалось обнаружить как бы целую область культуры, на которой отразилось воздействие сорбско-немецких межкультурных связей (1976, № 19). Проблема «культура анклава и взаимодействие этносов» требует дальнейшей разработки, прежде всего именно в области обрядов и обычаев. Сорбские этнографы уже больше десятилетия собирают и исследуют материалы о постоянно растущей роли обрядности в развитом социалистическом обществе (последнее отмечают и советские этнографы)¹³. Это нашло отражение во многих статьях, сообщениях и дискуссионных выступлениях. Хочется надеяться, что в дальнейшем мы сможем более интенсивно обмениваться опытом по исследованию современных обрядов с этнографами других стран социалистического содружества. Немаловажную роль для изучения обрядов сыграли созданные в 1977 г. областные фольклорные центры¹⁴. Определенные теневые стороны функционирования обрядов, о которых писал, в частности, советский ученый С. А. Токарев¹⁵, отмечены и в ГДР (см. работу Х. Эме, 1980, № 23). Их, как и положительные тенденции в развитии обрядности, необходимо, конечно, изучать и обсуждать на международном уровне. В нашем журнале надо, видимо, для этого отвести место в разделе «Дискуссии».

В «Летописи» широко представлена фольклорная проблематика. Основные черты сорбского народно-поэтического творчества исследованы П. Недо (1954—1957, № 2; 1961—1962, № 5). Впоследствии он защитил докторскую диссертацию на эту тему (опубликована в 1966 г.). Сорб-

¹² См. работы К. Фойтика (1968/69, № 11/12), Г. Кеттмана (1971, № 14), Ф. Зибера (1968/69, № 11/12), З. Мусята (1967, № 10; 1973, № 16; 1975, № 18; 1976, № 19; 1977, № 20; 1978, № 21; 1979, № 22; 1980, № 23; 1981, № 24; 1982, № 25), А. Ланге (1980, № 23).

¹³ См. Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1975.

¹⁴ Verfügungen und Mitteilungen des Ministeriums für Kultur der DDR.—*Lетопись*, 1977, № 6.

¹⁵ Токарев С. А. Обычаи и обряды как объект этнографического исследования. Сов. этнография, 1980, № 3.

му фольклору посвящены работы Я. Мешканка и Б. Навки (1954—1957, № 2), К. Лоренца (1961—1962, № 5). И. Гардош анализировала сорбские пословицы (1966, № 9; 1967, № 10; 1976, № 19; 1979, № 22), а также западно-славянские сказания о водяном и его жене (1975, № 18; 1968/69, № 11/12; 1972, № 15). Интересна ее работа о современных коммуникативных ситуациях, в которых функционируют устные рассказы¹⁶.

А. Скрукве (1980, № 23) подготовила для публикации в польском сборнике сочинений Оскара Кольберга произведения сорбского фольклора. Работа П. Новотного представляет как бы размышления об изменении функций фольклора при капитализме и социализме (1972, № 15). Статьи многих пользующихся мировой известностью ученых, опубликованные в юбилейных сборниках, познакомили читателей с фольклористов ГДР с методологическими проблемами международной фольклористики: К. В. Чистов (1968/69, № 11/12; 1976, № 19), В. Е. Гунд, В. М. Жирмунский (1959—1960, № 4), Э. В. Померанцева (1968/69, № 11/12), Б. Н. Путилов, Д. Ортутан, Ю. Кжижановский, Я. Йех и Л. Сироватка (1968/69, № 11/12), В. Веллер (1963/64, № 7; 1968/69, № 11/12), Г. Штробах (1963/64, № 7; 1970, № 13); З. Нейман (1963/64, № 6/7; 1968/69, № 11/12), Г. Шпершнейдер (1970, № 13), а также с проблемами сорбской народной песни — И. Горак (там же).

Печатавшиеся ранее в «Летописи» статьи, дискуссионные материалы и реплики Я. Рауппа о сорбской народной музыке и танцевальном фольклоре изданы отдельной книгой¹⁷.

В журнале публиковались работы по истории сорбского музыковедения Ф. Метчка (1961/62, № 5), Г. Крюгера (там же), В. Якобейта (1974, № 17; 1975, № 18), Е. Шмидта (1981, № 24), Я. Цыж (1980, № 23), П. Недо (там же) и З. Мусята (там же). Истории сорбской этнографии и фольклористики посвящено много материалов «Летописи». Отметим работы П. Недо (1953, № 1; 1961/62, № 5; 1963/64, № 6/7), П. Новотного (1968/69, № 11/12; 1971, № 14; 1977, № 20), Ф. Метчка (1961/62, № 5; 1966, № 9; 1973, № 16; 1974, № 17), З. Мусята (1966, № 9; 1970, № 13; 1979, № 22), Г. Вильсдорфа (1968/69, № 11/12), Б. Шене (1970, № 13) В. Андерта (там же).

В кратком обзоре издательской деятельности редакции этнографической серии «Летописи» невозможно, конечно, даже упомянуть все, что достойно рассмотрения. Невольно пришлось ограничиться каким-то отрывком; может быть, он покажется читателю субъективным. И все же представляется чрезвычайно важным, что редакция журнала «Советская этнография» пригласила нас обменяться опытом. Несомненно, результаты этого и других подобных сообщений о деятельности национальных научных этнографических журналов дадут новый импульс нашей дальнейшей научной и организационной деятельности и укрепят наше сотрудничество.

¹⁶ Эта талантливая сорбская исследовательница умерла в 1979 г. В «Летописи» (1980, № 23) опубликован написанный П. Недо некролог, а также список основных трудов покойной. Ряд работ, готовившихся И. Гардош для «Словаря сорбских пословиц», остался незавершенным.

¹⁷ Raupp J. Sorbische Volksmusikanten und Musikinstrumente. Bautzen 1963; перепечатка: Sorbische Musik, 2. Bautzen, 1978.

Наши юбиляры

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ доктора исторических наук ВИКТОРА ИВАНОВИЧА КОЗЛОВА (К 60-летию со дня рождения)

- Рец.: Карты народов в Географическом атласе для учителей средней школы.— География в школе, 1955, № 5, с. 73—75.
- Карта «Языки Европы». — БСЭ, т. 49. М., 1957, с. 500—502 (в соавт. с Ивановым В. В.).
- Расселение мордвы — эрзи и мокши. — Сов. этнография (далее — СЭ), 1958, № 1, с. 43—54.
- Миграции мордвы в капиталистической России. — В кн.: Зап. Мордов. НИИЯЛИ, 1958, № 16, с. 27—81, 3 карты.
- Культурно-исторический процесс и динамика численности народов. — Вестн. истории, 1959, № 1, с. 49—67.
- Расовые и культурные контакты в современном мире. — Там же, 1960, № 1, с. 104—110.
- Расселение мордвы (Исторический очерк). — В кн.: Вопросы этнической истории мордовского народа (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, 1960, т. 63). М., 1960, с. 5—7 карт.
- Праздник народов Поволжья. — СЭ, 1960, № 4, с. 3—10.
- Карта народов мира. Масштаб 1 : 15 млн. М., 1961 (в соавт. с Андриановым Б. В., Бруком С. И. и др.).
- К вопросу об изучении этнических процессов у народов СССР. — СЭ, 1961, № 4, с. 58—60.
- Основные проблемы этнической картографии. — СЭ, 1961, № 5, с. 9—26 (в соавт. с Бруком С. И.).
- Современное состояние исследований по этнической географии в СССР. — В кн.: Материалы Первого межведомственного совещания по географии населения, 1961, вып. 5, с. 11—20 (в соавт. с Бруком С. И. и Левиным М. Г.).
- Карта народов СССР. Справочная. Масштаб 1 : 10 млн. М., 1962 (в соавт. с Бруком С. И. и Винниковым Я. Р.).
- В кн.: Численность и расселение народов мира (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М.: Изд-во АН СССР, 1962, гл. I—III: Общие сведения о населении земного шара; Процессы этнического развития и принципы классификации народов. Этностатистическая изученность стран земного шара и определение численности народов (с. 11—45, все эти главы — в соавт. с Бруком С. И.); гл. V — Народы зарубежной Европы [со статистическими таблицами] (с. 90—138).
- Карта народов СССР. Учебная. Масштаб 1 : 5 млн. М., 1962 (в соавт. с Бруком С. И. и Винниковым Я. Р.).
- Население земного шара (основные этнодемографические показатели). — СЭ, 1962, № 5, с. 160—177 (в соавт. с Бруком С. И.).
- Чуваши. — СЭ, 1962, № 6, с. 105—118 (в соавт. с Денисовым П. В.).
- In: «Sov. Geography. Rev. and Translation», 1962, v. 3, № 4, статьи: Basic Problems in the Mapping of Ethnic Groups, p. 3—21; The Present Status of Research in Ethnogeography in the USSR, p. 22—27.
- Карта «Плотность населения СССР». Учебная. Масштаб 1 : 5 млн. М., 1963 (в соавт. с Бруком С. И. и Винниковым Я. Р.).
- О предмете и задачах этногеографии. — СЭ, 1963, № 1, с. 11—26 (в соавт. с Бруком С. И. и Левиным М. Г.).
- О динамике национального состава Румынии и Болгарии. — СЭ, 1963, № 3, с. 53—57.

менное состояние исследований по этнической географии в СССР.— В кн.: География населения СССР (основные проблемы). М.: Наука, 1964, с. 81—94 (в соавт. с Бруком С. И. и Левиным М. Г.).

Этнопольский аспект демографических процессов в некоторых странах Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1964, 12 с. [Доклад на VII МКАЭН].

Плотности населения СССР. Справочная. Масштаб 1 : 10 млн. М., 1964 (в соавт. с Бруком С. И. и Винниковым Я. Р.).

Народы Европы.— Историческая энциклопедия, т. 5. М., 1964, с. 446—449; там же карта «Народы Европы».

Народы мира. Учебная. Масштаб 1 : 20 млн. М., 1964 (автор по Зарубежной Европе и части СССР).

Атласе народов мира». М., 1964, карты по СССР: Народы Поволжья (в соавт. с Винниковым Я. Р.); Народы Южного Урала; Народы Западной Сибири; Народы Восточной Сибири и Дальнего Востока; Народы СССР; Плотность населения СССР (в соавт. с Винниковым Я. Р. и Бруком С. И.); карты по Зарубежной Европе: Народы Зарубежной Европы; Плотность населения Зарубежной Европы; Народы Придунайских стран; Народы Бельгии; Народы Швейцарии; статьи: Общие сведения о населении мира (с. 113—118); Языки мира (с. 123—126). Статистические таблицы (с. 159—161).

Народы Зарубежной Европы. I (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М.: Наука, 1964, гл.: Население Зарубежной Европы (демографический очерк); карты: Народы Зарубежной Европы; Плотность населения Зарубежной Европы; Национальный состав Болгарии; Национальный состав Румынии.

Народы Европейской части СССР (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). Ч. 1. М.: Наука, 1964, статья: Население и природа (с. 13—25); карта: Плотность населения (в соавт. с Бруком С. И. и Винниковым Я. Р.).

Экономическая география зарубежных стран. М.: Учпедгиз, 1964, карты: Народы мира; Плотность населения мира.

Народы Европейской части СССР (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). Ч. 2. М.: Наука, 1965, карты: Народы Поволжья (в соавт. с Винниковым Я. Р.); Народы Южного Урала.

Население мира. М.: Госполитиздат, 1965, статьи: Общая численность и рост населения земного шара; Естественное движение населения; Миграции населения; Размещение населения; Состав населения по полу; Возрастная структура населения (с. 7—132); Расовый состав населения мира (с. 202—212); Общая характеристика языкового и национального состава населения мира; Национальный состав населения СССР и частей света (с. 213—284, в соавт. с Бруком С. И.); Религиозный состав населения (с. 285—295).

Активирование кн.: Народы Зарубежной Европы. II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М.: Наука, 1965 (совместно с Токаревым С. А. и Ганцкой О. А.); автор глав: Народы Великобритании и Ирландии; Общие сведения о народах и странах (с. 158—162); Очерки по этнической истории СССР (с. 139—161); Люксембуржцы (с. 298—304, в соавт. с Гроздовой И. Н.) и карты: Этническая карта Швейцарии.

Население земного шара. Справочник. М.: Наука, 1965, статьи: Общие сведения о населении мира (с. 7—24, в соавт. с Бруком С. И.); СССР (часть разделов, с. 25—42); Зарубежная Европа (с. 69—119).

Экономическая география СССР. М.: Просвещение, 1966, карты: Плотность населения СССР; Народы СССР.

Некоторые причины высокой плодовитости населения развивающихся стран.— В кн.: Вопросы народонаселения и демографической статистики. М.: Статиздат, 1966, с. 191—198.

Народы Европы. Учебная. Масштаб 1 : 4 млн. М., 1966 (в соавт. с Бруком С. И. и Винниковым Я. Р.).

Народность; Народонаселение.— Историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966, с. 967—969 и 982—985.

Некоторые причины высокой плодовитости населения развивающихся стран.— Сов. здравоохранение, 1966, № 10, с. 75—78.

Понятие этнической общности.— СЭ, 1967, № 2, с. 100—111.

Решение проблем народонаселения.— СЭ, 1967, № 3, с. 135—138.

Разработка теоретических основ национального вопроса.— Народы Азии и Африки, 1967, № 4, с. 75—85.

- 134

- же такое этнос.— Природа, 1971, № 2, с. 71—74.
- Этнический аспект урбанизации в СССР.— В кн.: Географические аспекты урбанизации. М.: Знание, 1971, с. 35—51.
- Нояня тень Мальтуса.— США, 1971, № 7, с. 74—78.
- Этнический состав населения как фактор дифференциации рождаемости.— В кн.: Факторы рождаемости. М.: Статистика, 1971, с. 63—76 (с соавт. с Бондарской Г. А.).
- Этнографический аспект марксистско-ленинской теории народонаселения. М.: Мысль, 1971, раздел «Этнография и демография» гл. III (с. 153—163).
- Проблемы миграций коренного населения Средней Азии (Ротапринт). Ташкент: Изд-во Ташк. ун-та, 1971, 10 с. (в соавт. с Киселевой Г. П.).
- Нация и территория.— СЭ, 1971, № 6, с. 89—100.
- Ethnographie und Geographie.— Ideen des exakten Wissens, 1971, № 2, S. 139—147 (в соавт. с Покшишевским В. В.).
- Concerning the Concept «Ethnos».— In: Population Problems. М.: Прогресс, 1971, р. 27—34.
- Деревня.— БСЭ, т. 8. М., 1972, с. 110—117 (в соавт. с Сахаровым А. Н. и Петюшенко В. М.).
- Этнические особенности формирования городского населения в СССР.— В кн.: Проблемы современной урбанизации. М.: Статистика, 1972, с. 142—156.
- Пятидесятилетие образования СССР.— СЭ, 1972, № 5, с. 3—12.
- Карта «Народы Евразии». Учебная. Масштаб 1 : 8 млн. М., 1972 (в соавт. с Бруком С. И. и Винниковым Я. Р.).
- Карта народов СССР. Учебная. Масштаб 1 : 5 млн. М., 1972 (в соавт. с Бруком С. И. и Винниковым Я. Р.).
- Нация и национальная государственность (к истории национального строительства в СССР).— В кн.: Вопр. марксистско-ленинской теории нации и национальных отношений. Пермь, 1972, с. 3—21.
- Этнические процессы в СССР.— Вестн. АН СССР, 1972, № 11, с. 3—11 (в соавт. с Бромлеем Ю. В.).
- Ethnic Processes in USSR.— Geoforum, 1972, № 9, р. 47—54.
- Этнография и география.— СЭ, 1973, № 1, с. 3—13 (в соавт. с Покшишевским В. В.).
- «Национальный характер» и проблемы его исследования.— СЭ, 1973, № 2, с. 69—82 (с соавт. с Шелеповым Г. В.).
- В кн.: Основы теории народонаселения. М.: Высш. школа, 1973, разделы: Народонаселение в доклассовом обществе; Народонаселение в период рабовладельческого общества; Народонаселение при феодализме (с. 5—52, в соавт. с Валентеем Д. И.).
- Рец. на кн.: М. И. Куличенко. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития.— СЭ, 1973, № 3, с. 174—178.
- Некоторые вопросы развития населения первобытного общества.— В кн.: Народонаселение. Население и экономика. М.: Статистика, 1973, с. 95—111 (в соавт. с Валентеем Д. И.).
- Проблемы фиксации этнических процессов (Ротапринт). М., 1973. 14 с. [Доклад на IX МКАЭН].
- Предстоящие изменения численности и структуры населения Земли.— Изв. АН СССР. Серия геогр., 1973, № 3, с. 14—25 (в соавт. с Бруком С. И. и Покшишевским В. В.).
- Zvazky a vzajomne vzťahy etnografie s geografiou a demografiou.— Slovensky narodopis, 1973, № 3, р. 343—351.
- Демографические проблемы развивающихся стран и прогноз численности их населения.— В кн.: Проблемы использования природных и трудовых ресурсов развивающихся стран. М.: Мысль, 1974, с. 107—119 (в соавт. с Бруком С. И.).
- Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса.— СЭ, 1974, № 2, с. 79—92.
- В кн.: Марксистско-ленинская теория народонаселения. М.: Мысль, 1974, главы: Исторические законы народонаселения (с. 20—48, в соавт. с Валентеем Д. В.); Этническая демография (с. 105—117).
- В кн.: Народонаселение стран мира. Справочник. М.: Статистика, 1974, разделы: Рост численности населения с древнейшего времени до конца XIX в.; Рост численности населения в XX в. (с. 5—44); Состав населения по полу (с. 224—233); Расовый состав населения мира; Языковой и национальный состав населения мира; Религиозный состав населения мира; Размещение населения; Внешние миграции (с. 304—402).

- Основные проблемы этнодемографического картографирования.— В кн.: Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1974, с. 54—62 (в соавт. с Бруком С. И.).
- Проблема детерминации демографических явлений.— *Вопр. философии*, 1974, № 1, с. 92—94.
- О биолого-географической концепции этнической истории.— *Вопр. истории*, 1974, № 1, с. 72—85.
- Прогнозы численности и некоторые структурные изменения населения Земли.— В кн.: *Человек и среда обитания*. Л.: Наука, 1974, с. 47—60 (в соавт. с Бруком С. И. и Покшишевским В. В.).
- Ethnic et nation.— *La nouvelle critique*. P., 1974, № 70, p. 24—32.
- Ethnic Self-Consciousness and the Factors Determining it.— In: *Sociological Studies on Ethnic Aspects*. M.: Наука, 1974, с. 82—91.
- On the Concepts of Ethnic Community.— In: *Soviet Ethnology and Anthropology Today*. P., 1974, p. XI—XX.
- Демография и система исторических наук.— В кн.: *Место демографии в системе наук*. М.: Изд-во МГУ, 1975, с. 228—254.
- К изучению современных этнических процессов в сфере духовной культуры народов СССР.— *СЭ*, 1975, № 1, с. 3—17 (в соавт. с Бромлеем Ю. В.).
- В кн.: *Современные этнические процессы в СССР*. М.: Наука, 1975 (2-е изд.— 1977) разделы: Этнические процессы как предмет исследования (предварительные замечания) (с. 10—24, в соавт. с Бромлеем Ю. В.); Этногеографический очерк (с. 25—35); Национально-государственное строительство и развитие этнических процессов в СССР (с. 87—104); Изменения в расселении и урбанизации народов СССР как условия и факторы этнических процессов (с. 137—158); Этнические процессы в отдельных сферах духовной жизни народов СССР (с. 406—432, в соавт. с Бромлеем Ю. В.); Этнические процессы и динамика численности народов СССР (с. 484—499); Заключение (с. 534—545, в соавт. с Бромлеем Ю. В.).
- Национальные процессы и национальные отношения в странах Западной Европы и Северной Америки.— *СЭ*, 1975, № 5, с. 3—16 (в соавт. с Богиней Ш. А., Нитобург-ом Э. Л., Фурсовой Л. Н.).
- Национальности СССР (этнодемографический обзор). М.: Статистика, 1975, 263 с.
- National Processes in the USSR.— In: *Race and Peoples. Contemporary Ethnic and Racial Problems*. M.: Прогресс, 1975, с. 106—125 (в соавт. с Бромлеем Ю. В.). On a Biological-Geographic Conception of Ethnic History (a Critique of the Views of L. N. Gumilev).— *Sov. Geography: Rev. and Translation*, 1975, v. XVI, № 8.
- Ведет ли усиление мутаций к расогенезу.— *СЭ*, 1976, № 4, с. 134—137.
- По поводу одной рецензии.— *СЭ*, 1976, № 5, с. 186—189.
- Учет этнических показателей в переписях населения.— В кн.: *Историческая демография в СССР*. Таллин, 1976, с. 15—20 (в соавт. с Бруком С. И.).
- Этническая общность.— *Историческая энциклопедия*, т. 16. М., 1976, с. 638—639.
- Методологические проблемы этнографии (к итогам международного симпозиума).— *СЭ*, 1977, № 2, с. 117—132.
- Этническая демография. М.: Статистика, 1977, 240 с.
- В кн.: *Основы теории народонаселения*. М.: Высш. школа, 1977, разделы: Народонаселение в доклассовом обществе; Народонаселение в период рабовладельческого общества; Народонаселение при феодализме (с. 18—92, в соавт. с Валентеем Д. И.).
- К истории учета этнического состава в переписях населения.— В кн.: *Проблемы исторической демографии СССР*. Таллин, 1977, с. 173—185 (в соавт. с Бруком С. И.).
- Ethnography and Demography. Ethnography and Related Sciences.— In: *Problems of Contemporary World*. Moscow, 1977, p. 128—143.
- Отв. ред. кн.: *Материалы по истории, этнографии и археологии Мордовии*. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1977, 124 с.
- К вопросу о проявлении этнических процессов в художественной культуре народов СССР.— В кн.: *Культура развитого социализма*. М.: Наука, 1978, с. 334—357 (в соавт. с Бромлеем Ю. В. и Чистовым К. В.).
- Симпозиум, посвященный исследованию этнических явлений и процессов.— *СЭ*, 1978, № 1, с. 147—149 (в соавт. с Трайде Д.).
- Рец. на кн.: *Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения*. Кишинев, 1977.— *СЭ*, 1978, № 4, с. 175—178.
- В кн.: *Проблемы этнической географии и картографии*. М.: Наука, 1978, разделы: Этническая география и ее место в системе наук (с. 7—13, в соавт. с Андриановым Б. В.).

- и Бруком С. И.); Этническая картография (с. 14—20); Источники этнического картографирования (с. 33—40, в соавт. с Бруком С. И.); Проблемы картографирования этнических процессов (с. 71—85).
- Диональные движения и этнические процессы.— В кн.: Проблемы социального развития. Материалы IX Всемирного соц. конгресса. М.: Наука, 1978, с. 115—121.
- Культурно-этнические факторы рождаемости. М.: Наука, 1978. 13 с. [Доклад на X МКАЭН].
- Кн.: Народонаселение стран мира. Справочник. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Статистика, 1978, разделы: Рост численности населения (с. 3—45); Состав населения по полу (с. 262—272); Расовый состав населения мира; Языковой и национальный состав населения мира; Размещение населения; Религиозный состав населения; Миграции населения (с. 356—466).
- Население и особенно в формировании молдавской буржуазной нации.— В кн.: Формирование молдавской буржуазной нации. Кишинев: Штиинца, 1978, с. 6—25.
- Ethnic-Cultural Factors Affecting Fertility (The Role of Ethnography in Studying Demographic Problems).— In: Soviet Studies in Ethnography, Problems of Contemporary World. Moscow, 1978, p. 65—75.
- В ред. кн.: Материальная и духовная культура мордвы в XVIII—XX вв. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1978, 147 с.
- Международный конгресс антропологических и этнологических наук.— СЭ, 1979, № 3, с. 3—17 (в соавт. с Бромлеем Ю. В.). Перепечатано: Обществ. науки, 1979, № 3, с. 180—193.
- Население и культура (к проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры).— СЭ, 1979, № 3, с. 71—86.
- Классификации этнических общностей.— В кн.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979, с. 5—23.
- В ред. кн.: В. С. Зеленчук. Население Бессарабии и Поднепровья в XIX веке. Этнические и социально-демографические процессы. Кишинев: Штиинца, 1979, 287 с.
- Регия.— В кн.: Страны и народы. Зарубежная Европа. Западная Европа. М.: Мысль, 1979, с. 209—240.
- Вопросу о роли демографических факторов в истории.— В кн.: Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI—XX вв.).— Таллин, 1979, с. 7—15.
- Всегожительность и долгожители.— Природа, 1980, № 7, с. 91—98.
- Всегорасовые изменения в составе населения Великобритании.— СЭ, 1980, № 4, с. 40—56.
- Всегопричины долгожительства.— Наука в СССР, 1980, с. 47—53 (на русск. и англ. яз.) (в соавт. с Зубовым А. А.).
- Classification of Ethnic Communities: the Present Position on Soviet Debate.— Ethnic and Racial Studies. L., 1980, v. 3, № 2, p. 123—139.
- Ethnic Processes and Trends in the Ethnic Composition of the Population in the USSR.— Geojournal Suppl. Issue, 1980, № 1, p. 23—30.
- Ethnography and Demography.— Sov. and Western Anthropol. L., 1980, p. 23—30.
- Всегопричины долгожительства.— Наука и жизнь, 1981, № 1, с. 25—27 (в соавт. с Зубовым А. А.).
- В ред. кн.: Мордва. Историко-этнографические очерки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 384 с.; автор разделов: Введение; Расселение мордвы (с. 3—49); Этнические процессы (с. 313—325 в соавт. с Дорожниковым М. В.).
- Население и этнокультурные особенности.— В кн.: Страны и народы. Зарубежная Европа. Общий обзор. Северная Европа. М.: Мысль, 1981 (с. 39—64, в соавт. с Токаревым С. А.).
- Особенности воспроизводства населения в доклассовом и раннеклассовом обществе.— В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982, с. 9—32.
- Сы и этносы.— Расы и общество. М.: Наука, 1982, с. 92—118, (в соавт. с Чебоксаровым Н. Н.).
- В ред. кн.: Этнокультурные процессы в Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982, 172 с.
- Этнографическое (лингвоэтническое) прогнозирование.— В кн.: Рабочая книга по прогнозированию. М.: Мысль, 1982, с. 340—342.
- На кн.: Общество и природа. М.: Наука, 1981.— СЭ, 1982, № 5, с. 144—148 (в соавт. с Егоровой Т. В.).

- Расы и этносы.— Обществ. науки, 1982, № 5, с. 106—119 (в соавт. с Чебоксарым Н. Н.).
- В кн.: Феномен долгожительства. М.: Наука, 1982, статьи: Исследование проблем долгожительства (с. 5—12); О комплексном подходе к изучению феномена долгожительства (с. 13—24, в соавт. с Зубовым А. А.); География долгожительства СССР (с. 30—40, в соавт. с Комаровой О. Д.).
- Люди, которым за 90...— Курьер ЮНЕСКО, 1982, № 11, с. 10—13.
- Динамика этнического состава населения СССР.— В кн.: Население СССР сегодня. Социально-экономическое развитие. М.: Финансы и статистика, 1982, с. 31—44.
- Изучение национальной структуры советского общества на современном этапе и проблемы демографической политики.— В кн.: Развитие национальных отношений в СССР в свете решений XXVI съезда КПСС. М.: Наука, 1982, с. 213—224.
- Национальности СССР. Этнодемографический обзор. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 1982, 303 с.
- The Multidisciplinary Approach to the Study of Longevity, Geography of Longevity in the USSR.— Proc. First Joint USA—USSR Symposium on Aging and Longevity. N. Y.: IREX, 1982, p. 16—25. (в соавт. с Зубовым А. А.).
- Основные проблемы этнической экологии.— СЭ, 1983, № 1, с. 3—16.
- О некоторых методологических проблемах изучения этнической психологии.— СЭ, 1983, № 2, с. 74—79.
- Динамика национального состава населения СССР и проблемы демографической политики.— История СССР, 1983, № 4, с. 20—30.
- Задачи этнической экологии.— Обществ. науки, 1983, № 4, с. 72—85.
- О некоторых аспектах демографической теории (к разработке демографической политики в СССР).— В кн.: Демографическая политика в СССР. М.: Финансы и статистика, 1983, с. 82—92.
- В кн.: Страны и народы. Советский Союз. Общий обзор. Российская Федерация. М.: Мысль, 1983. По СССР: Краткий историко-этнический очерк (с. 27—65, в соавт. с Борисовым Ю. С.); Население (с. 92—145, в соавт. с Лаппо Г. М. и др.). По РСФСР: Историко-этнический очерк (с. 205—216, в соавт. с Борисовым Ю. С.); Население (с. 234—239); Культура: традиции и современность (с. 259—327, в соавт. с Бахраковой М. С. и др.).
- Ethno-Cultural Adaptation to the Natural Environment and Problems of Longevity.— Studies in Ethnography and Anthropology. XI МКАЭН. М., 1983, p. 121—128.
- Этнографический подход к изучению феномена долгожительства.— СЭ, 1984, № 1, с. 29—42.

РАБОТА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБЛАСТИ КАРПАТ И БАЛКАН

(К 25-летию Комиссии)

В 1984 г. Международная комиссия по изучению народной культуры в области Карпат и Балкан (МКККБ), основанная в 1959 г. по инициативе чехословацких и польских этнографов и фольклористов, отмечает 25-летие своего существования. Главная ее задача — систематическое исследование истории народной культуры Карпато-Балканского региона, укрепление контактов между научными центрами и отдельными научными сотрудниками различных стран, занимающимися проблемами развития народной культуры в этом регионе, координация исследований и публикация их результатов. Постепенно кроме стран, основавших Комиссию, в рамках МКККБ стали сотрудничать ученые ВНР, СССР, СРР, НРБ, СФРЮ. Была определена организационная структура МКККБ. Комиссия состоит из национальных секций; возглавляет ее международный президиум. Резиденция МКККБ со времени ее основания — Этнографический институт Словацкой АН в Братиславе. Главным ученым секретарем в течение многих лет является В. Фролец.

Первые 20 лет деятельности Комиссии можно охарактеризовать в основном как этап теоретической и методологической разработки проблематики исследования народной культуры на Карпатах и Балканах. В центре внимания ученых были отдельные явления народной культуры. Конкретный материал собирался в отдельных странах по единой согласованной программе.

Основные организационные формы деятельности МКККБ до 1976 г. — это, прежде всего, проведение международных конференций в странах — участницах Комиссии и публикации материалов этих конференций.

Новый этап научной и координационной деятельности МКККБ наступил после заседания ее президиума в 1976 г. в ЧССР, констатировавшего, что степень изученности народной культуры Карпато-Балканского региона позволяет приступить к новой форме обработки материалов. По предложению акад. Ю. В. Бромлея, поддержанному остальными членами президиума, было принято решение о подготовке обобщающих работ, посвященных отдельным явлениям народной культуры (народная архитектура, пастушество и так называемый «збойницкий» или «гайдуцкий» фольклор). Позднее название будущей монографии «Збойницкий и гайдуцкий фольклор» было уточнено — «Фольклор народно-освободительных движений XVI—XIX вв.». На заседании президиума в Могилинах (ПНР, 1979 г.) реализация указанных решений была поручена национальным секциям: СССР — збойницкий фольклор, ПНР — пастушество, ЧССР — народная архитектура.

В состав авторского коллектива труда «Народная архитектура на Карпатах и Балканах» вошли Я. Ботик и В. Фролец (ЧССР), Э. Фюзеш (ВНР), Б. Георгиева (НРБ), Н. Н. Грацианская (СССР), М. Гладышева и Д. Тылова (ПНР); по просьбе МКККБ от СРР был привлечен к сотрудничеству И. Влздуциу. В 1980 г. в авторский коллектив были включены югославские этнографы Б. Влахович и Л. Джапович. Руководителем и редактором всей работы стал В. Фролец.

Авторский коллектив обобщающей монографии «Пастушество на Карпатах и Балканах» был утвержден в составе: Л. Фелдеш (ВНР), Б. Копчинска-Яворска (ПНР), Я. Подолак и Я. Штика (ЧССР). К сотрудничеству были привлечены Н. Дунаре и И. Влздуциу (СРР). Руководитель и редактор труда — Б. Копчинска-Яворска. В 1980 г. в состав авторов вошли представители СССР — В. Зеленчук и НРБ — В. Маринов и А. Мельвов.

Работа над монографией «Фольклор народно-освободительных движений XVI—XIX вв.» была поручена В. Гашпариковой (ЧССР), Б. Н. Путилову (СССР), Д. Симондес (ПНР) и С. Стойковой (НРБ). В 1981 г. в авторский коллектив вошли Имола Кюлеш (ВНР) и Цветанка Гранджиева (СФРЮ). Руководителями и редакторами этого труда стали Б. Н. Путилов и В. Гашпарикова. По решению МКККБ авторские коллективы могут быть расширены.

Работа над коллективными трудами была начата с подготовки их проектов и избранной библиографии. Президиум МКККБ высказал пожелание, чтобы проблема-

тика намеченных обобщающих работ заняла надлежащее место в планах научных учреждений стран — участниц Комиссии.

В соответствии с планом работы МКККБ периодически созывались международные конференции, имевшие важное теоретическое и методологическое значение для дальнейшего развития исследований по указанным темам. Как правило, на таких конференциях члены авторских коллективов оценивали состояние изученности соответствующих явлений культуры, обсуждали наиболее сложные теоретические и организационные вопросы, определяли ход работы на будущее.

В 1980 г. МКККБ организовала международную конференцию в ЧССР на тему «Теоретические и методологические проблемы изучения народной культуры на Карпатах и Балканах с точки зрения подготовки комплексных обобщений». Открывая конференцию, директор Этнографического института Словацкой АН Б. Филова подвела итоги сотрудничества ученых социалистических стран, исследующих народную культуру Карпато-Балканского региона, подчеркнув научное и общественное значение совместной работы. Основной доклад Я. Подолака был посвящен теоретическим и методологическим проблемам изучения народной культуры Карпато-Балканского региона. В выступлениях содокладчиков рассматривались проблемы исследования народной архитектуры (В. Фролец), пастушества (Б. Копчинска-Яворска), збойничьего и гайдуцкого фольклора (Б. Н. Путилов и В. Гашпарикова). О проекте нового обобщающего труда по народной песне и музыке Карпато-Балканского региона рассказал О. Элиш (ЧССР).

Обсудив проспект, подготовленный В. Фролем, авторский коллектив труда по народной архитектуре определил содержание и хронологические рамки будущей монографии, объем и структуру текста. Был поставлен вопрос об использовании картографического метода при подготовке задуманного труда и принято решение в ближайшее время выполнить карты, отражающие строительный материал и конструкцию строения, форму и конструкцию крыши, материал покрытия крыши, вертикальное членение дома. Основой этих карт станут данные на конец XIX — начало XX в., собранные в национальных этнографических атласов.

Авторский коллектив монографии о пастушестве разделил подготовительную работу на два этапа. На первом (до 1985 г.) осуществляется монографическое исследование пастушества в отдельных странах, на втором (с 1985 г.) — на основе национальных монографий написание обобщающей монографии по всему Карпато-Балканскому региону.

Авторский коллектив монографии о збойничько-гайдуцком фольклоре обсудил и одобрил проекты, разработанные В. Гашпариковой и Б. Н. Путиловым. Вопросы оставшиеся спорными, решено было обсудить на последующих заседаниях.

Во время конференции состоялось также заседание президиума МКККБ с участием представителей ВНР, НРБ, ПНР, СССР, СФРЮ и ЧССР, на котором был обсужден ряд организационных вопросов.

Большое значение для деятельности МКККБ имел симпозиум в Благоевграде (НРБ) в 1980 г., в котором приняли участие этнографы из ВНР, ПНР, СРР, СССР, ЧССР. Его темой было изучение разбросанных горных поселений в Карпато-Балканском регионе. В рамках этого симпозиума проходило также заседание авторского коллектива труда о народной архитектуре. Вслед за тем был организован симпозиум в Смоленниках (ЧССР).

В 1981 г. МКККБ провела в Москве имевшие кардинальное значение рабочие совещания авторских коллективов обобщающих трудов «Народная архитектура в Карпато-Балканской области» и «Фольклор народно-освободительных движений XVI—XIX вв.». Пленарное заседание, состоявшееся в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухто-Маклая АН СССР, открыл акад. Ю. В. Бромлей, подчеркнувший научное и политическое значение сотрудничества социалистических стран в этнографических и фольклористических исследованиях Карпат и Балкан. Тема «Общие и специфические черты в народной культуре стран Карпато-Балканского региона», сказал Ю. В. Бромлей, составляет часть проблемы «История научного и культурного развития человека», включенной в долгосрочную программу многостороннего сотрудничества научных учреждений социалистических стран в области общественных наук на 1981—1985 гг. В выступлениях была выражена уверенность, что задачи, поставленные перед МКККБ, будут выполнены.

Главный ученый секретарь МКККБ В. Фролец остановился на содержании обобщающих трудов, охарактеризовал деятельность авторских коллективов, наметил основные этапы работы на будущее. На рабочем совещании под руководством Б. Н. Путилова освещались результаты изучения различных аспектов фольклора народно-освободительных движений. Развернулась дискуссия, в результате которой был принят ряд важных решений: подготовить новые варианты первой и второй глав монографии внести дополнения в проект труда, привлечь материал по Албании и др.

Заседание секции народной архитектуры проходило под руководством В. Фрольца. Здесь были предложены уточнения к проекту монографии и обсуждены подготовленные членами авторского коллектива из разных стран материалы к вводной главе а также карты.

На заключительном пленарном заседании акад. Ю. В. Бромлей дал высокую оценку работе МКККБ, представляющей особый пример научного сотрудничества социалистических стран.

Важной вехой в деятельности МКККБ можно считать издание в 1981 г. первого выпуска серии «Bibliographia carpatobalkanica»; ее публикацию взяли на себя чехословацкая секция Комиссии совместно с Государственной библиотекой г. Брно. Выпуск

священный народной архитектуре, подготовил международный авторский коллектив, о редакторы — В. Фролец и Я. Кубичек. В 1981 г. был опубликован также одиннадцатый ежегодник бюллетеня «Carpatobalcanica» (№ 1—2), где помещен проект обобщающего труда О. Элшека о народных песнях и народной музыкальной культуре Карпат и Балкан, а также замечания В. Е. Гусева к проекту обобщающего труда о збойничко-гайдуцком фольклоре и другие материалы.

В 1982 г. состоялась Международная конференция в г. Сентендре (ВНР). В ней приняли участие представители ВНР, НРБ, ПНР, СССР, СФРЮ и ЧССР. Тема конференции — «Итоги и общие перспективы изучения народной культуры на Карпатах и Балканах» — соответствовала плану работы МКККБ и программе многостороннего сотрудничества научных учреждений социалистических стран на 1981—1985 гг. На пленарном заседании, открытом директором Этнографического института Венгерской академии наук Т. Бодрог, с докладом о состоянии этнографических карпатоведческих балкановедческих исследований в ВНР выступил председатель венгерской национальной секции МКККБ Б. Гунда. В. Фролец в своем выступлении охарактеризовал работу над намеченными обобщающими трудами и поставил вопрос о необходимости повышения эффективности деятельности авторских коллективов.

Обсуждения, проведенные в секциях народной архитектуры, пастушества и фольклора, показали, что наиболее продвинулась работа по реализации проекта обобщающей монографии, посвященной народной архитектуре. Достигнута договоренность по теоретическим и методологическим проблемам и разработана методика написания монографии в целом. Создан стабильный авторский коллектив, который регулярно собирается на совещания, как правило, раз в год. Основой для межнационального обобщения на первом этапе должны стать отдельные главы, написанные по единому принципу — в границах одного народа (государства). Уже завершены и обсуждены главы национальных монографий ВНР, НРБ, СССР, СФРЮ и ЧССР, которые будут использованы для создания первого варианта вводных глав международного труда.

Авторский коллектив монографии о пастушестве распределил задания по написанию национальных монографий. Коллектив авторов труда о фольклоре народно-освободительных движений закончил дискуссию о теоретических и методологических проблемах и приступил к написанию вводных разделов; заканчивается составление избранной библиографии.

В рамках конференции состоялось заседание президиума МКККБ. Сообщение о деятельности секретариата за 1979—1982 гг. сделал В. Фролец, отчеты о работе национальных секций отдельных стран — Я. Ботик, Б. Георгиева, М. Гладышева, Н. Грацианская, Б. Гунда, П. Влахович. В плане работы МКККБ на дальнейший период главное место занимает завершение и издание обобщающих трудов по народной архитектуре, пастушеству и збойничьему фольклору. Национальная секция ЧССР взяла на себя составление проекта труда о музыкальном фольклоре Карпат и Балкан; венгерской секции было поручено подготовить проект коллективной монографии о народных традиционных обычаях.

Согласно плану, в 1983 г. вновь состоялось совещание авторских коллективов по народной архитектуре, пастушеству и фольклору.

В 1984 г. предполагается проведение в СССР юбилейной конференции, посвященной 25-летию МКККБ.

В. Фролец

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДИАЛЕКТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО В ДУХОВНОМ МИРЕ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА»

В г. Баку 6—9 декабря 1983 г. проходила Всесоюзная научно-практическая конференция «Диалектика национального и международного в духовном мире советского человека», организованная Научным советом по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР, Академией наук АзССР, Секцией этнической социологии Советской социологической ассоциации, Секцией международного воспитания молодежи Общественного совета научных исследований при ЦК ВЛКСМ, Азербайджанским отделением Философского общества СССР.

В работе конференции приняли участие видные советские ученые, работающие в различных областях обществоведения, партийные, советские и профсоюзные работники, представители печати, телевидения и радио. Всего было представлено более 60 докладов.

Участников конференции приветствовал Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана К. М. Багиров, подчеркнувший большое общественно-практическое значение поставленных проблем и отметивший, что в Советском Союзе накоплен уникальный опыт международного сотрудничества десятков наций и народностей. М. Багиров высоко оценил инициативу Научного совета по национальным проблемам Президиума АН СССР, его важную роль в организации и проведении исследований национальных и интернациональных процессов в условиях развитого социализма.

На открытии конференции выступил вице-президент АН СССР акад. П. Н. Фесеев, который указал на исключительную важность вопроса о соотношении национального и интернационального в сознании и образе жизни людей в советском и национальном государстве. Отметив, что в условиях развитого социализма сложилось единство обоих этих факторов, П. Н. Фесеев указал на необходимость учитывать что в сознании людей еще имеются пережитки, проявляющиеся нередко в национальной ограниченности и кичливости, в этнических предрассудках; их-то использует перерасистическая пропаганда, стремящаяся разжечь национальную рознь между родами нашей страны. Это обстоятельство требует усиления пропаганды достижений социализма в решении национального вопроса.

В докладе Председателя Научного совета по национальным проблемам акад. Ю. В. Бромлей (Москва) «Национальные аспекты духовной жизни в исторической перспективе» отмечалось, что долгое время общественные науки занимались исследованием взаимодействия национального и интернационального в макросоциальном контексте, а личностный аспект этого взаимодействия оказывался вне поля их зрения. Между тем задача формирования нового человека не может быть успешно решена без учета особенностей отражения современных этносоциальных процессов на личностном уровне. Рассматривая проблему возникновения и развития этносоциальных общностей в исторической перспективе, Ю. В. Бромлей сказал, что в настоящее время есть основания предполагать, что на раннем этапе первобытного общества существовал достаточно длительный «безэтнический» период. Следовательно, разделение на этнические общности не присуще человеческому обществу от природы, и надо полагать, что при переходе к классовому обществу к бесклассовому имеет место сходный процесс, противоположный по направленности. Более того, на протяжении всемирной истории сферы и формы проявления этнической специфики не оставались неизменными. В настоящее время наблюдается все большая унификация материальных сторон жизни и перемещение этнических особенностей в сферу духовной культуры и сознание людей. Именно поэтому изучение этнокультурных особенностей психики приобретает большую актуальность.

Чл.-корр. АН АЗССР А. Ф. Дашдамир (Баку) в докладе «Проблема личности в марксистско-ленинской теории наций и национальных отношений» показал, что утверждение личностной проблематики в области национальных отношений, превращение ее в самостоятельную тему исследований было подготовлено всем ходом развития марксистско-ленинской теории личности, а также теории наций и национальных отношений. Докладчик обосновал необходимость, с одной стороны, выявления совокупности национальных и интернациональных факторов формирования и развития личности, с другой — уточнения места и роли личности в национальных и межнациональных процессах современности. В связи с этим он очертил предметную область наиболее актуальных направлений исследований личности как объекта и субъекта национальных отношений и подчеркнул важность выдвижения на передний план исследования интернациональных аспектов жизнедеятельности личности, интернационализацию как элемента сознания.

Проблемам интернационального воспитания советских людей было уделено большое внимание и в ряде других докладов, заслушанных на пленарных заседаниях. В частности, рассматривались такие вопросы, как связь интернационального воспитания с идеологической борьбой (Э. А. Баграмов, Москва), роль марксистско-ленинской идеологии (И. И. Грошев, Москва) и исторической науки (С. С. Хромов, Москва) в интернациональном воспитании. Докладчики подчеркивали необходимость последовательного соблюдения классового принципа в интернациональном воспитании, учета специфики различных половозрастных, национальных и социально-профессиональных групп.

В процессе исследования системы национальных отношений на передний план все больше выдвигаются проблемы личности, определение ее места и роли в укреплении дружбы и братства народов СССР. В связи с этим несомненный интерес представляют факторы и пути развития этнического самосознания, вопросы теории и практики изучения этносоциологических и этнопсихологических аспектов межнациональных отношений. Указанный круг проблем рассматривался в докладах Л. М. Дробизевой, М. С. Джунусова, М. Н. Губогло (все — Москва). Так, Л. М. Дробизева обратила внимание на роль социальных сред разного уровня в формировании характера межнациональных отношений. При этом подчеркивалось, что более значимой сейчас является не социально-классовая, а социально-профессиональная среда в целом, оказавшая существенное воздействие на межнациональные установки людей конкретно социально-экономической ситуации в той или иной республике, т. е. внутриклассовых различий.

На пленарных заседаниях рассматривались также проблемы соотношения национального и интернационального в художественном творчестве: К. Х. Ханазаров (Ташкент), И. К. Апинев (Рига), А. М. Асланова и Э. А. Аббасова (Баку). Докладчики показали, что взаимообогащение национальных художественных культур является важным фактором духовного прогресса народов СССР и что художественная интеллигенция, благодаря своим знаниям и авторитету, играет существенную роль в интернациональном воспитании молодежи.

На конференции работали четыре секции, на которых более детально были проанализированы и обсуждены основные проблемы, поставленные докладчиками на пленарных заседаниях.

Для сообщений, прослушанных на секции «Общетеоретические и методологические проблемы изучения личности в системе национальных отношений», был характерен анализ диалектики национального и интернационального в духовном мире личности пре

философских позиций. В частности, в докладе В. Г. Бабакова (Баку) рассматривалось соотношение этнического и национального самосознания на различных уровнях. Деятельностный подход к раскрытию механизмов формирования этнического самосознания в процессе межнационального общения обоснован А. И. Тишиным (Фрунзе). Выступавшие на этой секции анализировали факторы интернационализации образа жизни, показывали отражение этого процесса в сознании людей в условиях развитого социалистического общества. В выступлениях подчеркивалась ведущая роль рабочего класса во всех сферах жизни советского общества, в том числе в развитии личности советского человека и в установлении нового типа межнациональных отношений. Критике были подвергнуты буржуазные классификации межнациональных отношений в СССР. Положительной оценки заслуживает проявившаяся в работе секции объективная тенденция основывать теоретические разработки на конкретных материалах, и в частности, на результатах социологических исследований.

В работе секции «Патриотическое и интернациональное воспитание молодежи» принимали участие ответственные работники ЦК ЛКСМ союзных республик, представители партийных, советских, комсомольских организаций и трудовых коллективов Абхазии. В ходе дискуссии они обменялись опытом интернационального воспитания молодежи в различных союзных республиках, наметили практические меры по реализации этой работы в комсомольско-молодежных, трудовых и студенческих коллективах. Особое внимание было уделено вопросам интернационального воспитания творческой интеллигенции.

Проблемы и результаты конкретных социологических исследований личностных факторов межнациональных отношений обсуждались на секции «Этносоциологические и психологические проблемы личности в системе межнациональных отношений». Большое внимание здесь было уделено исследованию факторов, влияющих на формирование и характер развития этнического самосознания (Н. Р. Маликова — Баку, Г. Кумахов — Нальчик, А. В. Орлов — Киев). Особенности адаптации личности в этнокультурной среде посвящали свои выступления Г. В. Старовойтова (М. Э. Коган (Ленинград). Об этносоциологических аспектах межнационального общения говорили О. И. Дреэв (Грозный), А. П. Пономарев (Киев), В. В. Карпов (Москва), Т. Л. Фарадов (Баку). В ходе дискуссии выяснилось, что рост национального самосознания, оцениваемый в целом как положительное явление, может вести в качестве побочного негативного эффекта к оживлению этноцентристских наклонностей у некоторых групп населения. В связи с этим обнаружилась необходимость более точного и отвечающего современным условиям, операционального определения этих понятий, как «этноцентризм», «национализм», «этничность», которые иногда употребляются как синонимы. Большой интерес вызвали проблемы соотношения взаимодействия общесоветского и национально-особенного в соционормативных ситуациях, регулирующих поведение. Обсуждались, в частности, вопросы изучения характеристик микросреды, влияющих на межнациональное общение, обращавшие внимание на широкое распространение традиционных соционормативных систем в семейно-бытовой сфере в определенных регионах и социально-профессиональных группах. На этой секции было представлено около 50 докладов, что свидетельствует о широком распространении практики этносоциологических исследований и углублении их проблематики. Взаимодействию национального и интернационального в профессиональной деятельности работников искусства была посвящена работа секции «Проблемы развития этнонациональных связей в духовной культуре». Выступавшие на конкретных примерах из области изобразительного искусства, музыки, художественной литературы показали, что деятели национальных и автономных республик, краев и областей нашей страны творчески перерабатывают достижения других национальных культур. Отмечая, что национальные особенности могут проявляться не только в форме, но и в содержании произведений искусства, в особом восприятии художником действительности. Однако для подлинного искусства социалистического реализма одинаково опасен как отход от конкретной национальной почвы, так и увлечение излишней «этнографичностью».

Главное достоинство прошедшей конференции, по-видимому, заключается в том, что здесь впервые личностные аспекты межнациональных отношений рассматривались на всех уровнях анализа с позиций ряда смежных дисциплин. Изучение личности в системе национальных отношений ныне выделяется в самостоятельную область марксистско-ленинских исследований национальных отношений. Выявление точек соприкосновения и возможных путей сотрудничества, объединение усилий ученых разных специальностей — принципиальное условие успеха в этих исследованиях.

В целом на конференции был обсужден большой круг ключевых вопросов, изучение которых актуально как для углубления научных исследований этносоциальных и этнокультурных процессов современности, так и для повышения эффективности практических мероприятий, направленных на укрепление интернационалистской идеологии советских людей в их совместном труде и повседневном поведении.

М. В. Байкова, И. М. Кузнецов

Изучение Петербурга — Ленинграда в Ленинградской части Института этнографии АН СССР имеет уже свою длительную историю. 10 лет назад, в 1974 г., состоялась первая конференция по проблемам этнографии Северо-Запада СССР, в состав которой работала секция, посвященная Петербургу — Ленинграду (7 докладов из 26). По материалам этой конференции был издан сборник, в котором имеется специальный раздел «Этнография Петербурга»². На следующих конференциях по Северо-Западу (1976 и 1978 гг.) «петербургско-ленинградская» тематика занимала уже ведущее место (соответственно 10 докладов из 13 и 11 докладов из 17)³. Работа этих конференций отражена в сборнике «Старый Петербург. Историко-этнографические исследования», опубликованном в 1982 г.

С 20 по 23 декабря 1983 г. в Ленинградской части Института этнографии проходила конференция, посвященная Петербургу — Ленинграду; было прочитано 27 докладов и сообщений и проведены две экскурсии по Музею истории Ленинграда. Среди докладчиков — этнографы, историки, искусствоведы, специалисты по музыкальному фольклору, архитекторы.

Н. В. Юхнева (Ин-т этнографии АН СССР — далее ИЭ, Ленинград) во вступительном слове подвела итоги десятилетней работы по этнографическому изучению Петербурга — Ленинграда и охарактеризовала основные направления предстоящих заседаний.

М. Г. Рабинович (ИЭ, Москва) в докладе «Об этнографическом изучении города» указал на важность этой проблематики в связи с развивающимся во всем мире процессом урбанизации, привел данные о бурном росте городского населения за последние полвека в СССР и за рубежом, охарактеризовал роль горожан в сложении национальной культуры в прошлом и настоящем.

Доклад А. М. Конечного (Музей истории Ленинграда) «Петербургские народные гулянья на маслений и пасхальной неделях» был посвящен своеобразному этапу городской культуры — гуляньям «на балаганах», которые в Петербурге прошли в три этапа: народные увеселения конца XVIII — начала XIX в., проходившие в разных частях города, празднества на Адмиралтейской площади в середине XIX в. (период расцвета) и гулянья на Царицыном лугу, Преображенском и Семеновском плацах в последней четверти XIX в. В. А. Лалин (Ин-т театра, музыки и кинематографии, Ленинград) в докладе «Киришская музыкальная традиция и Петербург» показал, как в окрестностях столицы под влиянием города активно изменялись тематика и форма крестьянских песен.

Вопросы снабжения Петербурга хлебом в XVIII в. были освещены в сообщении Л. Н. Семеновской (Ин-т истории СССР — далее ИИ, Ленинград).

Н. В. Ушаков (ИЭ, Ленинград) в своем выступлении предложил проект классификации крестьянского жилища Петербургской губернии. Г. В. Коржова (Музей истории Ленинграда) познакомила слушателей с коллекцией хранящихся в Музее истории Ленинграда цеховых знамен петербургских ремесленников. Г. В. Вилинбахо (Государственный Эрмитаж) рассказал о парных эмблемах Петербурга, предшествующих известному позднему гербу российской столицы. В докладе «Поэма А. С. Пушкина „Домик в Коломне“ как исторический источник» М. Г. Рабинович показал, что поэт описал хорошо ему известный мещанский дом-пятистенки конца XVIII — начала XIX в. с типичной внутренней планировкой. К середине XIX в. такие дома «в три этажа» в Петербурге уже исчезли; в Москве же еще встречались, а в провинциальных городах строились и в конце XIX в. Выступление А. В. Степанова (ЛенНИИП градостроительства) было посвящено образу Петербурга в творчестве А. А. Ахматовой.

Большое внимание, как и на предыдущих совещаниях, было уделено этнической проблематике. Н. В. Юхнева выступала с докладом «Многонациональность населения Петербурга и других столичных городов Центральной и Восточной Европы (к постановке вопроса о сравнительном изучении)». Остановившись на некоторых чертах сходства и различия этнических процессов в Петербурге, Вене, Праге, Будапеште, Варшаве, Риге, Таллине, докладчица убедительно показала большую научную перспективность такого рода сравнительных исследований. В докладе А. С. Мыльникова (ИЭ, Ленинград) «Зарубежные славяне в Петербурге» было рассмотрено появление в конце XVIII — первой трети XIX в. в составе населения города выходцев из западных и южнославянских земель — болгар, поляков, сербов, чехов и др. Докладчик подразделил зарубежных славян Петербурга на две основные группы — постоянных жителей и путешественников. Те и другие были связаны с местной культурной средой и способствовали развитию русско-славянских связей на уровне не только профессиональной, но и народной культуры. Ю. Н. Беспятых (ИИ, Ленинград) и Н. Л. Сухачев (ИЭ, Ленинград) в докладах «Славянские этнографические исследования в Петербурге» и «Этнографические исследования в Петербурге» показали, как в последние десятилетия в Петербурге — Ленинграде усилился интерес к славянскому этнографическому наследию.

¹ Старовойтова Г. В. Научная конференция по проблемам этнографии Северо-Запада СССР. — Сов. этнография (далее СЭ), 1975, № 1, с. 146—149.

² Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л.: Наука, 1977.

³ Гвоздиков Л. С. Вторая научная конференция по проблемам этнографии Северо-Запада СССР. — СЭ, 1977, № 1, с. 137—140; Юхнева Н. В. Третья конференция по проблемам этнографии Северо-Запада СССР. — СЭ, 1979, № 1, с. 146.

кознания АН СССР, Ленинград) посвятили свое выступление некоторым не переведенным на русский язык и не использованным в историко-этнографических исследованиях сочинениям иностранных путешественников XVIII в., в записках которых содержатся интересные сведения о петербургском быте. Г. А. Шрадер-Алимова (ИИ, Ленинград) познакомила слушателей с обнаруженными ею архивными материалами, являющимися правилами проживания иностранцев в Петербурге в начале XIX в. А. М. Ретов (ИЭ, Ленинград) рассказал о выходах из зарубежной Азии (в основном китаицах), которые, несмотря на относительно малочисленность, в первой трети XX в. имели известную роль в жизни Ленинграда. А. Д. Дридзе (ИЭ, Ленинград) на примере одного из годовых отчетов Петербургского эстонского просветительного общества указал значение подобного рода материалов для исследования этнокультурных процессов.

Привлекло многочисленную аудиторию и вызвало живой интерес обсуждение проблемы музеефикации отдельных кварталов и улиц Ленинграда. В последние годы специалистами и широкими кругами общественности неоднократно поднимался вопрос о планировании в исторической части города музеефицированной зоны. В постановлении конференции по проблемам этнографии Северо-Запада СССР (1976 г.) также говорилось о насущной необходимости создания в Ленинграде музея городского быта. Повышенное внимание к этой проблеме, с одной стороны, связано с изменившимся отношением к культурному наследию (от единичного памятника — к сохранению целостной среды), с другой — вызвано интенсивной модернизацией старой застройки. Однако до сих пор вопрос к этим вопросам не выходил за рамки пожеланий. На этот раз Музеем истории Ленинграда был представлен хорошо продуманный и достаточно разработанный проект музеефикации квартала, расположенного между р. Мойкой и ул. Халтурина. С обстоятельным докладом о проекте историко-этнографического музея-заповедника «Старый Петербург» выступили его авторы Б. М. Кириков и А. Д. Марголис (Музей истории Ленинграда). По их мнению, выбор первого объекта музеефикации должен определяться максимальной репрезентативностью и информативностью участка при его предельной компактности. Этим требованиям отвечает, в частности, восточная часть квартала у старого рынка между улицей Халтурина и набережной Мойки. Здесь представлены все типы петербургских проездов и жилой застройки, сооружения торговли и обслуживания; в зоне немало ярких памятных мест. Программа музеефикации основана на принципе тематического соответствия историческому назначению объектов (бытовые помещения в бывших доходном доме и особняке, петербургская аптека-музей в здании бывшей Главной аптеки, экспозиция по истории столичной торговли и организации сети специализированных заведений торговли (в бывших торговых рядах). В пешеходной зоне должны быть воссозданы старое замощение, осветительные приборы, реклама. Важнейшим временным срезом музеефикации — начало XX в. Доклад сопровождался рядом многочисленных иллюстраций и подробного плана музеефицируемого квартала.

На заседании, посвященном проблемам музеефикации, выступили еще несколько человек. В течение многих лет Отдел истории досоветского периода Музея истории Ленинграда ведет всестороннее изучение истории улиц. Основным результатом этой работы является подготовленный к печати фундаментальный коллективный труд «Ленинград. Улицы, площади, набережные». С докладом «Проблемы комплексного изучения истории петербургской улицы. (на примере улицы Желябова)» выступил Б. М. Кириков.

И. И. Травин (Ин-т социально-экономических проблем АН СССР, Ленинград) на примере архитектурных комплексов и отдельных зданий специального военного назначения показал роль структурно-функциональных элементов в формировании градостроительного облика Петербурга и обосновал методическую оправданность изучения музеефикации архитектурных памятников по принципу их функций. Н. В. Юхнева обратилась с соображениями о необходимости при выборе объектов музеефикации опираться на социально-бытовое районирование города. Сообщение С. Г. Федорова (Ин-т зональный ин-т проектирования жилых и общественных зданий) было посвящено анализу переписей зданий, дворов и квартир Петербурга 1869, 1881, 1890 и 1900 гг. Л. Пунин (Ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина, Ленинград) охарактеризовал с точки зрения возможностей музеефикации улицу Халтурина (бывшая Капитанская).

Большой интерес участников конференции вызвала экскурсия в Музей истории Ленинграда, где они ознакомились с экспозицией, посвященной истории Петербурга от основания города до 1917 г., а также с выставкой «Петербургские жанровые сцены в изведениях художников XVIII — нач. XX в.».

Последнее заседание конференции было посвящено современному Ленинграду. Б. Голофаст (Ин-т социально-экономических проблем АН СССР, Ленинград) сделал основанный на большом эмпирическом материале доклад «Социология современной ленинградской семьи», показав следующие важнейшие тенденции: углубление процесса нуклеаризации, увеличение доли одиночек, снижение рождаемости, высокая степень унификации быта, приватизация образа жизни, уменьшение иерархичности межличностных отношений, «симметрия» мужских и женских ролей. Э. В. Соколов (Ин-т культуры им. Н. К. Крупской, Ленинград) выступил с докладом «Изменение структуры бытия в условиях его интенсификации», в котором подчеркнул многоуровневость бытия и значение различных его компонентов, в том числе и внеинформационных (эмоциональных, идентификационных, психотерапевтических и др.). Г. В. Старовойт (ИЭ, Ленинград) сообщила о ходе многолетнего изучения татарской, эстонской, армянской этнодисперсных групп Ленинграда и показала различие этнических процессов в этих группах. На материалах исследования, охарактеризованного Г. В. Старовой-

войтовой, было построено и сообщение М. Э. Коган (ИЭ, Ленинград) «Обособленность формирования и современный этнокультурный облик армянской этнодисперсной группы в Ленинграде». Е. А. Борисевич (ЛенНИИПрградостроительства) выступил на тему «Городская общность и ее проблематика в развитии Ленинграда». А. И. Климак (Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, Киев) обратил внимание присутствующих на необходимость этнографического изучения так называемых «материковых мигрантов», проиллюстрировав эту мысль материалами из некоторых городов Украинской ССР.

На последнем заседании с заключительным словом выступил К. В. Чистов (ИЭ, Ленинград). Высоко оценив результаты конференции, он призвал к дальнейшей работе по этнографическому изучению Петербурга — Ленинграда и высказал пожелание в дальнейшем собирать такие конференции регулярно.

Н. В. Юхнев

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

С 25 января по 7 февраля 1984 г. проходила очередная Полесская этнолингвистическая экспедиция, организованная Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и филологическим факультетом МГУ под общим руководством Н. И. Толстого. Две группы в составе 29 человек работали в с. Кочище Ельского р-на и в с. Стодоличи Лельчицкого р-на Гомельской обл. (руководители групп А. А. Архипов и С. М. Толстая). В экспедиции участвовали сотрудники Института славяноведения и балканистики, студенты и преподаватели МГУ, а также филологи из Львова, Житомира, Минска, Ленинграда.

Села Кочище и Стодоличи обследовались по программе-вопроснику Полесского этнолингвистического атласа (ПЭЛА), работа по которому начата в 1980 г. Программа и большая подборка экспедиционных материалов были опубликованы в «Полесском этнолингвистическом сборнике» (М., 1983). Проблематика, связанная с подготовкой ПЭЛА, обсуждалась на конференции «Полесье и этногенез славян», состоявшейся в Москве в мае 1983 г.¹

Программа ПЭЛА охватывает основные аспекты духовной культуры Полесья. Она включает 21 раздел: Свадьба; Родины; Похороны; Святки; Весна; Купала; Сев и жатва; Скот; Строительство; Ткачество; Хлеб; Утварь и одежда; Демонология; Астрономия, метеорология, время; Дождь, гром, град; Растения; Звери; Птицы; Насекомые; Медицина; Фольклор. Основное внимание в вопроснике уделено обрядовой терминологии и фразеологии,

узловым моментам семейной и календарной обрядности, обрядам хозяйственного цикла, поверьям и представлениям, связанным с природой.

Из двух обследованных сел особый интерес представляют Стодоличи, где экспедиция уже работала в 1974 г. При первом посещении здесь был зафиксирован, в частности, уникальный ритуал вызывания дождя, составной частью которого является голошение по мифическому утопленнику Макарке: его просили вылезти из воды и разлить по земле свои слезы. Описание этого ритуала были опубликованы и неоднократно обсуждались в научной литературе². В 1984 г. собран дополнительный материал; в частности, обнаружены варианты ритуала, в которых наряду с Макашкой упоминались Миколка и Ивашка.

Собранные экспедицией материалы дают представление о характере традиционной культуры двух полесских сел. Особенно интересны сведения по таким темам, как демонология, народная медицина, растения, утварь и одежда.

Параллельно с основной работой экспедиции в с. Стодоличи проводился семинар, на котором были прочтены и обсуждены доклады Н. П. Антропова (Минск) — «Обряд „куст“ в Полесье»; Т. А. Агапцовой (Москва) — «Обряд „греть покойников“»; С. М. Толстой (Москва) — «„Дед“ в Полесье»; Н. Г. Владимирской (Москва) — «Полесское ткачество в мифологическом аспекте»; Л. Н. Виноградовой (Москва) — «Структура обряда „проводов русалки“»; В. И. Харитоновой

¹ См.: Полесье и этногенез славян: Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983.

² Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М., 1983. Balcano-balto-slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы, тезисы. М., 1979.

зов) — «Восточно-славянские загово-
р: общий обзор»; А. Я. Топоркова (Ле-
нинград) — «О структуре ритуального
школа (На материале домашней утва-
ры»; А. А. Плотниковой (Москва) — «Юж-
славянский вариант святок»; И. А. Мо-
хова (Москва) — «Архаические элемен-
ты в терминологии и структуре восточно-
славянских игр».

Материалы экспедиции обработаны и
переданы в Полесский архив Института
этнографии и балканистики АН СССР.

Т. А. Агапкина, А. Л. Топорков

* * *

В 1982—1983 гг. сотрудники Архитек-
турно-реставрационной мастерской № 1
Веро-Кавказского филиала Института
«Спецпроектреставрация» исследовали исто-
рию застройки станицы Старочеркасской
Кубанского района Ростовской области.
Работа велась в связи с разработкой ге-
нерального плана развития станицы и вы-
делением охранных зон Старочеркасского
этно-архитектурного музея-заповед-
ника. Было обследовано более 200 домов.
Выявлялись типичные элементы объемно-
пространственной композиции зданий, тра-
диционной планировочной структуры, ар-
хитектурного декора, цветового решения
зданий.

Основу сохранившейся застройки ста-
ницы (если не учитывать общественные и
служебные здания) составляют памятники
народной архитектуры середины — второй
половины XIX в., и только некоторые из
них (так называемые дома Кондратия Бу-
лавина, атамана Иловайского, Жученкова
и др.) можно отнести к концу XVIII и на-
чалу XIX в.

Дома строили на сваях, на подклете и
уэтажные (так называемые дома с
подклетом и *низами*). Подклет, или полу-
этаж, сложенный из ракушечника (*аршин-
ка*), зачастую использовали как подсоб-
ное помещение. Первый этаж — *ниж* — слу-
жил кухней, столовой, реже — жильем.
Планировка зданий в станице сохранилась
в основном. Основная застройка — дома

с жилым этажом из деревянных пластин,
обшитых затем тесом (*ошалевавших*). Ти-
пичное жилище — трех-, четырехкомнат-
ный (круглый дом) и одно- двухкомнат-
ный флигель (*хлигель*). С трех сторон дом
обычно опоясывала галерея — *балаяник*
(*обход, крыльчик*), которую использовали
для закрывания ставен. К одной из стен
здания примыкает *галдарея* — глухой, за-
шитый досками коридор. Одна из ее двер-
ей выходила на «парадный крылец»,
украшенный резьбой и резными или точе-
ными перилами. Резные элементы вы-
полнялись плотниками из средней полосы
России и Украины. Углы домов украша-
лись стилизованными изображениями со-
лярных знаков и стрел. Как удалось выяс-
нить, казаки окрашивали стены домов
в синий цвет (синька с белилами), сталь-
ной (сажа, синька, белила), желтый,
охристый (желтая глина). Многие старо-
жилы и сейчас для обмазки стен исполь-
зуют глину, которую разводят крутым от-
варом из пшена. При этом смешивают не-
сколько сортов глины: желтую, терракото-
вую, оранжевую и т. д. В прошлом, окрас-
ка стен при помощи глины была широко
распространена. Реже применяли *глинку*
с «мумиём» для получения темно-коричне-
вой окраски. Состав вещества, именуемого
в народе «мумиё», выяснить не удалось*.
Крыши домов, в зависимости от достатка
хозяев, покрывались железом, тесом или
камышом. Железная крыша окрашивалась
в красный или зеленый цвет. Причем среди
богатых казаков зеленый цвет (*медянка*)
считался более престижным. Ставни в за-
висимости от цвета стен белились изве-
стью или покрывались медянкой.

Во время работы были собраны сведения
по социальной топографии станицы, ко-
торые помогут при дальнейшей музеефи-
кации ее.

Собранный материал сдан в архив Се-
веро-Кавказского филиала Института
«Спецпроектреставрация».

Данными исследованиями изучение ста-
ницы не закончено. Предполагается даль-
нейший сбор информации.

В. А. Черницына

* «Мумия» — жженная охра. Ее под названием *глинка* продавали готовой на ба-
рах. См. Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. —
Кн.: Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной
культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. (Труды Ин-та этно-
графии АН СССР, т. XXXI), М.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 392.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

А. М. Дубянский

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ ПО ДЕШИФРОВКЕ ПРОТОИНДИЙСКИХ ТЕКСТОВ

Не будет преувеличением сказать, что проблемы дешифровки письменности Мохенджо-Даро и Хараппы вызывают в нашей стране огромный интерес не только специалистов, но и широкой научной общественности. Это и понятно — ведь речь идет о текстах, созданных одной из древнейших цивилизаций человечества (III тыс. до н. э.), известной пока лишь по результатам археологических раскопок. Выявление смысла дошедших до нас надписей должно существенно раздвинуть горизонт исследований, а возможность открыть их новые направления, так что задача, стоящая перед исследователями, без сомнения, имеет большое научное значение.

В 1964 г. к ее решению приступили советские ученые — группа этнической семиотики под руководством Ю. В. Кнорозова, созданная в Ленинграде при Институте этнографии АН СССР. Работа группы освещалась в ряде публикаций, в том числе в ряде специальных сборников «Прото-индика»¹. Особое место в этом ряду занимает вышедшая в 1981 г. «Прото-индика: 1979»², имеющая в значительной степени обобщающий характер: результаты предыдущих исследований сведены здесь воедино и образуют необходимую платформу, которая позволяет ученым приступить к новому этапу работы — интерпретации и чтению текстов. Следует заметить, что, осознавая его сложность, авторы сочли необходимым сделать ряд оговорок и разъяснений. Большая их часть, однако, была вынесена за скобки «Прото-индики» и сосредоточена в нескольких сопутствующих ей статьях³, в которых особое место уделялось анализу общих методических проблем, связанных с дешифровкой протоиндийских текстов, с исследованиями системы протоиндийского письма. В настоящей рецензии мы рассматриваем, таким образом, комплекс работ последнего времени, посвященных протоиндийским текстам.

Одной из наиболее важных проблем изучения протоиндийского языка является проблема его соотношения с дравидскими. Известно, что ранее при определении языковой линии Инда в качестве его «родственников» назывались различные языки, однако, в результате позиционно-статистического анализа текстов, проведенного группой Ю. В. Кнорозова с помощью вычислительной техники на основе разработанного им тогда дешифровки, доказана родственная связь этого языка с дравидскими. И хотя, как отмечает М. Ф. Альбедиль, прямого их сопоставления по фонетике, грамматической структуре и лексике быть не может (этому препятствует почти двухтысячелетний хронологический разрыв), «общность грамматической системы, типа языкового развития делает сопоставление хараппского и позднейших дравидских языков допустимым и оправданным...» Его правомерность «подтверждается воспроизводимостью по общности для всей традиции порождающей модели»⁴.

Этот вывод, опирающийся на представление о стабильности языковых традиций Индии (которая может быть засвидетельствована, в частности, историей тамилского языка, несомненно, сохранившего черты своей грамматической системы за период более чем двухтысячелетнего развития), представляется нам правильным и плодотворным.

¹ Proto-Indica: 1968. Moscow: Nauka, 1968; Proto-Indica: 1970. М.: Наука, 1970; Proto-Indica: 1972, ч. I—II. М.: Наука, 1972; Proto-Indica: 1973. М.: Наука, 1975.

² Khorozov Y. V., Albedil M. F., Volchok B. Y. Proto-Indica: 1979. Report on the investigation of the Proto-Indica Texts. М.: Nauka, 1981. Сокращенное изложение этих работ см.: Альбедиль М. Ф., Волчок Б. Я., Кнорозов Ю. В. Исследования протоиндийских надписей. — В кн.: Забытые системы письма. М., 1982.

³ См.: Кнорозов Ю. В. Протоиндийские надписи (к проблемам дешифровки). — С этнография, 1981, № 5; Альбедиль М. Ф. Некоторые проблемы исследования протоиндийских текстов. — Там же, 1982, № 1; Волчок Б. Я. К проблеме интерпретации протоиндийских изображений и символов. — Там же, 1982, № 3; Альбедиль М. Ф. Протоиндийское письмо: итоги и перспективы исследования. — Там же, 1984, № 4.

⁴ Альбедиль М. Ф. Некоторые проблемы исследования протоиндийских текстов. С. 37.

кольку открывает простор для дальнейшей работы и делает возможным чтение тек-
стов.

Здесь уместно остановиться на вопросе о том, как следует понимать выражение «чтение текста». Ввиду того, что нероглифическая система письма (а именно к ней относятся протоиндийские надписи)⁵ в принципе ориентирована на передачу не звуков, значений, речь не идет о воссоздании звукового облика текстов. Под чтением подразумевается описание их семантической структуры путем «фиксирования смысла инвариантных языковых единиц посредством их лексических дравидских коррелятов...»⁶ Процесс этот сам по себе весьма сложен и включает несколько операций: установление смысла знака (на основании его позиционных характеристик), выбор дравидского коррелята (предпочтение отдавалось архаичным дравидским лексемам), проверка перекрестными чтениями, уточнение взаимосвязи знака с сопутствующими ему изображениями. Последний момент следует выделить особо, поскольку он указывает на один из важнейших принципов работы исследователей — комплексный подход к тексту. Учитываются не только элементы самого текста, но и его взаимосвязь с «окружением» (предметы, на которых сделаны надписи, изображения на них и т. п.). Из этого следует, что, как справедливо отмечает Б. Я. Волчок, «выход на уровень лингвистической интерпретации и чтения протоиндийских текстов означает также и принципиально новый этап в исследовании изображений и символик». Появилась реальная возможность «интерпретировать изображения, символику, микроскульптуру и другие предметы ритуально-культового характера, исходя уже из самих протоиндийских текстов»⁷.

Эта возможность, которую, без сомнения, нужно расценить как большой успех научных исследований, открывает, как мы полагаем, новую страницу не только протоиндийских, но и дологических исследований в целом. Заметим, что в предыдущих публикациях группы, где подчеркивалось наличие непрерывных и прочных связей между прото- и древнеиндийской культурами, уделялось серьезное внимание их выявлению и анализу. Показательно, например, в этом отношении замечание М. Ф. Альбедиль о поразительной живучести целого ряда историко-культурных явлений в Индии, о сохранении ими связи с глубокой архаикой⁸. Весьма интересно и выдвинутое ею положение о возможности установления преемственности между протоиндийским и древнейшим индийским письмом⁹.

Обратимся теперь к «Прото-индике: 1979». Начальный раздел выпуска (1.1—1.9) посвящен формальному анализу надписей. Речь здесь идет о направлении письма, разделении текстов на блоки, композиционных блоков и т. д. Все эти вопросы были изложены исследователями в предыдущих выпусках «Прото-индики», и предложенное ими решение прошло, как нам кажется, проверку временем и представляется вполне убедительным. Так же убедительна и описанная далее система склонения в протоиндийском языке, которая изложена после краткого обзора гипотез иностранных ученых относительно

чтения знаков и . В число этих ученых следовало бы включить и Махадевана, чья интерпретация знаков несомненно заслуживает упоминания.

Определению функции знака придается при рассмотрении языка надписей весьма большое значение, поскольку он имеет «рекордную абсолютную и относительную частоту встречаемости (не считая нулевого показателя) и может справедливо считаться фиксом, выражающим связи между словами» (с. 12). Принципиально важно при этом, что авторы, рассматривая сочетания типа А-В- , утверждают, что послед-

ний знак связывает не А с В (как полагали многие исследователи ранее), а все сочетание АВ с другими частями предложения, часто в надписях опущенными. Такого рода «прибавочная» конструкция весьма характерна для дравидских языков.

В связи с этим исключительно важным представляется выявление в системе протоиндийского имени косвенного падежа (могущего в дравидских языках осуществлять прибутийную функцию). Исследование этого вопроса было в свое время осуществлено Н. В. Гуровым¹⁰, и в рецензируемом выпуске излагаются основные его результаты, согласно которым существуют три показателя косвенного падежа: нулевой, -at[tu] (обо-

значаемый знаком и). Вытекающая отсюда гипотеза о парадигма-

тических классов кажется нам интересной, но требующей дальнейшей разработки и объяснения на протоиндийском материале.

⁵ См. Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов. М.: Наука, 1965, с. 32.

⁶ Альбедиль М. Ф. Некоторые проблемы исследования протоиндийских текстов, 42—43.

⁷ Волчок Б. Я. Указ. раб., с. 55—56.

⁸ Альбедиль М. Ф. Протоиндийское письмо: итоги и перспективы исследования, 129.

⁹ Там же, с. 133.

¹⁰ Proto-Indica: 1972, ч. I.

1, Ψ , Ξ , которые обозначают морфемы $\bar{o}g$, $-al$, $-ka$. Эти морфемы соот
 ствуют трем основным общедравидским показателям множественного числа: $-r$, $-l$,
 (с. 23—27). Знак 1 означает единицу. Использование же его в качестве показат
 множественного числа основано на омонимии суффикса мн. ч. $\bar{o}g$ и одной из форм
 числительного «один» — $\bar{o}g$.

Судя по надписям, представленным в качестве примеров, суффиксы множест
 ного числа используются преимущественно в формах Pluralis honorificus (к сожален
 употребление суффикса $\bar{o}g$ для обозначения обыкновенной множественности показ
 лишь в одном случае, с. 24). Законы дистрибуции этих форм (почему, например, в од
 месте «почитаемая звезда» передается как $\bar{m}in\bar{o}g$, а в другом, если тут нет выраже
 обычной множественности, «[власть] почитаемых 6 звезд» — как VI $\bar{m}in\bar{a}l\bar{a}ttu$) долж
 еще быть изучены и обоснованы. Сам же факт частого употребления этих форм в
 раппском языке объясняется, конечно, характером дошедших до нас текстов, предст
 ляющих собой главным образом жертвенные надписи и посвящения богам. Замети
 попутно, что в древнетамильских текстах Pluralis honorificus встречается не част
 скажем, употребление суффиксов множ. ч. $-ag$ и $\bar{o}g$ в любовной поэзии ($\bar{k}atal\bar{a}r$
 «любимый») связано, вероятно, со спецификой ее происхождения и первоначально
 бытования в сфере коллективного, ритуально-игрового исполнительства (тот или ян
 герой часто про себя говорит «мы»); что касается обозначения уважаемых персон (б
 гов, царей и князей), то гораздо более характерны формы на $\bar{a}n$, $\bar{o}n$; $\bar{m}alai\bar{k}ilav\bar{o}n$
 «властитель гор», $\bar{p}a\bar{t}a\bar{n}$ — «властитель страны», $\bar{s}eu\bar{o}n$ — «Красный» (бог Мур
 ган), $\bar{t}a\bar{u}\bar{o}n$ — «Темный» (бог Вишну), $\bar{k}orikalan$ — Карикалан, букв. «Черноноги
 (прозвище царя династии Чола) и т. п. При этом показатель $\bar{o}n$ сам по себе, как
 полагаем, способен выражать панегирический смысл, ввиду его возможной связи с корн
 $\bar{o}l/\bar{o}n$ (с оттенком значения «быть единым», «одним», «единственным», отсюда — «вы
 ленным»)¹¹. Если наше предположение верно, то оно должно подтвердить выявленные
 исследователями структурный принцип образования некоторых форм множественн
 числа на основе их омонимии с числительным «один» и расширить возможности чте
 знака ($\bar{o}g/\bar{o}g$, $\bar{o}n/\bar{o}n$)¹².

Раздел 2.6 посвящен словообразовательным морфемам. Выделяются: показате
 $\bar{a}n$, образующий имена мужского рода; его разновидность — сложный показатель
 $\bar{a}l[tu]\bar{a}n$, показатель $\bar{o}li(\bar{o}l)$, который сравнивается авторами с дравидским показ
 телем $\bar{l}$, образующим (с различными гласными) имена мужского и женского родо
 показатель $\bar{k}a\bar{g}$, сравнимый с дравидским показателем имени деятеля (отметим, что,
 по мнению авторов, этот показатель — не индоарийского происхождения; они возвод
 его к языку шумеров и даже к дошумерской эпохе (с. 31).

Чрезвычайно важное значение для дешифровки надписей имеет раздел 2.7, посв
 щенный их синтаксическому строю. Исследователи выделяют в текстах четыре типа
 конструкций, находящихся четкое соответствие в дравидских языках: атрибутивные
 с псевдоартиклем $\bar{o}g$; с приложением; с однородными членами (наподобие санскр.
 «двандва»). Особенно интересно, на наш взгляд, выявление третьего типа конструкц
 где имена представляют собой взаимодополняющие равноправные определения, играю
 щие роль, по терминологии венгерского дравидолога И. Майора, квалификаторов (на
 пример, «правитель-герой»).

Весьма интересна идея выделения псевдоартикля. В трактовке его значения мы
 усилили бы оттенок единичности, уникальности, характеризующий употребление слова
 $\bar{o}g$ в древнетамильских текстах (наш перевод приведенной строки из антологии «На
 триней» был бы таков: «Убежав от одного лишь копыта Хозяина гор»). Такое словоуп
 требление (выражение определенной единичности), безусловно, отличается от совре
 менного, что и подтверждается примерами на с. 34. Кстати, момент уникальности, вы
 ражаемый знаком 1, отнюдь не упущен авторами в масштабах всей публикации и особ
 подчеркивается ими в разделе «Передача омонимов» (с. 64).

Серьезное внимание уделено авторами структуре протоиндийской морфемы Ди
 более надежного ее определения им приходится использовать самый ранний из дост
 ных нам словес дравидской лексики — слова, заимствованные древними индоарийски
 языками (в частности, ведическим). Опираясь на положение С. Г. Рудина о том, что

¹¹ Происхождение показателя $\bar{o}n$ может быть, как нам представляется, связано с
 процессом образования имен от глагольных корней путем увеличения долготы корней
 гласной, т. е. $\bar{o}n > \bar{o}n$. Этот процесс типичен для дравидских языков и весьма продук
 вен, в частности, в сфере словообразования: ср. $\bar{r}egu$ — «получать», $\bar{r}egu$ — «то, что по
 лучено»; $\bar{v}itu$ — «оставлять», $\bar{v}itu$ — «оставление» и т. д.

¹² В числительном «один», как замечает М. С. Андронов, на общедравидском уро
 реконструируются две формы: $*\bar{o}n < *o\bar{l}$ и $*\bar{o}g$, которые, вероятно, связаны общности
 происхождения (Сравнительная грамматика дравидских языков. М.: Наука, 1971
 с. 239).

существование закона, ограничивающего число слогов одной морфемы (большинство же исследователей настаивает на моносиллабическом характере исконных дравидских корней), авторы приходят к выводу, что формулой протониндийской морфемы в ее максимальном виде является СГССГ (где С — согласный, Г — гласный).

Специальный раздел «Прото-индики» (5.1—5.5) посвящен числительным. Он представляет нам весьма важным потому, что, во-первых, очевидное сходство дравидской протониндийской систем числительных служит одним из веских оснований для определения дравидской принадлежности хараппского языка и, во-вторых, здесь наглядно и действительно продемонстрирован один из основных принципов протониндийского письма — принцип омонимии: знаки, изображающие цифры (от 1 до 10), используются для передачи омонимичных слогов и морфем. Так, знак I («единица»), передает и несколько других значений (в зависимости от позиции), частично нами упомянутых выше. Знак II («два») может передавать корневую морфему со значением «большой», «великий» (ср. тамильск. iḡu — «быть большим»), а также морфему iḡ — со значением «превосходство», «правление» (ср. тамильск. iḡaiṇ — «высший бог», «царь»). Из прочих числительных упомянем еще числительное «четыре», омонимичное корню paI — «благой», «хороший». Заметим, что эта омонимия сохраняет свое значение и в древнетамильском языке, благодаря чему число 4 приобретает несомненный магический смысл. То же относится и к числительному семь (eḷu), омонимичному, по нашим наблюдениям, корню eḷu — «подниматься», «распространяться» и потому выражавшему идею большого количества (ср. строку из стиха 24 в антологии «Курунтохей»: «я — как плод, растоптанный семью крабами», где «семь», согласно комментарию Сваминатхайяра, означает «много»).

К числу больших достижений, несомненно, относятся и календарно-хронологические труды, которые ведутся авторами давно и включают помимо филологической работы и текстами исследования в области мифологии, астрономии, археологии. В настоящее время благодаря трудам советских ученых воссоздается весьма впечатляющая, сложная и вместе с тем уже довольно глубоко понятая система календарно-хронологических представлений протониндийцев. Причем, если говорить точнее, речь идет о нескольких системах, наложенных одна на другую. Здесь особого внимания заслуживает «вычитанная» непосредственно из текстов трехсезонная модель года. Подробно она разбирается в упомянутой статье Б. Я. Волчок, где, в частности, отмечается, что «трехсезонный год — специфически индийская модель года, не встречающаяся в культурах сопредельных с Индией стран...»¹³ Заметим, что указания на наличие этой календарной модели содержатся в ведических памятниках и позже, еще более определенные — в брахманах, эпосах, пуранах. Если учесть и шестисезонную модель года, описанную для протониндийской культуры ранее, то намечается стабильная, необычайной временной протяженности индийская календарная традиция, истоки которой уходят в глубины культуры Мохенджо-Даро и Хараппы.

В статье Б. Я. Волчок привлекает внимание и раздел, посвященный образу буйвола в протониндийских изображениях и текстах. Этот образ — центральный в иерархии зооморфных божеств протониндийского пантеона и может нести различную смысловую нагрузку. Наиболее существенна его связь с хронологией: обладающий буйволиными рогами Верховный бог, Владыка мира — покровитель одного из 12-летий в 60-летнем цикле Юпитера. Чрезвычайно интересно и то, что образ буйвола дожил в индийской мифологии до наших дней, и до сих пор жертвоприношение буйвола играет существенную роль в ритуалах некоторых народов Индии. Так осуществляется уникальная преемственность традиций в индийской культуре. Здесь еще много невыясненного, гипотетического, но некоторые линии традиции в области мифологических, календарных и астрономических представлений выявлены исследователями наглядно и убедительно.

Заключительные разделы «Прото-индики» — краткий глоссарий и индекс знаков. Глоссарий — это по существу первый словарь хараппского языка, составленный в порядке «Дравидского этимологического словаря». Каждое словарное гнездо проиллюстрировано образцами чтения протониндийских текстов с указанием нумерации надписей по индексам И. Махадевана. Глоссарию предшествует небольшое предисловие, в котором разъясняются некоторые принципы протониндийского письма, а также методика отождествления знаков с конкретными дравидскими морфемами. Здесь подчеркивается, что основным источником для выявления семантики знака является его позиционная характеристика, тогда как определение изображаемого знаком предмета играло вспомогательную роль (с. 72).

Индекс знаков, помещенный на с. 99—108, содержит 417 (вместе с аллографами) знаков, представленных прорисовкой, номером, чтением в латинской транскрипции, описательной характеристикой (что он палеографически изображает). В некоторых случаях имеется ссылка на одного или нескольких исследователей, предлагавших ранее сходную трактовку знака. Отмечены знаки, имеющие параллели в шумерском письме (хотя, как подчеркивается в предисловии к глоссарию, пиктографические источники протониндийской и шумерской систем письма разные).

Глоссарий и индекс, компактные и даже изящные по форме, являются результатом громадной работы ученых, и значение их для науки несомненно. К сожалению, это не легко осознать неподготовленному читателю — ведь только путем тщательного изучения вопроса, с привлечением других работ в области протониндийской палеографии, можно до конца уяснить смысл проделанной авторами работы. Но они, приходится это признавать, далеко не всегда идут навстречу читателю, придерживаясь порой чересчур лаконичного стиля изложения материала. Показательна в этом отношении публикация индекса. Он имеет краткий подзаголовок «По И. Махадевану», заставляющий читателя

¹³ Волчок Б. Я. Указ. раб., с. 56.

предполагать, что перед ним — переиздание каталога И. Махадевана или его работы. Между тем подзаголовок имеет в виду лишь порядок расположения и нумерацию принятые в этом каталоге, который, кстати, не содержит ни описаний, ни тем более комментариев к знакам. Советские же исследователи предлагают собственные описания и чтение подавляющего большинства знаков описаны пока около 50 знаков; в 20 случаях отмечено совпадение с интерпретациями других исследователей), и об этом надо было бы сказать в небольшом предисловии к индексу. Там же следовало бы разъяснить принцип его построения.

В заключение хотелось бы высказать несколько общих соображений. Рецензия на книгу, как уже отмечалось, предшествовала длительная и сложная работа, состоявшаяся на протяжении ряда лет в различных публикациях. Все они составили совокупность логических следующих одно за другим исследований, соответствующих тем или иным этапам и аспектам работы. Естественно, что наступает момент, когда ощущается потребность свести все звенья исследования воедино, подвести итоги, сообщить о новых результатах. Именно этой задаче, как нам кажется, отвечает структура последней «Прото-индики». По сути дела, она представляет собой первый очерк грамматики протоиндийского языка. Разумеется, он из-за специфики языкового материала не может быть полным и совершенным, но все же содержит основные, традиционные для такого рода работ разделы: морфология, словообразование, синтаксис. Прибавим к этому и словарь-гlossарий.

Конечно, осуществить выполнение поставленной задачи на 115 страницах — дело исключительной трудности. Видимо, с этим связаны излишний лаконизм изложения (упомянутый нами в связи с индексом, но присущий также календарно-хронологическому и некоторым другим разделам книги), недостаточная «проговоренность» отдельных очень важных положений, а в ряде случаев вынесение их за скобки публикации.

По-видимому, назрела необходимость в более фундаментальном издании, в котором с заслуживающей того полнотой были бы продемонстрированы как теоретические и методические разработки, так и конкретная их реализация. Судя по последней книге, группа приблизилась к тому рубежу, когда можно приступать к сплошной публикации текстов с параллельным переводом, интерпретацией и комментариями как лингвистического, так и культурно-исторического характера. Читатели вправе надеяться на появление издания подобного рода в обозримом будущем, тем более что серия «Прото-индики», издававшаяся минимальными тиражами, была и остается библиографической редкостью едва ли не с момента выхода в свет каждой из ее книг.

А. З. Розенфельд

НОВЫЕ РАБОТЫ

ПО ЭТНОГРАФИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

История и этнография народов Средней Азии (Сб. статей)/Отв. ред. А. К. Писарчик и К. Душанбе: Дониш, 1981, 153 с.+13 илл.; Очерки по истории Советского Бадахшана/Отв. ред. Р. М. Масов. Душанбе: Ирфон, 1981, 388 с.

Первая книга посвящена памяти одного из видных специалистов по языку и этнографии таджиков, заслуженному деятелю науки Таджикской ССР, кандидату исторических наук Николаю Николаевичу Ершову (1904—1980). Выпускник Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина, Н. Н. Ершов с 1930 г. жил в горах таджикских кишлаков. Переехав в Душанбе, он неоднократно участвовал в экспедициях, постоянно поддерживал тесные связи со многими таджикскими семьями, что позволило ему глубоко изучить повседневный быт, ремесла, народную медицину, хозяйственную деятельность таджиков. В книге помещены портрет Н. Н. Ершова и список его трудов.

Рецензируемый сборник, основанный преимущественно на полевых материалах, содержит статьи по истории, этнографии и народному искусству народов Средней Азии, главным образом Таджикистана. Среди их авторов¹ такие известные ученые старшего поколения, как Е. М. Пещерева, О. А. Сухарева, А. К. Писарчик, Р. Л. Неменова.

Значительная часть статей посвящена народному искусству и ремеслам: «О ткацких ремеслах в Самарканде» (О. А. Сухарева), «Декоративные вышивки таджиков верховья Зеравшана» (З. А. Широкова), «Некоторые сведения о народной керамике Самарканда» (А. К. Писарчик), «Орнаментированные блюда из Северного Таджикистана» (А. К. Разыграева), «Народный музыкальный инструмент карнай» (Т. И. Мезурнова). К этим статьям в конце сборника даны иллюстрации (сосуды, блюда, вышивки, миниатюры) которые подкрепляют наблюдения авторов.

В статье Е. М. Пещеревой «Некоторые этнографические данные об агалыках в Каршинском и Шахриябском бекствах Бухарского эмирата в конце XIX — начале XX в.» раскрывается сущность особой социальной фигуры — агалыка, его роль, дея-

¹ Состав авторов: Н. С. Бабаева, А. С. Давыдов, У. Джахонов, А. Мардонов, Т. И. Мезурнова, О. М. Муродов, Р. Л. Неменова, Е. М. Пещерева, А. К. Писарчик, А. К. Разыграева, О. А. Сухарева, М. А. Хамиджанова, З. А. Широкова.

ность, обязанности в изучаемый период (вплоть до 1920 г.). Автор в значительной степени основывается на терминологическом анализе. Ценное дополнение к этой статье сделано А. К. Писарчик (с. 12—13), которая привлекла материалы о наличии сходного явления в Дарвазе (юго-восточная часть Таджикистана). Там были известны выборы административные лица — «мири дари хона» («мирдархуна», «мирдари хона»), являвшиеся определенными территориальными единицами.

В статье А. С. Давыдова «К истории огнестрельного оружия в Средней Азии» характеризуется вооружение воинов с древнейших времен до начала XX в. Автор привлекает нарративные источники (со ссылкой на работу А. М. Беленицкого)² и собранные им в Зеравшанской долине этнографические материалы. А. С. Давыдов уделяет много внимания выявлению и анализу различных названий воинского вооружения. В ряде статей характеризуются хозяйственная деятельность, семейно-брачные отношения, обычаи и обряды таджиков различных районов Средней Азии. Следует особо отметить исследование У. Джаконова «Традиционное скотоводство таджиков долины Вах в конце XIX—начале XX вв.» Автор приводит несколько терминологических таблиц описания крупного и мелкого рогатого скота и лошадей (различающие названия животных по полу и возрасту), построек для их содержания в зимнее время и на летовке, пастбищ, кормовых трав и другие термины, используемые таджиками этого района Таджикской ССР, западная часть Ферганской долины, к югу от Коканда. У. Джаконов обращается и на некоторые традиции, связанных со скотоводством, умело привлекая сравнительный материал по другим республикам Средней Азии, главным образом Таджикистану.

Статьи, посвященные обрядности: «Туи хатна — обрезание у таджиков Верхнего Зеравшана» (М. А. Хамиджанова), «Свадебное торжество у таджиков Файзабада» (Мардонова), «О формах могил у некоторых этнических групп Кулябской области» (С. Бабаева) — содержат новые факты, ранее не освещавшиеся в этнографической литературе.

В основу статьи Р. Л. Неменовой «Селения Варзоба» положены полевые материалы периода 1961—1965 гг., неоднократно дополнявшиеся и выверявшиеся впоследствии. Это населенное живописное Варзобское ущелье протяженностью около 80 км играет большую роль в экономической жизни Таджикской ССР. Кроме таджикоязычного населения (варзоби, вилоты, сугути, кулоби, каратегини) здесь живут переселенцы — ягнобцы (сохранившие свой ягнобский язык), различные тюркоязычные группы (потомки монгольских племен — карлуки, калытатой), русские и другие народы. Автор приводит богатый топонимический материал.

Заключает сборник статья О. Муродова «Джин в традиционных народных представлениях», содержащая наблюдения автора, связанные с архаическими верованиями о духах (джин, аджина, дэв). Особенно интересны сведения, касающиеся шаманства в Самарканде и в некоторых равнинных районах Средней Азии и роли женщин-шаманок в прошлом.

Подводя итоги, отметим, что рецензируемый сборник успешно продолжает традицию этнографического изучения Средней Азии, главным образом Таджикистана³. Первые исследования принадлежали, как известно, замечательным востоковедам — И. С. Андрееву, А. А. Семенову, И. И. Зарубину, затем появились работы Н. Н. Ершова, Н. А. Кислякова и других этнографов, в том числе и редактора этого сборника А. К. Писарчик.

Второй из рецензируемых сборников посвящен Советскому Бадахшану⁴. Эта коллективная монография основана на документальных материалах. В ней впервые подводятся итоги изучения Восточного и Западного Памира — его исторического прошлого, развития и развития советской государственности, развития промышленности и сельского хозяйства, культурного строительства и т. д. Мы остановимся только на работах, характеризующих этнографическое и археологическое изучение региона.

Л. Моногарова и И. Мухиддинов в статье «Этнографическое изучение Советского Бадахшана» выделяют два периода в этнографическом изучении ГБАО Таджикской СР. Первый — «с последней четверти XIX в. и вплоть до установления Советской власти» и второй период — «от этого рубежа до настоящего времени». Видимо, целесообразно было бы более четко подразделить второй период на этапы начальный, предвоенный и послевоенный.

В статье отражена деятельность многих ученых, изучавших этнографию народов Советского Бадахшана, охарактеризован вклад каждого из них. На наш взгляд, стоило бы осветить труды таких видных исследователей этнографии Средней Азии, и в частности Памира, как И. И. Зарубин и М. С. Андреев, а также оценить большую работу А. К. Писарчик, не только подготовившей к печати труд М. С. Андреева «Таджикская долина Хуф (верховья Амударьи)»⁵, но и значительно дополнившей его. Правда,

² Беленицкий А. М. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV—XVI веках. — Изв. Таджикского филиала АН СССР, 1949, 15, с. 21—35.

³ Ср. изданный Институтом истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР сборник статей по истории, археологии, этнографии и искусству Средней Азии «Памяти Александра Александровича Семенова»/Отв. ред. Б. И. Искандеров. Душанбе: Дониш, 1980.

⁴ Состав авторов: Б. А. Антоненко, А. Я. Вишневский, Д. Давлатов, Х. Джалилов, Б. И. Искандеров, Т. В. Каширин, Р. М. Масов, Л. Ф. Моногарова, И. Мухиддинов, М. Н. Назаршоев, С. А. Ражабов, В. А. Ранов, Х. М. Саидмуратов, Л. П. Сечкин, М. Шергазиев, Ш. Юсупов.

⁵ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (верховья Амударьи). Вып. 1. — Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии. Т. 7. Сталинабад, 1953; вып. 2. — Там же. Т. LXI. Сталинабад, 1958.

авторы отмечают (с. 325) уникальность материалов А. К. Писарчик, опубликован во втором выпуске труда как «Примечания и дополнения к монографии М. С. Анд ва», указывают, что по объему они равны написанному М. С. Андреевым, но не по вают их значения в этнографическом изучении Средней Азии.

Несомненным достоинством статьи является обширная библиография работ, чающая как дореволюционные публикации и архивные материалы (хранятся в Ар востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР — ф И. И. Зарубина и А. Е. Снесарева, в Архиве Географического общества СССР и в тральном государственном военно-историческом архиве СССР), так и труды а ских и зарубежных исследователей по этнографии памирских народностей. Есте но, что в таком обширном обзоре трудно избежать пропусков (в частности, слео упомянуть работы Б. В. Лунина, содержащие ценные сведения о деятельности ченых, в том числе М. С. Андреева и А. А. Семенова) ⁶.

Остановимся еще на одном вопросе, затрагиваемом авторами этой статьи. О ча, что монография Л. Ф. Моногаровой «Язгулемцы» является «первым обобщаю исследованием о язгулемцах», они пишут: «Впервые на язгулемском материале а тверждена лишний раз универсальность патронимия — пережитка родовых отно ний...» (с. 326). Последнее утверждение нам представляется весьма спорным. В оукованной посмертно работе Н. А. Кислякова «О сущности понятия „патронимия“ писал: «То, что понимается под „патронимией первого порядка», является по суще пережитком, сохранившимся реликтом родовой организации, для которого нет нео димости вводить в научный обиход новое понятие, новый термин» ⁷. Л. Ф. Монога и И. Мухиддинов — сторонники другой точки зрения на патронимию, но и в этом, чае надо было, на наш взгляд, сказать о мнении Н. А. Кислякова.

Заключает рецензируемый сборник статья В. А. Ранова «Археологическое изуче Памира». Автор поэтапно характеризует археологические исследования этой слож области Средней Азии. Он выделяет труды, посвященные эпохам палеолита и бр периодом средневековья, археологии сакского периода, древним крепостям Запа Памира, наскальным изображениям. Основное внимание автор справедливо удел систематическому исследованию археологических памятников, начавшемуся в 1946 после Великой Отечественной войны, и продолжавшемуся до конца 1970-х го В. А. Ранов подробно остановился на трудах А. Н. Бернштама, Б. А. Литвинск М. А. Бубновой, А. Д. Бабаева, В. А. Жукова, А. Н. Зелинского и своих, а также тропологов В. В. Гинзбурга и Ю. Г. Рычкова. Несомненным достоинством этой ст является приводимая в ней обширная библиография (недостаточно полно, на л взгляд, в ней представлены исследования, посвященные наскальным изображен и эпиграфическим памятникам) ⁸.

Итак, рецензируемые сборники — убедительное свидетельство того, что учен Таджикистана, накопив ценные материалы по этнографии и археологии таджиков, дут большую исследовательскую работу. Они используют как достижения своих пр шественников, так и результаты собственных экспедиционных исследований, провод мых в различных районах Узбекистана и Таджикистана.

⁶ Ср., например: Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиог фические очерки/Сост. Б. В. Лунина. Ташкент, 1974 (Андреев М. С. — с. 88—96; Се нов А. А. — с. 338—346).

⁷ Кисляков Н. А. О сущности понятия «патронимия». — В кн.: Страны и нарк Востока. Вып. XVIII. М.: Наука, 1976, с. 280. Ср.: Першиц А. И. Социально-эконо ская терминология в понятийном аппарате этнографии. — СЭ, 1983, № 5, с. 62—63.

⁸ Ср.: Кисляков Н. А. Бурх — горный козел. — Сов. этнография, 1934, № 1—2; же. Охота таджиков долины р. Хингоу — в быту и в фольклоре. — Сов. этногра 1937, № 4; Розенфельд А. З., Колесников А. И. Две надписи на камнях вблизи с. С (Западный Памир). — Эпиграфика Востока. Л. — М., 1963, т. XVI; ил же. Материалы эпиграфике Памира. Надписи из Сарои бахор (селение Поршнин, Шугнанский район). Эпиграфика Востока, 1969, т. XIX.

Т. М. Акимова

РУССКАЯ УСТНАЯ НАРОДНАЯ ДРАМА И РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ТЕАТР В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВЕТСКИХ ФОЛЬКЛОРИСТОВ КОНЦА 70-х ГОДОВ

Советскими исследователями проделана огромная работа по изучению русского народного театра: найдено большое количество новых текстов, сделано немало описа постановок народных пьес в разных районах страны. Расширились границы сам объекта исследований, так как народная драма в собственном смысле, т. е. закон

де, вполне оформленные произведения, стала рассматриваться в контексте различных форм театрализации разных жанров и видов народного творчества. Исследование ведется на новой методологической основе. В 50-х годах появились работы обобщающего характера¹. В работах сегодняшнего дня народный театр предстает разнообразием своих форм и этапов развития. Особо следует отметить труды Н. И. Савушкиной и В. Е. Гусева; вместе со многими статьями и публикациями об отдельных течениях фольклорно-театрального искусства, опубликованными этими авторами, они оставляют новую ступень в его изучении.

* * *

Книги Н. И. Савушкиной и В. Е. Гусева имеют много общего по научному профилю, целенаправленности изданий и широте охваченного изучением материала, но значительно различаются по авторским концепциям. Исследование Н. И. Савушкиной «Русский народный театр»² обращено к широкому читателю. Два выпуска ее работы «Русская устная народная драма» являются учебным пособием по спецкурсу для студентов-заочников филологических факультетов университетов³. Обе части работы В. Е. Гусева⁴ написаны как учебное пособие для студентов театральных вузов, институтов культуры и аспирантов, специализирующихся в области изучения народного творчества. Они предназначены для учащихся более узкой специализации, чем несколько отличаются от исследований Н. И. Савушкиной. Работа ее об устной народной драме уже по материалу, так как в ней анализируются только законченные произведения, представляющие собой драму в собственном смысле. Тем не менее в названных трудах решаются многие общие проблемы.

Оба автора начинают исследование с одного и того же материала: календарных обрядов, хорошедных песен, игр, свадеб. И здесь уже обнаруживается различие аспектов изучения при рассмотрении драматических и театрализованных элементов в жанрах «дотеатрального» периода. Н. И. Савушкина ведет анализ, главным образом, в этнографическом плане, В. Е. Гусев — в театроведческом. К тому же Н. И. Савушкина сосредотачивает внимание на драматических элементах обрядов, В. Е. Гусев — на театрально-зрелищных. В книге Н. И. Савушкиной выделяется глава «Драматическое искусство сказочников», В. Е. Гусев в первых главах книги «Истоки русского народного театра» рассматривает «ряжение» и «игрища». Разумеется, каждый исследователь обходит в своих наблюдениях и выводах смежных областей, но преимущественный интерес каждого все же различен. Н. И. Савушкина, анализируя народные обряды, выясняет, как из магических слов и действий выделялась комическая, увеселительная сторона. В. Е. Гусев усматривает в первичном виде обрядовых действий главное для будущего театра — увеселительные игровые комические и юмористические сцены. Очень важно, что при этом он обращает особое внимание на обрядовый смех, нередко называемый эротическими сценами. Когда же «первоначальный магический смысл ритуального эротизма был забыт, игрище сохранило лишь некоторые элементы древнего обряда...». Он подчеркивает стихийную диалектику «народного мироощущения», неразрывную связь умирания и возрождения плодотворящих сил природы, что придавало игрищу черты карнавальности с присущим ей соединением в одном образе представлений о жизни и смерти, старости и молодости, мужского и женского начал⁵. Опираясь на работы М. М. Бахтина и В. Я. Проппа, автор анализирует юмористические сцены обрядовых игр, генетически связанные с «ритуальной функцией смеха, магически превращавшего акт смерти в акт возрождения»⁶. Это вызывало в обрядовых игрищах «сочетание возвеличения и развенчания, восхваления и брани, патетики и насмешки»⁷. Таковы истоки русского народного театра, обнаруживаемые В. Е. Гусевым в святочных играх, весеннем разыгрывании похорон Ярилы, Костромы и т. п.

Н. И. Савушкина, как было сказано, ведет начало народного театра с драматизации искусства слова, проявляющейся в разных жанрах фольклора. При этом она ссылается на наблюдения И. В. Карнаухова, утверждавшей, что «сказка отнюдь не литературный жанр, а литературно-театральный» и «живет живой жизнью в звучании, в исполнении... Сказочник обладает целым комплексом приемов: он помогает себе мимикой, жестами, движениями, интонациями, паузами»⁸. Несмотря на научный авторитет некоторых сказковедов, писавших о театрализованном исполнении сказки, принять это суждение невозможно. Подавляющее большинство исследователей из применяемых некоторыми сказочниками приемов, оживляющих текст, называют только интонацию

¹ Берков П. Н. Русская народная драма XVII—XX веков. М., 1953; Всеволодский-Гернгросс В. Н. Русский театр от истоков до середины XVIII в. М., 1957; Кузьмина В. Д. Русский демократический театр XVIII века. М., 1958; Всеволодский-Гернгросс В. Н. Русская устная народная драма. М., 1959, а также ряд театроведческих работ.

² Савушкина Н. И. Русский народный театр. М.: Наука, 1976.

³ Савушкина Н. И. Русская устная народная драма. Учебное пособие. в. I. Классификация и сюжетный состав. М.: Изд-во МГУ, 1978; в. II. Вопросы поэтики. М.: Изд-во МГУ, 1979.

⁴ Гусев В. Е. Истоки русского народного театра. Л., 1977; его же. Русский фольклорный театр XVIII — начала XX века. Л., 1980.

⁵ Гусев В. Е. Истоки русского народного театра, с. 29.

⁶ Там же, с. 35.

⁷ Там же.

⁸ Савушкина Н. И. Русский народный театр, с. 13.

и иногда мимику, но не жест и не движение. Можно назвать случаи драматизации и текста, но не театрализации. Для изучения народной драмы суждения Н. И. Савушкиной имеют несомненный интерес, но о театрализации сказки все же говорить приходится.

Подходя по-разному к вопросу о происхождении театра и драмы, авторы не столько противоречат, сколько дополняют и обогащают друг друга. При анализе генезиса фольклорного явления очень важно применять единые понятия и единую терминологию. Не следует ли различать понятия «истоки» и «традиции»? При анализе истоков и традиций важно обозначать, в чем они проявляются — в тематике, сюжете или в приемах композиции и стиля. Необходимо уточнить также понятия «эволюция» и «развитие». Эволюция предполагает непрерывность развития от низших форм к высшим, развитие же необязательно бывает непрерывным и не всегда ведет к совершенству. Эти категории в рецензируемых работах употребляются неодинаково. В. Е. Гусев проследживает эволюцию театральных форм, начиная с зачаточных. Н. И. Савушкина говорит о развитии народной драмы и театра и выявляет традиции, на основе которых возникла народная драма в виде законченных пьес.

Традиции театральности фольклорных жанров в эмбриональном виде можно обнаружить в более элементарных чертах, чем их находят оба автора. Они заключены в старинном быте крестьянства. Хочется напомнить высказывание крупнейшего этнографа Д. К. Зеленина о том, что в традиционном крестьянском быту многое проходило на виду, «на людях», составляя нечто вроде обязательного этикета. Так было в поведении за столом во время еды, в особом ритуале приветствия гостей и их проводов, в манере девушек идти к колодезю за водой, в словах и жестах при оформлении большой покупки, например лошади, дома и т. д. В условиях подобного этикета стали постоянными устойчивые словесные формулы, одни и те же жесты, мимика. Выработалась привычка к особому рода поведению «на миру». Сыграло ли все это какую-либо роль в создании драмы? Возможно. Хотя эти традиционные формы и не могли быть источником последующих подлинных пьес, они все же привили любовь к театральности и подготовили к ней. Можно сказать, что здесь обнаружилась другая линия пути к драматизации — не смеховая, а серьезная.

* * *

Исследование собственно народной драмы оба автора начинают с примитивных юмористических и сатирических пьесок. «Сценки, фарсы, комедии», — называет их В. Е. Гусев⁹. «Бытовые сатирические игры и сцены», «Бытовые сатирические драмы» — так обозначает их Н. И. Савушкина¹⁰. Имеются в виду сцены со стариком и старухой, доктором и больным, баринем и слугой. Это сцены с ограниченным диалогом и слабо развитым действием. Но к ним же оба автора относят и пьески с более насыщенным действием и дополненными эпизодами: «Барина водить», «Афонька-малый и барья голый», «Шлюпку спускать», начиная «от простейшей игры до сложного развернутого драматического действия»¹¹, как пишет Н. И. Савушкина, подчеркивая, что сложные формы не отменяли простых, но продолжали бытовать одновременно¹².

Наряду с такими пьесками фольклорного содержания и происхождения к началу становления собственно народного театра В. Е. Гусев и Н. И. Савушкина относят фольклоризовавшиеся литературные произведения: «Маврух» — инсценировку английской песенки; антиклерикальные сцены; представление, описанное Ф. М. Достоевским — «Кедрил-обжора» и пародию на народную свадьбу и семейный быт — «Пахомушка». Большинство этих полужанровых, полулитературных вещей известно в единственном тексте. Народ, может быть, еще только искал темы и сюжеты для воплощения в полноценные театральные постановки. Оба автора подчеркивают большое место сатиры в этих начальных формах театра.

При исполнении пьес допускались импровизация, обращение к публике и даже некоторое ее участие в спектакле в виде возгласов и реплик, выражающих одобрение или осуждение действий актеров.

* * *

К полноценным драмам В. Е. Гусев относит «Лодку» со всеми ее версиями и вариантами («разбойничья драма»), «Царя Максимилиана» («тираноборческая трагедия-комедия») и «Как француз Москву брал». Н. И. Савушкина делит завершенные комедии на две группы по принципу большей или меньшей литературности. В первую она включает «Лодку» и «Царя Максимилиана», во вторую — «разбойничьи» версии «Лодки» и «Как француз Москву брал», отразив в классификации свое мнение о происхождении каждого спектакля.

Если В. Е. Гусев стремится открыть нечто общее между обрядовыми играми, игрищами и собственно драмой, то Н. И. Савушкина показывает, как ограничена собственно драма от обрядов и игр. Поддерживая мнение П. Г. Богатырева и В. Ю. Крпьянской о взаимопроницаемости фольклора и литературы, она отмечает множественность источников народно-поэтических произведений поздней формации, к которым она по праву относит и драму. «Насколько обосновательно, — говорит она, — игнорир

⁹ Гусев В. Е. Русский фольклорный театр XVIII — начала XX века, с. 8—24.

¹⁰ Савушкина Н. И. Русская устная народная драма, в. I, с. 23—54.

¹¹ Там же, с. 35.

¹² Там же.

ние театральных элементов народных обрядов и игр, настолько неверно и уравнивание их с развитой народной драмой и театром»¹³. Последнее наиболее отчетливо проявилось в работах В. Н. Харузиной и В. Н. Всеволодского-Гернгросса¹⁴.

Народная драма, как справедливо считает исследовательница, отличается от театрализованных элементов в древних обрядах и игрищах сюжетной оформленностью, правильным словесного текста и действия, их сюжетно-композиционной слитностью. Главным же признаком драмы заключается, по ее мнению, в перевоплощении исполнителя в создании актером сценического персонажа с помощью интонации, грима, мимики, жеста, костюма и других средств. В народных играх эти приемы присутствовали лишь эпизодически. Сюжетно оформленные драмы в некоторых случаях включали в свой состав сцены из народных игрищ. Чаще же те и другие существовали параллельно¹⁵.

Драму «Лодка» оба автора считают старейшей, хотя это положение требует большой аргументации. Н. И. Савушкина основывает свое суждение на старшинстве записей. Этого, разумеется, недостаточно. Произведения на «разбойничью» тему она разделяет на три группы по времени исполнения и степени разработанности. К сценкам она относит игру «Шлюпку спускать», к собственно драме — «Лодку» с ее многочисленными вариантами, в самостоятельную группу выделяет «разбойничьи» пьесы с любовным конфликтом, составленные по сюжетамлубочных романов. Таким образом, в своей классификации она особое значение придает литературным источникам как показателю последнего времени возникновения этих пьес. В. Е. Гусев соответственно своей концепции все эти произведения рассматривает вместе, доказывая их фольклорное происхождение. «Шлюпку» и «Лодку» он считает возникшими на основе инсценировки песни «Вниз по матушке по Волге», соглашаясь с мнением В. Ю. Крупянской, детально изучившей источники драмы «Лодка» и все ее варианты и версии¹⁶.

Опираясь на мнение В. Н. Всеволодского-Гернгросса, он датирует возникновение драмы «Лодка» концом XVII в. — временем, близким к событиям крестьянской войны, хотя не может полностью принять его предположения, что первоначально героем драмы был Степан Разин. Доказательства В. Н. Всеволодского-Гернгросса очень шатки. В народном творчестве тема общественного протеста нередко ассоциировалась с именем Степана Разина, часто его имя называлось вместо имени безымянного удальца. В этом бывали повинны собиратели и публикаторы текстов, например, Н. И. Костомаров, А. М. Листопадов и др. В фольклористической литературе подобные факты хорошо известны¹⁷. В вариантах драмы «Лодка», записанных в советское время, особенно часто герой-атаман называется Степаном Разиным¹⁸.

Датировать комедию «Лодка» XVII в. нет никаких оснований: в ней нет исторических примет той эпохи. Язык ее более поздний, чем драмы о Максимилиане, относящиеся к XVIII в. Песня «Вниз по матушке по Волге», представляющая якобы источник «Лодки», тоже сочинена не раньше конца XVIII в. Вставные же песенные номера в комедии могут датироваться концом XVIII и первой половиной XIX в.¹⁹. Главное, что свидетельствует о сложенности драмы «Лодка» не раньше конца XVIII в., — ее структура и манера исполнения, заимствованные из спектакля о царе Максимилиане.

Н. И. Савушкина не считает источником этой драмы инсценировку песни «Вниз по матушке по Волге». Она доказывает одновременное существование игры в лодку и завершенной драмы, поскольку в них нет сюжетной общности. Действительно, в драме появляется конфликт серьезного социального характера, что отличает ее от бесконфликтной веселой игры. Исследовательница, несомненно, права. Возникновение комедии, она, как и В. Ю. Крупянская, относит к концу XVIII в., и это тоже справедливо. Фольклоризировать же все произведения «разбойничьей» тематики было бы удобнее в одной главе, как это делает В. Е. Гусев. Тогда было бы легче обнаружить их сюжетные различия, разное сценическое решение и общетематическое сходство фольклорной «разбойничьей» темы. Литературные же традиции драмы «Лодка» следует искать в конструкции драмы и приемах ее сценического воплощения, что ведет к «Царю Максимилиану».

¹³ Савушкина Н. И. Русский народный театр, с. 33.

¹⁴ Харузина В. Н. Прimitивные формы драматического искусства. — Этнография, 1927, № 1—2; 1928, № 1—2; Всеволодский-Гернгросс В. Н. История русского театра, т. I, М., 1929.

¹⁵ Савушкина Н. И. Русская устная народная драма, в. I, с. 35.

¹⁶ Крупянская В. Ю. Народная драма «Лодка» (генезис и литературная история). — В кн.: Славянский фольклор. М.: Наука, 1972, с. 258—302.

¹⁷ Миллер В. С. Очерки русской народной словесности. Т. III. М., 1924, с. 305; Пикетов Н. К. Социально-политические судьбы песен о Степане Разине. — В кн.: Художественный фольклор. I. М., 1926, с. 54; Акимов Т. М. Сюжетный состав народных песен о Степане Разине. — В кн.: Вопросы славянской филологии. Саратов, 1963, с. 27—55; Добровольский Б. М. Работа А. М. Листопадова над песенным фольклором донских казаков. — В кн.: Народная устная поэзия Дона. Ростов н/Д, 1963, с. 230—249.

¹⁸ Головачев В., Лайшин Б. Народный театр на Дону. Ростов н/Д, 1967, с. 63.

¹⁹ Из учтенных нами 28 песенных цитат в трех вариантах драмы «Шлюпка» (сборник Н. Е. Ончукова) только 7 народных (считая фольклоризировавшуюся «Вниз по матушке по Волге», упомянутую 2 раза) и 2 солдатских, литературных же 16 (главным образом, на стихи Пушкина, а также Лермонтова и Вельмана). Остальные литературно-веселого разгульного содержания. Тематические песни подобраны специально: 6 литературных разбойничьих и 5 разбойничьих народных, т. е. 21 из 28 разбойничьего тематик.

Комедия «Царь Максимилиан и его непокорный сын Адольф», по-видимому, срейшей и, главное, самая популярная пьеса. Ее создание в XVIII в. ни у кого вызывает сомнений. Бесспорно и то, что в ее основе лежит какое-то литературное (и жет быть, нерусское) произведение то ли житийного жанра, то ли роман, то ли шпальная драма²⁰. Подробно рассмотрев суждения исследователей по этому вопросу В. Е. Гусев сомневается в том, что его можно будет когда-нибудь разрешить. Все он склоняется к мысли, что источник сюжета надо искать в событиях русской истории XVIII в. и предполагает, что религиозный конфликт драмы отражает борьбу па Петра I с царевичем Алексеем. Поддерживая это слабо аргументированное утверждение таких исследователей, как И. Щеглов, В. Н. Всеволодский-Гернгросс и П. Н. Ков, он все же не находит серьезных доводов в его защиту²¹.

Все предшествующие исследователи признавали драму «Царь Максимилиан» сав старшей и приводили в подтверждение этого достаточно убедительные факты. В пэ этической конструкции драмы отчетливо обнаруживаются традиции школьного театр и демократической литературной драмы XVIII в. В ней присутствуют мифологически персонажи, в некоторых вариантах — хор. Появление героя сопровождается его сав восхваляющим монологом и др. В языке драмы о Максимилиане встречаются арэизмы в виде славянизмов. Все это свидетельствует о полной аналогии конструкции драмы с демократическими и школьными пьесами XVIII в.²² В драме «Лодка» в языковых архаизмах, мифологических персонажах и аллегорических фигур, но композиция ее и исполнительские приемы взяты у «Максимилиана».

Можно думать, что обе драмы возникли или одновременно, или вскоре одна из другой и строились по одному образцу. Интермедийные же сцены и вставные песенны номера в обеих пьесах русские, фольклорного или литературного происхождения. Тематически они соответствуют содержанию каждой комедии. В последующих вариантах тексты драм иногда контаминировались. Адольф в таких случаях выступал как атаман волжских разбойников, что создавало конфликт его с царем и мотивировало последующую казнь Адольфа. Борьба главных героев становится социально более острой. В одном варианте в такой контаминации как бы пародируется содержание комедии о царе Максимилиане, а сам герой выступает в роли атамана разбойнической шайки²³.

Анализ поэтики народных пьес и Н. И. Савушкина, и В. Е. Гусев дают в ряде обобщения в конце книги. Интересно это сделано у В. Е. Гусева. Исходя из положений, что драматургия и представление создавались устно в едином творческом процессе и составляли неразрывное целое, он считает необходимым анализировать драму в осуществленной постановке²⁴. Однако В. Е. Гусев прав только отчасти. Чаще постановщики имели готовый текст, особенно когда это было литературное произведение, но в драму вносились дополнения и изменения.

В. Е. Гусев изучает, главным образом, жанровую структуру народного спектакля во всех ее компонентах. Наибольшая сложность такого подхода, по его мнению, в том, что жанровое разнообразие присуще не только народному театру в целом. Оно проявляется даже в разных вариантах одной и той же пьесы. Поэтому всякая классификация фольклорной драматургии условна²⁵. Такие жанры, как комедия, трагедия, фарс, буффонада, мелодрама, при наличии импровизации в каждом варианте и в каждой постановке могут повернуться либо той, либо другой стороной содержания и формы. Думается, в этом интересном наблюдении есть некая доля преувеличения. Возможно, что такая жанровая неустойчивость особенно характерна для позднейшего периода существования драмы. И все же это наблюдение очень важно: оно наталкивает на много размышления. Помимо указанных жанров В. Е. Гусев называет «музыкальную драму», поскольку «музыкальность» представлений была достаточно значительной.

Типично фольклорным признаком народной пьесы он считает отсутствие психологизма, наличие непрерывного и напряженного действия, отчетливое деление персонажей на положительных и отрицательных и большое значение условности слов, движений, реквизита и т. д. От комедии XVIII в. идет, как он справедливо считает, механическое смешение драматических, серьезных и комических мизансцен. Как видно по этой характеристике, народная драма обладает своеобразной подвижной структурой. К сожалению, В. Е. Гусев не уделяет специального внимания месту и значению в драме комического начала и его соотношению со смеховой культурой игр и игрищ, хорошедов и обрядовой театральности.

Н. И. Савушкина исследует, главным образом, народную драматургию в ее специфической жанровой целостности. Можно лишь упрекнуть ее в том, что она совсем исключает из этого анализа комедию «Как француз Москву брал».

²⁰ Обзор литературы давался в ряде работ. См. Акимова Т. М. Народная драма в новых записях. — Уч. зап. СГУ. т. XX. Саратов, 1948; Кузьмина В. Д. Русский демократический театр XVIII века, и др.

²¹ Гусев В. Е. Русский фольклорный театр XVIII — начала XX века, с. 35—37.

²² Щеглова С. А. Неизвестная драма Петровской эпохи о царице и львице. — В кн. Труды Комиссии по древнерусской литературе. I, 1932; Акимова Т. М. Народная драма в новых записях; Кузьмина В. Д. Русский демократический театр XVIII века.

²³ Акимова Т. М. Народная драма в новых записях, с. 45—49.

²⁴ Гусев В. Е. Русский фольклорный театр XVIII — начала XX века, с. 75.

²⁵ Там же, с. 77.

О трактовке пьесы «Как француз Москву брал» надо сказать особо. Оба автора уделяют ей недостаточно внимания, не замечают ее русской национальной и народной природы.

Комедия «Как француз Москву брал» ярко отразила отношение русского народа Наполеону и его захватнической армии. Она целиком создана на почве русского фольклора. Речь персонажей, начиная с первого явления,— типичный русский солдатский язык: «Адъютант: Чаво изволите, ваша величества?... Наполеон. Как, братцы, вы литируют... Сколько их драла, столбка и наших бабита» и т. д. Это типично солдатская речь, воспроизводящая как бы диалог императора с подчиненными²⁶. Весь текст комедии прямо вписывается в обширный круг фольклора, слагавшегося во время после Отечественной войны 1812 г. В типично фольклорном осмыслении дан образ Наполеона. Так же сатирически показан он в известной народной сцене-интермедии вертепной драме «Трон»²⁷ — диалоге Наполеона с мужиком, высмеивающим заносчивость короля (старик сует Наполеону в нос палку).

Образы Наполеона и отступающей армии осмеяны в драме так же, как в народной песне «Шут на острове родился», записанной во многих вариантах в Саратовском Полесье. Песня кончается словами: «Все солдаты со штыками, а крестьяне со цепями. Ука за ним гнать»²⁸. Такого же содержания были широко известные Теребеневские южные картинки, например «Старостица Василиса с косой гонит взятых в плен французов»²⁹. В комедии старуха с вилами гонится за убегающим от нее Наполеоном. Этого же лубка или из рассказов, слухов и творимых легенд попали в драму сведения о героических подвигах русских солдат и полководцев в Отечественной войне 1812 г., например о том, как пленный солдат, отказавшись служить в армии французам, убил себе руку. Вся художественная ткань пронизана народным творчеством. Жена Потемкина причитает над его телом, как простая крестьянка; Потемкин поет известную пору песню Ив. Кованько «Хоть Москва в руках французам, это, право, не беда», ставшуюся во всех песенниках с 1814 г. и вошедшую в народный репертуар³⁰.

Если обратиться к конструкции комедии, то сразу обнаруживается, что она возмужала в солдатской среде. Ее композиция та же, что в царе Максимилиане. Главный конфликт между Наполеоном и Потемкиным сводится к отказу героя подчиниться требованию перейти на французскую службу. Сцены построены так же, как и сцены царя Максимилиана с непокорным сыном Адольфом. Характерны все обращения «царя Наполеона» к подчиненным в виде постоянных словесных формул. И так же по трафарету всегда одними и теми же словами отвечает подчиненный. Эти формулы представляют собой типично армейские формулировки приказов и ответов. Все оформление комедии не оставляет сомнений в том, что перед нами типично народная, национально-русская фольклорная пьеса, сочиненная в армейской среде. Подробнее смотрите мою статью «Народная драма в новых записях».

Но, начиная с 1950 г., когда в книге К. Н. Державина «Болгарский театр» появилось сообщение о пьесе «Смерть князя Потемкина», идентичной по содержанию комедии «Как француз Москву брал», фольклористы стали считать источником народной пьесы пьесу «Смерть князя Потемкина», написанную болгарским литератором, впоследствии академиком, А. П. Шоповым. И хотя в уже упоминавшейся моей статье, опубликованной в 1948 г., было доказано русское происхождение этой драмы, старые взгляды продолжают стойко держаться, и даже В. Е. Гусев и Н. И. Савушкина — главные специалисты в области изучения фольклорного театра — не отошли от сложившегося мнения.

Обратимся к разысканиям источников русской комедии. Громадную работу проделал в этом отношении П. Н. Берков. Он обнаружил, что в Греческой национальной библиотеке хранится книжка «Смерть князя Потемкина из Смоленска, случившаяся в 1812 году, когда французы вторглись в Россию. Трагедия в трех действиях, написанная по-немецки и переведенная на русский язык, а с русского на греческий Федором Вальяно, полковником греческой инженерной части. Афины, 1850»³¹. Многие в этом названии неясно и даже спутано. Ф. Вальяно кончил инженерное училище в Петербурге, где учился, по его словам, с сыном князя Потемкина, юношей, умершим в 1817 г. Перевод свой Вальяно посвящает памяти князя Г. А. Потемкина. Сделан он непосредственно с русского текста, попавшего к нему в 1850 г. Н. П. Берков нашел осуществленные Ф. Вальяно переводы с русского на греческий других книг. Русский же текст трагедии пока не известен.

²⁶ См. Акимова Т. М. Народная драма в новых записях, с. 38—44.

²⁷ См. Малинка А. К истории народного театра. Живой вертеп. — Этнографическое обозрение, 1897, кн. 4, с. 37. Драма записана от николаевского солдата.

²⁸ Фольклор Саратовской области. Саратов, 1946, № 24, с. 81, а также варианты, 450—452.

²⁹ Русские народные картинки. Собрал и описал Д. Ровинский. Т. I. СПб., 1900, записки между столбцами 467—468 и 469—470.

³⁰ Киреевский П. В. Песни: Ч. 10. М., с. 150.

³¹ Берков П. Н. К литературной истории народной драмы «Как француз Москву брал». — В кн.: Вопросы фольклора. Томск, 1965, с. 22—30; первоначально его же. Греческий источник трагедии А. П. Шопова «Смерть князя Потемкина». — В кн.: Голосник на Българския библиографски Институт Елин-Пелин. Т. 10. София, 1963, с. 125—134.

Греческий текст попал в руки студента А. П. Шопова, учившегося в 70-х в Константинополе, и он перевел пьесу на болгарский язык³². Во время освободительной войны ее постановка запрещалась турецкими властями, она ставилась в Болгарии после освобождения. Такие же сведения получила и Н. И. Савушкина от болгарских исследователей³³. В результате своих поисков П. Н. Берков утвердился в мнении о ском происхождении народной драмы «Как француз Москву брал». Непонятно, почему В. Е. Гусев, и Н. И. Савушкина отвергли его точку зрения.

Солдатский юмор сказался, как мне кажется, в заглавии русской народной мы — «Как француз Москву брал», т. е. брал, но не взял. Вот этот-то позорный Наполеона период, когда армия захватчиков оказалась вынужденной бежать из Москвы, и изображен в солдатской комедии.

Большое отступление об источниках народной драмы и ее поэтической привнесено необходимостью решить этот запутанный вопрос, который авторы рецензируемых книг толкуют поверхностно, односторонне, только на основе того, что трагедия А. П. Шопова ставилась на болгарской сцене после освобождения. По-видимому, обычным кажется создание литературного произведения на основе фольклорного еще с сохранением исторических неточностей.

В заключение следует еще раз сказать о большом значении исследования Н. И. Савушкиной, и В. Е. Гусева, создавших учебные пособия для студентов и сформировавших целостные концепции происхождения, жанровой природы и развития русского народного театра. Наличие же совпадающих точек зрения должно вести авторов к тому, чтобы добиться еще большего единства в таком сложном вопросе как влияние традиций обрядовых и игрищных явлений на становление фольклорной драмы и происхождение русского народного театра.

³² Берков П. Н. Трагедия А. П. Шопова «Смъртьта на княза Потемкина» и ее русский источник (библиографическое разыскание). — В кн.: Сборник в чест на академик Никола В. Михов. София. Издание на Българската Академия на науките, 1977, с. 19—30.

³³ Савушкина Н. И. Русский народный театр, с. 89—91.

А. Д. Дридзе

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ОБ ИНДИЙЦАХ ТРИНИДАДА (К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В ВЕСТ-ИНДИИ)

Характеризуя в свое время литературу по индийцам Тринидада, автор этих строк отмечал как существенно новую черту появление в 70-х годах работ тринидадских ученых¹. Этому в значительной степени способствовало создание в местном отделении Вест-Индского университета кафедры индийских исследований (и Центра африканских и азиатских исследований), для организации которых был приглашен из Индии профессор Дж. Ч. Джха. Он и встал во главе этой отрасли и был первым исследователем важнейших аспектов сравнительной типологии тринидадской индийской культуры и культуры тех народов Индии, откуда происходят предки современных индейцев Тринидада. Здесь, без сомнения, сыграло роль и то обстоятельство, что сам профессор Дж. Чандра Джха — уроженец Бихара — одного из главных районов эмиграции в Вест-Индию.

Нельзя сказать, что эта проблематика до Джха совершенно не привлекала внимания. Ей отдали дань и супруги Найхофф, и Мортон Класс, и И. Малик². Но профессор Джха впервые занялся скрупулезным сравнительным анализом культурных модификаций индийцев на Тринидаде и жителей Индии. При этом в отличие от Найхоффов и Класса Джха проводил исследования в масштабе всего острова. Его интересы были сосредоточены главным образом в области духовной культуры (в отличие от И. Малика, у которого ей лишь неполных 20 страниц).

Но это еще не все. Индийский ученый впервые столь основательно использовал местные архивы (точнее, то, что от них сохранилось) и особенно местную печать. И здесь у него тоже был предшественник — Д. Вуд. Но индийская тематика занимала в работе последнего сравнительно небольшую долю — лишь несколько глав в его книге, да и хронологически и тематически его исследование гораздо уже³. В то же время

¹ Дридзе А. Д. Новые работы по индийцам Тринидада. — Сов. этнография, 1974, № 2, с. 149; *его же*. Этнокультурные процессы в Вест-Индии. Л.: Наука, 1978, с. 21.

² Niehoff A. a. J. East Indians in the West Indies, Milwaukee, 1960; Klass M. East Indians in Trinidad. New York — London, 1961; Malik Y. East Indians in Trinidad. L., 1968. Характеристику этих работ см. в указанной статье автора: Сов. этнография, 1974, № 1. Там же отмечено, что предшественники были, конечно, и у этих исследователей, но монографическое изучение проблемы начали именно трое первых.

³ Wood D. Trinidad in Transition. L., 1968.

ф. Джжа к моменту возвращения на родину (конец 70-х годов) создал немало работ, посвятив своею положивших начало изучению ряда существеннейших аспектов географии, социологии и истории тринидадских индийцев. Основная тема его исследований — вопрос об «индийском наследии» на Тринидаде, т. е. прежде всего проблема культурной специфики индийцев острова. Некоторые из этих работ публиковались под разными или даже одинаковыми заглавиями, но они не повторяют друг друга, а представляют в комплексе своего рода концентрическое изучение проблемы.

К числу главных достижений проф. Джжа следует отнести широту охвата темы, благодаря тому что ему удалось сделать всего за несколько лет, мы получили сводку ширейшего фактического материала, в большинстве своем впервые введенного в научный оборот. Только его исследования дали, наконец, возможность представить динамику развития культуры индийцев Тринидада в конкретном ее выражении и в соотношении с культурой страны выхода⁴.

Помимо этих обобщающих работ проф. Дж. Ч. Джжа создал ряд исследований по более конкретным темам. Начал он с рассмотрения истории индийской иммиграции, особенно иммигрантов в условиях Тринидада (здесь обращает на себя внимание привлечение сравнительного гайанского и суринамского материала)⁵. Затем были выделены менее исследованные вопросы, на которых ученый и сосредоточил свое внимание. Этого сначала появилась работа о влиянии Народного восстания 1857 г. на иммиграцию, на тринидадских индийцев и на Тринидад в целом. Построенное на не опубликованных ранее материалах архива Колониального ведомства и на впервые привлеченных данных тринидадской печати, это исследование позволило совершенно по-новому рассмотреть проблему. Так, впервые стало известно о планах создания каторжных поселений на Тринидаде для захваченных в плен участников восстания — планов, отвергнутых, однако, из страха, что это повлияет на массу иммигрантов. Очень важны сведения о влиянии, которое оказало восстание на иммиграцию из Индии. После появления юты Дж. Ч. Джжа можно считать доказанным, что, боясь преследований, многие участники восстания устремились за океан. Отсюда и поражающая исследователей по периоду неразбериха в документах, ибо очень многие из отъезжающих вынуждены были давать о себе неправильную информацию. Очень интересны, наконец, данные о влиянии восстания на тринидадских колонизаторов, тем более что некоторые участники его были обнаружены на острове⁶. Следует добавить, что перед ним пока единственное специальное исследование на указанную тему.

Доклад по ранней истории индийских национальных организаций Тринидада, с которым автор выступил на V конференции историков Карибских стран, происходившей в Сент-Огастине (Тринидад) в 1973 г.⁷, построен преимущественно на архивных документах и тринидадской прессе. Эта работа впервые подробно показывает, как создавались национальные организации, как повлияла на них борьба народов Индии, как в этой обстановке решалась проблема индийско-негритянских отношений, содержит характеристики общественных деятелей индийцев, позволяет сделать выводы о классовом характере проводимой этими организациями политики. Доклад проф. Джжа имеет большое значение для исследования этносоциальных и этнополитических процессов на Тринидаде, да и во всей Восточной Индии: такого рода работ и по другим группам населения не встречать не приходилось.

Важнейшее значение имеет опубликованная в том же году статья проф. Джжа о тринидадском варианте праздника холи (местное его название — *пхагва*)⁸. Подробно охарактеризовав этот праздник в условиях Индии, он тщательно прослеживает те формы, которые пхагва приняла на Тринидаде. Работы по модификации различных элементов индийской культуры среди иммигрантов представляют, как хорошо известно, большую ценность и в конкретно-историческом, и в общетеоретическом плане. Проф. Джжа, первый ученый, специально обратившийся к изучению пхагвы, сумел показать, что она эволюционировала в сторону местного карнавала («фестиваля»), что праздничные элементы сближились с тринидадскими календарными. Прослежено изменение организационных форм пхагвы (создание общегосударственных комитетов и объединений, проведение конкурсов в масштабе острова, а затем и в международном масштабе, с привлечением гайанских и суринамских индийцев, превращение исполнительских групп в полупрофессиональные).

⁴ Подр. см.: Jha J. C. Indian Heritage in Trinidad.— *Journal of Social Research* 1972, v. XX, № 2; *idem*. Indian Heritage in Trinidad.— *The Quarterly Review of Historical Studies*. Calcutta, 1972—1973, v. XII, № 1; *idem*. Indian Heritage in Trinidad, West Indies.— *Caribbean Quarterly*. Mona, 1973, v. 19, № 2, VI; *idem*. Indians in the West Indies.— *India Quarterly*. New Delhi, 1974, XII—IX; *idem*. Indian Heritage in Trinidad (West Indies).— *The Eastern Anthropologist*. Lucknow, 1974, v. 27, № 3, VII—IX; *idem*. The Indian Heritage in Trinidad.— In: Calcutta to Caroni. The East Indians in Trinidad/Ed. La Guerre J. G. [L.], 1974.

⁵ Jha T. C. Indentured Indian Migration (1835—1917).— *Journal of Indian History*. Madras, 1970, v. XLVII, pt II, VIII.

⁶ Jha J. C. East Indian Pressure Groups in Trinidad, 1897—1921.— In: University of West Indies. History Conference 1973 (5th Conference of Caribbean Historians, Saint Augustine, 1973).

⁷ Jha J. C. The Indian Mutiny-cum-Revolt of 1857 and Trinidad (West Indies).— In: *Indian Studies, Past and Present*. Calcutta, 1972, v. XII, № 4, XII—IX.

⁸ Jha J. C. The Hindu Festival of Phagwa (Holi) in Trinidad and Tobago (West Indies).— In: *Journal of the Ganganath Jha Research Institute*. Allahabad, 1973, v. XXIX, 1—4 (centenary volume). О рамалиле и дивали опубликованы еще две его статьи на 1974, 1977).

нальные, а затем и в профессиональные труппы). Несомненный интерес представляют приведенные ученым гайанские и суринамские параллели (в первой из этих стран уже более 10 лет официально признана одним из национальных праздников и в ее проведении гайяны не работают).

Интересный материал по проблемам семьи содержится и в более поздней Дж. Д. Джха, посвященной весьма большому для Тринидада вопросу об официальной регистрации браков, заключенных по индуистскому или мусульманскому обряду в странах в органах записи актов гражданского состояния⁹.

Своего рода подведением итогов работ, проведенных к началу 80-х годов, является выступление проф. Джха на Индийском историческом конгрессе 1980 г., где он был избран председателем секции по «странам за пределами Индии»¹⁰. Указав, что он пришел к исследованию индийцев Вест-Индии в ходе работы над историей Южного Бихара в конце XVIII и в XIX вв. проф. Дж. Джха проводит в этом до- обзор законченных работ по индийцам Тринидада (и-части других островов), а п указывает проблемы, которые еще должны быть рассмотрены. Среди них — положение иммигрантов, роль, которую индийцы сыграли в развитии экономики Вест-Индии. Со- альные изменения в их среде в конце XIX и в XX вв., особенно после первой миро- вой войны и позднее. Эти направления стали уже традиционными, и наибольший инте- представляет, конечно, не само их перечисление, но тот новый материал, который в- водится в этой связи автором.

Так, впервые комплексно рассматривается вопрос о связях Индии с иммигранта- на Тринидаде, в частности о той роли, которую сыграли в национальном движении поздние переселенцы (например, врач из Индии Р. Шарма, занимавший здесь ведущее л- жение во втором десятилетии XX в., и инженер П. Кумар — в конце 40-х годов). Совсем не исследовались еще, по мнению проф. Джха, и выступления индийских д- ящихся в первой половине 1930-х годов, особенно в 1934 г. (последние стали да- предметом специального исследования)¹².

Но, пожалуй, наиболее ценны в докладе указания на источники по индийцам Т- нидада, либо не использованные еще совсем, либо использованные недостаточно. Про- Дж. Джха, в частности, отмечает большое значение полученных от иммигрантов уст- и письменных свидетельств, позволивших ему обратиться в архивных данных, имена, касты, места выхода и даже религиозная принадлежность переселенцев и- жались подчас до неузнаваемости. Впервые мы узнаем о тринидадских семейных арх- вах, содержащих материалы на хинди, урду и даже на майтхили (родный язык про- Джха), о таком еще совершенно не использованном источнике, как архивы христианс- миссий и церквей, работавших среди индийцев, об индийской тринидадской прессе (и- сколько нам известно, докладчик впервые указывает, вопреки многочисленным за- лениям противоположного характера, что одна газета на хинди здесь все-таки вы- дила — это «Хиндустани Кохинур ка Акбар», издававшаяся в Порт-оф-Спейне в кон- прошлого века; говорится также о выходившей с 1919 г. англоязычной «Ист Инд- Хералд» и о ее преемнице в 20—30 годах «Ист Индиан Уикли»).

Не лишены интереса и оценки проф. Джха того, что уже сделано по теме. На- сказать, что оценки эти, при отсутствии конкретных претензий к той или иной кни- 'далеко не всегда представляются оправданными, а по отношению, скажем, к моног- фии Д. Вуда — и вовсе несправедливыми. Некоторое недоумение вызывает то обстоя- тельство, что совсем не характеризуется сборник работ тринидадских ученых «Из Ка- кутты на Карони»¹³. Он упоминается лишь один раз — там, где автор ссылается на сво- опубликованную в нем статью¹⁴.

Между тем этот сборник несомненно имеет для нас первостепенное значение. Он- своего рода коллективная монография об индийцах Тринидада.

В небольшом введении видного вест-индского ученого Л. Брэсуэйта подчеркиваетс- что сборник представляет первую попытку охвата проблемы индийцев на Тринидаде- целом. Несколько подробнее эта мысль раскрывается в предисловии редактора- Дж. Г. Ла Герра. То обстоятельство, что социальное и политическое значение инд- ской проблемы в условиях Вест-Индии не получило надлежащего отражения в научн- сфере, он объясняет несколькими причинами. Негритянское происхождение почти все- интеллигенции региона, считает он, ограничило круг ее научных интересов вопросам- связанными с Африкой, рабством или с колониальной системой. С другой стороны, и ме- рополия, и вновь возникшие независимые государства исходили, по его мнению, из то- что ассимиляция индийцев — уже совершившийся факт; там же, где это мнение и- получило преобладания, индийская тема исключалась из рассмотрения вследствие- взгляда на Вест-Индию как на единое целое¹⁵. В литературе об индийцах Тринидад- Дж. Ла Герр выделяет «три потока». О первом он лишь упоминает — это колониалис- ский поток. Второй, «националистический» рассматривается более детально. Автор оти-

⁹ Jha J. C. The Background of the Legalisation of Non-Christian Marriages in Trinid- ad and Tobago.— Quarterly Review of Historical Studies. Calcutta, 1976, v. XVI.

¹⁰ Jha J. C. Presidential Address, Section IV: Countries other than India.— Indian Historical Congress. XLI Session. Bombay, 1980.

¹¹ Ibid., p. 12.

¹² Ibid., p. 13; это не совсем так: появились интересные работы В. Самару, харак- теристика которых дана ниже.

¹³ La Guerre J. (ed.), Calcutta to Caroni. The East Indians in Trinidad. L., 1972 (Далее С—С).

¹⁴ Jha J. Presidential Address. Note 37.

¹⁵ Ibid., p. X.

к этой категории издания, которые либо служили делу «политической борьбы», либо «создания нации» (nation building). Последнее определение выглядит довольно естественно. И не только потому, что ни один писавший по интересующему нас вопросу мог (даже если и хотел) остаться в своих работах вне политики (тем более если мыслится к «созданию нации», т. е., согласно принятой на Западе терминологии, к осознанию того или иного народа от колониализма). В этом «потоке» Дж. Ла Герр единяет и небольшие брошюры об индийцах, принадлежащие перу тринидадских оров¹⁶, и капитальные исследования крупнейшего тринидадского историка¹⁷, и издание, вышедшее к столетней годовщине начала индийской иммиграции¹⁸, и даже... уже миновавшую тринидадскую и индийскую периодику. Главное достоинство всех этих аний он видит в накоплении фактического материала, основной недостаток — в «отствии теории»¹⁹. Наконец, третий «поток» наиболее важный, включает, по Дж. Ла ру, уже чисто научные исследования этнографов, историков и социологов. На первом развитии этого «потока» происходили споры между двумя группами специалистов Института социальных и экономических исследований при Вест-Индском университете (около Кингстона на Ямайке) — Дж. У. Робертсом, Л. Брэсуэйтом, Майклом Смитом и Рэймондом Смитом. Если первые двое, по его мнению, занимались гла образом демографией и до накопления необходимой информации отказывались от этических обобщений²⁰, то остальные с самого начала пытались определить ктер и специфику вест-индского общества. В итоге появились две школы: во главе ой из них встал М. Дж. Смит, вторую возглавили Л. Брэсуэйт и Р. Смит. Применно к нашей теме их разногласия выглядели примерно так. М. Дж. Смит и его поователи считали, что индийцы имеют так мало общего с остальным населением Индии, что социальные изменения в их среде возможны лишь в результате насильных мер. Брэсуэйт и Р. Смит полагали, что, несмотря на различие этих групп, сущест «общий уровень стремлений» и это дает возможность преодолевать различия, не якая к насильственным мерам²¹. Таким образом, возникли две школы в исследовании вопроса: одна принимала как юсть различие культур, вторая ратовала за ассимиляцию. Результатом их деятельо стало появление первых специальных этнографических монографий. Принадлежали однако, еще не вест-индцам, а американцам уже известным нам М. Классу, супру-Найхофф, а затем и вест-индскому ученому К. Бахадурсингу и работающему в ученому из Индии И. Малику. Все они нами уже рассматривались²².

ценывая исследования своих предшественников, Дж. Ла Герр приходит к выводу, юдавляющее большинство из них либо не справились с поставленными задачами, ограничилось узкими рамками. С его оценкой, однако, трудно согласиться. Он подавет далее, что до появления редактируемого им сборника не предпринималось поохватить всю проблему в целом.

то же представляет собой сам этот сборник? Он открывается статьей Дж. Ч. Джха индийском наследии». Остановившись на ней мы не будем, так как исследования ученого уже получили оценку на предыдущих страницах настоящего обзора.

Б. Бреретон дает краткий, но насыщенный материалом очерк жизни индийцев от а вербовки до ее прекращения (1845—1917 гг.). Очерк этот построен преимуществно на литературных источниках; вводится в оборот (насколько можно судить, ые) и приведенные в двух газетных сообщениях данные о религиозной практике шев 70-х годов XIX в.

Автор следующей статьи, К. Сингх, исследует роль и место индийцев в тринидадском тве с середины 40-х годов XIX в. до середины 50-х годов XX в. В ней привлекается рнейший газетный, архивный и опубликованный документальный материал. Многие ты темы автор освещает если и не впервые, то, безусловно, подробно, чем это сделано до него. К. Сингх одним из первых пытается обобщенно истолковать осорости выступлений индийцев в защиту своих интересов, возможности и перспективы ыступлений, выделить основные моменты этнополитической ситуации на Тринидаде в. справедливо отмечая роковую роль существующей и поныне расовой разобщенна на острове, а также религиозной разобщенности внутри индийского этноса. Он, ь весьма настойчиво выделяет социально-экономический аспект проблемы, связывежде всего с ним то обстоятельство, что движение индийских трудящихся масс очило еще достаточного развития.

ажной теме посвящена статья Уинстона Дукерана «Индийцы и экономика Тринида и Тобаго». Принципиально новых положений и данных она не содержит, но убеодо подтверждает уже хорошо обоснованный исследователями 60-х годов тезис, ьменно для индийской части населения острова характерен самый низкий уровень

ьма интересна и актуальна по тематике следующая статья — «Политика и афрокие отношения на Тринидаде» Б. Самару. Если другие авторы, исследовавшие

Singh H. P. The Indian Engima. Port-of-Spain, 1964; James C. L. R. West Indians d Indian Descent. Port-of-Spain, 1965.

Williams E. History of the People of Trinidad and Tobago. L., 1964.

Kirpalani M. Indian Centenary Review. Port-of-Spain, 1945.

C-C, p. X.

С подобной оценкой работы Робертса трудно согласиться. Ее содержание на-маре названия; см.: Roberts G. W. The Population of Jamaica. Cambridge, 1957.

C-C, p. XI. Материалы дискуссии см.: Annals of the New York Academy of Sci-Jan. 1960, v. 83, art 5, p. 761—916.

Сов. этнография, 1974, № 2.

межрасовые отношения на острове, чаще всего делали акцент на факторах, привлекающих социально-экономический материал, мало интересовались проблемой борьбы, то Б. Самару и в этой, и в других своих работах²³ выдвигает на первый план именно классовый аспект, и в центре его внимания то, что объединяло индийских негритянских трудящихся. Достоинство статьи — и в том, что автор ее четко выдвигает не только классовую обусловленность солидарности негритянских и индийских трудящихся, но и те события, в ходе которых или в результате которых сформировалась солидарность: прежде всего первую мировую войну (когда довольно значительные группы небелых тринидадцев побывали в Европе, а в самом Тринидаде крайние отходили лишь противоречия между трудом и капиталом и т. п.). Следствием тех же событий Б. Самару считает и забастовочное движение 1919 г., участниками которого были негры, так и индийцы.

В 20—30 годах XX в. возникают уже политические организации на «двухрамовной» основе, выдвинувшие и руководителей нового типа (индийцев и негров); некоторые, особенно в начале своей деятельности, занимали достаточно определенные классовые позиции. В первую очередь это относится к Кришине Деонарайну (принявшему политический псевдоним имя народного трибуна Италии XIV в. Кола Риенци). В Тринидаде смертельно напугал колониальную администрацию своей приветственной программой, посланной в Москву в связи с 10-летием Великого Октября. Поздравив правительство России с достигнутыми за это время успехами, Риенци далее заверял советские люди в поддержке тринидадского рабочего класса. Губернатор поспешил доложить телеграммой и о ее авторе лично министру колоний, а затем неоднократно осведомился о дальнейших шагах Риенци, в это время руководившего отделением Тринидадской ассоциации трудящихся в Сан Фернандо²⁴ и, как утверждалось в донесении, призванного индийские организации Тринидада присоединиться «к Британской лейбористской партии и к III Интернационалу».

Несколько лет спустя тот же Риенци писал: «Только диктатура рабочего класса, движимая революционной решимостью и социалистической философией, может разрешить противоречия и создать новый общественный порядок, который обеспечит гармоничное общество, науки и сделает человечество хозяином всех тех богатств, что явились результатом его труда и изобретательности».

Существовало и более умеренное крыло, ставившее целью достижение Тринидадом автономии, а затем и прав доминиона. Руководили им такие индийские деятели, как Т. Рудал и Ф. Хосейн. И тот и другой также действовали в контакте с крупнейшими «многорасовыми» организациями колонии.

Высшим достижением трудящихся Тринидада в их антиколониальной борьбе были события 1937 г., начавшиеся с забастовки нефтяников-негров и затем охватившие и индийских рабочих-индийцев. Народные массы острова выступили под руководством негра У. Батлера и индийца К. Риенци. Выступления эти, подавленные военной силой, имели тем не менее огромное значение для дальнейшего развития Тринидада. Колониальным властям пришлось кое-что уступить. Вместе с тем, осознав крайнюю опасность объединенных многорасовых выступлений, они поспешили расколоть негров и индийцев.

Постепенно движение народных масс было обезглавлено, его лидеры, прежде всего те же Батлер и Риенци, приняты предложенные им выгодные политические посты, а движение британским колонизаторам удалось перевести в плоскость борьбы за пропорциональное представительство этнорасовых групп во вновь созданных учреждениях колонии; возникшие затем новые партии сформировались также на этнорасовой основе. Все это хорошо показано Б. Самару. Однако, анализируя причины того, почему подобная тактика удалась англичанам, автор лишь косвенно упоминает о главном: о политической незрелости негритянского и индийского отрядов трудящихся. Все (или почти все) следствия этого указаны и перечислены, однако причины в статье не фигурируют. Но тем не менее работа Б. Самару представляет большой интерес. Избрав предмет исследования именно те аспекты проблемы, которые обходят не только англо-американские, но и тринидадские специалисты, он показал истоки «межрасовой солидарности» трудящихся. Им привлечен значительный круг источников — материалы архива колониального ведомства, различных органов печати, подробных бесед с ветеранами политической борьбы. Б. Самару ввел в научный оборот множество новых данных.

Завершает сборник небольшая статья Дж. Ла Герра «Индийский средний класс сегодня». Цель автора — объяснить, почему индийские партии (прежде всего, Демократическая лейбористская партия — ДЛП, в которой индийцы решительно преобладают) добились успеха в политической жизни Тринидада. Причин приводится довольно много, но основная, по мнению автора, в том, что ни та ни другая этнорасовая группа не стала Тринидадом «плюралистическим обществом», т. е. не смогли пока преодолеть препятствия на пути к объединенным действиям. Среди индийцев, считает Дж. Ла Герра, самым большим фактором играет религиозно-политическая организация Санатан дхарма-самбха (СДСМ). Кроме того, небольшая еще прослойка образованных людей (их он называет «средним классом») оторвана от основной массы индийского населения, так как исповедует христианство, что определяет и ее иной культурно-бытовой облик.

²³ *Samaroo B. The Trinidad Workingman's Association and the Origins of the Protest in Crown Colony. — In: Social and Economic Studies, 1972, v. 20, № 2.*

²⁴ Весьма показательно, что лет за 15 до этого Ассоциация носила типично мелкобуржуазный характер, состояла преимущественно из негров и отличалась антииндийской направленностью (см. *Дридзо А. Д. Этнокультурные процессы...*, с. 180).

этого, индийцы разобщены не только по линии «индуисты — христиане», но и по «индуисты — мусульмане». По мнению автора, залог преодоления этой разобщенности — в культурной интеграции всего индийского населения. В связи с этим говорится, например, о создании при местном университете «Общества по распространению индийской культуры». Однако такая интеграция заметным образом направлена не только на индусов индийцев, но и на дальнейшее их разобщение с неграми, большая часть которых, со своей стороны, движется в том же направлении (под лозунгом «Власть черной расы» и под другими националистическими лозунгами). Отсюда, пишет Дж. Ла Герр, лидеры индийских партий (и индийских политических деятелей, включая даже тех, кто выступал в союзе с негритянскими политиками). Сейчас, продолжает он, среди индийцев существуют разногласия по поводу того, каким путем пойдет дальнейшее развитие индийской культуры (правильнее было бы сказать — этнокультурных процессов) на Тринидаде. Автор статьи выступает с позиций тех, кто считает индийскую культуру настоящей (или будущей) частью культуры общетринидадской.

Конечно, теперь, внимательно ознакомившись со сборником, мы можем оспорить уже высказанные в данном обзоре оценки авторов предисловия и введения. Это, как мы видели, не исчерпывающее исследование, в нем не охвачены многие аспекты проблемы, освещение последней неодинаково по уровню и достигнутым результатам. Вероятно, и нельзя требовать слишком многого от книги размером в 107 страниц. Но то, что сказано на этих страницах, заслуживает пристального внимания, ибо если до начала 1970-х годов мы располагали по нашей теме либо главами или разделами в общих работах (как правило, посвященных зарубежным индийцам в целом), либо монографиями, написанными на уровне одной деревни, одного графства или округа, то в это десятилетие, наряду с появлением нескольких новых общих монографий европейских или американских ученых, начинается интенсивное развитие национальной школы изучения индейцев Тринидада. Для нее характерен охват проблемы в масштабах всего острова. Этот принципиально новый подход имеет, естественно, важнейшее значение.

От цикла статей (работы проф. Джжа) к сборникам («От Калькутты до Карони») и далее уже и к монографиям (типа Бреретон)²⁵ — таков путь, проделанный школой за последние десятилетия. И интересны здесь не одни только позитивные результаты, но и спорные моменты, оценки, с которыми можно и нужно полемизировать. В этой связи нельзя хотя бы не упомянуть о том, что интересующая нас тематика была утверждена на таких общевестиндских форумах, как ежегодные конференции в Кингстоне. Так, на V конференции помимо проф. Джжа в докладе «О пробуждении политической сознательности среди индийцев Тринидада в конце XIX в.» выступил Дж. Тингх; на VII — о расселении индийцев на Тринидаде до конца XIX в. докладывала Рамесар и т. д. (издания конференций выходят на ротапринте и за пределами Вест-Индии почти не встречаются, поэтому это перечисление нельзя считать исчерпывающим).

Значительно увеличилось число статей тринидадских ученых по указанной тематике в страницах местных научных журналов²⁶. Некоторые тринидадские авторы выступили и на конгрессе американистов²⁷. Продолжалось изучение соответствующей тематики и в Индии²⁸.

Вероятно, этот список можно продолжить. Но в настоящем обзоре хотелось бы в заключение подчеркнуть, что многие еще не решенные проблемы изучения индийцев Тринидада связаны и с отсутствием на острове ученых-марксистов. В этом отношении пока отстает от Ямайки, где такие ученые уже есть и перу их принадлежат работы, давшие высокую оценку в печати. Я имею в виду монографию Т. Мунро и Д. Рамеса²⁹, а также Р. Харта³⁰.

Появление этих работ, тот высокий уровень, на котором они выполнены, позволяет считать, что в обозримом будущем мы познакомимся и с исследованиями тринидадских марксистов, в частности по интересующим нас вопросам. Ямайский пример — один из важных тому предпосылок; другая, несомненно, связана с появлением и развитием национальной историко-этнографической школы, явившейся следствием победы тринидадского народа в борьбе за независимость.

²⁵ Brereton B. *Race Relations in Colonial Trinidad (1870—1900)*. Cambridge, 1980.

²⁶ Agostino M. K. *Sexual Politics in the East Indian Family in Trinidad*. In: *Caribbean Studies*, April 1976, v. 16, № 1; Ramesar M. *The Impact of the Indian Immigrants on the Colonial Trinidad Society*. — In: *Caribbean Quarterly*, March 1976, v. 22, № 1; *idem*. *Patterns of Regional Settlement and Economic Activity by Immigrant Groups in Trinidad and Tobago*. — In: *Social and Economic Studies*, 1976, v. 25; La Guerre J. *Afro-Indian Relations in Trinidad and Tobago: an Assessment*. — In: *Social and Economic Studies*, September 1976, v. 25, № 3; Bakshi J. J. *Stereotypes of Negro and East Indians in Trinidad: a Re-examination*. — In: *Caribbean Quarterly*, March-April, 1979, v. 25, № 1—2.

²⁷ Ramesar M. D. *Factors in the Settlement of the Indians in Trinidad, 1891—1946*. — *Actes de XLII-e Congrès des Américanistes*, 1976. P., 1976.

²⁸ The Other India: the Overseas Indians and their Relationship with India/Ed. Bha Singh J. J. New Delhi, 1979.

²⁹ Munro T., Robotham D. *Struggles of the Jamaican Peoples*. Kingston, 1977; см. рецензию: Логинов Ю., Уласевич В. Ямайка: годы борьбы. — *Коммунист*, 1979, № 2.

³⁰ Hart R. *Slaves Who Abolished Slavery*. V. I. Kingston, 1980; рец. на нее см.: *Проблемы мира и социализма*, 1981, № 9.

Е. М. Маляя, Л. Х. Акаба. Одежда и жилище абхазов. Материалы для ист. этнографического атласа Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1982, 212 с.

Хотя исследование таких важнейших сторон материальной культуры народов Кавказа, как одежда и жилище, можно считать достаточно продвинутом, здесь еще сохранилось большое поле деятельности для ученых. Дело, конечно, и в том, что этнический состав Кавказа и история его народов необычайно сложны. Но не только. Как известно, Кавказ входил в зону древнейших очагов производящего хозяйства и металлургии, в связи с чем здесь рано развились оригинальные формы домостроительства, одежды, включая украшения, виды пищи, формы питания и т. д. К кавказскому материалу можно сообразно обращаться при выяснении генезиса многих вещей, бытующих даже на отдаленных от Кавказа территориях. Не следует забывать и то, что этот регион расположен на стыке культурных взаимодействий Европы, Передней Азии, Средней Азии, полосы евразийских степей. Думается, что фиксирование даже редких, нетипичных явлений в культуре народов Кавказа будет полезно и этнографам различных профилей, и историкам культур вообще.

Рецензируемая работа, написанная двумя известными специалистами-абхазоведами, удачно отражает уровень научных знаний по рассматриваемым проблемам. После прочтения книги у нас возник ряд вопросов и соображений, которыми хотелось бы поделиться в данной рецензии.

Заслуживают Е. М. Маляя являются глубокие разработки в области изучения абхазской одежды, фиксирование ею ныне исчезнувших элементов. Особое внимание обращает на функционирование одежды, ее роль как отличительного возрастного, родового, социального и ритуального знака¹. Такой же подход характерен и для рецензируемой книги. Е. М. Маляя в написанной ею части удалось не просто зафиксировать, а научно восстановить комплекс абхазского костюма, и не только его общие черты, но и хозяйственные, повседневные, праздничные, ритуальные и погребальные комплексы одежды мужчин и женщин. Не освещена, пожалуй, одна, но существенная, на наш взгляд, сторона — локальная дифференциация одежды. То огромное разнообразие головных уборов у абхазов, которое так прекрасно обрисовала Е. М. Маляя, не могло не отражать локального районирования костюма. Между тем эта проблема чрезвычайно важна для изучения этнографических групп абхазов.

Локальные варианты этнографических явлений со сходными функциями в этнографических атласах принято выделять в виде типов; однако вопросы типологии в данном издании оказались недоработанными. Тем не менее выделение Е. М. Маляя комплексов одежды, различающихся по функции применения, следует отметить как большой успех автора. Представляется, что на материале абхазской одежды можно поставить целый ряд важных для этнографов вопросов. Так, ношение абхазами одеяния как явления необходимо, на наш взгляд, соотносить с их строгим отношением к наготы, многообразно отразившемся в быту, фольклоре и даже литературе; стоит вспомнить рассказы М. А. Кербая «Аламыс», «Сильнее смерти» и др.² Существует абхазская максима: «В веках пока не войдешь, не обнажайся!»³. Безусловно, такое отношение не является чем-то исключительным для абхазов. То же самое было известно в далеком прошлом, например, у русских. Все говорит за то, что абхазское правило купаться в горах под бурей следует считать формой высокоритуализованного поведения, наложившего отпечаток и на костюм. В плане оппозиции одежда — нагота нужно рассматривать стремление прикрыть одеждой как можно большую поверхность тела, работать даже в жару без рукавов, застегнутыми на пуговицы, и т. п.

Еще одна черта абхазского костюма заслуживает особого внимания; речь идет о тесном прилегании одежды к телу. В рецензируемой книге это отмечено несколько раз, но как-то мимоходом. И. А. Аджинджал считал, что прилегающая одежда делает человека ловким и гибким⁴, имея, очевидно, в виду одежду воина. Но, как пишет Е. М. Маляя, эта черта свойственна и женской одежде (с. 67, 70, 82). Действительно, чего стоит один только *айлак* — традиционный абхазский корсет! По-видимому, именно нами особая структурная доминанта мужской и женской одежды, которая находится в оппозиции к просторной одежде мужчин — бурке. Названная оппозиция просторная одежда — прилегающая одежда выступает частью более широкой оппозиции нагота — одежда. Кстати, тесная одежда абхазов повлиять и на их обувь; ее виды хорошо представлены в рецензируемой книге (с. 56—60). Возможно, в связи с тем, что тесная одежда ограничивала движения тела, в прошлом у женщин были распространены деревянные подошвы — ходули.

Одна из интересных проблем абхазской этнографии заключается в том, что традиционный женский костюм исчезает быстрее, чем традиционный костюм мужчин.

¹ См., например, Маляя Е. М. К вопросу о семантике некоторых изображений на предметах быта у абхазов. — Изв. АБИЯЛИ, 1972, № 1; *ее же*. Некоторые традиционные элементы в современном костюме абхазов. — Там же, 1975, № 4; *ее же*. Традиционные головные уборы абхазов. — Там же, 1978, № 8.

² Лагербай М. Тот, кто убил лань. Сухуми: Алашара, 1982.

³ Гулиа Д. О. Абхазские пословицы, загадки и поговорки. — В кн.: Сб. материалы для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис, 1908.

⁴ Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии. Материалы и исследования. Сухуми: Алашара, 1969, с. 353.

тельно, это объясняется рядом исторических и социальных факторов. Но нам хотелось бы отметить еще и очевидную неразвитость головных украшений у женщин, что сочетается с ранним исчезновением у абхазов подвесок (с. 92), с одной стороны, и тщательное сохранение пояса, снабженного атрибутами воинского наряда у мужчин, — другой. У последних пояс до сих пор играет большую знаковую роль, оставаясь обязательной частью выходного костюма. В старинных воззрениях абхазов пояс имел еще и сакральные вещи, символизирующей вообще уровень обитаемого мироздания: «мы живем в среднем мире и поэтому пояс носим посередине». Ритуальное значение имели также *куры* — плетеные пояса с кисточками, тщательно убиравшиеся под одежду. Все говорит за то, что именно пояс способствовал устойчивости традиционного мужского костюма. Причины исчезновения многих элементов женской одежды не совсем ясны. Это интересный вопрос, ибо у многих народов мира обычно дольше сохраняется не мужская, а именно женская одежда.

В рецензируемой части книги приведены интересные наблюдения относительно пояса одежды, роли декоративных швов (с. 100). Заслуживает особого внимания сообщение о звенящих украшениях на ногах невесты (с. 88); происхождение этого обычая скорее всего связано с избеганием: звенящие украшения предупреждают старших о приближении молодой женщины.

Вторая часть книги, посвященная жилищу, написана Л. Х. Акаба. Этим в свое время занимался такой прекрасный знаток абхазского быта, как И. А. Аджинджал. Легко провести новое оригинальное исследование по той же теме. Между тем Л. Х. Акаба это удалось.

Можно сказать, что задачей Л. Х. Акаба прежде всего был поиск внутренних факторов эволюции абхазского жилища. В итоге автор создает типологию деревянного аркасного жилища, в которой выделенные типы по существу выступают этапами исторического развития: 1 — *акуацэ*, 2 — *апацха* или *амасар-тды* со срубным вариантом *джаргуал* и 3 — *акуаска* (с. 189).

Л. Х. Акаба аргументирует положение, что развитие жилища на территории Абхазии, если оставить в стороне древнейшие пещерные формы, протекало в формах деревянного домостроительства. Судя по цебельдинским и другим раскопкам, древнейшей техникой была плетневая с использованием глиняной обмазки (с. 139). Возраст срубной техники нам пока не известен, но описание колхидского дома Марком Витрувием свидетельствует о том, что она была хорошо известна в начале нашей эры. Обращение к истории жилищ Абхазии и соседних причерноморских областей, анализ развитых способов деревообработки, существование различных приемов сочленения деревянных частей, в частности в шип и с использованием прожженных отверстий и т. п., даже обычай зава специальной кровельной травы, необходимой для устройства скатной крыши, — все это и многое другое говорит за то, что в Восточном Причерноморье существовала устойчивая зона древнейшего деревянного строительства наземных каркасных домов со скатной крышей. Ареально и типологически эта зона противостоит зоне жилищ, стены которых были врыты в землю, а крыша несла мощную земляную кровлю. Стабилизация жилищ последнего типа осуществляется прежде всего весом тяжелой крыши, опирающейся на толстые горизонтальные балки, консоли и вертикальные столбы типа грузинских *дедабодзи*. В наземном каркасном жилище проблема устойчивости его решается иначе. Здесь приходится всячески укреплять стены, и это делают в Абхазии, как и у адыгов, с помощью ряда внешних столбов⁵. Надо думать, что круглая постройка, уходящая корнями в очамчирскую и куро-аракскую культуры, устойчивая к внешним воздействиям лучше, чем прямоугольная в плане, имела все основания сохраняться в течение столь длительного периода.

С каркасной техникой абхазов связан ряд частных, но интересных вопросов. К ним относятся наличие в древности обмазки в Цебельде и ее отсутствие в этнографически бытовавшем жилище (с. 139). Чисто технологически последнее может быть объяснено стремлением к лучшей аэрации. Но, очевидно, этого объяснения недостаточно. Обращает на себя внимание сходство некоторых конструктивных приемов постройки абхазского жилища с мегрело-лазскими, а также с техникой построения жилищ у аборигенов Крыма, если судить по известной работе Б. А. Куфтина⁶.

Как бы то ни было, факт повсеместного господства дерева как строительного материала позволил Л. Х. Акаба сосредоточиться на других аспектах эволюции жилища в Абхазии. Бросающаяся в глаза типологическая подвижность абхазского жилища всесторонне учтена автором. Хорошо показана смена структурообразующих элементов различных типов: если в более ранних жилищах в этой роли выступает очаг, то в позднейших его место занимают два помещения — балкон и гостевая комната (с. 177, 184—185, 187—189). Так на конкретном абхазском материале появилась общая закономерность развития основных функций жилища — от первоначальной функции защиты огня к созданию максимальных удобств для человека. Весьма примечательно, что в этой теплой зоне жилища прошло путь развития от замкнутого объема конусообразной хижины до прямоугольной постройки с развитыми открытыми помещениями (навесом, галереей, балконом).

Нам представляется, что эволюция типов жилища к акуаске, а также некоторые другие черты культуры абхазского жилища объясняются стремлением к открытости как фактору комфорта. Это касается и размещения построек на территории двора, которое

⁵ Аджинджал И. А. Указ. раб., с. 45.

⁶ Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Материалы и вопросы. М., 1925.

в противоположность мнению Е. М. Шиллинга⁷ свидетельствует вовсе не об «ванности жилища от внешнего мира, а скорее, напротив, о связи с людьми, по широким чистым двором — важнейший атрибут института абхазского гостеприимства».

Одно из важных положений, выдвигаемых Л. Х. Акаба, касается так называемого «длинного дома». Характерно, что по-абхазски он называется *агананы*, т. е. «ширину», а не «в длину», другое название — *апсуааны* «абхазский дом» (с. 168), говоря о генезисе такого дома, автор убедительно показывает, что агананы пришли смену многим амхара — жилищам брачных пар, а не на смену апакхе. Л. Х. Акаба фиксируется арханская в смысле техники постройка типа агананы (с. 169). Показательно, что, по мнению информаторов, именно агананы были распространены в прошлом (с. 168). Быть в таком длинном доме с несколькими комнатами и одним центральным помещением с навесом с фасадной стороны хорошо представлен в книге Ш. Д. Инал-ипа⁸.

Нужно сказать, что внимание к социальным и семейно-бытовым аспектам делает обоснованными и многие интересные выводы Л. Х. Акаба, например положение о том, что в планировке развитого жилища в трансформированном виде выступает прежняя усадьба. Стоило бы более последовательно держаться принципа социальной детерминации жилища. Так, отказ от длинных домов у абхазов, несомненно, был диктован переходом к хуторскому типу поселений. Следовало бы также обратить внимание на феодальную регламентацию типов жилищ в дореволюционной Абхазии. Известно, что феодалы запрещали крестьянам строить жилища с тремя помещениями, с несколькими дверями, короче, похожие на их собственные⁹. Хотелось бы больше узнать об интерьере (ведь он также влияет на типологию жилища) и особенно об обрядах и поверьях, связанных с домом. Мы должны также отметить, что в части, как и в части, написанной Е. М. Малия, не рассматриваются локальные формы. Незначительность локальных вариантов в конструкциях жилищ отмечал уже И. А. Жинджал. Есть все основания думать, что единообразие в абхазской материальной культуре — сравнительно позднее явление. Но какого времени? Эти и другие вопросы еще ждут внимания этнографов-абхазоведов.

Рецензируемая книга хорошо освещает основные элементы материальной культуры Абхазии и поэтому представляет важный этап в подготовке историко-этнографического атласа Грузии.

Я. В. Чед

⁷ Шиллинг Е. М. В Гудаутской Абхазии. — Этнография, 1926, № 1, с. 64.

⁸ Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми: Алашара, 1965, с. 308—309.

⁹ Там же, с. 301.

С. А. Арутюнов, И. И. Крупник, М. А. Членов. «Китовая аллея»: древности островов пролива Сенявина. М.: Наука, 1982. 174 с.

Арктическая археология — сравнительно молодая и быстро развивающаяся область археологической науки — пока не богата крупными, широко известными находками. Подавляющая часть древних памятников, известных в зоне Крайнего Севера, представлена остатками отдельных жилищ, небольших стоянок или поселений, гораздо реже — могильниками или петроглифами. Понятен поэтому тот интерес, который вызывает недавнее открытие в районе Берингова пролива, у восточного побережья Чукотки, крупного комплекса монументальных сооружений, образно названного авторами рецензируемой книги «Китовой аллеей».

Китовая аллея — грандиозное сооружение из множества объектов, построенное из черепов и челюстей гренландских китов на маленьком, ныне необитаемом острове Битыгран в проливе Сенявина. Свою основную задачу авторы книги, первооткрыватели и первые исследователи этого памятника, видели не только в его детальном описании, но и в определении назначения всего этого уникального архитектурного комплекса, выяснении этнокультурной принадлежности и уровня социально-экономической организации создавшего его населения. В археологии по отношению к типичным, массовым памятникам обычно применяют достаточно разработанную методологическую процедуру «интерпретации комплексного объекта». Однако уникальный характер Китовой аллеи, отсутствие датирующих предметов и надежных аналогов, скудость исторических сведений и фольклорного материала превратили саму процедуру интерпретации этого памятника в самостоятельное творческое исследование. Авторы смело предвзвешивают монографию замечанием о «неизбежной гипотетичности некоторых своих выводов» (с. 7). Правда, следует отдать им должное: благодаря четкой составленной программе исследования, удачно найденной логике подачи материалов их общие заключения выглядят вполне правомерными.

Решение поставленной задачи в значительной степени удалось в силу широты подхода к ней, предполагавшего рассмотрение памятника (датируемого ориентировочно серединой II тысячелетия н. э.) на фоне анализа историко-культурной и этнической ситуации на Чукотке в течение двух последних тысячелетий. Весьма важны наблюдения и общие выводы авторов, касающиеся структуры, размеров и организационных форм внутри- и межгрупповой кооперации древнеэскимосских коллективов охотников на крупных морских животных. В книге высказано мнение, что построение такого крупного и

жного архитектурного комплекса, как Китовая аллея, доказывает возможность возникновения на базе высокоэффективного морского промысла (т. е. одной из специализированных форм присваивающей экономики) даже в суровых условиях Арктики таких же форм «социальной организации, материальной и духовной культуры, которые в других районах мира были возможны лишь на базе производящего хозяйства» (158). Предлагаемая читателю точка зрения, что зависимость благополучия коллективов древних морских охотников от изменений экологической ситуации была значительно более прямой и непосредственной, чем в условиях производящей экономики, представляется справедливой. Следует отметить, что та социальная ситуация (как сказано в книге, «всплеск культурно-идеологического усложнения» — с. 160), которая привела к созданию Китовой аллеи, оказалась кратковременной. Единственным следом этого памятника в современном эскимосском фольклоре остались чисто местные этнологические интерпретации и указание, что на о. Сиклюк (Ытыгган) хранились в ямах большие запасы мяса (с. 98, 99). Представляется, что последнему факту, особенно в связи с находкой близ сооружений Китовой аллеи около 120 древних ям, в которых и сейчас имеются остатки мяса, авторы все же не уделили необходимого внимания. Ведь такая прямая перекличка археологических данных с фольклорными очень расширяет возможности интерпретации столь редкого сооружения.

Столкнувшись с уникальным культурно-историческим комплексом, каким, несомненно, выглядит в рамках арктической археологии Китовая аллея, авторы пошли, как и сами утверждают, по пути последовательного создания «системы концептуальных выводов», в которую полученные [ими] факты и материалы могли бы быть логически уложены» (с. 136). Однако вывод о назначении обнаруженных мясных ям как временных хранилищ пищевых запасов (с. 36—41) не требует обязательного противопоставления другим гипотез о функциях Китовой аллеи: либо как центра сезонных ритуалов реконструируемого авторами гипотетического древнеэскимосского мужского союза (с. 148), либо (что выглядит гораздо более естественным) как одного из центров сезонной жизни жителей нескольких поселков (с. 132, 143). Указывая, что аллея в прошлом могла быть «помимо чисто ритуального содержания также и какое-то другое, более рациональное, социальное, экономическое и коммуникативное значение» (с. 36), авторы в дальнейшем тексте все более определенно склоняются к чисто ритуальной трактовке памятника. Так, они прежде всего опровергли свое собственное допущение, появившееся в ходе логического анализа, что Китовая аллея «была в первую очередь сезонным центром охоты, т. е. местом регулярного сбора, стоянки, а затем и разделки китов группами охотников из нескольких соседних селений» (с. 143). Для доказательства несостоятельности этого допущения выдвигаются следующие положения: 1) отсутствие китов и эскимосского китобойного промысла в проливе Сенявина в конце XIX в.; 2) отдаленность крупных древних поселений, которые могли бы в прошлом выставлять достаточное число участников для китовой охоты и разделки туш; трудности транспортировки убитых в районе Китовой аллеи китов в эти места; отсутствие на окрестных берегах следов массовой разделки животных.

Лишь находки скоплений китовых костей, по мнению авторов, могут подтвердить истинность в этих местах китового промысла в древности. А раз таких подтверждений нет, строительный материал для сооружений Китовой аллеи — черепа и нижние челюсти — должен был доставляться морем издалека, из какого-то иного промыслового центра, где интенсивно осуществлялась разделка китовых туш. При этом авторы признают, что идея перевозки китовых костей и черепов на большие расстояния представлялась всем их временным информаторам смешной и нелепой» (с. 133). Однако эта идея в книге все же отстаивается, и в ее подтверждение приводится ряд весьма остроумных доводов. Предложенная гипотеза, безусловно, интересна; однако думается, что более убедительные аргументы в ее пользу могут дать лишь дальнейшие тщательные исследования памятника. То же относится и к положению, что отдельные группы вертикально стоящих китовых черепов и челюстей могли использоваться как фиксированные места хранения промысловых байдар из разных поселков. Нуждается в обосновании и гипотеза о назначении ряда столбов из китовых челюстей, который протянулся к Китовой аллее с востока вдоль южного берега о. Аракамччен (с. 65—67, 152).

Пожалуй, одно из наиболее ценных качеств рассматриваемого исследования заключается в том, что в широкий круг вопросов вовлекаются данные не только исторические, но и естественно-научных дисциплин. В то же время постановка ряда историко-культурных проблем, поиски «специфических» (с. 134) для конкретной этнической среды признаков рассматриваемого памятника особенно четко определенно вызывают необходимость посмотреть на него с более широких культурологических позиций, прежде всего с точки зрения общих закономерностей эволюции взаимодействия человека и природной среды. Так, в тексте книги как бы попутно разбирается вопрос об отсутствии (или слабости) традиций ритуального использования китовых черепов и костей у древних эскимосов (с. 117, 118) и о преимущественном их использовании как строительного материала для утилитарных построек (жилищ, хранилищ для мяса и т. п.). Вспомним, что черепа животных мамонтов и шершести носорогов применялись для постройки палеолитических жилищ (стоянки Мезин, Мальта и др.), а также специфический характер изображения животных в палеолитическом искусстве. Дело в том, что при изображении чисто промысловых животных облик их обычно не бывает индивидуализирован: он в разной степени схематизирован и передает общие черты вида. Аналогично в некоторых бытовых предметах, в конструкции жилищ между палеолитической культурой Евразийского материка и эскимосами известны в науке давно. Однако наблюдения и выводы авторов, фиксируемой книги об организации охоты на крупных морских животных, разрозненных человеческих коллективов, оптимальных для такого рода деятельности и т. п., могут быть более широко использованы при исследовании хозяйства и социальной организа-

ции охотников на крупных наземных млекопитающих приледниковой тундры в палеолитическую эпоху.

Не менее важны аналогии подобного рода при изучении проблемы оседлости и кочевничьего населения, устойчивости крупных коллективов, а главное проблем, связанных с получением и использованием избыточной продукции в эпохи изобилия пищевых ресурсов, когда у древних охотников высвобождались значительные периоды времени индивидуального и коллективного творчества. Если дальнейшие исследования подтвердят чисто ритуальный (а не производственно-социальный) характер сооружений Китовой аллеи, то это будет весьма важный шаг на пути к новой интерпретации гигантских пещерных подземных галерей петроглифов и скульптурных изображений, созданных первобытным человеком в других районах мира. Чрезвычайно перспективным представляется и другое направление поиска аналогий: сравнение сооружений Китовой аллеи первобытными монументальными архитектурными комплексами, которые исследователи в последние десятилетия стремятся увязать с разного рода астральными комплексами и практикой первоначальных астрономических наблюдений.

«Исследования Китовой аллеи продолжаются...» (с. 164). Эта, казалось бы, обобщающая фраза, завершающая монографию, открывает широчайший простор для дальнейших наблюдений и выводов. Оценивая в целом монографию «Китовая аллея», прежде всего следует отметить творческий и разнообразный подход авторов к избранному объекту исследования, их большую целеустремленность и увлеченность, а главное, намеченными широчайшие перспективы дальнейшего поиска.

П. М. Козлов

НАРОДЫ АФРИКИ

С. Б. Чернецов. *Эфиопская феодальная монархия в XIII—XVI вв.* /Отв. ред. Д. А. Ольдерогге. М.: Наука, 1982. 308 с.

Монография С. Б. Чернецова в значительной степени заполняет тот пробел в наших знаниях о развитии феодализма на Востоке, который до сих пор составляла Эфиопия. Важность и актуальность исследования несомненны. Оно представляет не только академический, но и практический интерес. Ведь многие политические, этнические, социальные и культурные проблемы сегодняшней Эфиопии коренятся в ее недавнем феодальном прошлом. Без изучения феодализма и всех его институтов в Эфиопии в их взаимодействии невозможно выявить ни общие закономерности исторического процесса в этой стране, ни его своеобразие.

Хронологически работа ограничена рамками XIII—XVI вв., т. е. периодом относительно раннего развития эфиопского феодализма. Вопрос о генезисе феодализма в Эфиопии обрисован лишь в общих чертах во введении. Автор объясняет это крайней скудостью источников по Аксумскому периоду (I—VIII в. н. э.), к которому восходят истоки эфиопского феодализма. Представляется, однако, что дело здесь не только в скудости источников, но и в их специфике. Исследователи Аксумской цивилизации в первую очередь опираются на данные археологических раскопок, эпиграфики и нумизматики. Аксумистика превращается в особую отрасль востоковедения со своими методами исследования, требующими и соответствующей подготовки. То обстоятельство, что автор ограничил свою работу указанными хронологическими рамками, только добавляет честь его научной добросовестности.

Вместе с тем положение автора о том, что ростки феодальных отношений появились уже в аксумские времена вдоль караванных путей, находившихся под прямым контролем аксумских царей и их наместников (с. 6), представляется плодотворным и перспективным, хотя и требует еще дальнейшей разработки и более подробного обоснования.

На бывшей аксумской периферии развитие объективно пошло феодальным путем внеэкономического подчинения местного земледельческого населения (в основном агау по этнической принадлежности). Это обстоятельство прекрасно объясняет, почему и после крушения Аксума эфиопское общество, отрезанное от побережья и торговли с Красным морем, не утратило ни своей государственности, ни своей культуры, ни своей религии.

В истории раннефеодального государства, образовавшегося к XII в. в районе южного Тигра, при династии загвеев, многое еще остается неясным. Но сущность исторического процесса, протекавшего в период правления загвеев, изложена автором достаточно подробно: постепенная апроприация царями этой династии свободных общинников, обращение их в христианство, постепенная монастырская колонизация лежавших к югу земель (в областях Амхара и Шоа), возникновение и быстрое развитие мусульманских торговых городов-государств вдоль караванного пути, тянувшегося из глубины континента к Аденскому заливу. То, что «экономические преимущества оказались на стороне агау», слабо контролировавшегося загвейской династией, обусловило в конечном счете по мнению автора, скорое падение загвеев.

Более подробно и аргументированно изложена в книге история развития феодализма с конца XIII по XVI в. включительно. Объясняется это в первую очередь наличием значительно большего количества нарративных источников, как эфиопских, так и иностранных. Это и эфиопские «царские хроники» XIV—XVI вв., и монастырские хронографы, и жития святых, и сообщения европейских путешественников, прежде всего наблюдательного и словоохотливого духовника португальского посольства 1520—1527 гг. в Эфиопии Франсишку Алвариша.

Разумеется, эти источники, как замечает автор, «сосредоточивают свое внимание преимущественно на придворной или монастырской жизни» (с. 5), давая сведения главным образом о верхушке эфиопского общества. И здесь нужно отдать должное автору исследования. Он не только владеет источниками во всей их полноте, но и умеет тонко понять их, оценить иногда с совершенно неожиданной стороны и критически осмыслить.

В главе «Укрепление власти и расширение державы новой династии потомков Йекуно-Амлака (конец XIII—первая половина XIV в.)», открывающей основной текст книги, автор подробно рассматривает процесс быстрого расширения Эфиопской державы при новой династии «соломонидов», сменившей заглавную в 1270 г. Столкновение со встречной мусульманской экспансией объяснялось прежде всего стремлением эфиопских царей обеспечить контроль над торговыми путями, заставить местных мусульманских правителей признать свою вассальную зависимость, выражавшуюся в выплате дани и признании верховной власти эфиопских царей. Затяжная и упорная борьба между христианством и исламом в районе Африканского Рога, объясняемая обычно религиозным противоборством, получает у С. Б. Чернецова убедительное социально-экономическое объяснение. Много внимания уделяет он здесь и вопросам внутренней реорганизации Эфиопской державы, развития феодальных отношений вглубь за счет укрепления вассалитета. Господствующим видом вознаграждения за службу становятся земельные пожалования, два типа которых (*рыст* и *гуль*) четко описаны в монографии. Особо следует отметить вскрытый автором факт довольно длительного сосуществования вассалитета (царские полки и военачальники) и вассалитета без ленных отношений (местная знать, которая, выплачивая дань, чувствовала себя практически независимой от центральной власти). Большое значение имело отмененное в книге наличие «царского домена» (с. 34), состоявшего главным образом из земель южных провинций — Амхары и Шлоа. Именно домен был источником тех земельных пожалований, которыми царь вознаграждал своих вассалов за их службу. Здесь стоило бы привести очень, на наш взгляд, ценное наблюдение Алвариша, почему-то упущенное С. Б. Чернецовым из виду: «Мы узнали наверняка и видя это во многих местностях, что Пресвитер Иоанн владеет в большей части своих царств большими пашнями и землями, подобными королевским землям в наших краях. Эти земли, или царская вотчина, вспахиваются и засеваются его рабами с помощью его собственных быков»¹. Подробно рассматриваются в монографии процесс монастырской колонизации южных областей, протекавший параллельно с феодальным освоением их царской властью, а также конфликт, который был вызван столкновением этих двух сил. Под пером монастырских летописцев указанное противоборство приняло вид незаконных гонений нечестивых царей на святую церковь. Как ни странно, монастырская традиция довольно прочно укоренилась и в научной историографии. Внимательный анализ источников позволил автору восстановить историческую истину, вскрыв экономическую подоплеку конфликта.

В главе «Реформа царя Зара Якоба. Предпосылки и сущность» автор рассматривает причины и сущность знаменитых государственных и церковных реформ 1434—1468 гг. Вызваны они были объективными потребностями общественного развития, требовавшими большей консолидации эфиопского государства перед лицом опасности со стороны все более усиливавшегося мусульманского султаната Адал, который стал серьезным препятствием для распространения феодальных отношений вширь. Зара Якобу удалось прекратить церковный раскол между крупнейшими монастырскими конгрегациями (евстафианами и дабра-либаносцами), укрепить на время авторитет центральной власти, создать новую систему управления, которую автор называет «дворцово-вотчинной» (с. 115). В целом это была попытка установить самодержавную власть в пределах всего государства. Причины конечной неудачи Зара Якоба С. Б. Чернецов видит в отсутствии в тогдашней Эфиопии тех социальных сил, которые в Западной Европе в XV в. уже образовались (бюргеры и ремесленники). В книге указана еще одна важная причина отставания в развитии общественных отношений в Эфиопии, своеобразной консервации феодальных отношений. Это, по мнению автора, изолированность Эфиопии от мировой торговли, сохранявшаяся практически вплоть до середины XIX в.

В главе «Кризис эфиопской феодальной монархии в XVI в.» исследуются причины, а также внешние и внутренние предпосылки краха эфиопской феодальной монархии в XVI в. в результате мусульманского нашествия во главе с Ахмадом ибн-Ибрагимом ал-Гази. Главную причину кризиса автор видит в феодальной реакции на «централизаторские» усилия Зара Якоба, которая сказалась сразу же после смерти властного царя. Ослабление центральной власти, соперничество крупных феодалов, придворные интриги расшатывали эфиопское государство и ослабляли его военную мощь как раз в тот исторический момент, когда в водах Красного моря появился турецкий флот, а побережье Африканского Рога стало ареной морской войны между португальцами и турками.

Ввиду возраставшей угрозы эфиопский двор стал искать союзников, видя их, естественно, прежде всего в португальцах. Автор подробно излагает историю эфиопско-португальских отношений. Прослежено и внутреннее развитие мусульманских торговых

¹ Alvarez F. Narrative of the Portuguese Embassy to Abyssinia during the Years 1520—1527/Ed. Lord Staley of Alderly. L., 1881, p. 149.

городов-государств Африканского Рога. В них в связи с общим упадком блокированных португальцами красноморской торговли усиливаются позиции воинственных эмиров, опиравшихся на недовольные обнищанием городские низы и воинственных кочевников (сомалийцев и афаров). С. Б. Чернецов показывает, как в этих условиях вырастала идея *джихада* — священной войны против христианского царства.

Эта тема продолжается в главе «Разгром и возрождение эфиопской феодальной монархии в XVI в.». Здесь подробно анализируются причины военных поражений Эфиопской державы. Основную их причину автор видит в феодальной раздробленности Эфиопского общества, в своего рода местничестве крупных феодалов и царских полков, квартированных в различных областях державы, в слабости центральной власти. Подчеркивается (что, на наш взгляд, очень важно) огромное значение морального фактора роковым образом сказавшегося на ходе событий. Глубокая апатия народа, который страдал от усиливавшегося гнета местных феодалов и опустошительных набегов мусульман, конечно, не способствовала военным успехам христианского воинства, массами перешедшего в ислам. Тем не менее военные успехи мусульман не увенчались окончательным завоеванием Эфиопии и созданием мусульманского теократического государства, к чему, видимо, стремился имам Ахмад. Местного, эфиопского государственного аппарата, который можно было бы использовать, по существу не было. Собственного административного аппарата имам не мог создать; его военачальники после походов отсылали ему положенную часть добычи, но были совершенно неспособны к управлению. Расселенные со своими войнами по провинциям, они только грабили местное население, иногда безжалостно уничтожая его или продавая в рабство.

В этой же главе подробно изложена героическая эпопея португальской экспедиции Криштована де Гамы, предпринятой по просьбе эфиопского царя Лебна Денгеля. Автор отдает должное мужеству 400 португальцев, доказавших, что *малласаев* (адалские воины) можно одолеть, хотя окончательная победа эфиопов объясняется в книге «широким народным движением», которое действительно недооценивалось европейской эфиопской историографией.

С гибелью имама в решающей битве 22 февраля 1543 г. военное могущество мусульман не было автоматически сломлено, но война, как подчеркивает автор, настолько ослабила самих мусульман, что они уже не смогли устоять под натиском надвигавшихся с юго-востока на Африканский Рог кочевых племен оромо, значительно изменивших этническую карту Эфиопии. В самой Эфиопии «краткий период объединения перед лицом общей опасности также подошел к концу» (с. 255). И лишь искусная внутренняя политика Сарца Денгеля (1563—1597 гг.), сумевшего сыграть на феодальных противоречиях, восстанавливает на время авторитет и могущество царской власти.

В заключение С. Б. Чернецов делает вывод о том, что к концу XVI в. в Эфиопии окончательно сформировались класс феодалов и основные группы феодально-зависимого населения, установился сюзеренитет царя, выработались разнообразные права и обязанности по вассалитету.

Несколько мелких замечаний.

1. Начало правления династии загвеев автор относит к 1137 г. Эта дата почему-то становится общепринятой в эфиопистике, хотя никакого серьезного документального обоснования она не имеет. Впервые предложил ее Конти-Россини в 1929 г. в своей «Storia d'Etiopia» (р. 303), взяв за основу эфиопские источники, отводившие загвеев к минимальный срок правления — 133 года. В других источниках время их правления определяется в 300, 330 лет и более. История загвеев еще слишком плохо изучена, чтобы без всяких оговорок принимать за начало их правления 1137 г.

2. Эфиопскому Абальэз соответствует арабское Абу-л-'Изз, а не Абу-ль-Азиз (с. 36).

3. Вместо аль-Табризид (с. 135) следует писать ат-Табризид. Автору следует обратить больше внимания на правильную передачу арабских имен.

4. В передаче эфиопских имен (собственных и географических названий) автор, по его словам (с. 5), следовал Б. А. Тураеву. Особых возражений это не вызывает, хотя работа еще раз убеждает в необходимости выработки единой русской транскрипции для языков гез и амхарского. Разнобой в существующих работах в этом отношении слишком велик.

В краткой рецензии невозможно, разумеется, дать исчерпывающую оценку исследования С. Б. Чернецова. Следовало бы, например, отметить оригинальную трактовку происхождения эфиопского «династического романа» XIV в. «Славы царей» (с. 35—41); глубокий анализ «евстафианства» и «ереси стефанитов» — движений, подспудный социальный характер которых по существу впервые выявлен автором (с. 85—99, 106—114); а также многие другие сюжеты.

Написана работа живым, образным языком. События в рамках теоретических построений изложены интересно, художественно.

Иллюстрации (перерисовки с эфиопских книжных миниатюр, выполненные художником Т. Л. Юзепчук) удачно подчеркивают тот национальный эфиопский колорит, который столь ярко проявляется в пространных выдержках из памятников эфиопской средневековой литературы.

Книга с удовольствием будет прочитана специалистами-востоковедами и широким кругом читателей, интересующихся судьбами дружественной нам страны. Хотелось бы надеяться, что автор продолжит свое исследование, доведя его до XIX в.

В. М. Платонов

The Forming of Ch. Darwin's Views on the Origin of Man in the Course of His Elaboration of the Theory of Evolution

Three periods may be distinguished in the forming of Darwin's views on the origin of man prior to the publication of «The Origin of the Species».

The first is Darwin's round-the-world voyage which gave him the opportunity of observing a large number of primitive peoples in their natural habitat. During this period he acquired a wealth of knowledge about the variations of characteristics in people belonging to different human races, about their similarities and differences. This gave rise to the idea of a connexion of the distribution of human races and race-originating factors with the geographical environment.

The second period, from Darwin's return to England to the close of the thirties, was the time when the fundamentals of the evolution theory were laid and Darwin's attention became inexorably fastened to man: he was constrained to include man in the sphere of action of the regularities governing the development of organic life. It is in this period that the idea of the animal origin of man becomes formed and a circumstantial plan of its corroboration is developed.

In the third period, beginning with the early forties and up to the publication of the «Origin of the Species», the hard work required for processing the immense material that Darwin had gathered with regard to the main aspects of the evolution doctrine — natural selection, heredity and variability — relegated the problem of man's origin to the background.

V. P. Alexeyev

On Certain Socio-Ethnic Aspects of the Evolution of Festive Ritual Culture in Uzbekistan

The paper deals with certain socio-ethnic aspects of the process by which Uzbek traditional festive rituals underwent transformation in the Soviet period. The study had as its object life cycle rituals (those connected with birth and marriage), communal festivals and their role in the raising of new generations, the modern functioning of festivals retained from the old calendar. The author concludes that the rise of the present-day festive ritual culture forms an integral part of the process of ethnic evolution. The study of this problem engenders the posing of a wider range of problems: those of social innovations, the internationalization of socio-cultural conditions of the development of nations, the reflection of general and particular features in the spiritual culture of our country's peoples and the equalisation of the level of their cultural development.

L. A. Tultseva

The Dual Organization among the Volga Kalmucks

In representing the dual organization as a manifestation of «subordination forms» (K. Marx's expression) the author examines its role in the process of class formation among nomadic peoples. It is not the actual division of society into an even or uneven number of component parts that interests him but the social content of these parts. The dual composition of primitive societies based upon exogamous links gave place to an analogous structure but one based upon a territorial socio-political division. The right-hand part of each nomadic society was the privileged part as against the left-hand one.

In the course of time the dual organization gradually became transformed into a triadic one. Its new element, the middle, came into being as a result of the right-hand and left-hand parts drawing closer together, a privileged stratum arising in each of them. In substantiation of this view the author offers a reconstruction of the social relationships (the triadic organization) of the Volga Kalmucks. In modern times this was expressed in the interrelation between the *Khuuchin Albatu* (the primary subjects) and the *Orulkh Albatu* (the newly adjoined subjects).

It is the stability of collective forms of exploitation (the dual structure) that form the specific feature of class formation in nomadic societies.

A. I. Karagodin

The influence of the ideas and problems of ethnology over contemporary history study is most pronounced and particularly fruitful in mediaeval studies especially if study of the history of mentalities (*mentalités*). The author touches upon such as of this problem as «childhood», «family», «attitude towards death», «popular culture». At the same time, he notes that the relations between ethnology and history have their contradictions, that for historical knowledge as such there may arise a certain danger — the losing its inherent specificity; in particular the interest of historians in the internal contradictory character of the evolution of European societies in the Middle Ages and the stresses that form their integral features may become weakened. The difference in approach between the historian and the ethnologist is illustrated by an analysis of the «Carnival in Romans» (*Carnaval de Romans*) by Emmanuel Le Roy Ladurie (Paris, 1977).

A. Ia. Gurev

**Myth Analysis by C. Lévi-Strauss: Primitive
Thinking and Ethnographic Context**

The purpose of the article is to describe the peculiar operations of primitive thinking uncovered by Lévi-Strauss in the transformations of mythologemes. The author distinguishes three such operations: the merging of binar oppositions, inversions, the use of a mediator. In conclusion, the operational possibilities of mythological thinking are compared with the requirements of conceptual thinking; this leads to the view that the measure of synchronism of primitive thinking depends upon its connexion with the ethnic cultures with which the myths are functioning.

A. B. Ostrowski

**An Attempt at Comparing Craniological Material
with Modern Populations as to Certain
Somatological Characteristics**

A more or less direct comparison between somatological and craniological observations is a vital problem in modern anthropology. The solution of this complex problem will provide a valuable source of historical knowledge.

One of the paths leading towards this goal is the study of the correlations between the facial tissues and their osseous base and, stemming from this, the further development of the reconstruction method which represents a plastic or graphic expression of our knowledge in this field.

Research carried out by the authors has made it possible to build up series of reconstructions reproduced according to a single standard plan. Such series may be processed by variation-statistical methods with the result of getting not merely a verbal description but one expressed in points. The work is based on craniological collections and modern populations located in the same area and relatively close to one another in a chronological aspect. Widely differing racial groups were used: Caucasian populations (Pamir highlanders) and Mongoloid ones (forest Chukchas, coast Chukchas, Eskimos, Buryats). The comparison was drawn both by the method of photograph matching and by V. V. Bunak's method.

Analysis of the results has shown that it is possible, for purposes of diagnosing race, to compare a number of important morphological characteristics of the facial tissues by the method of anthropological reconstruction using the same classification for early and modern populations.

I. M. Zolotariova, G. V. Lebedinskaya
N. K. Morozova

**The Place of the Village (Territorial) Community
in the Social Machinery by Which Tradition
is Formed, Preserved, and Changed**

The role of the territorial community in ethnostabilizing processes is examined. The author shows the importance of taking into account small social groups (formal or other-

se) in elucidating the processes of forming, preserving and transmitting traditions. The means by which the community accumulates and applies traditions are examined in the paper. Among them the particular role of public opinion is distinguished and it is shown how this is formed in a village community.

M. M. Gromyko

**Academician B. V. Asafyev as an Ethnomusicologist
on His Hundredth Birth Anniversary]**

In the immense heritage of the musical studies by Boris Vladimirovitch Asafyev (1884—1949) the author particularizes those which first permit us to regard him as an ethnomusicologist. The author traces the biographical landmarks in the rise of Asafyev as an ethnographer in music lore, the first professor in the field of «Russian folk music» (from 1919); the scholar's major works in the field of «oral tradition music» (as he defined folklore) are commented upon: in these he describes his intonational approach.

Asafyev's theory of intonation stems from the recognition of music as a specific kind of human thinking possessing its own language (the «intonation vocabulary»). Most important in intonation as a meaningful phenomenon is the unity of the musical and the social, a reflection of the unity of culture and thinking. The approach to musical facts based upon this concept permits us to correlate them informally with the data of specialists in contiguous disciplines — ethnographers, historians, archaeologists, linguists, thus forming an ethnomusical platform for genuinely integrated research into problems of ethnogenesis and ethnic history, the origins and semantics of rituals, genres and whole genre systems.

I. I. Zemtsovsky

CONTENTS

V. P. Alexeyev (Moscow). The Forming of Ch. Darwin's Views on the Origin of Life in the Course of His Development of the Theory of Evolution. L. A. Tultseva (Moscow). On Certain Socio-Ethnic Aspects of the Evolution of Festive Ritual Culture in Uzbekistan. A. I. Karagodin (Zaporozhye). The Dual Organization among the Kalmucks. A. Ya. Gvich (Moscow). Ethnology and History in Present-Day French Mediaeval Studies. A. B. Ostrovsky (Leningrad). Myth Analysis by C. Lévi-Strauss: Primitive Thinking in Ethnographic Context. I. M. Zolotariova, G. V. Lebedinskaya, N. K. Morozova (Moscow). An Attempt at Comparing Craniological Material with Modern Populations and Certain Somathological Characteristics.

Discussions

M. M. Gromyko (Moscow). The Place of the Village (Territorial) Community in Social Machinery by Which Tradition is Formed, Preserved, and Changed.

From the History of Ethnography

I. I. Zemtsovsky (Leningrad). Academician B. V. Asafyev as an Ethnomusicologist (to His Hundredth Birth Anniversary).

Communications

V. V. Sazhin (Kharkov). Determining the Degree of Closeness in the Geographical Distribution of Ethnoses. R. Z. Rizvanov (Kussary, Azerbaijan SSR). Some Materials on Lesghian Onomastics. D. D. Tumarkin (Moscow). To the History of the toponym «MacLay Coast». M. F. Chigrinsky (Leningrad). On the Negritos of Taiwan.

Searchings, Facts, Hypotheses

V. V. Pokshishevsky (Moscow), M. V. Ossorina (Leningrad). Like Children of Different Peoples Are Drawing...

Visiting: an Ethnographic Journal from Abroad

S. Musiat (Bautzen, DDR). The Lëtöpis Annual (Series «C») and Lusatian Ethnography (to the 30th Anniversary of the «Lëtöpis»).

Our Anniversaries

A List of Major Publications by V. I. Kozlov, Doctor of Historical Sciences (to His 60th Birthday).

Academic Life

V. Frolec (Brno). The Activities of the International Commission for the Study of Popular Culture in the Carpathian and Balkan Area (to Its 25th Anniversary). M. V. Baykova, I. M. Kuznetsov (Moscow). Dialectics of the National and the International in the Spiritual Life of Soviet Man — a Conference. N. V. Yukhneva (Leningrad). Ethnography of St. Petersburg — Leningrad — a Conference. Expeditions in Brief.

Criticism and Bibliography

Critical Articles and Reviews. A. M. Dubiansky (Moscow). Soviet Studies in the Deciphering of Proto-Indian Texts. A. Z. Rosenfeld (Leningrad). New Publications in the Ethnography of Middle Asia. T. M. Akimova (Saratov). Russian Oral Popular Drama and the Russian Folk Theatre: Studies by Soviet Folklore Researchers in the Late Seventies. A. D. Dridzo (Leningrad). New Literature on the Trinidad Indians. Peoples of the U.S.S.R. Ya V. Cesnov (Moscow). Ye. M. Maliya, L. Kh. Akaba. Dress and Dwellings of the Abkhaz. (Materials to the Historical-Ethnographic Atlas of Georgia). P. M. Kozhin (Moscow). S. A. Arutiunov, I. I. Krupnik, M. A. Chlenov. The «Whalebone Alley»: Antiquities in the Senyavin Strait. Peoples of Africa. V. M. Platonov (Leningrad). S. B. Chernetsov. The Ethiopian Feudal Monarchy in the 13th to 16th Centuries.

Технический редактор Беляева Н. Н.

Сдано в набор 10.07.84	Подписано к печати 28.09.84	T-13363	Формат бумаги 70×108
Высокая печать	Усл. печ. л. 15,4	Усл. кр.-отт. 44,5 тыс.	Уч.-изд. л. 19,0
		Тираж 2842 экз.	Зак. 4116

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

521-29

ВОЛОГДА

ПОЧТЕ

70845

2 ЭКЗ

Цена 1 р. 90

Индекс 70845

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА»

имеются в продаже:

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ. 1975. 238 с. 1 р. 55 к.

Сборник содержит материалы по этнографии латышей, литовцев и эстонцев, сведения о сельских поселениях, постройках для скота, мельницах, льноводческих орудиях труда, способах уборки и обмолота ржи. В работе на основе изучения элементов материальной культуры сделаны выводы о развитии культуры народов Прибалтики, о культурных взаимосвязях народов Прибалтики с соседними народами.

Исследование рассчитано на историков, этнографов и географов.

ЭТНОГРАФИЯ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В СИБИРИ, XVII — СЕРЕДИНА XIX В. 1982. 270 с. 2 р. 30 к.

Заселение и хозяйственное освоение огромных пространств Сибири русскими крестьянами и служилыми людьми, своеобразие жизненного уклада русского населения Сибири — такой комплекс проблем рассматривается авторами. На основе тщательного изучения редких документов, источников, записок в книге анализируется семейный быт сибирского крестьянства, его поселения, жилища и хозяйственные постройки, одежда. Издание богато иллюстрировано.

Работа предназначена для историков, этнографов, географов, фольклористов, а также работников краеведческих музеев.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 343900 Краматорск, Донецкой области, ул. Марата, 1; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул. 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 50 ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.